

ВѢСТНИКЪ

ВЪСМІРНОЙ ИСТОРІИ

ЖЕМЬЯЧНЫЙ

ЖУРНАЛЪ

№ 3.
1901 г.

Второй годъ изданія.

Для слѣдующаго нумера намѣчены статьи:

- 1) „Лже-Павель Петровичъ“—*Е. Д. Витте.*
2) „Подъ Евпаторіей“—(Изъ воспоминаній о Крымской кампаніи) *В. Н. Смирнова.*
3) „О земскомъ строѣ древне-русскаго государства“—*А. Е. Мерцалова.*
4) „О свободѣ чувства и выбора въ бранѣ“—*П. Левицкаго.*
5) „Изъ дальнихъ лѣтъ“.—(Очерки и воспоминанія студенчества)—Видѣніе.—*Caput dolet.*—*М. В. Головинскаго.*

Статья „Первый проектъ освобожденія“ по обстоятельствамъ отъ редакціи независящимъ, отлагается до слѣдующаго нумера.

ПРИМѢЧАНІЕ. Вышеуказанный перечень не имѣетъ исчерпывающаго значенія и статьи могутъ быть замѣнены редакціей. Отложенныя статьи печатаются въ слѣдующихъ нумерахъ.

Контора редакціи покорнѣйше проситъ г.г. годовыхъ подписчиковъ, еще не получившихъ приложенийъ, указать, не позднѣе выхода слѣдующей книжки журнала, которое изъ бесплатныхъ приложенийъ они желаютъ получить.

Безъ заявленій о выборѣ приложенія не высылаются.

Вышло изъ печати и поступило въ продажу новое изданіе журнала

„Вѣстникъ Всемирной Исторіи“

„ОТКРЫТІЕ КИТАЯ“

и др. статьи академика *В. П. Васильева.*

Посмертное изданіе съ портретомъ автора.

Цѣна 1 руб. съ пересылкою.

КНИГОПРОДАВЦАМЪ УСТУПКА.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на 1901 годъ

НА ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ПОПУЛЯРНО-НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ЭНЦИКЛОПЕДІЯ

24 книги въ годъ, выходящихъ 10 и 25 числа каждаго мѣсяца.

Задача популярно-научнаго журнала «Энциклопедія» — давать своимъ читателямъ общедоступное чтеніе по всемъ отраслямъ знаній, слѣдить за движеніемъ современной мысли и знакомить читателей съ современной литературой и искусствомъ. Статьи будутъ иллюстрированы художественными рисунками, необходимыми для нагляднаго поясненія текста.

Особенно богатый библиографическій отдѣлъ будетъ давать обстоятельные отчеты, съ необходимыми краткими изложеніемъ содержанія, о новыхъ выдающихся произведеніяхъ русской и иностранной литературы, такъ что каждый читатель всегда будетъ въ курсѣ современной литературы, науки и искусства всего цивилизованнаго міра.

Постоянными отдѣлами журнала «Энциклопедія» будутъ:

I. Популярно-научныя статьи, очерки и разсказы изъ области естествознанія, географіи, народовѣдѣнія, путешествій, технологіи астрономіи и проч. Новѣйшія открытія, изслѣдованія и изобрѣтенія.

II. Библиографическій отдѣлъ, заключающій въ себѣ:

а) Оригинальныя и переводныя статьи о движеніи современной литературы въ Россіи, Франціи, Германіи, Англіи, Соединенныхъ Штатахъ Америки и др. государствахъ.

б) Обзоръ новѣйшихъ русскихъ и иностранныхъ книгъ по разнымъ отраслямъ наукъ, литературы и искусства.

в) Обзоръ русскихъ и иностранныхъ журналовъ: научно-литературныхъ, художественныхъ и юмористическихъ (русскихъ, французскихъ, нѣмецкихъ, англійскихъ, американскихъ, итальянскихъ, испанскихъ, японскихъ и др.)

г) Перечень новыхъ русскихъ книгъ по всемъ отраслямъ знаній.

Такимъ образомъ журналъ «Энциклопедія» представляетъ собою дѣйствительную энциклопедію современныхъ знаній, давая резюме современнаго движенія науки, литературы и искусства въ общедоступномъ, но строго-научномъ изложеніи. Ничто такъ не полезно и интересно, какъ такое резюме, въ которомъ откинуто все скучное и узко-спеціальное и оставлено лишь то, что представляетъ дѣйствительную важность и жизненный интересъ. Весьма важнымъ подспорьемъ для нагляднаго ознакомленія съ предметомъ являюся художественныя иллюстраціи, которыми будутъ снабжены многія статьи журнала.

Заручившись сотрудничествомъ многихъ дѣятелей по популяризаціи знаній, редакция вполне надѣется достигнуть выполненія намѣченной программы и, несмотря на низкую стоимость журнала «Энциклопедія» (всего 6 руб. въ годъ съ пересылкой), — дать весьма интересный и поучительный матеріалъ какъ для каждой образованной семьи, такъ и для всякаго, желающаго пополнить чтеніемъ свое образованіе.

Подписная цѣна на журналъ «Энциклопедія» съ пересылкой: на годъ — 6 руб.; за-границу — 10 руб.

Допускается разсрочка: при подпискѣ — 2 руб., въ мартѣ — 2 руб., въ іюнѣ — 2 руб., или первые шесть мѣсяцевъ по одному рублю.

Цѣна отдѣльной книги — 50 коп., съ пересылкой 70 коп.

Контора журнала: С-Петербургъ, Рижскій пр. 48.

№ 3, ВѢСТНИКЪ ВСЕМИРНОЙ ИСТОРИИ.

ВЫСОЧАЙШЕ УТВЕРЖДЕННОЕ

РОССІЙСКОЕ ФАРМАЦЕВТИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО.

Москва, Большая Никитская ул., д. № 10, Эггерса.

Съ 1897 г. Россійское фармацевтическое общество издаетъ еженедѣльный журналъ

„ФАРМАЦЕВТИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“

подъ редакціей профессора С. О. Чирвинскаго и товарища председателя Россійскаго фармацевтическаго общества Б. Н. Салтыкова.

Принимается подписка на 1901 годъ.

Въ Программу журнала входятъ:

1. Официальныя извѣстія, Распоряженія и дѣйствія правительства, касающіяся аптечнаго дѣла и фармацевтическаго сословія. 2. Сообщенія и отчеты Россійскаго фармацевтическаго общества и другихъ фармацевтическихъ обществъ. 3. Научный отдѣлъ. Статьи по фармаціи, естествовѣдѣнію и прикладнымъ знаніямъ. 4. Рефераты отечественной и заграничной спеціальной печати. 5. Мануаль и замѣтки по фармацевтической техники. 6. Критика и библіографія. 7. Сословный отдѣлъ. Статьи по бытовымъ и профессиональнымъ вопросамъ. Хроника и разныя извѣстія, относящіяся къ предметамъ, указаннымъ въ предыдущихъ пунктахъ программы (согласно § 3 (и) устава Рос. Фарм. О—ва). 9. Біографія и некрологи. 10. Справочный отдѣлъ. 11. Вопросы и отвѣты. 12. Рисунки, портреты и чертежи, относящіеся къ тексту. 13. Объявленія.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА съ доставкой и пересылкой 6 р. Допускается разсрочка по полугодіямъ и по третямъ года безъ повышенія подписной платы.

ОБЪЯВЛЕНІЯ принимаются по цѣнѣ: 30 руб. за страницу, 15 руб. за $\frac{1}{2}$ стр., петита 20 коп.

При абонементѣ на объявленія дѣлается скидка. Разсудка приложений по соглашенію.

Учрежденная Россійскимъ фармацевтическимъ обществомъ.

Химино-аналитическая и бактериологическая лабораторія

производить медицинскіе, санитарные, техническіе и пр. анализы.

Дезинфекціонное бюро при лабораторіи

производить дезинфекцію помѣщеній и обстановки въ Москвѣ, на дачахъ и въ иждивеніяхъ.

Практическія занятія по химіи и бактериологіи.

Завѣдывающіе: маг. фарм. И. П. Жолчинскій и прив-доц. В. В. Воронинъ.

Россійское фармацевтическое общество

(на основаніи § 3 устава)

содѣйствуетъ фармацевтамъ, ищущимъ мѣста, въ присканіи спеціальныхъ занятій. Общество безвозмездно оказываетъ свое содѣйствіе всѣмъ лицамъ и учрежденіямъ, имѣющимъ надобность въ фармацевтахъ.

Уставъ общества, а равно и всякаго рода справки, высылаются по первому требованію.

Ж У Р Н А Л Ъ

„СПАСАНІЕ НА ВОДАХЪ“.

выходить ежемѣсячно.

Дѣйствительные члены Императорскаго Россійскаго Общества спасанія на водахъ, состоящаго подъ Высочайшимъ покровительствомъ ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ МАРИИ ТЕОДОРОВНЫ, дѣлающіе взносы въ пользу Общества получаютъ журналъ бесплатно.

Объявленія для помѣщенія въ журналъ «Спасаніе на водахъ» принимаются за плату по 20 коп. со строки петиита. Членамъ Общества, а также годовымъ и полугодовымъ абонементамъ дѣляется уступка, согласно установленной таксѣ.

Журналъ «Спасаніе на Водахъ» имѣетъ читателей внутри Россіи и за границей свыше 12.000.

Лица, желающія поступить въ дѣйствительные члены Общества и получагъ журналъ или помѣстить объявленія, благоволятъ адресоваться на имя редактора журнала «Спасаніе на Водахъ».

С.-Петербургъ, Садовая улица, Юсуповъ садъ.

Редакція открыта, кромѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней, ежедневно отъ 12 до 4 час. дня. Телефонъ № 1238.

„ТАМБОВСКІЯ ГУБЕРНСКІЯ ВѢДОМОСТИ“

будутъ издаваться въ 1901 году по слѣдующей программѣ:

1) ЧАСТЬ ОФИЦІАЛЬНАЯ: Дѣйствія правительства, распоряженія губернскаго начальства и объявленія присутственныхъ мѣстъ и должностныхъ лицъ.

2) ОТДѢЛЪ НЕОФИЦІАЛЬНЫЙ: а) *ОТДѢЛЪ ПЕРЕДОВОЙ:* Правительственныя распоряженія и новыя узаконенія; придворныя извѣстія, статьи о предметахъ внутренняго управленія и политики, о выдающихся потребностяхъ мѣстной общественной жизни, по вопросамъ городского благоустройства и земскаго хозяйства въ губерніи. б) *Телеграммы* собственныхъ корреспондентовъ и Россійскаго телеграф. агентства) в) *Мѣстная хроника.* г) *Иногороднія извѣстія.* д) *Корреспонденціи.* е) *Сельско-хозяйственный отдѣлъ.* ж) *Иностранныя извѣстія.* з) *Письма въ редакцію.* н) *Библиографическій указатель.* и) *Фельетонъ.* к) *Объявленія частныхъ учрежденій и лицъ.*

Газета будетъ выходить попрежнему три раза въ недѣлю: по вторникамъ, четвергамъ и субботамъ, за исключеніемъ дней послѣдпразничя.

Подписная цѣна: НА ОБА ОТДѢЛА ВМѢСТѢ, съ пересылкою во всѣ города Имперіи: на годъ—9 р., на полгода—4 р., на 3 мѣсяца—2 р. 50 к., на 1 мѣсяць—1 р. НА ОДИНЪ НЕОФИЦІАЛЬНЫЙ ОТДѢЛЪ, съ пересылкою во всѣ города Имперіи: на годъ—4 р. 20 к., на полгода—2 р. 50 к., на 3 мѣсяца—1 р. 50 к., на 1 мѣсяць—60 к.

Для сельскаго духовенства и учителей народныхъ, городскихъ и сельскихъ училищъ и церковно-приходскихъ школъ газета (отдѣлъ неофициальный) будетъ высылаться за 3 рубля въ годъ съ пересылкою, при чемъ допускается разсрочка по третямъ года, съ уплатою по 1 рублю за треть года впередъ.

Сельскимъ, волостнымъ и народнымъ библіотекамъ Тамбовской губерніи самая газета, по просьбѣ администраціи ихъ, высылается бесплатно, пересылка по почтѣ на счетъ библіотекъ.

Подписка принимается въ конторѣ типографіи тамбовскаго губернскаго правленія, въ уѣздныхъ и городскихъ полицейскихъ управленіяхъ и у гг. становыхъ приставовъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1901 ГОДЪ

„Древній Міръ“,

ЖУРНАЛЪ ВСЕМІРНОЙ АРХЕОЛОГІИ И ИСТОРИИ,

будетъ выходить ежемѣсячно съ 1—15 февраля 1901 г. по слѣдующей программѣ:

1) Обзоръ и описаніе древностей всѣхъ временъ и народовъ. 2) Новѣйшія открытія и изслѣдованія въ области всемірной археологіи, археографіи, палеографіи, дипломатики, нумизматики, геральдики, генеалогіи хронологіи. Обзоръ дѣятельности ученыхъ учреждений и обществъ. Биографіи ученыхъ. 3) Всемірная исторія. Древняя географія и этнографія. 4) Обзоръ и описаніе архивовъ и библиотекъ. 5) Среди журналовъ, библиографія и критика. 6) Свѣдѣнія и указанія для собирателей древностей. Описаніе музеевъ и коллекцій древностей. 7) Корреспонденціи, смѣсь и справочный отдѣлъ. 8) Объявленія. Къ участию въ журналѣ будутъ привлечены лучшія научныя силы, какъ русскія, такъ и иностранныя. Статьи и замѣтки по мѣрѣ надобности будутъ иллюстрироваться. Въ журналѣ «Древній Міръ» предполагается помѣщать описаніе научныхъ работъ и изслѣдованій экспедицій, специально отправляемой лѣтомъ 1901 года въ одну изъ мѣстностей Россійской Имперіи, наименѣе изслѣдованную въ археологическомъ, историко-географическомъ и этнографическомъ отношеніяхъ. Подробности будутъ объявлены своевременно.

Подписная цѣна журнала «Древній Міръ» съ доставкой и пересылкою на годъ во всѣ мѣста Россійской Имперіи 12 руб. Подписныя деньги слѣдуетъ адресовать на имя Главной Конторы журнала «Древній Міръ», въ г. Павловскъ С.-Петербургской губ. Въ С.-Петербургѣ подписка принимается въ отдѣленіи Конторы при Антикварномъ книжномъ и художественномъ магазинѣ Е. А. Иванова, Невскій, 43.

Редакторъ-издатель Н. Грузинскій.

КАВКАЗСКІЯ МИНЕРАЛЬНЫЯ ВОДЫ:

Пятигорскъ (сѣрные), Ессентуки (щелочныя), Желѣзноводскъ (желѣзистыя), Кисловодскъ (углекислыя), какъ для употребленія внутрь, такъ и для ваннъ. Кромѣ того на всѣхъ группахъ гидропатическія заведенія, минеральныя грязи, кумысъ, кефиръ, леченіе массажемъ, углекислымъ газомъ Нарзана. Горныя климатическія станціи въ Кисловодскѣ и Желѣзноводскѣ. Успѣшно выдѣлываются: ревматизмъ, сифилисъ и его послѣдствія, заболѣванія нервной системы, катары желудка, кишекъ, почекъ, мочеполовыхъ путей, ожиреніе, малокровіе, женскія болѣзни и пр. Есть казенная консультація врачей, а вольнопрактикующихъ пріѣзжаетъ болѣе 200 человекъ. Ежедневно по два раза въ пяти мѣстахъ музыка; опера; драматическій театръ и другія развлеченія. Въ 1900 году пріѣзжало больныхъ и туристовъ до 27.000 человекъ. Большой экспортъ водъ (въ 1900 г. продано на 150 тысячъ руб.). Сезонъ въ Пятигорскѣ 1-го мая—15-е сентября, въ Ессентукахъ 15-мая—1-го сентября, Желѣзноводскѣ 20-го мая—1-го сентября, Кисловодскѣ 1-го іюня—1-го октября.

Иллюстрированный путеводитель высылается за пять семикопѣчныхъ марокъ изъ канцеляріи директора (г. Пятигорскъ). Бесплатное леченіе малосостоятельнымъ больнымъ предоставляется въ началѣ и концѣ сезона.

Директоръ водъ Вл. Хвощинскій.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 16 Февраля 1901 г.

Столичная Типографія. Гороховая, 12.

ВѢСТНИКЪ ВСЕМІРНОЙ ИСТОРІИ

Ежемесячный журналъ
ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И НАУКИ.

ФЕВРАЛЬ

№ 3.

Второй годъ изданія.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Столичная типографія. Гороховая, 12 (уг. В. Морской)
1901.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр
I. Королева Викторія и ея время. <i>М. В. Г.</i>	1
II. Наполеонъ I. Истор.-біографическій очеркъ. <i>Проф А. С. Травецкаго.</i> (Продолженіе).	13
III. Студенчество стараго Дерпта. <i>Д. К. Зеленина.</i>	33
IV. Венецѣйская Лагуна. Истор. романъ. <i>В. Я. Свѣтлова.</i> (Продолженіе).	56
V. Должности и обязанности крестьянъ. <i>П. Н. Столпянскаго.</i>	75
VI. Должники. Истор. очеркъ. <i>В. Н. Никитина.</i>	101
VII. Герценъ и Тургеневъ. <i>В. Б.</i> (Продолженіе).	128
VIII. Общественныя отношенія во Франціи въ концѣ прошлаго вѣка. <i>К. Каутскаго.</i> (Окончаніе).	147
IX. Изъ дальнихъ лѣтъ (Очерки и воспоминанія студенчества).—Виновать-ли?—Внѣбрачный. <i>М. В. Головинскаго.</i>	175
X. Странички прошлаго.—I. Гоненіе на Ломоносова и Фонвизина въ XIX в. <i>П. Н. Столпянскаго.</i> —II. Неосторожная ѣзда въ началѣ прошлаго столѣтія.—III. Браки между родственниками.—IV. Армянскія пословицы.	186
XI. Изъ области археологіи. <i>А. Миронова</i>	196
XII. Литературная лѣтопись:—I. Русскіе журналы.—«Соціальныя Ньютоны XIX столѣтія.—Одѣвка XIX в.—Плачь о пропажѣ благородства.—Къ чему оно обязывало?—Родоначальники декадентства.—Новый историкъ «Возрожденія».—Въ поискахъ за всемірнымъ языкомъ—Петрарка и Воккаціо.—Чаадаевъ и французская пресса. II. Изъ иностранныхъ журналовъ.—Гибель семейства Ворджіа. — <i>Monatshefte</i> о «Во кресеніи» Толстого.—Супруги Рейнгардъ.—Переправа черезъ Березину.—Людовикъ XVIII въ Гентѣ. III. Новыя книги. — <i>Эмил Жебаръ.</i> Начала Возрожденія.— <i>Генри Джефсонъ.</i> Платформа, ея возникновеніе и развитіе.— <i>Даме.</i> Исторія матеріализма и критика его значенія въ настоящее время.— <i>Графиня Уварова.</i> Матеріалы по археологіи Кавказа.— <i>С. Н. Зелинскій.</i> Народно-юридическіе обычаи у армянъ Закавказскаго края.— <i>И. В. Шелестинъ.</i> Отечествовѣдѣніе.— <i>А. А. Сапожниковъ.</i> Судьбы Китая.— <i>Poésies du prince Mirza - Riza - Khan.</i> <i>С. Ф. Либровичъ.</i> Царь въ плѣну.	204

ПРИЛОЖЕНІА:

Библіотека избранныхъ сочиненій по исторіи народовъ.

- 1) Исторія финскаго народа по *Шюберсону* и др. изслѣдованіямъ.
- 2) Исторія Китая. Проф. *Роберта К. Дугласа.*
Сборникъ иностранныхъ истор. романовъ.
- 3) Послѣдній авинянинъ. Истор. романъ *Виктора Рюд-берга.*

Королева Виктория.

Королева Виктория и ея время.

осмертные останки августѣйшей, могущественнѣйшей, превосходнѣйшей государыни, Виктории, Божіей милостію королевы Британи, защитницы вѣры и императрицы Инди, скончавшейся 22 января 1901 года на 82 году отъ рожденія и 64 году царствованія», какъ гласитъ латинская надпись, погребены 4 февраля н. ст. въ Фрогморѣ, въ Випдзорскомъ паркѣ.

Погребена королева, вступилъ на престолъ ея наслѣдникъ, король Эдуардъ VII, новое столѣтіе наступило для англичанъ одновременно съ окончаніемъ «времени королевы Виктории» (Victorian age), какъ привыкли они говорить о продолжительномъ царствованіи своей государыни, но всесторонняя оцѣнка этой эпохи еще несомнѣнно не наступила, такъ-же какъ и подлежащій моментъ для полной и безпристрастной характеристики самой монархини.

Объективная оцѣнка личности сильныхъ міра—монарховъ и крупныхъ общественныхъ дѣятелей—не принадлежитъ современникамъ, а мы—почти современники «Victorian age». Такая оцѣнка невозможна и потому, что при теперешнихъ условіяхъ лицамъ, стоящимъ у власти, или пишутъ панегирики или преслѣдуютъ ихъ памфлетами, такъ какъ власть и могущество, ослѣпляя и возбуждая корысть однихъ, озлобляютъ, можетъ быть, иногда и незаслуженно, другихъ.

Мы не имѣемъ намѣренія писать панегирика королевѣ Вик-

торіи, и, тѣмъ болѣе, составлять противъ нея памфлета, не собираемся также и сколько-нибудь полно очертить ея время, такъ какъ такой трудъ былъ-бы ничѣмъ инымъ, какъ исторіей англійскаго народа за три четверти девятнадцатаго вѣка, и наша скромная задача сводится лишь къ краткому памяtnому слову какъ этой эпохѣ исторіи Англiи, такъ и ея центральной фигурѣ — королевѣ Викторiи.

Имя королевы Викторiи будетъ всегда памятнымъ и славнымъ, какъ и имя Гомера, такъ какъ это понятіе собирательное, почти символическое.

Королева Викторiя, какъ монархiя конституціонная, никогда не стремилась объять необъятное — всю жизнь англійскаго народа во всѣхъ ея разнообразныхъ проявленіяхъ и очень рано усвоила убѣжденіе, что смягчивъ политическій авторитетъ власти, она устранила эту власть отъ всякихъ столкновеній, вслѣдствіе чего упрочила своей общественный, социальный авторитетъ.

И дѣйствительно, англичане «Victorian age» вполне лояльные подданные королевы. Перемѣщеніе центра политической власти на парламентъ и отвѣтственныхъ министровъ, упроченіе парламентаризма въ Англiи выдвинуло цѣлую вереницу государственныхъ дѣятелей, которыми могли бы гордиться всѣ народы. Но касаясь оттѣнковъ различныхъ партій стоитъ вспомнить о Пилѣ, Гладстонѣ, лордѣ Иальмерстонѣ, Дизраэли, графѣ Дерби, лордѣ Росселѣ, благородныхъ представителяхъ народа Ричардѣ Кобденѣ (Anti-corn law-league), Яковѣ Брайтѣ съ его предложеніями предоставленія избирательныхъ правъ женщинамъ, и, наконецъ, о борцахъ за Ирландію О'Коннелѣ, Парнелѣ и др.

Вся эта блестящая плеяда сошла со сцены ранѣе королевы Викторiи, но составляетъ гордость ея времени. Если часто при оцѣнкѣ дѣятельности всѣхъ этихъ «либераловъ» и «консерваторовъ» и трудно найти между ними какое-либо «принципiальное различіе», то едва ли это не происходитъ оттого, что прогрессивное направленіе въ Англiи, какъ единственно жизненное и постоянное, умѣетъ завоевать и либераловъ и консерваторовъ по важнѣйшимъ вопросамъ народной жизни.

Не повторяя здѣсь всѣмъ извѣстныхъ фактовъ внѣшней исторіи Англiи за послѣдніе 80 лѣтъ, мы напомнимъ лишь нѣкоторые важнѣйшіе моменты исторической эволюціи этой эпохи.

Когда королева Викторiя вступила на престолъ, не было никакихъ признаковъ того колоссальнаго развитія капитализма и промышленности, которыми ознаменовалось ея время.

Замѣчался, наоборотъ, сильный упадокъ национальной производительности подъ влияниемъ предшествовавшей борьбы съ Францией. Расходы на армию, вызванные войной, были сведены до минимума, но государственные финансы все еще находились въ весьма плохомъ состоянii. Англійскiй экспортъ долго оставался почти неизмѣнно на цифрѣ 510 мил. руб. въ годъ или около этого. Золото втечене перваго десятилѣтiя лишь въ небольшомъ количествѣ ввозилось изъ Россii и пе-

Королева Виктория въ 1830 г. (Съ картины Виллама Фаулера).

реворотъ наступилъ только на одиннадцатомъ году царствованiя королевы Виктории, когда въ Калифорнii были открыты золотыя россыпи. Вскорѣ было открыто золото и въ Австралиi. Кобденъ и французъ Шевалье вѣрно предсказали тогда упадокъ цѣнности денегъ, и увеличенiе заработной платы, опасенiя же относительно быстраго истощенiя золотыхъ мѣсто-нахожденiй, вздорожанiя серебра и т. д. опровергнуты послѣдними годами нашего столѣтiя.

Между тѣмъ количество золота въ англійскомъ банкѣ, простиравшееся въ 1847. году лишь до 80 милл. руб., возросло уже къ 1853 году до 220 мил. руб. а по даннымъ лондонскаго монетнаго двора на каждыя 100 ф. стер. въ 1837 году приходилось въ 1897 году 628 фунтовъ.

Наряду съ этимъ начинается и могучій ростъ промышленности и желѣзныхъ дорогъ, подъ вліяніемъ открытія Георга Стефенсона.

Въ «Статистич. отч. брит. имперіи» въ 1837 году Макъ-Келлохъ писалъ: «За послѣднее время всеобщее вниманіе публики возбудили желѣзныя дороги, которыя въ недалекомъ будущемъ будутъ проведены между всѣми главнѣйшими городами въ такихъ мѣстахъ, гдѣ окажется достаточно удобный грунтъ. Онѣ дѣлаются изъ дерева, или изъ желѣза. Выгоды, которыя ожидаются отъ увеличенія желѣзнодорожной сѣти на нашъ взглядъ значительно преувеличены».

Герцогъ Веллингтонъ и др. говорили въ такомъ же пренебрежительномъ тонѣ объ открытіи Стефенсона, а въ «Morning Post» въ февралѣ 1842 года отмѣчалось съ удовольствіемъ что «королева никогда не путешествуетъ по желѣзной дорогѣ», хотя принцъ Альбертъ иногда и благоволилъ пользоваться новымъ способомъ передвиженія между Виндзоромъ и Лондономъ, при чемъ часто говорить «Not quite so fast, my conductor, if you please» ¹⁾.

Однако, между 1836 и 1846 г.г. англичане совершенно привыкли къ желѣзнымъ дорогамъ; въ 1846 году было разрѣшено къ постройкѣ 440 новыхъ линій, а къ 1897 году, юбилейному году королевы, на постройку желѣзныхъ дорогъ былъ затраченъ капиталъ, какъ это высчитано англійскими статистиками, превышающій въ полтора раза государственный долгъ Англіи, а по отчету «Board of Trade» (1894 г.) жел. дороги въ Англіи оцѣнены въ 985.387.855 фунт. стер. Однако, можетъ быть, не меньшій толчекъ развитію промышленности, чѣмъ наплывъ золота и желѣзнодорожная горячка, дали фискальныя реформы, которыя связаны съ именами Кобдена, Брайта, Пиза, Виллье и Гладстона.

Все это повлекло за собой какъ умноженіе капиталистовъ такъ, подъ вліяніемъ повышенія заработной платы, превысившей возраставшую дороговизну жизни, вслѣдствіе паденія цѣнности денегъ, и увеличеніе благосостоянія народныхъ массъ. Рабо-

¹⁾ «Не такъ шибко, г. кондукторъ, пожалуйста».

чая плата въ 1851—2 годахъ возросла не менѣе нежели на 25⁰/₀.

Въ своемъ трудѣ «Classes and Masses» mr. Н. Mallock указываетъ, что напр. въ 17 столѣтн, треть обитателей Шеффилда, нынѣ крупнаго промышленнаго центра (1615 г.) содержались на средства благотворительности. Черезъ тринадцать лѣтъ послѣ вступленія на престолъ королевы Викторіи (1850) на каждыя двѣ сотни англичанъ было девять нищихъ. Въ 1882 году это количество уменьшилось до пяти. Между тѣмъ отъ 1850 г. до 1897 населеніе возросло съ 28 мил. до 38. Количество плательщиковъ income-tax (подходнаго налога) увеличилось съ одного милліона почти до восьми милліоновъ. Количество лицъ съ доходомъ между 150 фун. до 1.000 фун. увеличилось съ трехсотъ тысячъ до девятисотъ девяносто тысячъ. Количество лицъ съ доходомъ около 1000 ф. стер. увеличилось съ 24 т. до 60 т. Такимъ образомъ, какъ указываетъ Mallock, количество людей со средними достаткомъ увеличилось въ общемъ на 690 т., количество-же крупныхъ капиталистовъ возросло лишь на 36 т.

Съ другой стороны тотъ-же авторъ доказываетъ, невѣрность предположенія объ увеличеніи состоятельности богатыхъ классовъ общества. Короче говоря, цифровая аргументація Mallock'a сводится къ тому, что въ 1800 году все богатство страны составляло 240 милліоновъ фунтовъ. Изъ этой общей цифры принадлежало рабочимъ классамъ 111 мил. фун. и остальнымъ классамъ общества, т. е. среднему и богачамъ, 130 мил. фун. Черезъ семьдесятъ пять лѣтъ, или точнѣе къ 1881 году, общее богатство Англіи составляло 1300 мил. фун., изъ каковой цифры принадлежало рабочимъ классамъ 660 мил. фун. Такимъ образомъ, рабочіе классы, отставъ отъ остальныхъ на 20 мил. ф. въ началѣ девятнадцатаго вѣка, опередили на тѣ-же 20 мил. ф. другіе классы къ концу вѣка. Изъ этого Mallock дѣлаетъ выводъ, что ростъ англійской промышленности, въ частности жел. дорогъ, оказалъ услугу не однимъ капиталистамъ, по и всему англійскому народу.

Росту народнаго благосостоянія сопутствовало и увеличеніе сознанія гражданской солидарности англичанъ.

Замѣчается стремленіе какъ-бы заполнить пропасть между богатыми и бѣдными; выдѣляется въ этомъ направленіи личность лорда Шефтесбери, лорда «бѣдныхъ людей» (Poor Mans Peer), борца за десятичасовой рабочій день (Ten Hours Bill 1844); богатые лорды начинаютъ стыдиться запираеть на замокъ ворота своихъ огороженныхъ парковъ отъ бѣдныхъ людей.

Смягченіе нравовъ выражается и въ протестахъ противъ публичной казни преступниковъ (см. талантливый очеркъ Теккерея «Going to see a man hung»).

Наконецъ, вниманіе всего общества обращается на народное образованіе.

Стремленіе къ осуществленію такой государственной организации, при которой государство наиболѣе удовлетворяетъ потребностямъ гражданъ, выразилось наиболѣе, можетъ быть отчетливо за послѣдніе пятьдесятъ лѣтъ въ Англіи именно въ заботахъ о просвѣщеніи массъ. До 1833 г. государство какъ бы почти не признавало за собой обязанности заботиться о народномъ образованіи. Въ томъ-же году, однако, было ассигновано на этотъ предметъ 20000 ф. стер. Это ассигнованіе съ послѣдующими добавленіями стало, затѣмъ, ежегодно передаваться въ «National Society in Broad Sanctuary», такъ какъ это «Национальное общество» является представителемъ государственной церкви (Church of England), и для неконформистовъ въ другое общество — British and Foreign School Society. Въ первые двѣнадцать мѣсяцевъ послѣ «акта реформы» (Reform Act) самыми дѣятельными организациями въ дѣлѣ народнаго образованія были упомянутыя выше два учрежденія. Съ другой стороны католическая римская церковь никогда не переставала стремиться взять народное образованіе въ свои руки. Система воскресныхъ школъ, которой, до вступленія королевы Викторіи, въ дѣйствительности многія тысячи рабочихъ были обязаны всѣмъ своимъ образованіемъ была пущена въ ходъ въ Англіи еще къ концу восемнадцатаго вѣка.

За два или за три десятилѣтія до 1833 года парламентъ уже созналъ лежащую на государствѣ обязанность попеченія о народномъ образованіи и Самуиль Вайтбредъ со своимъ проектомъ приходскихъ школъ принадлежитъ къ первымъ дѣятелямъ по народному образованію въ прошломъ столѣтіи. Первый предложенный парламенту въ 1820 году проектъ организации школъ для народа потерпѣлъ крушеніе, вслѣдствіе борьбы религіозныхъ партій. Въ 1839 году лорду Мельбурну удалось добавить къ уже отпускавшимся ранѣе 20000 ф. стер. еще 30000 ф. стер. субсидіи для католическихъ школъ.

Палата лордовъ, въ особомъ адресѣ на имя королевы, выразила порицаніе этой новой политикѣ религіозной вѣротерпимости и въ палатѣ общинъ билъ прошелъ только большинствомъ двухъ голосовъ.

Королева Виктория въ 1840 г.

(Съ картины Вилліама Фаулера).

Затѣмъ, впервые было организовано нѣчто вродѣ министерства народнаго просвѣщенія (Education Department), подъ предсѣдательствомъ «President of the Council» а въ 1856 назначенъ особый вице-президентъ.

Во время продолжительнаго министерства лорда Пальмерстона къ 1857 г. бюджетъ народнаго образованія возросъ до 451.000 ф. стер. Вмѣстѣ съ ростомъ расходовъ по народному образованію пособія стали выдавать не только на новыя школы, но и на поддержку старыхъ, распространяя надзоръ государства за ходомъ дѣла образованія на всѣ образовательныя учрежденія, пользующіяся субсидіей правительства. Въ 1859—60 г. расходовалось на народное образованіе уже болѣе милліона ф. стер., но отчетъ коммисіи по народному образованію указалъ на неудовлетворительную постановку дѣла. Вслѣдствіе этого, въ 1862 году стали выдавать субсидіи сообразно съ успѣшностью обученія, проявленной учениками школъ на годичныхъ экзаменахъ.

На время, вслѣдствіе этого, расходъ на субсидіи школамъ пересталъ возрастать, но въ 1870 года все-же достигъ милліона фунтовъ съ четвертью.

До этого 1870 г. и «акта объ образованіи» (Education Act), связаннаго съ именемъ Форстера, давашаго могучій толчокъ народному образованію, вслѣдствіе учрежденія повсемѣстно въ королевствѣ «School Boards», особыхъ учреждений для завѣдыванія школами, дѣло народнаго образованія подвигалось, сравнительно, лишь медленно впередъ.

Къ замѣчательному во многихъ отношеніяхъ акту объ образованіи было присоединено такъ называемое добавленіе о свободѣ совѣсти (Conscience clause).

Актъ 1880 года (Mundella's Act) сдѣлалъ обученіе обязательнымъ повсемѣстно въ Англіи и Валлисѣ, между тѣмъ какъ ранѣе вопросъ объ обязательномъ обученіи былъ предоставленъ на усмотрѣніе мѣстныхъ властей.

Во всѣхъ субсидируемыхъ государствомъ школахъ было установлено, чтобы обученіе религіи производилось или передъ остальными уроками или послѣ, для того, чтобы родители, по своему усмотрѣнію, могли или посылать или не посылать своихъ дѣтей на уроки религіи, не заставляя ихъ терять напрасно время безъ занятій во время этихъ уроковъ, если-бы не хотѣли давать дѣтямъ религіознаго образованія.

Съ 1891 года первоначальное обученіе въ Англіи обязательно и бесплатно и на народное образованіе расходуются болѣе ста милліоновъ рублей правительствомъ.

Безплатное образованіе въ 1891 г. предложило консервативное министерство Солсбери (Salisbury). Результатъ принципа безплатности обученія не замедлилъ выразиться въ громадномъ увеличеніи числа школьникоѵ. За пять лѣтъ послѣ акта 1891 г. число школьникоѵ удвоилось.

Однако, не только первоначальное образованіе доступно народу (обязательно и безплатно) въ Англіи, но доступны и школы

Король Англіи Эдуардъ VII.

средняго образованія. Въ настоящее время всю систему стремятся пополнить школами высшими, также доступными для всѣхъ.

Къ этому слѣдуетъ добавить, что частная предприимчивость на поприщѣ народнаго образованія, не встрѣчая въ Англіи никакихъ препятствій, развита чрезвычайно широко и гораздо шире начинаній самого правительства.

Путемъ книги университетъ, если можно такъ выразиться, стучится въ дверь къ простому англійскому рабочему, настаиваетъ купца за его прилавкомъ и конторщика за его бюро.

Нѣкоторымъ подтвержденіемъ изъ области статистики къ вопросу о ростѣ культуры въ Англіи и улучшеніи средствъ

сношеній можетъ служить справка о ростѣ корреспонденціи, собственно, писемъ. Въ 1837 году черезъ англійскія почтовые учрежденія прошло 78 милліоновъ писемъ, а за одинъ изъ послѣднихъ годовъ (съ 31-го марта 1895 г. по 31-го марта 1896 г.)—1834 милліона писемъ, т. е. въ 24 раза болѣе за годъ, чѣмъ шестьдесятъ лѣтъ назадъ.

Для образованнаго народа, однако, необходимы и широкія

Королева Англіи Александра.

средства взаимнаго духовнаго общенія. Въ этой области, не только преобразованія, но и воплощенія въ дѣйствительной жизни самыхъ смѣлыхъ мечтаній поэтовъ и художниковъ отмѣтили царствование королевы Викторіи.

Народные дворцы—учрежденія, въ которыхъ для самообразованія и разумнаго развлеченія встрѣчаются теперь бѣднѣйшіе классы населенія, народныя бесплатныя бібліотеки, о которыхъ мечталъ Карлейль, теперь все это уже существуетъ и организовано въ широкихъ размѣрахъ. По отношенію къ народнымъ бібліотекамъ опытъ, между прочимъ, показалъ, какъ несостоятельно возраженіе, которое предшественники дѣлали раньше, въ томъ смыслѣ, что народъ будто бы станетъ

читать лишь одни беллетристическія произведенія самаго свѣрнаго рода. Въ библіотекахъ въ Англіи оказывается въ гораздо большемъ спросѣ, нежели беллетристика, сочиненія Герберта Спенсера «First Principles», Аристотелева «Этика», «Логика» Милля и т. п.

Если въ первые годы царствованія королевы Викторіи англичане съ большимъ удовольствіемъ ходили смотрѣть на вистлицу, нежели въ театръ, въ послѣдствіи, Кинъ, Макреди и др. выдающіеся артисты приучили англійское общество къ театру.

Говоря о прогрессѣ англійской жизни въ различныхъ областяхъ нельзя пройти молчаніемъ и ростъ печати.

«Барнсъ — могущественнѣйшій человѣкъ въ Англіи», сказалъ объ издателѣ газеты «Times» еще въ первые годы царствованія королевы Викторіи лордъ Линдгорстъ.

Вступленіе на престолъ королевы было встрѣчено привѣтствіями 479 газетъ, ко времени же ея юбилея о ней писали въ 2396 газетахъ и журналахъ.

Печать въ Англіи въ настоящее время—это настоящій народный парламентъ, можетъ быть, гораздо болѣе близкій народу и, конечно, гораздо полнѣй выражающій его нужды, чѣмъ ораторы палаты общинъ и палаты лордовъ.

Пресса царствованія королевы Викторіи—это «реппу press», т. е. самая дешевая, что сдѣлалось опять таки возможнымъ лишь вслѣдствіе усовершенствованія производства бумаги и и отмѣны обложенія (1851).

Любовь англичанъ къ живописи въ достаточной степени извѣстна, такъ какъ лучшія картины покупаютъ теперь почти исключительно англичане.

Однако и въ этой области за послѣднее десятилѣтіе замѣчается громадный прогрессъ, такъ напр., за Мадонну Рафаэля изъ коллекціи Бленгейма англійское правительство заплатило въ 1897 году ту-же самую сумму, которую оно, съ разрѣшенія парламента, тридцать лѣтъ тому назадъ, послѣ значительныхъ дебатовъ, получило разрѣшеніе заплатить за всю замѣчательную коллекцію картинъ Роберта Пиля.

Измѣненіе отношенія англичанъ къ искусству къ концу царствованія королевы Викторіи, наряду съ болѣе высокой оцѣнкой художественныхъ произведеній прекрасно иллюстрируется указаніемъ на число посѣтителей Королевской Академіи. На первой выставкѣ въ Академіи, тогда около Трафальгар-

Изъ счастливыхъ дней королевы Виктории
(Картина Э. Э. Ландера)

скаго сквера, не перебивало болѣе 79,000 посѣтителей, въ 1879 г. ихъ перебивало на такой же выставкѣ 391,197.

Не останавливаясь на дальнѣйшихъ статистическихъ сопоставленіяхъ, мы едва-ли не въ правѣ сдѣлать изъ всего выше-сказаннаго выводъ, что идея англичанъ о созданіи вмѣсто «Great Britain», т. е. Великобританіи—могущественнаго объединеннаго государства—«Greater Britain» т. е. Великобританскаго государства совокупнаго съ колоніями—мірового союза—находитъ себѣ полное оправданіе во внутреннемъ прогрессѣ ихъ жизни. Да и граждане колоній Англіи, какъ нѣкогда граждане римскихъ колоній, начинаютъ предпочитать именоваться англичанами, нежели канадцами, австралійцами и т. п.

Вѣчно больное мѣсто Англіи—это Ирландія. Если Англію называютъ «счастливой» (meggy), то Ирландію по справедливости можно было бы назвать несчастной. Однако, такъ какъ на это «больное мѣсто» слышатся постоянно указанія повсюду въ самой Англіи и не встрѣчается никакихъ препятствій къ обсужденію этой исторической болѣзни королевства, то едва-ли есть основаніе опасаться, что здѣсь не восторжествуетъ истина и справедливость.

«Les meaux les plus criants sont ceux qui sont doublés de silence» ¹⁾ говоритъ одинъ писатель. Въ Англіи никто не вынужденъ молчать ни о какихъ язвахъ, а это, какъ извѣстно, лучший способъ устраненія всякихъ золъ.

Престарѣлая монархія, съ именемъ которой связано столько блестящихъ страницъ исторіи ея народа—королева Викторія—не готовилась для трона. Юность ея прошла почти въ бѣдности. Дочь герцога Эдуарда Кентскаго, четвертаго сына короля Георга III и кобургской принцессы Викторіи-Маріи-Луизы едва-ли могла надѣяться, что будетъ царствовать болѣе полустолѣтія ²⁾ и оставить потомство на всѣхъ тронахъ

¹⁾ «Самыя мучительныя страданія—это тѣ, которыя покрыты молчаніемъ».

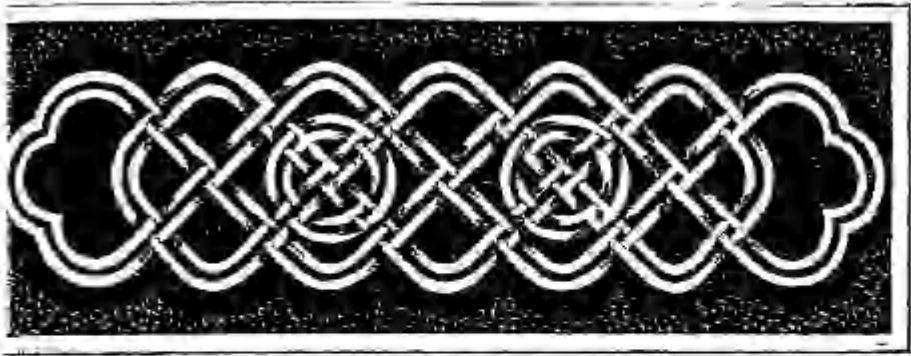
²⁾ Королева Викторія пережила за время своего царствованія: всѣхъ членовъ тайнаго совѣта, жившихъ въ 1837 году, когда королева вступила на престолъ, всѣхъ лордовъ, носившихъ въ 1837 г. этотъ титулъ, всѣхъ членовъ палаты общины того времени. Королева видѣла на своемъ вѣку 12 лордъ-канцлеровъ, 10 премьеровъ, 7 спикеровъ въ палатѣ общины, 5 кентерберійскихъ архіепископовъ, 6 юрскихъ архіепископовъ и 6 главнокомандующихъ войсками. Она пережила всѣхъ герцоговъ и герцогинь, маркизовъ и маркизъ, носившихъ эти титулы въ 1837 г. всѣхъ членовъ жокей-клуба. При ней прошли чередомъ 17 президентовъ въ Соединенныхъ Штатахъ, 19 вице-королей въ Канадѣ, 15 вице-королей въ Индіи. Во главѣ правленія во Франціи стояли за время царствованія королевы: 1 король, 1 императоръ и 7 президентовъ республики.

Европы. 24 мая 1837 г. принцесса Викторія была объявлена совершеннолѣтней въ возрастѣ восемнадцати лѣтъ, а уже черезъ четыре недѣли, 20 іюня, рано по утру архіепископъ кентерберійскій, лордъ Чамберленъ и др. явились во дворецъ и привѣтствовали ее какъ королеву словами «Your majesty» вслѣдствіе кончины, ночью, въ Виндзорскомъ замкѣ Вильгельма IV.

Менѣе чѣмъ черезъ три года королева вступила въ бракъ съ принцемъ Альбертомъ Кобургскимъ, отъ котораго имѣла девять человѣкъ дѣтей, причемъ семейная ея жизнь была вполне счастлива, какъ она сама намъ рассказала объ этомъ, въ 1868 году, въ своихъ «Листкахъ изъ дневника». Теперешній король Англіи, Эдуардъ VII, былъ вторымъ ребенкомъ королевы, род. въ 1841 г. и женатъ на принцессѣ датской Александрѣ.

Послѣ смерти принца Альберта печать вдовьяго положенія никогда не покидала королеву, рѣдко показывавшуюся въ Лондонѣ. Образцовая супруга, любящая мать и нѣжная прабабушка и бабушка, она оставила многочисленное потомство и добрую память въ англійскомъ народѣ, умѣвшемъ высоко цѣнить ея конституціонную корректность.

М. В. Г.

Наполеонъ 1.

Историко-біографическій очеркъ.

(Продолжение).

V. Родина и якобинство. 1789—1792.

Поручикъ-смутьянъ и Паоми.—Опять гарнизонъ.—Французскій капитанъ и корсикійскій подполковникъ.—Выннанный со службы.

емя не узнала своего Набулоне. Въ прежне прѣзды онъ важничалъ новомодной философѣй, туманными гипотезами и фантастическими проектами, къ великой досадѣ Летици: разсудительная матрона видѣла, что съ такимъ багажомъ ея Провидѣніе останется плохимъ служакой и неудачнымъ попрошайкой у правительства.

Революція встряхнула силы поручика и дала имъ выходъ: передъ нами уже осторожный практикъ, смѣло и ловко хватающійся за жизненные опыты.

Началась самая замысловатая и характерная пора въ жизни Буонапарте, по наиболѣе темная: онъ всячески самъ замечалъ ея слѣды и желалъ, чтобы его біографы начинали прямо съ тулонскаго подвига, хотя для нихъ важны именно эти 6 лѣтъ (1789—1795), когда закалялись основныя черты «великаго человѣка». То былъ разгаръ революціонной бури, которая ломала, какъ былинку, жизнь даже опытныхъ людей, метавшихся, какъ угорѣлые, изъ стороны въ сторону. А папъ юный

поручикъ оказался искуснымъ кормчимъ, который блистательно провелъ свой утлый челнъ между Сциллою и Харибдой. Тутъ-то онъ обнаружилъ и дерзкую самоувѣренность, и безшабашную отвагу, и неразборчивость въ средствахъ, и макиавелистическое лукавство.

Буонапарте говорилъ тогда въ своей семьѣ: «Кто не согласился бы съ радостью умереть подъ ударами кинжаловъ, лишь бы сыграть роль Цезаря? Одинъ лучъ славы, выпавшій на долю великаго человѣка, былъ бы достаточнымъ вознагражденіемъ за насильственную смерть». А своимъ политическимъ товарищамъ онъ проповѣдывалъ: «Законъ подобенъ статуямъ боговъ, которыя иногда приходится окутывать завѣсой». Онъ не скрывалъ предъ ними своего презрѣнія къ «обабившимся трусамъ, прозябающимъ въ сладкомъ рабствѣ», и хвастался, что желаетъ «прославиться среди своихъ». Словомъ, Буонапарте, подобно Цезарю, рѣшилъ, что лучше быть первымъ въ деревнѣ, чѣмъ послѣднимъ въ городѣ: онъ задумалъ овладѣть Корсикой, что устроило бы и его семью, которая всегда лежала у него на сердцѣ. Но, чувствуя подъ ногами вулканическое сотрясеніе революціи, онъ не хотѣлъ разрывать и съ ненавистной порабощительницей своего отечества. Отсюда двойная игра.

Конечно, дѣло не выгорѣло бы, если бы не всеобщая анархія; но должно отдать справедливость той тонкой казуистикѣ, съ которою велъ его дерзкій поручикъ. Благодаря ловкимъ прошеніямъ, гдѣ большую роль играли лихорадка, желудочныя боли и семья, онъ изъ 6-лѣтней службы въ IV полку большую часть времени провелъ въ отлучкахъ, и отчасти безъ разрѣшенія начальства. Подъ конецъ онъ вышелъ сухимъ изъ воды, когда уже совсѣмъ завязъ было въ типѣ: когда истекъ срокъ отпуска и начальство потребовало его, онъ перешелъ въ національную гвардію Корсики. При этомъ смѣльчакъ ухитрился не только остаться французскимъ офицеромъ, но и получить жалованье за время своего дезертирства.

Въ первый свой прїѣздъ Буонапарте пробылъ на родинѣ 1 годъ и 2 мѣсяца, теперь — 1 годъ и 4 мѣсяца (съ октября 1789). Тогда онъ ничего не сдѣлалъ, теперь достигъ лишь мимолетныхъ успѣховъ; но они обнаружили рѣдкую эпергію и изворотливость со стороны юноши безъ денегъ и связей, за которымъ было одно только преимущество — единственнаго корсиканца съ высшимъ военнымъ образованіемъ.

Маленькая Корсика задала неопытному честолюбцу боль-

шую задачу. Она больше походила на хаосъ, чѣмъ сама Франція. Конечно, и здѣсь возникли свои консерваторы, либералы и радикалы: къ первымъ принадлежала горсть дворянъ и духовенство, ко вторымъ — буржуазія прибрежныхъ городовъ, къ третьимъ — масса, особенно въ горахъ. Но дѣло осложнялось тѣмъ, что консервативное меньшинство мирилось съ чужеземнымъ игомъ, остальные же стремились къ независимости Корсики и назывались *патриотами* или *паолистами*. Сверхъ того, кипѣла старая вражда между родами, которая спутывала партіи. Наконецъ, революція разнуздывала страсти, особенно среди такихъ пылкихъ и рѣшительныхъ головъ, какъ корсиканскіе юноши. Такъ на дорогѣ Наполеона вдругъ сталъ его пріятель, который съ тѣхъ поръ жилъ местью Бонапартамъ: то былъ Поццо ди Борго, который превосходилъ Наполеона и силой своею клана, и талантомъ интригана.

Наполеонъ прибылъ домой на готовую бурю. Конституанта только что объявила Корсику «французскимъ департаментомъ» — и патриоты злобно поглядывали на свою Бастилью — на цитадель въ Аяччо. Тотчасъ заварилась каша. «Неутомимая дѣятельность Буонапарте привела все въ движеніе, наэлектризовала весь Аяччо», говоритъ очевидецъ. Наполеонъ сговорился съ своимъ пріятелемъ, Поццо и съ братомъ Жозефомъ, который признавался потомъ, что «находился въ томъ возрастѣ, когда глубоко чувствуешь то, что считаешь справедливымъ». И всюду появились трехцвѣтныя кокарды, злые памфлеты противъ „тираніи“, клубы паолистовъ — истинные очаги радикализма. Въ этихъ то клубахъ впервые раздалась краткая, рѣзкая, безсвязная рѣчь Наполеона, дышавшая ненавистью къ французамъ и якобинствомъ. Тогда же онъ научился вліять на массы, болтая по избамъ и раздавая деньги — вѣроятно, клубскія. Наконецъ, была составлена петиція въ конституанту, которую первый подписалъ французскій „артиллерійскій офицеръ“. Здѣсь Наполеонъ не пощадилъ французскихъ правителей, которые „унижали и пожирали“ островитянъ. Онъ требовалъ для корсиканцевъ „возстановленія правъ, дарованныхъ всѣмъ природой“. Петиція настаивала на учрежденіи самоуправленія, подъ именемъ „національнаго комитета“, и на введеніи милиціи. Мысль о милиціи привезъ съ собой Буонапарте: онъ уже видѣлъ зарожденіе національной гвардіи во Франціи и рѣшилъ подыматься съ помощью штыковъ. Петиція кончалась требованіемъ амнистіи для Паоли и бѣжавшихъ съ нимъ.

Конституанта осыпала корсиканцевъ привѣтствіями и похвалами; а тѣ пришли въ неистовый восторгъ отъ сліянія съ великою свободою нашей. Буонапарте больше всѣхъ кричалъ: „Да здравствуютъ нація, Мирабо, Паоли!“ Онъ восклицалъ про Францію: „О, просвѣщенная, великодушная нація! Ты раскрыла намъ свою грудь: отнынѣ у насъ одни интересы и заботы съ тобой! Исчезло раздѣляющее насъ море!“ И „Письма о Корсикѣ“ были заброшены. Въ то же время Наполеонъ устроилъ горячій адресъ „великому человѣку“ и оваціи, когда Паоли прибылъ изъ Лондона, въ іюлѣ 1790 г. Онъ гордо шелъ подлѣ „отца отечества“, стараясь заговорить съ нимъ. Бонапарты прослыли тогда „бѣшенными“ паолистами и французами. Паоли также приласкалъ ихъ, вспоминая дружбу покойнаго Карло. Онъ сказалъ нашему юношѣ: „Наполеонъ, у тебя нѣтъ ничего нынѣшняго; ты не нашего вѣка; у тебя чувства героя Плутарха. Мужайся! Ты взлетишь высоко“. Паоли называлъ имя француза „благороднѣйшимъ званіемъ“. Старикъ уже не думалъ о независимости Корсики: онъ думалъ только о реформахъ въ духѣ конституанты. Онъ былъ радъ, что конституанта разрѣшила корсиканцамъ выбрать самимъ „директорію“ (правленіе) и завести національную гвардію.

Но въ директорію не попалъ никто изъ Бонапартовъ. Самъ Наполеонъ не могъ взять въ толкъ, что ему не давали никакихъ мѣстъ уже по его молодости. И онъ опять „се мутилъ“, доносили въ Парижъ. Ревизоръ конституанты называлъ даже всю эту шайку „самыми презрѣнными людьми и фанатиками, лишенными честнаго имени и всякаго довѣрія“. Наполеонъ всюду вмѣшивался, втирался въ собранія и ораторствовалъ, не имѣя никакого права, исподтишка возбуждалъ бунты, выставляя другихъ впередъ. Въ муниципалитетѣ Аяччо онъ орудовалъ черезъ попавшаго туда Жозефа. Въ клубѣ патріотовъ онъ былъ душой: «при трудномъ вопросѣ — говорить очевидецъ — взоры всѣхъ искали въ залѣ гражданина-лейтенанта, который однимъ словомъ разсѣивалъ сомнѣнія». Буонапарте обучалъ молодежь стрѣлять и воодушевлялъ ее пылкими словами о свободѣ и отечествѣ. Одинъ крестьянскій паренъ говоритъ: «Наполеонъ столько бумаги черкалъ, рвалъ, жегъ, что ея не хватало въ деревнѣ. Это былъ, конечно, талантливый и ученый человѣкъ; но такіе люди обыкновенно сумасшедшіе».

Неудачливый лейтенантъ все хаялъ. Онъ представлялъ

даже Паоли человѣкомъ устарѣвшимъ, отсталымъ. Всѣ жители Аяччо у него — «злыдни и глупцы». Но больше всего воевалъ онъ съ «низкими поклонниками аристократіи» да съ духовенствомъ. Онъ послалъ въ конституанту характерный доносъ на корсиканскаго депутата знати, Буттафоко: онъ полонъ злости, клеветъ, риторическихъ преувеличеній. И опять пошли проклятія французамъ, «поработителямъ родины», во имя „предтечъ свободы“. Наполеонъ снова взялся за „Письма о Корсикѣ“. Въ уединенномъ гротѣ измыслилъ онъ еще трактатъ „О человѣческомъ счастьѣ“, надѣясь, подобно Руссо, получить премію отъ лонской академіи. Это — опять Рэналь подъ другимъ соусомъ; но брошюрка была написана такъ безсвязно, риторично, съ такими ореографическими ошибками, что академія даже не удостоила автора отвѣтомъ.

Наполеону оставалось властвовать въ семьѣ, которая была почти вся въ сборѣ. „Съ нимъ не спорили, говорить Люсьенъ: онъ сердился при малѣйшемъ замѣчаніи и выходилъ изъ себя при малѣйшемъ сопротивленіи“. Наполеонъ обратилъ свой домъ нето въ казарму, нето въ монастырь: каждый часъ у всякаго былъ строгое распредѣленъ. Наконецъ, истекъ срокъ и новому отпуску. Въ февралѣ 1791 года лейтенантъ IV полка возвратился въ свой гарнизонъ, въ Оссонъ. Эмиграція такъ уменьшила тогда офицерство во Франціи, что ему не только простили все, но еще сдѣлали его первымъ лейтенантомъ, съ 1300 фр. жалованья.

Прежняя нищета, прежняя возня съ Люи, который опять сидѣлъ на его шеѣ, готовясь къ офицерскому экзамену, да заботы о семьѣ, гдѣ одинъ только Жозефъ имѣлъ скудный заработокъ въ муниципалитетѣ. Въ казармѣ лейтенанту принадлежала одна только комнатка, съ дрожащей кроватью, столикомъ и двумя стульями. Былъ еще чуланчикъ, гдѣ на скамейкѣ спалъ братишка, котораго офицеръ обучалъ математикѣ и иногда угощалъ пощечинами. Впослѣдствіи Наполеонъ такъ описывалъ ту пору: „Я не ходилъ въ кофейню, не посѣщалъ общества, ѣлъ сухой хлѣбъ, самъ чистилъ платье, чтобы оно дольше прослужило. Чтобы не выдѣляться отъ товарищей, я жилъ медвѣдемъ, вѣчно одинъ въ моей комнаткѣ, съ моими книгами, которыя были тогда моими единственными друзьями. И цѣною какой суровой бережливости относительно самаго необходимаго покупалъ я себѣ это удовольствіе! Сбережешь, бывало, франковъ пять — и съ дѣтской радостью направляешься въ книжную лавку, и съ завистью долго разсматриваешь полки,

пока карманъ позволить тебѣ купить что-нибудь“. Пришлось даже задолжать 100 фр. портному и за шпагу. Бѣдняга работалъ по 16 ч. въ сутки, надѣясь опять добыть копѣйку перомъ. Тогда-то былъ написанъ „Разговоръ о любви“, а также „Разсужденіе объ естественномъ состояніи“.

Четыре мѣсяца спустя (іюнь 1791.), Буонапартъ былъ опять переведенъ въ Валансъ. Раскрылись старыя раны. Ниццета еще болѣе нагло взглянула въ глаза юноши: жалованье стали платить неаккуратно, да и то ассигнатами, которые быстро падали въ цѣнѣ. А кругомъ—волненія, разжигавшія нетерпѣніе честолюбца. Вслѣдствіе попытки короля бѣжать къ врагамъ Франціи, радикализмъ подвигался всюду девятымъ валомъ. Конституанта велѣла всѣмъ присягать конституціи. Долина Роны становилась очагомъ якобинства. «Эта страна полна рвенія и огня», писалъ Наполеонъ: «она послала петицію о судѣ надъ королемъ». Здѣсь, какъ грибы, росли отдѣленія парижскаго клуба якобинцевъ. Въ Валансѣ образовалось общество друзей конституціи, душой котораго сталъ Буонапарте. Онъ сблизился съ мѣщанами да крестьянами, приглядываясь къ зачаткамъ «федерации» въ пользу революціи. Онъ осуждалъ эмиграцію, которая овладѣвала и его товарищами, чуть не бросившими его въ воду. «Южная кровь струится въ моихъ жилахъ столь же быстро, какъ Рона!» восклицалъ онъ и сталъ открыто за республику, когда и въ Парижѣ о ней заговаривали лишь немногіе. По его мнѣнію, роялисты «полагаютъ много усилій на поддержку сквернаго дѣла и ничего не могутъ доказать». Онъ публично пилъ за здоровье якобинцевъ и негодовалъ на монарховъ, поднимавшихся уже противъ Франціи: «напрасно они воображаютъ, что патріоты склоняютъ головы передъ деспотомъ въ митрѣ, передъ факиромъ въ монастырѣ, въ особенности же передъ разбойникомъ съ пергаментами».

Взглядъ Буонапарте ясенъ изъ всѣхъ выписокъ и замѣчаній на книгахъ, которыя онъ опять поглощалъ во множествѣ, стараясь въ особенности «завоевать исторію». Но лучше всего онъ выразился въ «Ліонской рѣчи», которая показываетъ также, что лейтенантъ уже относился критически къ своимъ учителямъ и выбирался на собственный путь. Это — сочиненіе, по обыкновению, несвязное, риторическое, переполненное всякими мыслями. Но тутъ весь *тогдашній* Наполеонъ. Это — пылкій революціонеръ, республиканецъ, и все еще корсиканецъ, Руссо и Рэналь вмѣстѣ, заклятый врагъ привилегированныхъ и особенно перваго чина. «Гдѣ короли, тамъ

нѣтъ людей: тамъ только рабъ-угнетатель — существо болѣе низкое, чѣмъ рабъ угнетенный. Конечно всѣ тираны будутъ въ аду, но туда же попадутъ и ихъ рабы: послѣ угнетенія націи самое большое преступленіе — терпѣть это угнетеніе». Авторъ «Рѣчи» даже признаетъ равенство, хотя и не безусловное. «Законъ долженъ каждому обезпечить извѣстную собственность. Долой неравный раздѣлъ имуществъ, долой такой варварскій законъ, какъ право первородства! Не должно быть ни богатыхъ, ни нищихъ. Пусть самый малый человѣкъ имѣетъ что-нибудь!» Отчего бы не сдѣлать такъ, какъ Паоли на Корсикѣ, который чрезъ каждые три года дѣлилъ «*riagge*» (берега) между обитателями? Авторъ превозноситъ Брута, Катона, въ особенности же спартанцевъ за ихъ мужество: слова «сила», «энергія» у него на каждой страницѣ. Любопытно, что онъ прокладываетъ недостатки, которыми отличался историческій Наполеонъ, — воображеніе, страстность, въ особенности же честолюбіе. Въ его глазахъ, Александръ Македонскій, Карлъ V, Филиппъ II, Кромвель, Ришельё, Людовикъ XIV, — истинные бичи человѣчества. А гений? «Несчастный! Я сожалею его. онъ вызоветъ обожаніе и зависть у своихъ ближнихъ, но будетъ жалче всѣхъ. Равновѣсіе нарушено: онъ будетъ несчастнымъ. О, огонь геніальности! Но не будемъ тревожиться: онъ такъ рѣдокъ! Геніальныя люди — метеоры, которые вспыхиваютъ, чтобы озарять свой вѣкъ!»

Но вотъ Европа подымается, барабаны бьютъ. Конституанта требуетъ набрать батальоны добровольцевъ. Наполеонъ опять выхлопоталъ отпускъ, забралъ до 300 фр. жалованья впередъ и въ третій разъ укатилъ на родину, въ сентябрѣ 1791 года.

На Корсикѣ опять пошли интриги, волненія пуще прежняго. Наполеонъ сказалъ тогда: «Лучше не браться за дѣло, чѣмъ дѣлать наполовину». Онъ сталъ настоящимъ главой семьи, по смерти дѣда, оставившаго небольшую сумму: старшіе, дядя Фешъ и Жозефъ, совсѣмъ ступевались. Затѣмъ лейтенантъ затѣялъ сдѣлаться начальникомъ національной гвардіи. Должность была выборная. Наполеонъ обходилъ добровольцевъ ложью, клеветой, обольстительными словами; они ѣли и спали у него по комнатамъ и на лѣстницахъ, къ ужасу Летиціи, видѣвшей исчезновеніе наслѣдства дѣда. Буонапарте запугалъ одного соперника и вызвалъ на дуэль (онъ былъ изъ первыхъ фехтовальщиковъ въ Бріеннѣ); его якобинцы плѣнили другого и побили третьяго — друга Поццо ди Борго. Такъ явился «предтеча

великихъ государственныхъ ударовъ», по словамъ современника. Наполеонъ сталъ въ одно и то же время французскимъ лейтенантомъ и корсиканскимъ подполковникомъ.

Буонапарте получилъ въ руки войско—и отъ „новаго Агамемнона“, говоритъ очевидецъ, житья не стало. Онъ выгналъ капуциновъ, какъ „неприсяжныхъ“ конституціи, и чуть не захватилъ цитадель въ Аяччо. Для этого онъ три дня велъ войну съ своимъ роднымъ городомъ, который стоялъ за „лицемѣровъ“, поднимая противъ него горцевъ. И онъ же называлъ жителей Аяччо «людоѣдами», сваливалъ на нихъ всю вину и доказывалъ, что «при такомъ страшномъ кризисѣ необходимы энергія и смѣлость». То было первое въ жизни Наполеона командованіе войсками, и среди междоусобія. Молодой офицеръ показалъ, какъ на дѣлѣ онъ былъ далекъ отъ идилліи своихъ писаній. Онъ убивалъ гражданъ и женщинъ, вымаривалъ городъ голодомъ; какъ опьяненный, пускалъ въ ходъ все, что попадалось ему подъ руку. Рядомъ какая безустанность, смѣлость, изворотливость, смѣсь насилія съ хитростью, умѣнье справляться съ неопытною и незнавшею дисциплины шайкой волонтеровъ и крестьянъ!

Жители Аяччо жаловались на него, какъ на „клеветника“ и разбойника. Корсиканскіе депутаты въ Парижѣ называли его «кровожаднымъ тигромъ». Самъ Паоли посовѣтовалъ ему съѣздить въ Парижъ и снабдилъ его деньгами и хорошими аттестаціями. И было пора убираться. Буонапарте опять просрочилъ—и его вычеркнули изъ списковъ французской арміи.

VI. Конецъ корсиканства. 1792—1793.

Опять на службу.—Еще разъ Корсика.—Гибель „батюшки“.—Вѣчное проклятіе.—Быство съ родины.

Въ маѣ 1792 года явился въ Парижъ нашъ 23-лѣтній подполковникъ. Онъ былъ наверху несчастья. Въ карманѣ ни гроша, карьера разбита. Передъ нами дезертиръ Франціи, интриганъ и смутьянъ Корсики: самъ министръ призналъ его поведение „крайне предосудительнымъ“. Но онъ пріѣхалъ съ двумя сокровищами въ душѣ, всемогущими въ смутное время. Его осыняла надежда, которую онъ назвалъ тогда „закаломъ противъ ударовъ судьбы“: она была плодомъ сознанія таланта и опыта, внушеннаго ему послѣдними подвигами на родинѣ. А главное, въ Наполеонѣ проснулась страшная сила его

дьявольское честолюбіе. Братъ Люсьенъ писалъ тогда: «Я замѣтилъ въ немъ честолюбіе, не исполнѣ эгоистическое, но превосходящее его любовь къ общему благу. Такой человѣкъ, думается мнѣ, опасенъ въ свободномъ государствѣ. Мнѣ кажется, онъ очень склоненъ къ тиранству; и онъ овладѣетъ имъ, если онъ сдѣлается королемъ. Его имя станетъ ужасомъ потомства и чувствительныхъ патриотовъ».

Революція-миніатюра на Корсикѣ дала Наполеону полезные уроки. Онъ видѣлъ на примѣрѣ своихъ соперниковъ, какъ нужно не только дерзать, но и лукавить. Впечатлительный, рѣшительный юноша вдругъ бросаетъ свою откровенность, становится сдержаннымъ, какъ опытный дипломатъ: тогда же онъ изучилъ книгу Макиавеля. Навѣщая свою сестру Элизу въ аристократическомъ сен-сирскомъ институтѣ, онъ самъ корчилъ барина, «притворяясь съ этими дамами». Люсьенъ опять пророчилъ: «Вижу, что, въ случаѣ революціи, онъ постарается держаться на уровнѣ и, для своего счастья, даже перевернуться (*volter casaque*)». Тогда у Наполеона проявилась страсть читать чужія письма, которою потомъ такъ хорошо пользовались многіе, въ особенности-же Жозефина. Еще важнѣе былъ другой урокъ. Вѣдь, корсиканская Бастилія не была взята только потому, что между товарищами не было ладу, а добровольцы не знали дисциплины. Отсюда—ненависть къ анархіи: беспощадная власть становится кумиромъ. Буонапарте еще революціонеръ въ душѣ. Но онъ уже презираетъ даже своихъ пріятелей, парижскихъ якобинцевъ, какъ смутьяновъ и болтуновъ: это—„дураки, лишённые здраваго смысла“. Наполеонъ зорко слѣдилъ за событіями, стараясь „схватить нить столькихъ различныхъ плановъ“, и проницательно предсказывалъ ходъ революціи. Онъ уже понялъ „интриганта“ Дюмуре и многихъ „жалкихъ людей“, стоявшихъ во главѣ.

По мѣрѣ того, какъ событія принимали „прямо революціонный оборотъ“, Буонапарте становится „файетистомъ“, конституціоналистомъ. Онъ видѣлъ уже спасеніе только въ Лафайетѣ, какъ главѣ „честныхъ людей“, (*honnêtes gens*), въ борьбѣ съ „чернью“ (*populace*). Въ его глазахъ, 20-е іюня 1792 года, когда въ парламентѣ и Тюльери произошло извѣстное „оскверненіе власти“, было „очень опаснымъ примѣромъ“. Подполковникъ холодно смотрѣлъ тогда на толпу изъ окна; а когда онъ вышелъ на улицу, съ своимъ презрительнымъ видомъ, „чернь“ чуть не побила этого „мосе“. А пра 10-е августа, когда престолъ рухнулъ среди крови тѣлохранителей короля,

Наполеонъ говорилъ потомъ: „Я чувствовалъ, что если-бы позвали меня, я защищалъ-бы короля. Я былъ противъ тѣхъ, которые хотѣли создать республику посредствомъ черни. Сверхъ того, я видѣлъ, какъ штатскіе нападали на людей въ мундирахъ. Это непріятно затронуло меня (*cela me choquat*)».

Недавно Буонапарте говорилъ товарищу, что „революція—хорошее дѣло для военныхъ, одаренныхъ умомъ и мужествомъ“. А вотъ теперь могучія событія неслись мимо него бѣшенымъ потокомъ; онъ же, бѣдняга, напрасно околачивалъ пороги министровъ, ища какого-нибудь мѣстечка. Онъ заложилъ даже часы, питался порціей въ 6 су и собирался, вмѣстѣ съ бріенскимъ товарищемъ, Бурьеномъ, превратиться въ съемщика квартиръ. Онъ старался заморить червяка честолюбія. «Умѣряйте себя во всемъ, если желаете жить счастливо», писалъ онъ Люсье. Самъ онъ мечталъ о 4 — 5 тысячахъ фран. дохода, чтобы наслаждаться семейными радостями. „Народы не заслуживаютъ столькихъ стараній снискать ихъ любовь“. Во всякомъ случаѣ, французы недостойны этого: „Въ Парижѣ народъ самый ничтожный, злой, все клеветники да насмѣшники. Всякій заботится лишь о собственныхъ выгодахъ; никогда не низкая интрига не процвѣтала до такой степени».

Одна надежда — милая Корсика. „Все это кончится ея независимостью“, и великій Паоли „станетъ всѣмъ“. Буонапарте все писалъ домой, требуя новостей. Онъ посѣщалъ проживавшихъ въ Парижѣ соотечественниковъ и привязался къ Пермонамъ, потому что „мадамъ любила принимать корсиканцевъ“. Какъ-бы опять попасть домой! Кстати, въ такое время тамъ умному и мужественному военному легче всего можно было стать королемъ Оедоромъ.

Эта счастливая пора опять спасла честолюбца. Наполеонъ пріѣхалъ въ Парижъ, мѣсяць спустя послѣ того, какъ законодательное собраніе, смѣнившее конституанту, объявило войну Австріи. Она началась неудачами, въ которыхъ Буонапарте обвинялъ полководцевъ. Ничего не было готово. Неопытные новобранцы разбѣгались при первыхъ выстрѣлахъ. Офицеры жентильомы присоединились къ цѣлой арміи „эмигрантовъ“. Тутъ были и всѣ школьные товарищи Наполеона. И вотъ, нашъ лейтенантъ опять въ IV полку, да еще съ чиномъ капитана и съ 1,660 фр. содержанія и съ зачетомъ всего прошлаго, что доставило ему разомъ болѣе 1,000 фр. Сверхъ того, онъ продолжалъ числиться подполковникомъ

добровольцевъ на Корсикѣ, за что также получалъ 4 фр. 10 су въ день.

Правда, вскорѣ пришлось отказаться отъ этой благодати. Корсиканскій кланъ былъ въ восторгѣ отъ того, что его главарь, наконецъ, „основался“ во Франціи. Начальство торопилось отъѣздомъ: IV полкъ уже находился „въ разгарѣ дѣятельности“. Но Буонапарте не спѣшилъ въ огонь за новое отечество: въ его головѣ сидѣла гвоздемъ Корсика. Событія подмывали дерзать. Свершилось 10-е августа: королевская власть была „временно пріостановлена“; законодательное собраніе уступало мѣсто конвенту. „Событія летятъ — писалъ Наполеонъ дядѣ: пусть наши враги лаются; ваши племянники сѣмѣютъ пробиться“.

Онъ затѣялъ перевестись въ морскую артиллерію, выставляя такія права: „признанныя“ знанія по своей части, какъ въ теоріи, такъ и на практикѣ; поручаемыя ему „особыя работы, требовавшія наиболѣе разсудительности и проникательности“; наилучшія аттестаціи изъ Корсики насчетъ его „дивизма“, или революціонной благонамѣренности, наконецъ, необходимость „возвратить его къ любимымъ занятіямъ“. А главное, капитанъ надѣялся попасть, съ флотомъ, на Корсику и возстановить тамъ свое званіе подполковника. Революція опять помогла, давши отличный поводъ хлопотать о новомъ отпускѣ. Она закрыла монастыри, а съ ними и Сен-Сиръ: нельзя-же было сестрѣ Элизѣ ѣхать одной домой!

Наполеонъ пережилъ гдѣ-то ужасную сентябрьскую бойню „подозрительныхъ“, о которой всегда хранилъ упорное молчаніе. Онъ выѣхалъ въ половинѣ этого мѣсяца съ спутницей, про которую Жозефъ писалъ: „Изъ трехъ нашихъ сестеръ Элиза больше всѣхъ походила на Наполеона и физически и нравственно“.

Появившись въ четвертый разъ на Корсикѣ, Буонапарте принялся за прежнее съ удвоенной энергіей. Передъ нами опять искатель приключеній, но съ небывалой самоувѣренностью. Теперь въ его домѣ уже танцовали каждый вечеръ: семья впервые вся была въ сборѣ; ее оживляли подросткіи сестры, красивыя, живыя, смѣлыя созданія. Если Летиція не переставала плакаться на бѣдность, при такомъ большомъ гнѣздѣ, глава семьи утѣшалъ ее: „Отправлюсь въ Индію — и черезъ нѣсколько лѣтъ возвращусь набобомъ, привезу хорошее приданое всѣмъ сестрамъ. Вѣдь, англичане хорошо платятъ; нето можно воевать и противъ нихъ, устроивъ артиллерію индусамъ“.

А пока передъ нами опять самозванный «подполковникъ», но съ повелительнымъ тономъ, съ горделивыми манерами. Это—словно посланецъ нарижскаго якобинства, которое именно тогда овладѣло Франціей, подъ видомъ *конвента*, казнило короля (21 января 1793), провозгласило *республику* и уже начало побѣждать Европу. Онъ тоже думалъ уничтожить «тирановъ» въ своемъ углу. Корсиканскіе якобинцы бросились отнимать о. Сардинію у Савойскаго дома. Наполеонъ никогда не упоминалъ объ этой жалкой экспедиціи: онъ оставилъ свои пушки сардинцамъ; собственные моряки чуть не убили его.

Возвратившись послѣ пораженія, Буонапарте взялся опять за интриги. Теперь онъ началъ воевать съ самимъ «батюшкой» (babbo) Корсики. Тогда конвентъ объявилъ войну и англичанамъ. Паоли не могъ выступить противъ пріютившей его «великодушной, свободной» націи, которая притомъ вызвала въ немъ восторгъ своей конституціей. Онъ не терпѣлъ республиканцевъ и французовъ. А Наполеонъ покончилъ съ патріотизмомъ своей юности. Онъ уже называлъ Францію «матерью-отечествомъ», а ея якобинцевъ—«нашими». Онъ увѣрялъ всѣхъ, что «Корсика можетъ существовать лишь въ единеніи съ Франціей». Наконецъ онъ прямо стакнулся съ комиссарами конвента, присланными надзирать за старымъ «конституціоналистомъ»: они сдѣлали его инспекторомъ артиллеріи на Корсикѣ. Наполеонъ уже собирался, съ ихъ согласія и съ помощью подкупа, опять овладѣть цитаделью въ Аяччю; но вышла такая же жалкая исторія, какъ «сардинская экспедиція».

Мало того. Настало полное банкротство того клана, который былъ «созданъ для низкой интриги», какъ говорили корсиканцы. Паоли, который припоминалъ дружбу Карло съ Марбѣфомъ, давно уже не довѣрялъ Бонапартамъ. Подвиги «юноши съ желтымъ носомъ» раздражали его. Онъ уже говорилъ, что «въ немъ сидятъ два Марія и одинъ Сулла». Поццо ди-Борго, ставшій правою рукой старика, разжигалъ вражду. Вдругъ узнаютъ, что исчезнувшій Люсьенъ очутился въ Тулонѣ и тамъ, въ якобинскомъ клубѣ, открыто сдѣлалъ самый гнусный доносъ на Паоли, который былъ тотчасъ отправленъ въ конвентъ. Тогда-же стало извѣстно, что конвентъ изготавилъ приказъ объ арестованіи великаго патріота. Корсиканцы поднялись за своего «батюшку», какъ одинъ человекъ. Главный клубъ патріотовъ въ Аяччю «извергъ изъ своихъ нѣдръ этихъ недостойныхъ сыновъ, которые были разрушительною болѣзнію и всегда старались расточать кровь и

деньги народа на позоръ и преступленія». Національный совѣтъ объявилъ эту шайку «отъявленными врагами свободы, жадными честолюбцами, готовыми продаться кому угодно за горсть золота или за хорошее мѣстечко». Онъ гордо постановилъ: «Принимая во вниманіе, что корсиканскому народу непристойно заниматься фамиліей Буонапартовъ, онъ представляетъ ихъ угрозеніямъ собственной совѣсти и суду общественнаго мнѣнія, которое уже приговорило ихъ къ вѣчному проклятію и безславію».

Самъ народъ былъ менѣе милостивъ. Разъяренная толпа разрушила гнѣздо клана, съ его пожитками и виноградниками. Друзья Буонапартовъ были одни брошены въ тюрьму, другіе изгнаны. Самъ Наполеонъ бѣжалъ, частью пѣшкомъ, частью на какомъ-то одрѣ, но былъ изловленъ. Ночью ему удалось выскочить изъ окна и скрыться у одного пріятеля. Тамъ онъ провелъ двое сутокъ въ какой-то пещерѣ; онъ болталъ, читалъ своего Роллена, отлично спалъ. Въ то же время Летиція съ ея дѣтьми пробиралась, по ночамъ, къ берегу, скрываясь въ кустарникахъ, попеременно садясь на единственнаго коня. Кланъ соединился на французской эскадрѣ, которая отплыла въ Тулонъ въ іюнѣ 1793 года.

Но наканунѣ Буонапарте пустилъ корсиканскую стрѣлу въ «европейскаго Вашингтона». Онъ послалъ въ конвентъ доносъ на «друга англичанъ и аристократовъ». Ехидная бумага восклицала патетически: «Вотъ сколько вѣроломства вмѣщается въ груди человѣка! И какое роковое честолюбіе ослѣпляетъ этого 68-лѣтняго старца! У Паоли доброта и нѣжность на лицѣ, а въ сердцѣ—ненависть и месть. Въ его глазахъ масляное чувство, а въ душѣ—желчь!» Конечно досталось «продажному слугѣ» батюшки, Поццо. Конвентъ изрекъ опалу обоимъ «измѣнникамъ французской республики».

Паоли снова предался англичанамъ. Но они назначили вице-королемъ Корсики своего сэра Элліота, которымъ овладѣлъ ловкій Поццо ди-Борго. Теперь батюшка и въ глазахъ британцевъ сталъ «бунтовщикомъ и старой змѣей». Паоли опять удалился въ Лондонъ. До самой своей смерти (1807) онъ съ любовью слѣдилъ за полетомъ корсиканскаго орла, называя его «нашимъ патріотомъ, нашимъ націоналомъ». Онъ внушалъ юному поколѣнію соотечественниковъ: «Свобода была цѣлью нашихъ революцій. Теперь корсиканцы владѣютъ ею: все-равно, изъ какихъ рукъ они получили ее. Счастье, что она дана намъ славнымъ соотечественникомъ, который отомстилъ за насъ

всѣмъ, кто унижалъ насъ. Теперь имя Корсики уже не презрѣнно. И на великомъ европейскомъ поприщѣ появятся другія ея сыны: у нихъ будутъ таланты, благородное честолюбіе и блестящій примѣръ Бонапарта». Наполеонъ также называлъ батюшку «великимъ человѣкомъ на маленькомъ поприщѣ», однимъ изъ «тѣхъ геніевъ, которые возрождаютъ униженный народъ». Но, ради своего оправданія, онъ всегда поддерживалъ мысль своего доноса объ «измѣнѣ» старика.

Изъ сыновъ Корсики выдвинулся въ Европѣ Поццо, достойный соперникъ Наполеона по интригамъ и мстительности. Сначала онъ вытѣснилъ «батюшку». Когда тотъ жаловался на него Элліоту, сэръ воскликнулъ: «Да, вѣдь, вы же сами дали мнѣ его!»—«Правда, отвѣчалъ герой: но я далъ вамъ его, какъ хорошую бритву, которая брѣшетъ бороду въ рукахъ искуснаго цирюльника и рѣжетъ горло въ рукахъ обезьяны». Затѣмъ Поццо сталъ русскимъ дипломатомъ и посвятилъ свои силы родной вендеттѣ. Этотъ-то тонкій, вкрадчивый корсиканецъ разжигалъ ненависть Александра I къ Наполеону. Онъ сгубилъ «рокового» соплеменника въ 1814 году своими совѣтами союзникамъ.

VII. Авиньонъ и Тулонъ. 1793.

Армія конвента и Карно.—«Святая гильотина» и федерализмъ.—Служебныя странствія.—Капитанъ-императоръ.—Первый военный подвигъ.—Значеніе взятія Тулона.

Подобно бѣгству Магомета изъ Мекки въ Медину, бѣгство Наполеона съ Корсики во Францію имѣло мировое значеніе. Кончался безвѣстный корсиканецъ Набуліоне Буонапарте, начинался препрославленный французъ *Наполеонъ Бонапартъ*. Прекратилась Одиссея неудачника, юнаго искателя приключеній среди волнъ революціи. Передъ нами все еще тщедушный, неуклюжій, хвастливый у себя дома, бьющій на театральность и риторику офицерикъ, котораго грызетъ червякъ честолюбія. Лишенный строгихъ воззрѣній, онъ хватается за все, чтобы выдвинуться, но ни къ чему не выказываетъ особыхъ способностей: онъ не любитъ военной службистики, а политика и литература ему не по плечу. Онъ еле-еле пробавляется мелкими хитростями, которыя стоятъ ему большихъ усилій. Онъ, какъ проходимецъ, просто ищетъ добычи, не задаваясь широкими цѣлями, не выходя за рамки своей Корсики.

Но Бонапартъ уже выброшенъ своей родиной. Онъ перестаетъ быть корсиканцемъ: если года два онъ еще думаетъ о

своемъ островѣ, то лишь побуждаемый местию патріотамъ; а когда, въ 1796 году, ему удалось снова завоевать Корсику для Франціи, онъ уже интересовался ею меньше, чѣмъ Мальтой или Корфу. Однако Наполеонъ, въ душѣ, не сталъ и французомъ. Передъ нами вырисовывается сатанинское честолюбіе безъ отечества, безъ границъ. Этотъ космополитъ тѣмъ опаснѣе, что въ немъ таятся силы, которымъ могла дать просторъ революція, затягивавшая его въ свой водоворотъ. Онъ необычайно самоувѣренъ и упоренъ, мужественъ и безшабашно коваренъ, остороженъ и сдержанъ внѣ дома. Онъ проницателенъ и наблюдателенъ, а потому опытенъ, какъ иной старикъ, и мастеръ изворачиваться, перемѣнять фронтъ, по требованію обстоятельствъ. Пока—ничего особеннаго. Но, при такомъ запасѣ внутреннихъ силъ и опыта, да еще въ революціонную пору, могло случиться, что на этомъ юношѣ оправдывается поговорка: «война рождаетъ героев».

А война уже была въ разгарѣ,—и какая! Обуреваемая революціей, республика боролась почти со всею монархической Европой. Послѣ первыхъ поражений, она вдругъ показала невиданный примѣръ патріотизма и военной доблести. Когда былъ уничтоженъ тронъ, состоявшій въ союзѣ съ непріятелемъ, когда утвердился конвентъ и пронесся по странѣ кликъ «отечество въ опасности!» картина вдругъ измѣнилась. «Терроромъ» или ужасомъ, требованіемъ отъ всякаго «вѣрить или умирать», якобинцы сковали волю Франціи и двинули ее противъ «тирановъ», поднявъ «войну-пропаганду». Однимъ изъ первыхъ рѣшеній конвента было: «Мы даруемъ братство и помощь всѣмъ народамъ, желающимъ пріобрѣсти свободу». Онъ далъ пароль генераламъ: «Побѣда или смерть!» Было объявлено поголовное ополченіе. Словно изъ земли выросло 14 армій—болѣе милліона солдатъ. Франція обратилась въ сплошную военную мастерскую.

Конвентъ превзошелъ себя въ усердіи, смѣлости и умѣньи выбирать людей. Его комиссары самоотверженно подымали ополченіе по департаментамъ и бросались на врага впереди армій. А въ центрѣ его работалъ несравненный *Карно*, дѣдъ президента нашихъ дней. Скромный, прямодушный, недоступный соблазнамъ труженикъ, работавшій по 16 ч., онъ только въ блестящую пору Наполеона не былъ у дѣль; зато самъ предложилъ императору свою шпагу, послѣ несчастнаго похода въ Россію. Никто не умѣлъ такъ выбирать людей и выдвигать таланты. Этотъ-то «устроитель побѣдъ» ввелъ новую систему войны, согласную съ духомъ времени и француз-

зовъ: это *натискъ массажи* да *Дантоновское* дерзновение. «Искусство генерала, говорилъ Карно, состоитъ въ томъ, чтобы всегда встрѣчать непріятеля съ превосходными силами». У него всѣ арміи дѣйствовали то врознь, то слитно, словно полки на полѣ сраженія; безъ палатокъ и обозовъ, онѣ, какъ вихрь, переносились съ мѣста на мѣсто, уже до битвы поражая нравственно неповоротливыхъ *рутинеровъ*, генераловъ Европы. Карно всегда сначала подготавливалъ битву огромною и мѣткою артиллеріей, за которою слѣдовала стремительная атака въ штыки. Онъ предоставлялъ свободу дѣйствій своимъ солдатамъ, полагаясь на ихъ развитость, ловкость и патріотизмъ. Карно поднялъ на ноги всю Францію. Онъ создалъ лучшую въ свѣтѣ артиллерію, положилъ основы славной кавалеріи, устроилъ образцовое интендантство, которое лучше содержало солдатъ, чѣмъ въ 1870 г. Наконецъ онъ далъ Франціи блестящую плеяду полководцевъ, во главѣ которыхъ стояли сначала Гошъ и Пишегрю, потомъ самъ Бонапартъ. За заслуги чины слѣдовали по *недѣлямъ*: оттого многимъ генераламъ не было 30-ти лѣтъ. И такъ какъ даже за несчастье полагалась гильотина, то имъ оставалось побѣждать или умирать.

Арміи были достойны такого хозяина. То были уже не добровольцы, а *реквизиціонеры* или ополченцы. Все у нихъ было налегкѣ: кургузый синій камзолъ, короткіе панталонки, деревянные лапти на ногахъ, а то и ничего; на головѣ шляпченка, если не якобинскій колпакъ, съ трехцвѣтной кокардой, на спинѣ дѣтскій ранецъ съ *манеркой*, на штыкѣ хлѣбецъ съ порціей мяса, а въ зубахъ — носогрѣйка. Но синій камзолъ «босоножекъ» посрамилъ бѣлые капоты первой коалиціи, состоявшей почти изъ всей Европы, а трехцвѣтка (*tricolore*) «обошла міръ». Именитые генералы безропотно поступали подъ начальство талантливыхъ юношей. «Офицеры, говоритъ Сульть, съ ранцами на спинѣ, безъ жалованья, жили пайками, наравнѣ съ солдатами. У солдатъ—такое же самоотреченіе. Никогда не было арміи болѣе послушной, болѣе одушевленной и рьяной; никогда не было столько добродѣтели въ войскахъ». Каждый реквизиціонеръ былъ героемъ идеи и мстителемъ за отечество, оскорбленное наглými манифестами алчныхъ союзниковъ. Съ огнемъ въ глазахъ, распѣвалъ онъ свою рыдающую марсельезу или удалую «Дѣло пойдеть!» Нето повторялъ лозунгъ конвента — «Война дворцамъ, миръ избамъ!» Придетъ онъ въ чужую страну — первымъ дѣломъ приладитъ

на мостовой колышками деревцо, а на немъ повѣсить якобинскій колпакъ съ трехцвѣткой: это—«древо свободы». А рядомъ приклеить такое воззваніе: «Братья и друзья! Мы завоевали вамъ свободу и отстоимъ ее; ваши тираны уже разбѣжались; мы защитимъ васъ отъ ихъ мести и козней.»

Съ такими молодцами, воплощавшими обновленную націю, съ августа 1793 года въ военной исторіи Франціи настала блестящая эпоха, которая длилась полтора года. По отчету Карно, было 27 большихъ и 120 мелкихъ побѣдъ; у непріятеля пало 80.000 человекъ и столько-же плѣнено; взято 106 крѣпостей и городовъ, 230 фортовъ и редутовъ, до 4.000 пушекъ, 70.000 ружей, болѣе 50.000 пудовъ пороху и 90 знаменъ. Подвиги французовъ начались на сѣверѣ, въ Бельгіи. Затѣмъ пошли чудеса и на югѣ, гдѣ у конвента были слабыя силы. Здѣсь они связаны съ именемъ Бонапарта и съ войной внутренней.

Насколько велики заслуги конвента на военномъ поприщѣ, настолько же ужасны были мѣры, которыми онѣ были достигнуты. Взявшіе въ руки власть якобинцы или «монтаньяры» (горцы), какъ именовались они по мѣсту въ конвентѣ, вездѣ видѣли «подозрительныхъ». Въ ихъ глазахъ неблагонамѣренными стали даже «цареубійцы», какъ назывались жирондисты, подавшіе голосъ за казнь Людовика XVI. Лѣтомъ 1793 года монтаньяры овладѣли страной, подъ видомъ комитета общественнаго спасенія и его диктатора, Максимилиана Робеспьера. Они частью истребили, частью разогнали жирондистовъ. Ихъ «революціонный трибуналъ» въ Парижѣ, подстрекаемый такими кровожадными фанатиками, какъ Маратъ, сталъ инквизиціоннымъ судилищемъ. Ихъ «національные агенты» или «комиссары» конвента разъѣзжали по странѣ съ «святою гильотиной», безпощадно производя «патріотическое очищеніе».

Пролитая кровь согражданъ взывала къ возмездію. Департаменты и безъ того тяготились централизацией столицы: благодаря конституантѣ, развивавшей мѣстное самоуправленіе, они считали себя какъ бы Соединенными Штатами Америки. Это стремленіе, названное тогда *федерализмомъ*, развилось теперь, подъ вліяніемъ разбѣжавшихся жирондистовъ. Вспыхнуло междоусобіе почти въ $\frac{2}{3}$ Франціи, въ особенности же на сѣверѣ и югѣ. На сѣверѣ, въ Вандеѣ, обнаружился подъемъ стараго порядка, поднялся роялизмъ мужика-паписта, руководимаго жантильбомами «и не присяжными священниками».

Важнѣе было движеніе самихъ революціонеровъ противъ той временной жестокой формы, которую приняла республика

въ рукахъ монтаньяровъ. Оно-то направило кинжалъ Немезиды человѣколюбія, нормандки Шарлоты Корда, въ сердце Марата. Этотъ жирондистскій федерализмъ сосредоточивался въ богатыхъ, просвѣщенныхъ городахъ юга: здѣсь буржуазія отстаивала свое достоинствѣ и свой покой противъ террора пролетаріевъ или «санкюлотовъ» (безптанниковъ). Особенно оскорбился второй, по богатству и обширности, городъ Франціи—промышленный Ліонъ: онъ звѣрски расправился съ мѣстною коммуной или якобинскимъ клубомъ. За нимъ послѣдовалъ Тулонъ: онъ даже сдался англичанамъ, которые ввели въ его портъ сильную эскадру и превратили его во «второй Гибралтаръ». Мятежъ уже охватывалъ Марсель и Бордо. Провансальскіе федералисты образовали армію, которая тѣснила войско конвента и уже дошла до Авиньона. И событія на Корсикѣ, выгнавшія якобинцевъ-Бонапартовъ, были лишь звеномъ въ цѣпи южнаго федерализма.

Вотъ почему корсиканскимъ изгнанникамъ пришлось вскорѣ бѣжать изъ Тулона, и чуть не питаться подаяніемъ. Нашъ кланъ кое-какъ перебрался въ Марсель, гдѣ еще державшіеся якобинцы помогли ему: Летиции дали пособіе, Жозефа пристроили въ арміи, Люсьена и Феша—въ комиссаріатѣ. Самъ Наполеонъ поспѣшилъ въ Ниццу, гдѣ квартировалъ тогда ІУ полкъ, какъ часть «итальянской арміи» Брюна, которая была выставлена противъ сардинцевъ, занимавшихъ горные проходы нижняго Пьемонта. Его назначили капитаномъ береговой батареи. Брюнъ послалъ его въ Авиньонъ за порохомъ. Наполеонъ пробирался проселками, чтобы избѣжать встрѣчи съ торжествующими фидералистами. Онъ присоединился къ небольшой арміи, высланной на югъ монтаньярами, подъ начальствомъ генерала-живописца, хвастливаго рутинера Карто, ничего не понимавшаго въ военномъ дѣлѣ. Комиссарами конвента при ней были корсиканецъ Саличетти, пріятель Бонапартовъ, и Огюстенъ Робеспьеръ, младшій братъ Максимилиана. У Карто было такъ мало офицеровъ, что онъ задержалъ капитана у себя. Двинувшись на Тулонъ, онъ оставилъ его въ тылу, для устройства артиллерійскаго парка въ *Авиньонъ*.

Подъ бокомъ былъ Валяжъ. Воспоминаніе тяжелой юности и литературныхъ мечтаній въ послѣдній разъ пронесли въ воображеніи Наполеона. Онъ вдумывался въ событія, въ тиши безшумной работы въ средневѣковомъ папскомъ городкѣ. Корсика уже исчезла въ морскомъ маревѣ; а тамъ, на материкѣ, сверкали боевыя молніи, которыя озаряли славой какого-нибудь Пишегрю, презрѣннаго учителя Бриеннской школы. Бона-

партъ попросился въ рейнскую армію, а пока, со скуки, опять взялся за перо. Оно также преобразилось. «Ужинъ въ Бокерѣ» — первое удачное произведеніе Наполеона. Здѣсь — ясный, сильный, даже правильный слогъ. Здѣсь пониманіе военного дѣла и мѣткая обрисовка хаоса политическихъ партій, въ формѣ разговоровъ Платона. Солдатъ (авторъ) хладнокровно спорить съ марсельцемъ. Допуская «нѣкоторыя неправильности въ дѣйствіяхъ Горы», онъ убѣждаетъ однако его, что дѣло федерализма проиграно, какъ непатріотичное. Нужно «думать только о побѣдѣ надъ Европой»; а конвентъ добился ея, и его должно признать «истиннымъ монархомъ». Федералисты-же, подобно Паоли, играютъ въ руку англичанамъ, австрійцамъ, аристократамъ и эмигрантамъ. Наполеонъ уже прямо выставляетъ военный догматъ о томъ, что сила есть право и что успѣхъ оправдываетъ все. Онъ какъ-бы забылъ, что въ доносѣ на Паоли обрушивался на тѣхъ корсиканцевъ, которые говорили: «Если нужно выбирать, то становись на сторону торжествующихъ; лучше быть пожирателемъ, чѣмъ пожранымъ».

Этотъ «Ужинъ» — одинъ изъ множества памфлетовъ, которые разбрасывалъ авангардъ Карто: тогда вездѣ «маленькая война перьями» предшествовала революціоннымъ арміямъ. Но для насъ брошюрка имѣетъ свое значеніе. Здѣсь Наполеонъ впервые пускается въ океанъ политики, и такъ удачно, что конвентъ напечаталъ «Ужинъ» на казенный счетъ. Его комиссары стали друзьями автора. Вскорѣ Летиція получила денежное пособіе. Фешъ, Жозефъ и «Робеспьерикъ» Люсьенъ сдѣлались смотрителями интендантскихъ складовъ; Люи попалъ въ военную академію. Самъ Наполеонъ, ожидавшій перевода на Рейнъ, собирался возвратиться въ Ниццу; но его упростили пойти съ арміей Карто, гдѣ у него не было и должности. Какъ только прибыли на мѣсто, въ первой стычкѣ съ англичанами, палъ артиллерійскій капитанъ: Карто передалъ его постъ автору «Ужина въ Бокерѣ».

Тулонъ считался неприступнымъ, а у французовъ было всего 6 осадныхъ орудій и мало народу; канониры — неопытная молодежь; начальники — Карто, а послѣ него подобный же господинъ. Наконецъ, по настоянію Наполеона же, прислали умнаго генерала. Онъ поддержалъ юнаго «капитана Пушки», который жестоко спорилъ съ рутинерами объ «аксіомахъ» дѣла, замѣтивъ тотчасъ «всю нашу глупость, все невѣжество, всѣ страстишки и предрасудки штабныхъ», какъ доносилъ онъ конвенту.

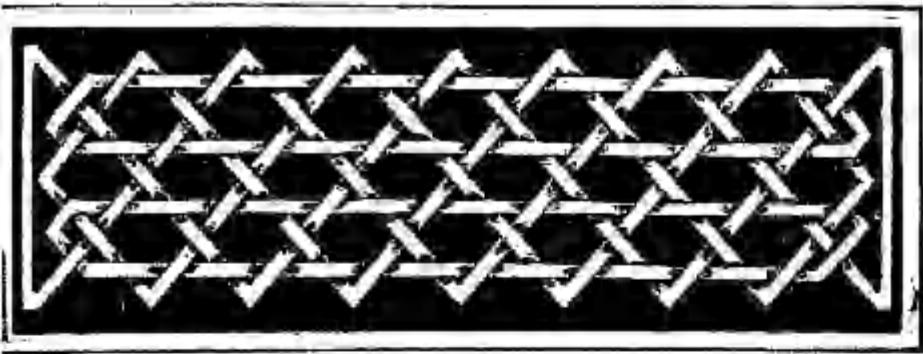
Наполеонъ показалъ себя уже при первой вылазкѣ изъ города: въ «Мониторѣ» отъ 7. декабря 1793 года былъ упомянутъ Буона Парте», какъ наиболѣе отличившійся офицеръ. Затѣмъ онъ началъ упорно настаивать на своемъ простомъ, геніальномъ планѣ наступленія. Онъ одолѣлъ, съ помощью очарованныхъ имъ комиссаровъ Огюстена Робеспьера и Барраса. Вѣдь, тутъ заговорила свѣжая сила таланта, впервые выступили основы тактики Наполеона, взятой у Карно,—подавленіе врага сплоченной мощью артиллеріи и „нравственнымъ» вліяніемъ смѣлости!

Всѣ предсказанія Буанарте сбылись, и особенно благодаря ему самому. Онъ подобралъ способныхъ помощниковъ, стянулъ отовсюду много пушекъ, провіанту, людей и лошадей, воевалъ съ поставщиками и офицерами,—словомъ, былъ душой осады. Онъ показалъ примѣръ «мастерскаго удара»,—быстраго взятія несокрушимой твердыни, безъ инженерныхъ подходовъ, одною ловкою постановкой батарей и отчаянными приступами. Онъ же подавалъ примѣръ храбрости. При штурмѣ главнаго редута, въ ливень, подъ бурей, среди кромѣшной тьмы, когда англійскія суда давали по 100 выстрѣловъ въ минуту, онъ третьимъ вскочилъ наверхъ; подъ нимъ падали кони. Онъ справедливо говорилъ потомъ: «Меня считали неуязвимымъ; и я поддерживалъ это мнѣніе, скрывая легкія раны». Всѣ восхищались этой храбростью, мѣткимъ взглядомъ и превосходными знаніями молодого капитана, а больше всего дьявольскимъ рвеніемъ тщедушнаго человѣчка, опьяняемаго битвой. Баррасъ писалъ объ «этомъ вѣчномъ движеніи, объ этой физической дрожи, полной энергіи, которая шла отъ головы до конечностей». Онъ говоритъ, что капитанъ спалъ лишь урывками, у своихъ батарей, на землѣ, завернувшись въ шинель. Начальство доносило въ Парижъ: «Большія научныя свѣдѣнія, такой же умъ, а храбрость даже чрезмѣрная—вотъ слабый очеркъ достоинствъ этого рѣдкостнаго офицера... Повысьте его, нето онъ самъ возвысится». И всѣ свидѣтельствовали, что, когда, послѣ побѣды, комиссары начали жестоко расправляться съ «измѣнниками», Буонапарте сдерживалъ ихъ, даже самъ спасалъ несчастныхъ.

Наполеонъ всегда съ особенной любовью вспоминалъ Тулонъ, какъ первый поцѣлуй славы, какъ предтечу своей «звѣзды».

А. Трачевскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Студенчество стараго Дерпта.

ъ самомъ началѣ XX-го столѣтія русской—еще, какъ извѣстно, очень молодой—наукѣ предстоитъ пѣлый рядъ знаменательныхъ празднествъ. Приближается рядъ столѣтнихъ юбилеевъ русскихъ университетовъ, и прежде всего юрьевского.

Лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ отпраздновалъ свою столѣтнюю годовщину „первенецъ русскихъ университетовъ“, — университетъ московскій.

Старѣйшій изъ его младшихъ братьевъ—университетъ юрьевскій. Трудно однако представить себѣ двухъ братьевъ, которые во всѣхъ отношеніяхъ были бы такъ несхожи между собою, какъ эти два университета. Одинъ—въ центрѣ русской земли, на виду у всей Россіи; съ его прошлымъ и настоящимъ связано столь много дорогого сердцу русскаго интеллигентнаго человѣка; другой—на „окраинѣ“, поязыку, общему характеру и традиціямъ въ сильной степени чуждый русскому обществу и почти совершенно для него неизвѣстный¹⁾. Широко разошлась только одна легенда о дерптскомъ университетѣ, какъ о разсадникѣ дуэлистовъ; отсюда, какъ извѣстно, выводили наши бедлетристы своихъ героев—бреттеровъ; и еще въ современныхъ повѣстяхъ и романахъ дерптскіе студенты нерѣдко фигурируютъ съ безчисленными шрамами на лицѣ...

¹⁾ Въ русской литературѣ очень мало книгъ и статей, знакомящихъ съ прошлымъ юрьевск. у-та и студенчества: «Записки» *Н. И. Пирогова* (1 т. соч.), тенденціозная статья *А. Чумикова* («Р. Стар. 1890 г., № 2-й «Лѣтопись забавъ и шалостей дерптскихъ студентовъ»), и подобная же замѣтка *Е. Чешингина* («Р. Арх. 1887, 10 «Студенческія безчинства въ Дерптѣ»), брошюра *М. Лавреикаго* «Городъ студентовъ» (Ревель. 1891 г.), анонимная брошюра «О студенческой жизни въ Дерптѣ» (давно вышла изъ продажи), критика на нее *А. Харузина* («По поводу брошюры etc.» Москва. 1891) и нѣсколько страницъ въ ст. *А. Осипова* («Въ странѣ бароновъ». Воскр. св. 1899 г. № 43—44); нѣсколько историческихъ свѣдѣній находимъ также у *К. К. Смулевскаго*, въ «Прибалтійской сторонѣ» 1888.

Своеобразны, не въ примѣръ всѣмъ прочимъ университетамъ Россіи, и вѣйшія судьбы юрьевскаго университета. Возникшій еще въ началѣ XVII столѣтія, этотъ университетъ пережилъ на протяженіи своего существованія нѣсколько радикальных метаморфозъ. Нѣкогда шведскій, дерптскій университетъ былъ преобразованъ потомъ въ нѣмецкій, и въ послѣднія десятилѣтія изъ нѣмецкаго становится русскимъ. Тяжелыя историческія условія Остзейскаго края заставляли дерптскій университетъ не однажды переселяться изъ одного города въ другой; изъ Дерпта онъ эмигрируетъ (около 1657 года) въ Ревель, затѣмъ возвращается на нѣкоторое время обратно въ Дерптъ и переселяется отсюда въ Перновъ (1696 г.). Здѣсь его жизнь на долгое время замираетъ (1710 г.), чтобы возродиться уже въ XIX столѣтіи, опять въ Дерптѣ.

Вся жизнь дерптскаго университета, равно какъ и жизнь дерптскаго студенчества, текла по совсѣмъ иному руслу и развивалась при совершенно иныхъ условіяхъ, нежели въ прочихъ университетахъ Россіи. И въ этомъ отношеніи въ исторіи дерптскаго университета не мало переворотовъ. Было время, когда дерптскій университетъ былъ лучшимъ университетомъ Россіи. Въ 20-хъ и 30-хъ годахъ онъ былъ въ собственномъ смыслѣ этого слова разсадникомъ профессоровъ для всѣхъ русскихъ университетовъ: сюда командировались на казенный счетъ лучшіе представители русской ученой молодежи для подготовки къ профессорскому званію ¹⁾. Теперь, какъ извѣстно, это едва ли не бѣднѣйшій изъ всѣхъ русскихъ университетовъ.

I.

«Когда открылся мнѣ Дерптъ, я сказалъ: прекрасный городокъ! Тамъ все праздновало и веселилось. Мужчины и женщины ходили по городу обнявшись и въ окрестныхъ рощахъ мелькали гуляющія четы. Что городъ, то норовъ, что деревня, то обычай!»

Карамзинъ («Письма русск. пут.»).

«Здѣсь покоятся кости многихъ народовъ... На гробахъ ихъ воздвигнулъ Александръ новое обиталище музъ»...

Изъ надписи на одномъ памятникѣ въ Юрьевѣ.

Не веселъ край, гдѣ пріютилась дерптская Alma mater.

«Черезъ ливонскія я проѣзжалъ поля;
Вокругъ меня все было такъ уныло;
Вездѣтнныи грунтъ небесъ, песчаная земля,—
Все на душу раздумье наводило»,—

сказалъ про него „поэтъ-мыслитель“.

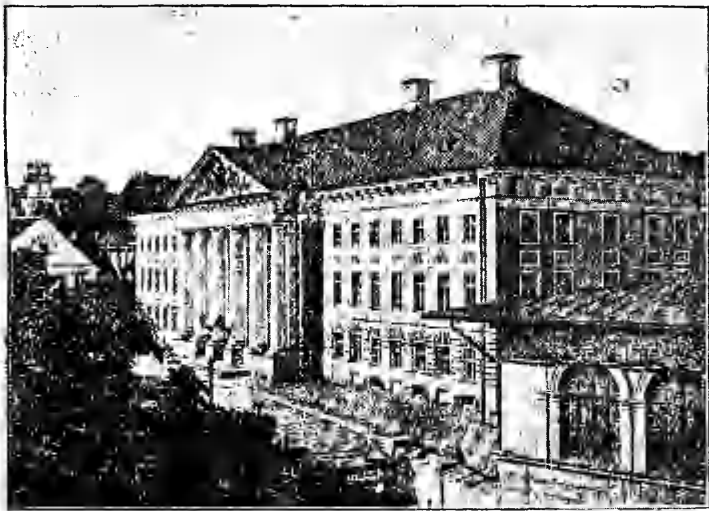
Еще болѣе печальны прошлыя судьбы края, служившаго какъ бы яблокомъ раздора между сосѣдними державами. Цѣлыя

¹⁾ Между прочимъ, сюда командированъ былъ Н. И. Нироговъ, впослѣдствіи знаменитый хирургъ.

столѣтїя здѣсь непрерывно тянулись войны; кровь лилась рѣкою; страна вѣчно переходила изъ однихъ рукъ въ другія,—отъ русскихъ къ нѣмцамъ, отъ нѣмцевъ къ полякамъ, отъ нихъ—къ шведамъ... Все это пришлось переживать и Дерпту-Юрьеву, одному изъ древнѣйшихъ городовъ въ краѣ.

„Прекрасный городокъ“ Карамзина, Дерпт-Юрьевъ очень мало знакомъ русскому обществу, а между тѣмъ прошлое его не лишено интереса.

Почти тысячелѣтняя (по общепринятому мнѣнїю, Дерпт основанъ Ярославомъ Мудрымъ) исторїя Дерпта полна самыхъ мрачныхъ страницъ. Вѣчная опасность отъ враговъ, частыя осады, погромы и разрушенїя,—все это красною нитью проходитъ чрезъ исторїю города. Только въ одно царствование Грознаго Дерптъ потерялъ два ужасныхъ погрома; вскорѣ затѣмъ послѣ уступки города полякамъ, Дерптъ совершенно обезлюдѣлъ, и по замѣча-

Главное здание университета.

нїю современника, въ немъ „жили гады и хищные звѣри“. Петръ Великій, завоевавъ Дерптъ у шведовъ, выселилъ значительную часть его жителей въ Вологду, руководясь въ этомъ случаѣ политикою своихъ предшественниковъ... Ко всѣмъ этимъ злослуженїямъ присоединялись еще частые пожары. Русскій путешественникъ XV вѣка, Симеонъ Суздальскій пишетъ о Дерптѣ: „градъ же сей великъ и каменъ, нѣсть такихъ у насъ; палаты же въ немъ созданы вельми чудны; намъ же, не видѣвшимъ таковыхъ, дивящихся; церкви и монастыри многи. Горы же у нихъ велики, поля и садове красны...“ Какъ это ни странно, но каменный городъ Симеона Суздальскаго выгоралъ десятки разъ почти дотла. Еще Екатерина Великая принуждена была оказывать

помощь погорѣвшему Дерпту. Огонь же разрушилъ и одну изъ главныхъ достопримѣчательностей и древностей этого стараго города,—исполинскій соборъ св. Діонисія, отъ котораго остались лишь однѣ—правда очень грандіозныя и живописныя—руины. И вообще, въ Юрьевѣ тщетно искать какихъ либо памятниковъ глубокой старины: всѣ ихъ смыло бурное историческое прошлое города.

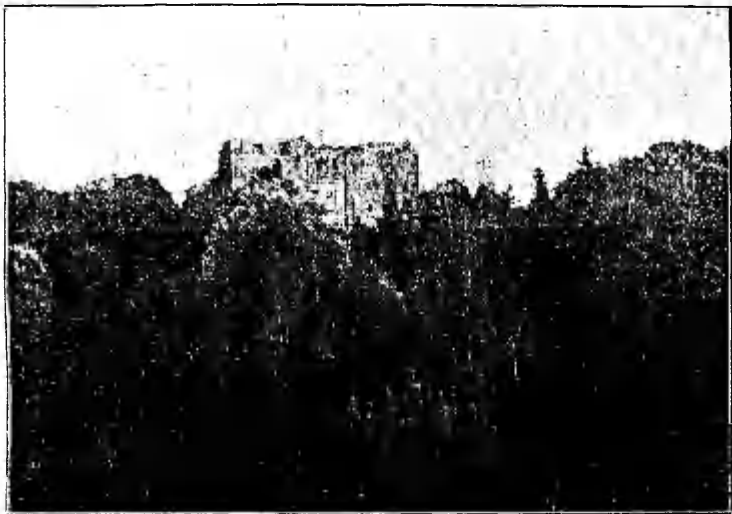
Въ настоящее время, вновь переименованный (изъ Дерпта въ Юрьевъ, въ 1891 году), Юрьевъ представляетъ собою маленький, съ 40 тысячами жителей, уѣздный городокъ, почти весь потонувшій въ зелени. Это въ собственномъ смыслѣ „городъ студентовъ“, „городъ при университетѣ“. Alma mater какъ бы царитъ надъ городомъ, составляя средоточіе и центръ всей его жизни. Не даромъ Юрьевъ и извѣстенъ подъ именами:—у нѣмцевъ „*Musenstadt am Embachufer*“, у русскихъ—„Ливонскія (или Эстонскія) Аѳины“, а поэтъ Языковъ называлъ его не иначе, какъ „почтенный градъ профессоровъ и скуки“. Вопреки природѣ, Юрьевъ оживаетъ лишь къ осени, когда на его узкихъ улицахъ замелькаютъ студенческія фуражки, и потомъ вновь замираетъ на весь святочный мѣсяцъ, когда студенты разъѣзжаются по роднымъ угламъ... И престижъ студента, быть можетъ, ни въ одномъ изъ русскихъ университетскихъ городовъ не стоитъ такъ высоко, какъ именно въ Юрьевѣ.

Населеніе Юрьева весьма разноплеменно. Эстонцы, нѣмцы, русскіе, поляки, латыши, вездѣсущіе татары и евреи,—пестрѣютъ на улицахъ города, и въ воздухѣ слышится самая разнообразная рѣчь. По численности, преобладающимъ является эстонское населеніе. На первый взглядъ представляется, что флегматическіе эсты составляютъ исключительно низшій классъ общества, а что интеллигенція почти вся нѣмецкая. На самомъ же дѣлѣ эстовъ не мало и среди интеллигенціи, но ихъ подчасъ трудно отличить отъ природныхъ нѣмцевъ даже и по языку. Однако многіе образованные эсты не стыдятся своей національности и не скрываютъ ея: въ Юрьевѣ издается ежедневная эстонская газета „*Postimees*“ (Почтарь), имѣется постоянный эстонскій театръ и опера и кромѣ того масса самыхъ разнообразныхъ и прекрасно организованныхъ обществъ, среди котораго особеннаго вниманія заслуживаетъ „Ученое Эстонское общество“ (при университетѣ), имѣющее свой періодическій литературный органъ (на нѣмецкомъ языкѣ). Нѣмцы имѣютъ свою ежедневную газету,—„*Nordlivländische Zeitung*“ (нѣкогда—„*Neppe-Dörptsche Zeitung*“), существующую уже 35-й годъ. Русской газеты еще нѣтъ. Ни русскіе, ни нѣмцы не имѣютъ также и постоянного театра.

Въ общемъ въ Юрьевѣ, въ этомъ маленькомъ уѣздномъ городишкѣ, насчитывается болѣе десятка періодическихъ изданій. Но чего здѣсь особенно много, такъ это—школы, и названіе Юрьева „Ливонскими Аѳинами“ какъ нельзя болѣе справедливо: кромѣ двухъ высшихъ учебныхъ заведеній—университета (въ послѣдніе годы очень многолюднаго: болѣе полторы тысячъ

студентов¹⁾; въ университетѣ пять факультетовъ) и ветеринарнаго института—здѣсь существуетъ множество среднихъ училищъ, — мужскихъ и женскихъ, казенныхъ и частныхъ...

Небольшая, но глубокая рѣка Эмбахъ прорѣзываетъ городъ, раздѣляя его на двѣ части, — „жестокій Эмбахъ“, такъ какъ имъ поглощено немало студенческихъ жизней: жертвы веселыхъ прогулокъ на лодкахъ²⁾. Два моста связываютъ между собою разрѣзанныя рѣкою части города. Ниже Юрьева Эмбахъ судоходенъ, и бѣгающіе по немъ пароходики соединяютъ Юрьевъ со Поковымъ. Но существованіе пристани совсѣмъ не придаетъ Юрьеву

Садъ на Домбергѣ.

характера коммерческаго города. И пароходы служатъ главнымъ образомъ для прогулокъ, особенно въ живописный Квистенталь, — одно изъ любимыхъ мѣстъ старыхъ дерптскихъ буршей.

„Церкви и монастыри у нихъ многи“, — съ наивнымъ восхищеніемъ писалъ о Дерптѣ упомянутый путешественникъ XV вѣка. Три вѣка тому назадъ это дѣйствительно было такъ, но теперь въ Юрьевѣ всего 8 церквей, — если въ томъ числѣ считать и домовую университетскую церковь, — и ни одного монастыря. Изъ восьми церквей — четыре протестантскихъ, кирка, три православныхъ храма и одинъ католическій костелъ (построенный лишь въ 1899 г.). Болѣе древнія — Иоанновская и Маринская кирки, очень старинной архитектуры.

¹⁾ Многолюдство юрьевского университета объясняется тѣмъ, что въ послѣдніе годы сюда принимаются воспитанники православныхъ духовныхъ семинарій, нахлынувшие сюда буквально со всѣхъ концовъ Россіи, не исключая отдаленной Сибири и Кавказа.

²⁾ По вычисленію Г. Отто и А. Гасельблата (Von den 14.000 Immatriculirten. Dorpat. 1891 г.) въ водахъ Эмбаха потонуло 2,7% общаго числа студентовъ.

Невдалекѣ отъ Маріинской кирки стоитъ очень простаго устройства кирпичный памятникъ, воздвигнутый въ 1806 году на костяхъ прежнихъ обитателей Дерпта. Кости эти собраны были при производствѣ земляныхъ работъ на Домбергѣ. На памятникѣ вырѣзана надпись на четырехъ языкахъ: латинскомъ, нѣмецкомъ, русскомъ и эстонскомъ. (Русскую надпись мы привели въ эпиграфѣ). Два другихъ памятника, украшающіе улицы города, посвящены памяти: одинъ—полководца Барклая-де-Толли, другой—ученаго Вера.

Любитель найдетъ въ Юрьевѣ немало очень живописныхъ видовъ. Особенно изобилуетъ ими Домбергъ (*Domberg, соборная гора*), на которомъ расположенъ громадный, затѣйливо разбросанный по возвышенностямъ и долинамъ, паркъ, съ вѣковыми исполинскими липами и вязами, со множествомъ великолѣпныхъ аллей, причудливыхъ дорожекъ и гротовъ... „*Otium reficit vires*“ (отдыхъ возобновляетъ силы),—гласитъ вырѣзанная на одномъ изъ мостиковъ въ саду древняя надпись, указывая на предназначение парка. И предназначение это, дѣйствительно, выполняется жителями Юрьева. Здѣсь, вы всегда встрѣтите группы гуляющихъ, играющую въ „лаунъ-теннисъ“ молодежь, рѣзвѣющихся дѣтей,—хотя, быть можетъ, все это происходитъ и не такъ весело, какъ то было во времена Карамзина...

Расположенный рядомъ съ университетомъ, какъ бы устроенный разбросанными въ немъ университетскими зданіями, паркъ на Домбергѣ почти весь и принадлежитъ университету. Въ центрѣ парка красуются живописныя „руины св. Діонисія“ (или: „*Domgüpe*“),—развалины стариннаго собора. Отъ этихъ исполинскихъ полуразрушенныхъ стѣнъ вѣетъ чѣмъ то таинственнымъ, романтическимъ... Соборъ былъ построенъ въ XIII вѣкѣ. Передаютъ, что онъ сдѣлался жертвою народнаго обычая: въ ночь на Ивановъ день жители Дерпта зажигали вокругъ собора множество костровъ; отъ нихъ будтобы и сгорѣлъ этотъ чудный памятникъ древности. Впослѣдствіи, когда соборъ обратился уже въ развалины, рядомъ съ ними также нерѣдко горѣли веселые огни: то были костры студенческихъ коммершей...

Часть руинъ отремонтирована, и въ ней помѣщается (съ 1806 года) университетская библіотека съ ея огромными богатствами. Въ библіотекѣ болѣе 300.000 томовъ, среди которыхъ не мало очень рѣдкихъ и замѣчательныхъ, какъ печатныхъ, такъ и рукописныхъ памятниковъ старины. Трудно, кажется, найти для святилища науки болѣе подходящее помѣщеніе!.. Невдалекѣ отъ руинъ виднѣется мрачный *Anatomicum* (анатомическій театръ), нѣсколько поодаль—громадный фізіологическій институтъ. Тутъ же находятся нѣкоторыя клиники. Другія университетскія зданія разсыяны по всему городу.

Здѣсь, среди этихъ многочисленныхъ садовъ, среди этихъ безпорядочно раскинутыхъ узкихъ улицъ города, окаймленныхъ однообразными домиками средневѣковой архитектуры, болѣе столѣтія била ключемъ кипучая студенческая жизнь,—именно *болѣе* столѣтія, хотя университетъ только еще и готовится къ столѣтнему юбилею.

Быль самый разгаръ тридцатилѣтней войны, въ Остзейскомъ краѣ развѣвались побѣдоносныя знамена Густава Адольфа,—когда въ Дерптѣ, на берегахъ Эмбаха, появился впервые „храмъ музъ“, — *Academia Dorpatensis ad Embesam*. „Воинственную Лифляндію надо привести на путь добродѣтели и нравственности“,—въ этомъ, какъ передаютъ, указывалъ задачу новаго университета шведскій генераль-губернаторъ, Смитце. 30-го юня 1632 года, въ лагерѣ подъ Нюрнбергомъ, Густавъ Адольфъ подписалъ учредительную грамоту дерптскаго университета, и 15 октября того же года университетъ былъ открытъ. По имени основателя университета долго называли „*Academia Gustaviana*“, равно какъ впослѣдствіи, по имени возсоздавшего университетъ Карла XI, онъ назывался „*Academia Gustavo-Carolina*“.

Университетская библиотека.

Сравнительно низкій уровень общаго просвѣщенія въ Лифляндіи того времени, а также почти непрекращающееся военное положеніе страны повели къ тому, что новый университетъ не находилъ достаточнаго количества слушателей. Правительство принуждено было заманивать студентовъ въ университетъ то угрозами, то льготами и стипендіями. Большинство студентовъ пользовались даже бесплатнымъ казеннымъ столомъ, впрочемъ, не очень роскошнымъ, какъ, по крайней мѣрѣ, можно заключить объ этомъ изъ жалобы студентовъ ректору на эконома въ 1637 году. „Студенты сидятъ въ грязи,—читаемъ въ этой жалобѣ,—столовые не убираются, кухарки отвратительны, грязны и бьютъ студентовъ“...

Неблестящее существованіе университета еще болѣе ухудшается со времени начавшихся переселеній его изъ одного города въ другой.

Просуществовавъ, съ перерывами, около столѣтія, дерптскій университетъ замеръ, чтобы возродиться уже въ XIX вѣкѣ. Вновь

призвать его къ жизни суждено было русскому императору Александру I. Еще императоръ Павелъ обратилъ вниманіе на нѣкогда существовавшій въ Остзейскомъ краѣ храмъ науки. Отъ его царствованія остался указъ (25 декабря 1800 г.) о возстановленіи университета въ Митавѣ. Но по смерти Павла Александръ I издаетъ новый указъ (12 апрѣля 1801 года), согласно которому университетъ возродился въ Дерптѣ. Открытіе университета состоялось 21-го мая 1801 года. Но учредительная грамота университету была выдана лишь 12 декабря 1802 года. Со дня подписанія этой грамоты современный юрьевскій университетъ и ведетъ свое начало и въ день 12-го декабря ежегодно торжествуетъ годовщину своего основанія.

Возрожденный дерптскій университетъ былъ совершенно нѣмецкимъ по языку (преподаванія и дѣлопроизводства), равно какъ по составу профессоровъ и студентовъ, и совершенно германскимъ по внутреннему и внѣшнему устройству. Между прочимъ, по образцу германскихъ университетовъ, дерптскій университетъ получилъ тогда строго корпоративное устройство и имѣлъ собственный, университетскій, — съ очень широкими полномочіями — судъ. Этой важной прерогативы дерптскій университетъ былъ лишенъ только 7 июня 1889 года ¹⁾, что почти совпало съ появленіемъ здѣсь первыхъ русскихъ профессоровъ, другими словами — съ началомъ реформы университета по образцу всѣхъ прочихъ россійскихъ университетовъ.

II.

«Diesen Geist wahrhafter Barschikosität unter Euch zu pflegen und ihn von Generation zu Generation fortzupflanzen, — die Curonia stets diesem Princip als ihrem obersten treu gehliehen ist.»

Изъ юбилейной речи сенатора.

«Дерптскіе студенты вообще незнакомы съ современными направленіями въ политикѣ и даже не заглядываютъ въ газеты».

Изъ доклада мин. нар. пр., гр. Уварова, 1833 года.

Корпоративное устройство — это главное начало всей прошлой жизни дерптскаго студенчества. Оно сообщило ей въ высшей степени своеобразную организацію и окраску. Оно же служило и предметомъ многочисленныхъ — хотя и неудачныхъ — подражаній для студентовъ почти всѣхъ другихъ русскихъ университетовъ... Въ корпораціи проходила, можно сказать, вся жизнь стараго дерптскаго бурша, во все время прохожденія имъ университетскаго курса, — время, часто очень продолжительное, такъ какъ

¹⁾ Сколо этого же времени, 20 ноября 1889 г., дерптскій у-тъ былъ лишенъ и корпоративнаго устройства: члены его потеряли право выбирать ректора, декановъ и профессоровъ.

нерѣдко бурши „штудировали университетскую науку“ пѣлый десятокъ и болѣе лѣтъ, переходя съ одного факультета на другой.

Корпоративная жизнь дерптскаго студенчества началась почти съ самаго возсозданія университета въ XIX вѣкѣ. Достоверно извѣстно, что уже въ сентябрѣ 1808 года основана корпорація Куронія,—эта „die älteste Landsmannschaft Dörptschen Burschenstaats“. Куронія существуетъ и до сихъ поръ. Какъ старѣйшая и наилучше организованная изъ дерптскихъ Schwestercorporationen, она всегда принимала самое горячее и дѣятельное участіе во всѣхъ дѣлахъ, касавшихся дерптскаго Burschenwelt'a, и прошлое этого послѣдняго, равно какъ и исторія всѣхъ прочихъ корпорацій въ Дерптѣ, тѣсно связаны съ прошлымъ Куроніи. Вотъ почему не безынтересно прослѣдить исторію этой корпораціи ¹⁾, тѣмъ болѣе что исторія эта лучше всего указываетъ, что корпорационное начало привилось и пустило глубокіе корни въ Дерптѣ совсѣмъ не такъ легко, какъ это обычно представляютъ: сколько разъ Куронія, а вмѣстѣ съ нею и всѣ прочія корпораціи прекращали свое существованіе по требованію начальства; сколько разъ представители ея сами „слагали съ себя цвѣта“ (Farben ablegen); не разъ также корпораціи принуждены были и истреблять всѣ свои документы.

До основанія Куроніи мы встрѣчаемся въ Дерптѣ съ т. н. факультетскими товариществами (Facultätgenossenschaften). Это не были корпораціи въ собственномъ смыслѣ: у нихъ не было той сложной организаціи, да и они, кажется, представляютъ собою лишь часть какого-то общаго цѣлаго, извѣстнаго, подъ именемъ „всеобщаго буршеншафта или гемайншафта“ (der Allgemeine Burschenschaft oder Gemeinschaft). Корпораціи возникли въ Дерптѣ не на почвѣ факультетскихъ товариществъ, а на почвѣ землячествъ, и возникли подъ ближайшимъ вліяніемъ германскихъ университетовъ, въ частности—ленскаго и Гейдельбергскаго.

Въ 1808 году въ Дерптѣ переселились изъ лены и Гейдельберга нѣсколько студентовъ-земляковъ, родиною которыхъ была Курляндія. Они и явились основателями первой дерптской корпораціи,—Куроніи. Къ нимъ примкнула часть другихъ курляндцевъ-буршей, и всѣ они сплотились въ отдѣльное землячество,—Курляндію. „Кто именно были ея основателями,—читаемъ въ юбилейномъ рефератѣ сеніора,—много ли ихъ было,—все это остается теперь—какъ останется и впредь,—покрытымъ мракомъ неизвѣстности. Лишь случайно сохранились до насъ отъ той эпохи нѣкоторыя имена, альбомы, дневники и письма, которые даютъ намъ нѣкоторое представленіе о внутреннемъ и внѣшнемъ строѣ Куроніи тѣхъ временъ“.

Конвентская жизнь корпораціи была, конечно, на первыхъ порахъ неустроенною. Письменнаго устава (Coment) не существовало. Геттингенскій команъ послужилъ основою для перваго соб-

¹⁾ При изложеніи этой исторіи мы пользуемся рефератомъ одного безыменнаго сеніора, напечатаннымъ въ юбилейномъ изданіи конвента Куроніи „Zur Erinnerung an das 75-jährige Jubiläum der Curonia“ (Mitau. 1884).

ственного устава. По внѣшности, куронцы отличались отъ прочихъ буршей тѣмъ, что носили отечественные цвѣта (*vaterländische Farben*); это были — зеленый, голубой и бѣлый; изъ корпораціонныхъ цвѣтовъ обычно дѣлались верхи фуражекъ и ленты-шарфы черезъ плечо, но не публично, такъ какъ университетское начальство строго возставало противъ землячества. Послѣ (съ 1811 г.) куронцы стали употреблять также шпаги съ цвѣтною перевязью и шелковое знамя, на которомъ красовался девизъ: „*Curonia sei's Panier*.“

Примѣру курлядцевъ вскорѣ послѣдовали и другіе бурши. Образовались новыя корпораціи: Эстонія, Ливонія и Финнонія, но онѣ скоро соединились съ Куроніей. Во время совмѣстнаго существованія эти землячества тѣсно сплотились было между собою, но ихъ дружба продолжалась однако не долго. Внутренняя борьба, повлекшая за собою выходъ изъ корпораціи поляковъ¹⁾, вызвала (1809 г.) распаденіе корпораціи. Впрочемъ, скоро (1811 г.) корпорація была восстановлена, и подъ управленіемъ новаго сеніора Куроніи, всѣ четыре землячества приступили къ выработкѣ академическаго (студенческаго) комана. Работа эта внезапно была прервана закрытіемъ землячества со стороны ректора.

Въ противоположность принципу землячества, университетское начальство стало дѣятельно поддерживать другой принципъ, — факультетскихъ товариществъ.

Только одна Куронія не подчинилась этому распоряженію ректора. Она вступила далѣе въ борьбу (1812 г.) съ новыми факультетскими товариществами. Но въ концѣ концовъ Куронія принуждена была примкнуть къ нимъ. Несмотря на это землячества фактически продолжали существовать; земляки крѣпко держались другъ за друга и доказывали это при всякомъ удобномъ случаѣ. (Напримѣръ, они настаивали на выборѣ своего земляка въ факультетскіе сеніоры, хотя-бы выбранный ими и не имѣлъ рѣшительно никакихъ преимуществъ, кромѣ своего происхожденія). Реорганизованное въ своей внутренней жизни, по внѣшности землячество продолжало существовать по прежнему: цвѣтные шарфы и другія корпораціонныя отличія сохранились, конвентъ существовать.

Въ 1814 году Куронія потребовала отъ лифляндцевъ, чтобы они образовали собственную корпорацію. Лифляндцы постыдно отвергли это предложеніе. Тогда между куронцами и лифляндцами возгорѣлся сильный антагонизмъ. Несогласія продолжались вплоть до уничтоженія факультетскихъ товариществъ (1817 г.) На мѣсто этихъ послѣднихъ, по предложенію попечителя Ливена,

¹⁾ Поляки вообще не пользовались особенными симпатіями нѣмецкихъ буршей, и съ ними нерѣдко происходили раздоры. Одно время существовала въ Дерптѣ и собственная «польская» корпорація. То же самое слѣдуетъ сказать и о русскихъ. Въ 20-хъ годахъ у нихъ возникла своя «Рутенія», имѣвшая, впрочемъ, очень непродолжительное существованіе. По словамъ одного русскаго автора («Р. Ст.» 1881 г., № II), основателями Рутеніи были поэтъ Н. М. Языковъ и А. Н. Карамзинъ. Выражаясь точнѣе, у русскихъ, равно какъ и поляковъ, были не корпораціи, а «студенческія общества», — далеко не имѣвшія сложной организаціи корпорацій. «Общество русскихъ студентовъ въ Юрьевѣ», официально утвержденное, существуетъ и теперь.

образовался „всеобщий Буршенштафт“. Появление его вызвало распадѣніе въ самой Куроніи. Одна часть куронцевъ, во главѣ съ Бауэромъ, покинула конвентъ Куроніи, и Бауэръ сдѣлался первымъ сеніоромъ Буршенштафта. Но другіе курляндцы отказались войти въ этотъ союзъ, гдѣ, какъ въ безпорядочномъ хаосѣ,

Знамя «Куроніи».

господствовали филистеры, щеголявшие въ старонѣмецкихъ сюртюкахъ, длинныхъ волосахъ *a la Sand* и грязномъ бѣльѣ.

„Только куронцы, сообщаетъ современникъ, держались всегда стойко и въ строгой обособленности отъ Буршенштафта, и всегда высоко держали свое зелено-голубо-бѣлое знамя, часто оспариваемое, но всегда побѣдоносное надъ этою разсѣянною толпою“. Въ 1819 году мы видимъ даже, что Куронцы публично выступаютъ въ своихъ „фарбенъ“, но это тотчасъ-же было имъ за-

прещено ректоромъ. Съ большимъ трудомъ Куронія держалась далѣе. Первый семестръ 1820 года опять ознаменовался очень серьезными раздорами; старшины вышли изъ конвѣнта, и Куронія осталась при очень ничтожномъ количествѣ членовъ. Но въ слѣдующемъ же семестрѣ 26 вновь явившихся въ Дерптъ курляндскихъ фуксовъ пополнили пробѣлы землячества, и Куронія опять выступаетъ на первомъ планѣ.

Съ началомъ двадцатыхъ годовъ совпало образованіе нѣсколькихъ новыхъ корпорацій. Именно, 7 сентября 1821 года возникла Эстонія и 22 сентября 1822 года—Ливонія¹⁾. Обѣ онѣ развивались въ ближайшемъ будущемъ рука объ руку съ Куроніей и вмѣстѣ съ нею шли противъ безсильнаго Буршеншафта, пока послѣдній окончательно не распался. Вслѣдъ за Эстоніей и Ливоніей возникли еще двѣ новыхъ корпораціи: „Рижское Братство“ („Fraternitas Rigensis“) и „Дерптскій Буршеншафтъ“ (Die Dörptsche Burschenschaft; 4 февр. 1823 года). Появленіе этого послѣдняго принесло впослѣдствіи немало непріятныхъ часовъ и дней всему дерптскому студенчеству. Въ николаевскія времена очень не любили и даже боялись самаго слова „буршеншафтъ“. И когда, въ 1833 году, о существованіи въ Дерптѣ Буршеншафта провѣдало начальство,—то начались строгіе розыски и разслѣдованія. Никакой политической подкладки въ дерптскомъ Буршеншафтѣ не обнаружилось, но многіе члены его сильно пострадали, и исторія эта произвела въ мірѣ дерптскаго студенчества очень серьезную панику...

Съ двадцатыхъ годовъ въ характерѣ внутренней исторіи дерптскихъ корпорацій происходитъ перемѣна. Теперь начинается правильная выработка комава (предположенная еще въ 1811 году). Ради этого, корпораціи, посредствомъ письменныхъ договоровъ (Cartelverbände), соединяются между собою въ группы; но форма этихъ союзовъ часто мѣнялась, вслѣдствіе выбытія изъ нихъ состава то той, то другой корпораціи. Послѣдній изъ такихъ союзовъ распался въ апрѣлѣ 1829 года, по поводу произвольнаго выхода изъ его состава Эстоніи. Слѣдующіе годы представляютъ собою смѣну періодовъ единодушія періодами раздоровъ. Среди этого „дикаго времени“ (wilde Zeit) Куронія отпраздновала 8 сентября 1833 года свой 25-лѣтній юбилей...

Между тѣмъ, въ ноябрѣ 1833 года съ шумомъ закрыть былъ дерптскій Буршеншафтъ. Для корпораціи настало въ высшей степени опасное и тяжелое время. Въ январѣ слѣдующаго года уполномоченные (Chargirten) рѣшили добровольно закрыть землячества и уничтожить всѣ, касавшіеся ихъ, письменные акты, чтобы тѣмъ предупредить закрытіе корпорацій со стороны начальства...

Совсѣмъ корпораціи въ Дерптѣ однако не исчезли. Онѣ очень скоро возродились, только подъ названіемъ „литературныхъ обществъ“ (litterarische Gesellschaft). И съ этого времени, для

¹⁾ Обѣ эти корпораціи существовали и прежде, но лишь, такъ сказать, въ зачаточной формѣ и болѣею частью совмѣстно съ Куроніей.

прикрывшихся законною кличкою корпорацій наступает даже періодъ спокойнаго и безпрепятственнаго развитія. На это именно время (1834 г.) падаетъ официальное признаніе университетскимъ начальствомъ „конвента уполномоченныхъ“ (Chargirten-convent); въ слѣдующіе годы утверждены были и всѣ другіе главные пункты студенческаго комана, въ частности—студенческій судъ чести.

Куронія около этого времени ведетъ, между прочимъ, долгую борьбу въ конвентѣ уполномоченныхъ по вопросу о полякахъ и достигаетъ, наконецъ, признанія того, чтобы поляки разсматривались въ корпораціяхъ, какъ филистеры. Въ 1846 году та же Куронія поднимаетъ вопросъ, не противорѣчитъ ли существующая организація студенчества (именно, существованіе конвента уполномоченныхъ) общей равноправности всѣхъ буршей. По этому поводу, вмѣсто уничтоженнаго конвента уполномоченныхъ, возникло новое учрежденіе,—конвентъ выборныхъ депутатовъ (Repäsentanten-convent; 25 апр. 1847 г.). Но это нововведеніе продержалось недолго. Новый конвентъ оказался скоро совершенно неспособнымъ къ жизни учрежденіемъ, и со 2 мая 1850 года вновь засѣдаетъ конвентъ уполномоченныхъ. Въ 1852 году, въ память 50-лѣтняго юбилея *almae matris*, конвентъ уполномоченныхъ учредилъ на свои средства студенческую стипендію.

27 апрѣля 1855 года получено было отъ попечителя фонъ-Врадке давно ожидаемое извѣстіе объ утвержденіи корпорацій. При этомъ вошло въ силу одно, очень печальное для студентовъ, правило: уполномоченные дѣлались отвѣтственными за всѣ противозаконныя дѣйствія студенчества, если они противъ этихъ дѣйствій предварительно не протестовали. Очень скоро представился случай для проведенія этого правила въ жизнь. Одинъ эстляндецъ палъ жертвою дуэли. Ректоръ университета объявилъ, что при похоронахъ за гробомъ могутъ идти только эстляндцы; въ противномъ случаѣ уполномоченные подлежатъ отвѣтственности. Тогда Куронія предлагаетъ конвенту уполномоченныхъ распастся, что тотъ и исполнилъ. Черезъ два дня (когда однако похороны уже совершились ~~съ~~ подобающею торжественностію), по постановленію ректора, конвентъ былъ возстановленъ.

Между тѣмъ, при постепенномъ увеличивавшемся числѣ студентовъ появлялись новыя и новыя корпораціи. Открытіе ихъ стоило однако большихъ трудовъ,—главнымъ образомъ потому, что этому всѣми силами старались помѣшать старыя корпораціи. Такъ, въ 1857 году появилась „Dorpatensis Fraternitas Academica“, но всѣ другія корпораціи очень скоро (1861 г.) настояли на ея уничтоженіи, „въслѣдствіе деморализирующаго вліянія академики на студенческій міръ“. Столь же несчастною оказалась и „Арминія“.

Три другихъ молодыхъ корпораціи были болѣе счастливыми. Это: Необалтнка, открывшаяся въ 1879 году, Академическое братство (Fraternitas Academica, не стоящая ни въ какой связи съ прежнею, закрытой Академикой), основанное въ 1880 году, и Леттонія (Латышская)—1882 года.

Съ давнихъ поръ, такимъ образомъ, сплотившись въ хорошо

организованныя корпораціи и дѣйствуя всегда болѣе или менѣе солидарно, дерптскіе бурши чувствовали за собою большую силу. Бурная и не всегда трезвая молодежь часто употребляла эту силу во зло. Не довольствуясь тѣмъ высокимъ престижемъ и довѣріемъ, какимъ пользовалось студенчество среди мирныхъ бюргеровъ Дорпата ¹⁾,—дерптскіе бурши своими „шалостями“ нерѣдко прямо терроризировали обитателей тихаго городка. Это особенно нужно сказать про тѣ случаи, когда буршъ чувствовалъ себя оскорбленнымъ, и когда поэтому возгоралась студенческая месть. А. Чумиковъ рассказываетъ весьма характерный случай такой мести, жертвою которой сдѣлалась дочь извѣстнаго писателя Булгарина. Послѣдній живалъ по временамъ близъ Дерпта, на своей мызѣ. „М-ше Булгарина не согласилась однажды на балъ вальсировать съ однимъ студентомъ, бывшимъ въ нетрезвомъ видѣ. Тогда товарищи его, принявъ этотъ отказъ за оскорбленіе, нанесенное всей корпораціи, подстерегли экипажъ Булгарина, заставили дочь его выйти и провальсировать на грязной улицѣ вокругъ кареты“ ²⁾. Про этотъ анекдотъ приходится, впрочемъ, сказать словами извѣстной пословицы: *Si pop e vero, e ben trovato*.

Гораздо чаще для мести, или просто для обнаруженія своего неудовольствія какому н. лицу, студенты избирали другое средство, — т. н. кошачій концертъ. Позднимъ вечеромъ или даже ночью толпа буршей становилась предъ квартирою того лица, которымъ она была почему нибудь недовольна, и устраивала здѣсь демонстрацію: поднимался въ собственномъ смыслѣ кошачій концертъ,—толпа издавала самые дикіе звуки и кричала на всевозможные лады; слышавъ эти крики, даже и бодрствующій чело-вѣкъ могъ придти въ ужасъ.

Происходили, конечно, не рѣдко и случаи болѣе рѣзкаго и болѣе бурнаго проявленія недовольства со стороны буршей, — случаи скандальнаго характера, требовавшіе вмѣшательства полиціи... Случаевъ такого рода много собрано въ названныхъ нами выше статьяхъ Е. Чешихина и А. Чумикова.

Зато и въ проявленіяхъ удовольствія, благодарности или симпатіи кому либо бурши оказывались такими же виртуозами. Все-возможнаго рода „виватпуги“, „факельпуги“ и „фестпуги“, равно какъ и почетные „фестконвенты“ были у нихъ въ очень частомъ употребленіи.

Въ настоящее время въ Юрьевскомъ университетѣ существуетъ семь студенческихъ корпорацій: Куронія, Эстонія, Ливонія, Рижское братство, Необалтика, Академика и Леттонія.

¹⁾ Какъ на краснорѣчивый примѣръ такого довѣрія, укажемъ, что студенту въ Дерптѣ, при предъявленіи лишь имъ визитной карточки, открывался повсюду почти безграничный кредитъ.

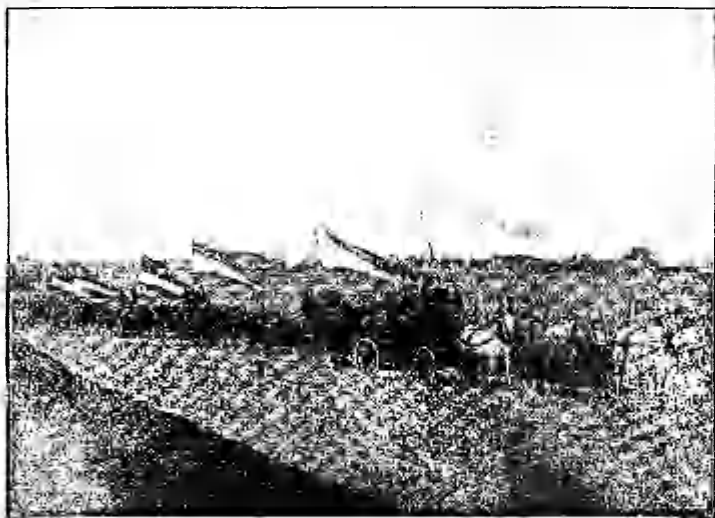
²⁾ А. Чумиковъ даже думаетъ, что вслѣдствіе этого именно «неслыханнаго нахальства» въ «Сѣв. Пчелѣ» Булгарина появилась вскорѣ рѣзкая статья, направленная противъ дерптскаго студенчества.

III.

«Мы поэтически живемъ,
Мы вольно учимся и пьемъ»....
«Душа героев и цѣлцовъ,
Вино любезно и студенту,
Оно его между цвѣтовъ
Ведетъ къ ученому патенту.
Проснувшись вмѣстѣ съ пѣтухомъ,
Онъ въ тишинѣ читаетъ Канта,
Но день прошелъ,—и вечеркомъ
Онъ за вино отъ фоліанта».

Языковъ¹⁾.

Когда мы знакомимся съ внутреннею, домашнею жизнью дерптскихъ корпорацій и съ бытомъ былого дерптскаго студенчества вообще,—то насъ прежде всего поражаетъ это широкое развитіе этикета, это чрезвычайное обиліе всякаго рода церемоній. Почти

На коммершъ.

вся жизнь дерптскаго бурша въ университетѣ проходила среди этихъ, болѣе или менѣе торжественныхъ и пышныхъ церемоній, которыя переходили изъ рода въ родъ и получили характеръ священныхъ традицій.

¹⁾ Известный русскій поэтъ, Н. М. Языковъ, былъ дерптскимъ студентомъ въ теченіе семи лѣтъ (1822—29 г.г.), и однако такъ и уѣхалъ отсюда «бездипломнымъ студентомъ». Большая часть стихотвореній Языкова, этого поэта «радости и хмѣля», носятъ на себѣ явный отпечатокъ его шумной и разгульной жизни въ Дерптѣ. (Подробнѣе см. объ этомъ у М. Стоярова «Н. М. Языковъ въ Дерптѣ». «Сборникъ Уч.-Лит. общ. при И. Юр. у-тѣ» п. II. Юрьевъ. 1899 г.).

Таковыми церемоніями сопровождался прежде всего самый пріемъ въ университетъ новыхъ „сыновъ музъ“. Одинъ старій дерптскій буршъ (авторъ брошюры „О студенческой жизни въ Дерптѣ“) описываетъ этотъ пріемъ такимъ образомъ. „Въ день, назначенный для пріема, вновь поступающіе собираются въ большомъ актовомъ залѣ университетскаго зданія. Ректоръ произноситъ рѣчь, въ которой объясняетъ цѣль высшаго образованія и знакомитъ ихъ съ существующими въ университетѣ правилами. Поступающіе даютъ слово строго подчиняться установленнымъ правиламъ и порядку, и затѣмъ ректоръ объявляетъ имъ, что они приняты въ число студентовъ“.

Но это только прелюдія, только одна, т. е. официальная, часть церемоній. Чтобы стать настоящимъ дерптскимъ буршемъ, равноправнымъ членомъ университетской семьи, истиннымъ „коммилитономъ“—соратникомъ на полѣ науки—и бюргеромъ дерптскаго Burschenstaat'a, — для этого нужно было еще подписать студенческой команъ и записаться членомъ какой либо корпорации. Правда, среди дерптскаго студенчества всегда были и wilder'ы (дикие, свободные),—но они обычно не пользовались большими симпатіями студенчества, и жить имъ было значительно тяжелѣе. „Команъ“—студенческой уставъ, выработанный самими же буршами и въ 1855 году утвержденный начальствомъ (Königs-Coment)—торжественно подписывался каждымъ буршемъ въ „президирующей“ корпорации, въ присутствіи конвента. Подписывая команъ, молодой буршъ тѣмъ самымъ давалъ слово безусловно исполнять его и чрезъ то хранить безупречно честь студента и честь своей новой almae matris; вмѣстѣ съ этимъ онъ заявлялъ о своемъ желаніи быть дуэлянтомъ или антидуэлянтомъ. Въ первомъ случаѣ, при всякаго рода столкновеніяхъ и ссорахъ, онъ обязанъ былъ искать удовлетворенія при помощи шпаги или пистолета, во второмъ—въ „буршенгерихтѣ“ (студенческомъ судѣ чести).

Выборъ молодымъ буршемъ корпорации почти всегда опредѣлялся самымъ его происхожденіемъ, такъ какъ почти всѣ корпорации были основаны на принципѣ землячества. Исключеніе составляла лишь Академика, совсѣмъ не считавшаяся съ происхожденіемъ своихъ членовъ, да еще Необалтика понимала принципъ землячества шире, чѣмъ всѣ прочія корпорации: въ число ея членовъ принимались всѣ балты (т. е. жители прибалтійскихъ губерній). Первоначально въ корпорации принимались всѣ земляки, изъявившіе на то свое согласіе. Но „горькій опытъ“ заставилъ скоро повести дѣло иначе. По истеченіи года или полугодія происходило вторичное избраніе „фуксовъ“ (такъ назывались молодые члены корпораций, новички ¹⁾). Втеченіе же этого срока фуксы подвергались болѣе или менѣе строгой дисциплинѣ (Fuchszucht). Впрочемъ, отличившіеся чѣмъ либо фуксы облекались въ „фарбенъ“ (цвѣтныя шапочки и ленты, что было признакомъ по-

¹⁾ Fuchs — значитъ, собственно, лисица. Такъ назывались фуксы потому, что идеальный фуксъ долженъ быть хитеръ и ловокъ, именно какъ лисица.

ступленія въ настоящіе корпоранты, — коммилитоны) и ранѣе срока;—обычай, цѣликомъ взятый изъ времени рыцарства.

Фуксъ обязанъ былъ во всемъ подчиняться своему „ольдерману“ (старшинѣ, который и занимался специально руководительствомъ и воспитаніемъ фуксовъ), равно какъ и всѣмъ вообще „старшимъ“ своей корпораціи. Въ этомъ и состояла главнымъ образомъ дисциплина фуксовъ.

Обыкновенно, тотчасъ же послѣ торжественной „имматрикуляціи“ всѣ фуксы, вслѣдъ за своими ольдерманами, направлялись въ корпоративные кабаčky (Кпеіре; у каждой корпораціи былъ свой кабаčekъ). Ольдерманъ еще на пути испытывалъ доблести своихъ новыхъ питомцевъ: онъ перелѣзаетъ черезъ карету извозчика, скачетъ черезъ скамейки, заходитъ безъ дѣла въ различныя лавки и т. п.; за нимъ все это должна продѣлывать и вся вереница фуксовъ... Но вотъ, эти „фуксенъ-променаде“ закончились, и путешественники у цѣли, въ традиціонномъ корпорационномъ кабаčekѣ. Здѣсь фуксы торжественно представляются старшимъ. По командѣ ольдермана, каждый изъ нихъ вскакиваетъ на маленькій стоящій посреди комнаты столикъ. Старшіе предлагаютъ ему какіе нибудь замысловатые и смѣхотворные вопросы, а фуксъ долженъ отвѣчать на нихъ почтительно и остроумно... По окончаніи этого „представленія старшимъ“, фуксъ получаетъ отъ ольдермана штопоръ и коробку спичекъ, какъ эмблемы своихъ новыхъ обязанностей: откупоривать бутылки для пива и подавать старшимъ огонь для трубокъ.

Ослушаніе фукса своему ольдерману, равно какъ и всякій проступокъ съ его стороны, противорѣчащій требованіямъ комана и—что нераздѣльно съ первымъ—чести корпораціи и всего студенчества,—вели за собою соотвѣтствующее наказаніе. Чаше всего провинившагося „садили на фершиссъ“, т. е. заставляли его выпить однимъ залпомъ бутылку пива. Это было сравнительно легкимъ наказаніемъ. Въ случаяхъ болѣе серьезныхъ проступковъ приготавлился особый напитокъ, извѣстный подъ характернымъ именемъ „ванце“ (Wanze, клопъ). Это смѣсь различныхъ напитковъ,—пива, водки, воды, куда нерѣдко попадали и окурки папиросъ. Провинившійся долженъ былъ это мѣсиво проглотить. Въ крайнихъ случаяхъ прибѣгали къ такъ называемому „рукунгу“ (Ruckung), т. е. прекращали съ запятнаннымъ свое имя и честь студенчества всякое общеніе.

Фуксы жили особенно весело. Согласно очень старинной традиціи, первый годъ жизни въ университетѣ дерптскіе бурши посвящали всегда всякаго рода развлеченіямъ, изъ которыхъ главное — шумныя попойки въ корпорационныхъ „кнейпахъ“. Кромѣ этихъ попоекъ, на которыхъ всегда распѣвались шумно веселыя студенческія пѣсни, и кромѣ катанья на „фурманахъ“ (извозчикахъ), фуксы усердно занимались фехтованіемъ, верховою ѣздою и т. п. Не забудемъ, что вплоть до самаго послѣдняго времени (до 2 дек. 1891 г.) въ дерптскомъ университетѣ существовали особыя кафедрныя для учителей фехтованія, танцевъ, верховой ѣзды и плаванія, и всѣ эти учителя никогда не находили

недостатка въ ученикахъ. Наконецъ, фуксамъ даже ставилось въ обязанность посѣщать своихъ старшихъ товарищей по корпораціи.

„Куронцевъ очень рѣдко можно было видѣть,—пишетъ въ извѣстномъ уже намъ рефератѣ сеніоръ,—въ аудиторіяхъ или за письменнымъ столомъ; да и это было бы съ ихъ стороны прямо подвигомъ, значило бы—прогрѣмѣть въ скандалѣ (*durch Schwielen und Scandäler zu glänzen*). Не смотря на то, въ пользу куронцевъ говорятъ эти слова славнаго ректора Эверса, сказавшаго: „куронцы больше всѣхъ причиняютъ мнѣ хлопотъ, но на экзаменахъ они всегда первые“. Вообще же одинъ старый землякъ описываетъ намъ свои студенческіе годы, какъ удивительное смѣшеніе труда и праздности, идеальнаго богатства и ужасающей бѣдности, великой свободы и множества церемоній, скромной дѣйствительности и фантастическихъ мечтаній“.

„Старшіе коммитоны“ вели уже не столь веселую жизнь, какъ фуксы. Имъ приходилось больше „штудировать науку“, а главное, приходилось быть именно „старшими“, вести различныя, часто отвѣтственные, обязанности общественнаго (корпорационнаго) характера. Все это заставляло ихъ быть гораздо болѣе солидными и серьезными по сравненію съ фуксами. Корпоративное устройство представляло собою довольно сложную машину, и двигать этою машиною, въ нерѣдкой, открытой или затаенной, враждѣ одной корпораціи къ другой, было не легко. Къ тому же, съ одной стороны стояло начальство, отъ котораго часто приходилось скрываться или же играть предъ нимъ роль невинности, съ другой—была шумная и бурная, незнающая удержу толпа буршей; вѣдь, извѣстно, что пропустивъ нѣсколько стакановъ пунша—любимый напитокъ на студенческихъ коммершахъ былогъ времени—нѣмецъ становится всегда задорнѣе и заносчивѣе...

Внутреннее устройство дерптскихъ корпорацій претерпѣвало, на протяженіи ихъ почти вѣковой исторіи, различныя перемѣны. Но въ общемъ типъ такого устройства оставался, можно сказать, однимъ и тѣмъ же. Во главѣ каждой корпораціи стоялъ конвентъ, члены котораго выбирались изъ среды старшихъ „коммитоновъ“. Конвентъ завѣдывалъ всѣми дѣлами корпораціи. Собирался онъ обыкновенно въ собственномъ, нерѣдко роскошно устроенномъ, помѣщеніи корпораціи, извѣстномъ подъ именемъ *Conventsquartier*. Зала, гдѣ происходили самыя засѣданія конвента, приличнымъ образомъ украшалась. Надъ кресломъ сеніора висѣло на стѣнѣ цвѣтное шелковое знамя корпораціи, а надъ нимъ красовались двѣ, положенныя крестъ на крестъ, обнаженныя шпаги. Въ другихъ мѣстахъ виднѣются флаги изъ корпорационныхъ цвѣтовъ; на стѣнахъ висятъ фотографіи и гравюры, изображающія различныя сцены изъ жизни корпораціи и дерптскаго студенчества вообще. Въ другихъ комнатахъ конвентъ-квартиры помѣщалась бібліотека, корпорационная касса, иногда также и родъ небольшого музея древностей. Рояль или органъ, для аккомпанированія при пѣніи студенческихъ пѣсень, также были необходимою принадлежностію конвентъ-квартиры. Здѣсь происходили не однѣ засѣданія; сюда собирались бурши и для упражненія въ фехтованіи, и для попойекъ, коммершей; здѣсь же иногда, за неимѣніемъ

болѣе подходящаго мѣста, происходили и студенческія дуэли (Mensuren).

Въ конвентъ-квартирахъ бурши всегда и неизмѣнно присутствовали въ своихъ „Farben“,—въ корпораціонныхъ знакахъ отличія. Согласно старинному обычаю, здѣсь не снимались даже и шапочки (Farben-deckel). Farben-deckel,—это главное отличіе и выѣстъ съ тѣмъ, можно сказать, главная святыня бурша. Шапочки дерптскихъ буршей отличаются замѣчательно низкою тульей; верхъ ихъ всегда цвѣтной, причемъ у различныхъ корпорацій разные цвѣта. На коммерсахъ, во время торжественнаго обряда «фатеръ-ландесъ», верхъ этой шапочки пронзался всякій разъ шпагой; чѣмъ больше было на шапочкѣ такихъ слѣдовъ, тѣмъ почетнѣе становился буршъ: эти отверстія служили нагляднымъ показателемъ того, сколько выпито буршемъ пива и пунша... Другое отличіе корпорантовъ—лента черезъ плечо, также было изъ «отечественныхъ» цвѣтовъ; концы ея соединялись серебряною пряжкой, на которой вырѣзывались различныя эмблемы, гербы, инициалы или девизъ корпораціи. Тѣ же гербы и девизъ изображались и на шелковомъ корпораціонномъ знамени. Послѣ утвержденія дерптскихъ корпорацій начальствомъ въ 1855 году, дерптскимъ буршамъ дозволено было публично ходить въ этихъ «фарбенъ»,—корпораціонныхъ цвѣтахъ. Это право отнято у нихъ только въ послѣднее время ¹⁾.

Въ квартирѣ конвента происходили и засѣданія «студенческаго суда чести». Въ судьи выбирались наиболѣе старые бурши. Въ судѣ обращались почти исключительно только такъ наз. антидуэлянты,—противники дуэлей. Такихъ всегда было не мало среди дерптскаго студенчества. Извѣстны даже цѣлые періоды, когда «антидуэлянтская точка зрѣнія» становилась какъ бы модною. При всемъ томъ, и дуэли (Mensuren) происходили между буршами нерѣдко. Не мало дерптскихъ буршей пало жертвами дуэли. Другіе ходили съ глубокими шрамами на лицѣ,—чѣмъ, впрочемъ, гордились.

Во время дуэлей принимались нѣкоторыя мѣры предосторожности, и дрались большею частію на эскадронахъ, рѣже—на настоящихъ шпагахъ. Касательно дуэлей на пистолетахъ (Pistolengefecht) среди дерптскихъ буршей долго и не однажды велись горячіе споры, но такого рода дуэли все-таки происходили не часто.

Въ «конвентѣ уполномоченныхъ» засѣдали депутаты отъ всѣхъ корпорацій. Послѣ 1855 года списокъ «шаржиртеровъ» представлялся всякій разъ на утвержденіе университетскаго начальства, и шаржиртеры являлись отвѣтственными за всѣ противозаконныя дѣйствія буршей.

Но не засѣданія конвента уполномоченныхъ и не засѣданія студенческаго суда были самыми торжественными и самыми характер-

¹⁾ Форменная одежда общаго съ другими русскими университетами образца установлена для студентовъ юрьевскаго университета только въ 1894 году.

ными актами въ жизни былого дерптскаго студенчества. Такимъ актомъ былъ знаменитый коммершъ (Commers). «Коммершемъ,—пишетъ одинъ старый буршъ,—выражается принципъ солидарности всѣхъ студентовъ, коммилитоновъ, и идея студенческой добродѣтели». Коммерши устраивались нерѣдко: ими оканчивались часто и конвенты, и торжественные суды, и счастливыя мензуръ; ими начинался академическій годъ,—когда старые бурши вспрыскивали молодыхъ фуксовъ,—ими и оканчивалось учебное время, когда старые бурши, покончивъ съ многолѣтнимъ «штудированіемъ университетской науки», навсегда покидали старый Дорпатъ и когда въ честь каждаго изъ такихъ «новыхъ филистеровъ» устраивался коммершъ, заканчивающійся «фестцугомъ».

Коммершъ открывали обыкновенно нѣсколько торжественныхъ рѣчей, произносимыхъ сеніорами. Въ этихъ рѣчахъ говорилось о товариществѣ, о чести и славѣ *almae matris* и данной корпорации, о славныхъ минувшихъ годахъ и бывшихъ «бравыхъ» буршахъ и т. п. Выслушавъ рѣчи, бурши, въ своихъ цвѣтныхъ шапочкахъ и шарфахъ, усаживались съ важностію вокругъ стола, приготовляясь къ предстоящему священнодѣйствию. Начинались торжественные тосты; при этомъ пили изъ одного бокала, отпивая половину. Первый тостъ всегда былъ за *alma mater* и за ея процвѣтаніе. Общее «hoch» прерывало краснорѣчіе сеніора, и зала коммерша оглашалась звуками міровой студенческой пѣсни «*Gaudeamus*»... Дальше шли тосты и тосты, за науку и профессоровъ, за корпорацию и студенчество, и т. далѣе, безъ конца, при восклицаніяхъ: *prositi! fiducit! initium fidelitatis!*.. Шумъ прерывался торжественной церемоніей—«*Landesvater*».

Нѣсколько старыхъ буршей, т. н. ландесфатеры, выступали, съ обнаженными шпагами въ рукахъ, на средину залы. Рядомъ съ ними становятся еще двое старыхъ коммилитоновъ,—одинъ съ наполненнымъ виномъ, серебрянымъ бокаломъ въ рукахъ,—другой—съ обнаженною шпагою. Бурши торжественно, отбивая тактъ украшенными цвѣтами шпагами, запѣваютъ пѣсню, призывающую всѣхъ къ молчанію и вниманію. Затѣмъ происходитъ самое пронзаніе цвѣтныхъ шапочекъ. Вотъ какимъ серьезнымъ и важнымъ тономъ изображаетъ эту церемонію одинъ старый буршъ. «Ландесъ-фатеры обращаются къ каждому студенту съ такими словами: «Возьми, товарищъ, сей кубокъ, полный добраго вина, и взявъ въ лѣвую руку шпагу, пронзи ею шляпу и выпей за процвѣтаніе нашей корпорации». Тотъ, къ кому обращены были эти слова, прикладываетъ два пальца правой руки къ клинку своей шпаги и произноситъ: «Пронзаю шляпу и клянусь всегда слѣдовать чести, всегда быть бравымъ буршемъ». Когда всѣ трехцвѣтные шапочки нанизаны на клинки шпагъ,—ландесфатеры подходятъ къ тѣмъ, которые пронзали свои шляпы послѣдними, и надѣваютъ ихъ имъ на головы: ландесфатеръ и его секундантъ скрещиваютъ свои шпаги надъ головою бурша, причемъ весело поется пѣсня: „Возьми шапку назадъ, мы покрываемъ ею твою голову и держимъ надъ тобою шпаги; пока мы знакомы, мы считаемся братьями; негодяй тотъ, кто бранитъ тебя; да здравствуетъ

нашъ братъ NN!“ Такимъ образомъ, мало по малу всѣ шапочки возвращаются ихъ владѣльцамъ¹⁾).

Далѣе опять начинались тосты и пѣсни, и такъ вплоть до бѣлаго утра, пока солнце не разгнало буршей по домамъ.

На коммерсахъ нерѣдко можно было видѣть и профессоровъ, равно какъ и другихъ почетныхъ филистеровъ. Одинъ дерптскій буршъ вспоминаетъ, что ему пришлось быть на коммершѣ, гдѣ мѣсто председателя, съ эскадрономъ въ рукахъ, занималъ знаменитый хирургъ, Н. И. Пировъ, тогда еще дерптскій профессор²⁾.

Иногда на коммершѣ соединялись всѣ корпораціи. Такимъ общимъ коммершемъ праздновалось всегда наступленіе весны, въ ночь на первое мая. Празднество происходило въ старомъ паркѣ на Домбергѣ, вблизи живописныхъ „Dom-ruine“, и продолжалось всю ночь при свѣтѣ костровъ...

Немало курьезно любопытнаго и въ т. н. „фестцугъ“ (festzug). Это была торжественная праздничная процессія корпорантовъ. Чаше всего фестцугомъ чествовали новыхъ филистеровъ: корпорація въ полномъ составѣ, съ распущеннымъ знаменемъ, провожала новаго филистера (т. е. только что окончившаго курсъ бурша) до вокзала. На пути эта процессія всегда заходила къ зданію университета, чтобы прокричать *almae matri* громкое „Noch“, отсалютовать ей знаменемъ и пропѣть „Gaudeamus“. Виновника торжества въ такихъ случаяхъ вели обычно подъ руки, въ самомъ центрѣ процессіи.

Вотъ болѣе подробное описаніе особенно торжественнаго фестцуга, имѣвшаго мѣсто 8 сентября 1883 года, на 75-лѣтнемъ юбилей Куроніи. Исходнымъ пунктомъ процессіи была конвентъ-квартира; направлялась процессія, какъ и всегда, прежде всего къ зданію университета. „Шествіе открывалъ ольдерманъ корпораціи, съ шелковымъ знаменемъ въ рукахъ; по бокамъ его шли два фестмаршала, такъ-же, какъ и самъ ольдерманъ, въ цвѣтныхъ шарфахъ и съ обнаженными шпагами. За ольдерманомъ шла толпа фуксовъ. Это былъ какъ бы авангардъ. Затѣмъ слѣдовало второе знамя, которое несъ одинъ изъ старшихъ корпорантовъ; по сторонамъ его шли также два почетныхъ коммитона въ цвѣтныхъ лентахъ и съ обнаженными шпагами. Въ центрѣ шествія было опять знамя, это былъ подарокъ курляндскихъ барышень и дамъ, его несъ сеніоръ корпораціи; два шаржиртера (члены конвента уполномоченныхъ), со шпагами наголо, были его почетными спутниками. За ними слѣдовали филистеры, въ своихъ полинялыхъ шапочкахъ. Хвостъ шествія составляли младшіе члены корпораціи; они также несли распущенное корпорационное знамя. Медленно, торжественно двигалась процессія по улицамъ Дерпта, по направленію къ *alma mater*. Тамъ, въ зданіи университета, у открытыхъ оконъ, уже сидѣли профессора,—и на приблизившихся куронцевъ посы-

¹⁾ Нѣкоторыя подробности этого обряда въ разныхъ корпораціяхъ исполнялись нѣсколько различно.

²⁾ См. «Русск. Стар.» 1881 г. № II.

пался цѣлый дождь цвѣтовъ. Раздалось могучее, ликующее „Носч“, въ воздухѣ замелькали шапочки привѣтствующихъ корпорантовъ, и каждый изъ нихъ старался украсить свою грудь завоеваннымъ букетомъ цвѣтовъ.

„Весело было далѣе. На верхахъ фуражекъ красуются у всѣхъ прелестныя розы; серебряныя рукоятки шпагъ украшены букетами. Чу! на площади слышались какіе-то торжественные звуки. Все громче и громче раздается привѣтствующая куронцевъ, звучная пѣсня:

«Stosst an, Dorpat soll leben!»

„Съ развѣвающимися знаменами ожидали насъ тамъ другія корпораціи, во то время какъ всѣ улицы города, окна и балконы домовъ были полны горожанами. Сердца всѣхъ были переполнены радостію... И когда голова вновь прибывшей процессіи проникла сквозь стройные ряды куронцевъ, когда окончились привѣтствія и поклоны и салютующія знамена опустились и вновь поднялись,—тогда раздалась со всѣхъ сторонъ, все громче и громче, эти могучіе звуки:

Stosst an, grün-biau-weiss lebe!

Stosst an, Frauen-lieb'lebe!

Stosst an, freies Wort, kühne That lebe!

Hurrach hoch!

„Вотъ и все шествіе передъ зданіемъ almae matris. Грянуло могучее, безконечное „ура“. Пронеслось. Воцарилось молчаніе. Тогда, среди торжественной тишины, прозвучалъ голосъ сеніора:

„Vivat, crescat, floreat Alma Mater Dorpatensis in aeternum!“

„Vivat Academia, vivant professores!“ раздалось со всѣхъ сторонъ, изъ ряда въ рядъ, все громче и громче...

„Процессія направилась далѣе. Когда она проходила по новымъ улицамъ, на нее сыпались съ балконовъ цвѣты и букеты: ихъ бросали прелестныя ручки дерптскихъ женщинъ.

„Prosit Sigonia!“ внезапно среди прерваннаго ликованія раздался гдѣ-то сверху оглушительный звукъ... Въ слуховомъ окнѣ высокаго карцера виднѣлась рука; привѣтствуя, машущая фуражкой на встрѣчу процессіи. Это привѣтствовалъ празднующихъ куронцевъ хорошо знакомый имъ карцеръ. Въ толпѣ слышались сначала одиночные голоса, ихъ подхватывали скоро другіе, и на встрѣчу веселому жилищу (zu seiner lustigen Wohnung ¹⁾) грянули веселые звуки:

Auch Du von Deinem Liebedach, Ade!

Schausst mir umsonst, o Carcer, nach

Für schlechte Herberg' Tag und Nacht

Sei Dir ein Pereat! gebracht!

Далѣе шествіе направилось къ дому фидистера Ливена, гдѣ на балконѣ ожидали буршей курляндскія женщины. Всѣ онѣ также украсили себя корпораціонными цвѣтами. Какъ только процессія

¹⁾ Дерптскіе бурши вообще относились къ карцеру,—въ которомъ имъ приходилось сидѣть не рѣдко,—довольно благодушно. Часто карцеръ игралъ роль какого-то клуба, куда собирались коллеги заключеннаго поиграть вмѣстѣ съ нимъ въ карты и покурить. Быть заключеннымъ въ карцеръ считалось своего рода почетомъ.

приблизилась, на нее посыпался цѣлый дождь цвѣтовъ, букетовъ и вѣнковъ. Началось ликование и одушевление, какого невозможно описать. Все громче и громче раздавались ликующіе напѣвы: „Stosst an, Frauenlieb'lebel!“ и „Vivant omnes virgines!“ между тѣмъ какъ старики и молодежь съ гордостію прикалывали себѣ на грудь душистые букеты“...

Дальше подобная же церемонія происходила предъ квартирою ректора университета, затѣмъ—попечителя, причемъ въ обоихъ случаяхъ произносились съ обѣихъ сторонъ рѣчи и тосты, и кричали „hoch!“¹⁾.

Легкомысленная жизнь дерптскихъ буршей, — эти вѣчныя кнейпы, коммерши и дуэли, съ ихъ безчисленными церемоніями, — встрѣчала въ русской печати различную оцѣнку. При этомъ, одни видятъ тутъ нѣчто спасительное и благотворное; способъ отвлеченія студентовъ отъ опасной „политики“, всегда ведущей за собою волненія и беспорядки; другіе пытаются и здѣсь „отыскать измѣну“...

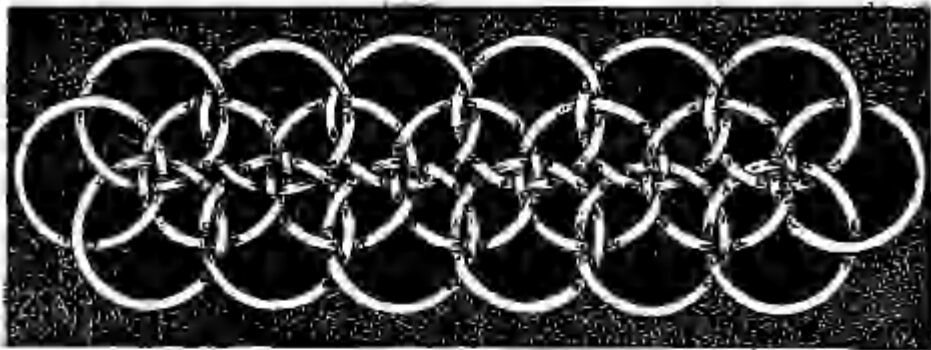
Мы воздержимся отъ оцѣнки былого строя дерптскаго студенчества. Нечего и говорить, что немало времени тратилось дерптскими буршами очень непроизводительно. Однако, странно было бы думать, что всѣ дерптскіе бурши безъ исключенія проводили свои студенческіе годы въ сплошныхъ развлеченіяхъ. По словамъ Н. И. Нирогова, они „кутили, вливали въ себя пиво, какъ въ бездонную бочку, дрались на дуэляхъ, цѣлые годы иногда не брали книги въ руки, но потомъ какъ будто перерождались, начинали работать такъ-же прилежно, какъ прежде бражничали, и оканчивали блестящимъ образомъ свою университетскую карьеру“²⁾.

Точно также, церемоніи, которыми такъ изобиловала корпоративная жизнь дерптскихъ буршей, для насъ, русскихъ, кажутся смѣшными, дѣтски наивными. Но эта любовь къ внѣшнему церемониалу—черта національная и широко проявляется во всевозможныхъ случаяхъ нѣмецкой общественной жизни.

Д. Зеленинъ.

¹⁾ Описанный фествугъ представляетъ собою лишь одинъ моментъ изъ того трехдневнаго торжества, которымъ Куронія праздновала свой 75-лѣтній юбилей (7, 8 и 9 сент. 1883 г.) и который подробно описанъ въ изданномъ конвентомъ этой корпорации юбилейномъ изданіи („Zur Erinnerung etc.“ Mitau. 1884).

²⁾ Это обстоятельство, это умѣнье нѣмцевъ «перерождаться», не надо опускать изъ виду, говоря о нѣмецкихъ буршахъ. Иначе намъ непонятно будетъ, какимъ образомъ изъ дерптскаго университета вышло столь много ученыхъ, не рѣдко знаменитыхъ. По вычисленію Отто и Гассельблатта, за 90 лѣтъ изъ дерптскаго университета вышло 210 академиковъ и профессоровъ, не говоря о громадной массѣ другихъ общественныхъ дѣятелей. Изъ русскихъ писателей въ дерптскомъ университетѣ образованіе получили, кромѣ Языкова: В. И. Даль, гр. Соллогубъ и П. Д. Боборыкинъ.

Венецѣйская лагуна.

ИСТОРИЧЕСКІИ РОМАНЪ.

(Продолженіе).

VIII.

еиенія была сильно взволнована происшествіемъ въ театрѣ; утромъ, на другой день, когда Шоринъ вышелъ на улицы для обычной прогулки, встрѣчавшіеся ему люди только и говорили о стычкѣ Николо съ Краономъ.

Происшествіе обсуждалось на всѣ лады. Венецианцы привыкли къ такого рода недоразумѣніямъ и всѣ отлично знали суровость существующихъ законовъ относительно проступковъ,

совершенныхъ въ театрѣ. Потому всѣ съ большимъ нетерпѣніемъ и любопытствомъ ждали, чѣмъ все это кончится.

Ждать пришлось недолго, потому что около трехъ часовъ дня Шоринъ видѣлъ, какъ на стѣнѣ дожескаго дворца, тамъ гдѣ обыкновенно налѣплялись судебные приговоры, прикрѣпляли длинную бумагу, на которой вверху красовалась крупными буквами надпись „Sentenza“, а внизу была прикрѣплена красная печать.

Немедленно стала собираться у стѣны толпа народа и Шоринъ прочелъ, протолкавшись ближе, суровый приговоръ инквизиціоннаго трибунала, постановленный заочно и съ стремительной быстротой, вслѣдствіе бѣгства преступника.

— Дворянинъ Николо Негро, читалъ Шоринъ, — приговаривается за покушеніе на убійство иноземнаго принца Фран-

ческо Краона, во время представленія въ театрѣ Санъ Касіано, къ лишенію дворянскаго званія, временному изгнанію, и, въ случаѣ отысканія его, къ обезглавленію между колоннами площади св. Марка.

„Доставившему вышеупомянутаго преступника живымъ или мертвымъ будетъ выдана награда въ 2000 дукатовъ, въ случаѣ поимки его въ предѣлахъ республики, а если внѣ ея — 4000. Кромѣ того, доставившему указаннаго преступника будетъ предоставлено право потребовать помилованія одного заключеннаго въ тюрьмѣ, или же изгнаннаго, или же приговореннаго къ смертной казни, будь то даже государственный преступникъ.

„Все имущество Николо Негро, каковое имѣется на лицо движимое и недвижимое, или которое окажется, или отчуждается, или будетъ имъ пріобрѣтено впоследствии подъ вымышленнымъ именемъ, конфискуется; всѣ договоры и обязательства, заключенные имъ за шесть мѣсяцевъ до объявленія сего приговора, считаются недѣйствительными и подлежащими исполненію.

„Всѣ города, деревни, мѣстечки, общины и всякія населенія, въ случаѣ появленія сказаннаго преступника въ ихъ предѣлахъ, обязаны ударить въ набатъ и выдать его немедленно правительственнымъ властямъ живымъ или мертвымъ: всѣ мѣстные общественные служащіе, кои по небрежности или другимъ какимъ поводамъ не исполняютъ сего приказанія, будутъ преданы суду и сосланы на галеры.

„Запрещается всѣмъ благороднымъ людямъ, родственникамъ или друзьямъ преступника и всѣмъ вообще венеціанскимъ гражданамъ, подъ страхомъ конфискаціи всего ихъ имущества и пребыванія втеченіе десяти лѣтъ на галерахъ съ ножными оковами, или двадцати лѣтъ одиночнаго заключенія, разговаривать съ осужденнымъ, находиться съ нимъ въ перепискѣ, или какъ либо иначе сноситься съ нимъ, или оказывать ему денежную и иную помощь.

„Осужденный никогда не можетъ быть помилованъ, ни ради какого обстоятельства и случая, ни даже въ случаѣ донесенія имъ государству о важной тайнѣ, ни въ случаѣ обѣщанія его служить республикѣ въ войскахъ во время войны, ни даже въ случаѣ выдачи имъ или убійства другого преступника, тягчайшаго нежели онъ.

„Приговоръ этотъ не можетъ быть ни въ какомъ случаѣ измѣненъ, отсроченъ, смягченъ, отмѣненъ, даже по ходатайству иноземныхъ государей, если бы таковое имѣло мѣсто.

„Никто изъ генераловъ республики или начальниковъ фло-

товъ оной, никто изъ служащихъ, пользующихся правомъ въ военное время употреблять на службу республики осужденныхъ къ изгнанію и прочихъ преступниковъ, не можетъ воспользоваться его услугами.

«Запрещается всѣмъ и каждому, подѣ страхомъ уплаты штрафа въ 2000 дукатовъ, ходатайствовать за осужденнаго».

Шоринъ окончилъ чтеніе.

— Это смерть! проговорилъ онъ, содрагаясь.— Это не судебное рѣшеніе, а какое-то проклятіе...

Толпа, собравшаяся передъ приговоромъ, волновалась, читая его, и шопотомъ высказывала свое неодобреніе. Приговоръ показался ей превозшедшимъ всякую мѣру.

Начался ропотъ и выраженіе неудовольствія. Шопотъ росъ и переходилъ въ глухіе возгласы. Но возгласы становились все громче и громче.

— Это жестоко и несправедливо! говорили одни.

— Этотъ приговоръ позоръ для Венеціи, говорили другіе.— Развѣ можно такъ карать за покушеніе на иноземца!

— Вѣдь Николо—венеціанскій гражданинъ и семья его очень почтенна, а отецъ долго и славно служилъ республикѣ.

— Совѣтъ Десяти не подумалъ о его семьѣ, которая дала государству нѣсколько почтенныхъ дѣятелей и добрыхъ гражданъ...

— Онъ не принялъ во вниманіе возраста виновнаго. Вѣдь ему нѣтъ двадцати трехъ лѣтъ! Кто не дѣлаетъ въ эти годы легкомысленныхъ поступковъ.

Но появились сбирь и стали разгонять толпу.

Крики смолкли; никому не хотѣлось попасться въ ихъ руки и отвѣчать передъ судомъ за критику правительственныхъ распоряженій. Всѣ знали цѣну республиканскаго суда и его жестокою суровость.

Шоринъ тоже отошелъ отъ стѣны.

Въ нѣсколькихъ шагахъ, на площади св. Марка, куда онъ направился, встрѣтился онъ съ Краономъ и самъ остановилъ его.

Онъ ему разсказалъ о печальной судьбѣ его недруга.

Краонъ выслушалъ его внимательно, сначала не повѣрилъ ему, потомъ пришелъ въ яростное негодованіе.

— Какая мерзость, если это правда! воскликнулъ онъ.

— Прочтите сами, сказалъ ему Шоринъ.

Они направились къ дворцу дожей и Краонъ убѣдился въ справедливости его словъ.

Лицо его пошло пятнами, губы судорожно вздрагивали, глаза загорѣлись гнѣвнымъ огнемъ.

— Какая мерзость! опять проговорилъ онъ. — Мы съ вами иноземцы и я не знаю вашихъ законовъ, но у насъ ничего подобнаго нѣтъ. Они, онъ кивнулъ головой на дворецъ, — называютъ это свободнымъ образомъ правленія... Это неслыханный деспотизмъ! Это варварство! Вѣдь, въ концѣ концовъ, кто здѣсь пострадалъ? Пострадалъ одинъ я, но я не требую ни мщенія, ни наказанія, напротивъ, я охотно прощаю этому молодому человѣку. И даже, если хотите, вѣдь это я его довелъ до нищеты, до ссоры съ родными, до отчаянія. Посмотрите, плечо мое почти зажило! Видите, я свободно могу шевелить рукой?... Какое мнѣ дѣло, наконецъ, до всего этого? Я пойду хлопотать за несчастнаго юношу. Ахъ, если бы вы знали, какъ онъ любилъ Лючіетту... Онъ только не высказывалъ этого и умѣлъ скрывать свои чувства. Она не отвѣчала ему. Онъ не былъ самостоятельнымъ и не обладалъ средствами, которыми бы могъ свободно располагать... Да и кромѣ того, она боялась знакомства съ нимъ, которая навлекли бы на нее гнѣвъ и ненависть его могущественной семьи. Здѣсь вѣдь за все отвѣчаютъ головой. И, конечно, такой прелестной головкѣ совсѣмъ не интересно было бы лечь на плаху. Нѣтъ, она его не любила. Иногда мнѣ впрочемъ кажется, что она и меня не любитъ. А? Какъ вы думаете?

— Не знаю, право, отвѣтилъ Шоринъ.

Краонъ продолжалъ мечтательно:

— Можетъ ли она вообще кого нибудь-любить? Право, мнѣ иногда кажется, что она любитъ одну только Карлоне... Вамъ это не показалось? Ей нужно какого нибудь необыкновеннаго человѣка, который сумѣлъ бы заинтересовать ея причудливый умъ, что нибудь пришедшее издалека, изъ невѣдомыхъ странъ, изъ-за морей, изъ-за пустынь, изъ-за снѣговъ... Какого нибудь араба, что ли, негра или русскаго.

Онъ остановился и внимательно поглядѣлъ на Шорина.

— Скажите, пожалуйста! вдругъ воскликнулъ онъ, ударивъ себя по лбу, и вскрикнулъ отъ боли, такъ какъ плечо его еще не зажило, — вѣдь вы, кажется, русскій?

— Да.

— Ну такъ васъ, мнѣ кажется, она могла бы полюбить... задумчиво сказалъ онъ, еще внимательнѣе взглянувъ въ своего собесѣдника.

— Вы думаете? улыбнулся Шоринъ той искренности и наивному воодушевленію, съ которымъ говорилъ болтливый французъ. — Но почему-же?

— Видите-ли, это трудно объяснить словами. Скорѣе это можно почувствовать. Вы человѣкъ совсѣмъ другого міра, точно свалившійся съ луны. Такой человѣкъ всегда интересенъ женщинамъ, и въ особенности такой женщиной какъ Лючіетта. Вы и въ любви, должно быть, объясняетесь иначе, чѣмъ мы. Въ вашихъ словахъ должно звучать что нибудь дикое, властное... Ей надоѣли вздохи и ласки и нѣжности. Ахъ, проклятые! вдругъ прервалъ онъ себя, — какъ они мнѣ надоѣли...

— Кто? съ изумленіемъ спросилъ Шоринъ.

— Сбирь. Куда бы я ни пошелъ, они бѣгутъ за мной какъ охотничьи собаки за дичью. И воображаютъ, что я ихъ не узнаю подъ ихъ плащами. Знаете что? Уйдемте отсюда. Здравствуйте, синьёръ сбирь! крикнулъ онъ человѣку въ темномъ плащѣ. — Не безпокойтесь, я узналъ васъ, даже несмотря на вашу надвинутую шапку.

Человѣкъ въ плащѣ прошелъ мимо и остановился въ нѣсколькихъ шагахъ, услыхавъ эти слова.

— Вы это мнѣ говорите? спросилъ онъ.

— А то кому же?

— Вы ошибаетесь, я васъ вовсе не знаю и я не сбирь, какъ вы думаете.

— О, таинственный незнакомецъ, ваше отрицаніе напрасно! Вы знаете меня такъ же, какъ и я васъ!

Таинственный незнакомецъ пожалъ плечами и прошелъ дальше.

— Уйдемъ отсюда! сказалъ Краонъ.

— А вы забыли, что хотѣли ходатайствовать за несчастнаго Николо?

— Ну, что вы сдѣлаете съ такимъ человѣкомъ какъ я? досадливо проговорилъ Краонъ. — Легкомысліе когда нибудь погубитъ меня...

— Сохрани васъ Господь! съ чувствомъ возразилъ Шоринъ. — Мнѣ кажется, вы очень хорошій и сердечный человѣкъ.

— Не хвалите, не хвалите! Все равно не уступлю вамъ Лючіетты, если только она сама не броситъ меня. Сегодня все рѣшится. Она дала мнѣ слово поѣхать со мной на Лидо. Я предложу ей уѣхать со мною во Францію и покинуть Венецію. Тамъ на королевской сценѣ она будетъ блистать, какъ драгоценный алмазъ въ достойной ея оправѣ. Ахъ, Лючіетта, Лючіетта!... Сколько жизни и нѣги въ ея танцахъ! Сколько гибкости въ ея позахъ! Сколько граціи въ ея движеніяхъ! Увѣряю васъ, что такихъ стройныхъ ножекъ нѣтъ болѣе въ Европѣ, какъ и такихъ глазъ.

— А Николо? напомнилъ ему Шоринъ.

— Ну, вотъ видите! Опять забылъ! Вы не думайте, однако, что я такой болтунъ. Съ незнакомыми или тѣми, кто мнѣ не нравится, я даже неразговорчивъ. Знаете что? Идите на площадь, займите столикъ въ угловой мальвазіи и ждите меня. Я вернусь и расскажу вамъ о моемъ ходатайствѣ за несчастнаго Николо.

И съ этими словами онъ быстро вошелъ въ ворота дворца и исчезъ въ нихъ.

Шоринъ направился на площадь.

Онъ сидѣлъ недолго. Не прошло и получаса, какъ Краонъ вернулся, весь красный отъ гнѣва.

— Ну что, принцъ? спросилъ Шоринъ.—Неудача?

— Да развѣ это люди? закричалъ Краонъ.— Это не люди и даже, кажется, не звѣри. Это просто каменные изваянія.

— Успокойтесь и расскажите по порядку.

— Развѣ я могу успокоиться? Развѣ я могу говорить по порядку? Въ помѣщеніи трибунала никого не было кромѣ сcribe какого-то, писавшаго новый приговоръ, должно быть, такой же нелѣпый, какъ и тотъ, что они только что вывѣсили. Я ему говорю, что мнѣ нужно, въ чемъ моя просьба. Негодай даже не поднималъ головы отъ бумаги, въ которую уткнулся носомъ. Онъ спокойно выслушалъ меня и пробурчалъ: «Я никому не скажу о томъ, что отъ васъ слышалъ». — Напротивъ, говорю, скажите, я прошу васъ объ этомъ. — «Нѣтъ, я никому не скажу». — Вы не имѣете на это право, развѣ я требую этого. — «Нѣтъ, я никому не скажу». — Тогда я вышелъ изъ себя: Почему же вы не скажете, грязное гусиное перо? — Но онъ не разсердился и тѣмъ-же ровнымъ тономъ отвѣтилъ: «Потому не скажу, во-первыхъ, что это совершенно бесполезно, а во-вторыхъ потому, что за одну эту просьбу за осужденнаго вы бы должны были уже заплатить 2000 дукатовъ, если-бы вы были венеціанскимъ гражданиномъ, а такъ какъ вы не венеціанскій гражданинъ, то должны были бы быть высланы изъ предѣловъ республики, несмотря даже на то, что вы принцъ. А за «грязное перо гусиное», если бы я сказалъ о немъ, вы должны были бы заплатить еще разъ крупный штрафъ, за оскорбленіе должностнаго лица въ зданіи трибунала. А сколько, я точно не знаю. Впрочемъ, если хотите, я сейчасъ справлюсь». — Не трудитесь, отвѣтилъ я ему, — это бесполезно въ виду того, что у меня денегъ нѣтъ. — «Ну такъ

будьте здоровы и уходите», отвѣтилъ онъ мнѣ». Ну что можно сдѣлать съ такими людьми, я васъ спрашиваю? Здравствуйте, синьѣръ сбирь! Очень радъ васъ видѣть! Вотъ добрая мальвазія, не выпьете ли стаканчикъ, другой? Нѣтъ? Не хотите? Очень, очень жалко лишиться такой пріятной компаніи.

Шоринъ невольно засмѣялся и взглянулъ на сбира, который, точно призракъ, молча и медленно прошелъ мимо.

— Вы очень смѣлы, принцъ, и, очевидно, не дорожите гостепріимствомъ Венеціи.

— Я чувствую, что меня лишатъ скоро этого гостепріимства. Но что-же дѣлать? Я задыхаюсь въ этомъ городѣ стоячей воды, каменныхъ домовъ и каменныхъ людей. Я бы давно покинулъ Венецію, которая мнѣ надоѣла, если бы не Лючіетта. Но вы, мой другъ, что дѣлаете вы здѣсь?

Шоринъ сказалъ, что онъ прибылъ съ посланниками къ дожу, который не принимаетъ и по сію пору.

— Гдѣ же ваши посланники? спросилъ Краонъ.

— Они сидятъ дома, улыбнулся Шоринъ. — Одинъ влюбленъ въ мальвазію, другой въ женщину вообще. Первый имѣетъ возможность удовлетворить своей страсти, второй очень неподвиженъ и все только мечтаетъ о женщинахъ, но боится подойти къ нимъ. Впрочемъ, они были вчера въ театрѣ и обоимъ понравилась Лючіетта.

— Да кому же она можетъ не понравиться? горячо вскрикнулъ Краонъ. — Это такіе два съ огромными бородами? Я ихъ замѣтилъ... Добрый вечеръ, синьѣръ сбирь! Сейчасъ былъ здѣсь одинъ вашъ товарищъ и я предложилъ ему мальвазіи. Честное слово, радъ бы душой угостить васъ чѣмънибудь другимъ, но не знаю чѣмъ... Прикажете...

Но и тотъ, сбирь, прошелъ молча, какъ и остальные.

Вечерѣло. Одна за другою зажигались на небѣ звѣзды, хотя небо было все еще достаточно свѣтло. На горизонтѣ накапливались тучи. Подулъ свѣжій вѣтерокъ.

— Какъ однако я заболтался съ вами! вдругъ вскрикнулъ Краонъ и, понизивъ голосъ, продолжалъ: — пора, меня будетъ ждать Лючіетта.

— Гдѣ? спросилъ Шоринъ.

— На Пьяцеттѣ. До свиданья. Вы очень хорошо говорите по-итальянски, пожалуй лучше меня. До свиданія!

— Прощайте.

— Почему прощайте? Я еще надѣюсь увидѣться съ вами.

Онъ торопливо расплатился. Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ къ выходу, онъ вернулся.

— Знаете что? Дайте мнѣ вашъ плащъ и шляпу, а себѣ возьмите мои... до завтра. Скорѣе, пока нѣтъ около насъ этихъ проклятыхъ сбировъ. Вотъ такъ! Благодарю васъ. Такъ, можетъ быть, они меня не скоро узнаютъ и будутъ слѣдить за вами.

Онъ засмѣялся.

— Вамъ вѣдь все равно?

Шоринъ пожалъ плечами.

— Мнѣ нечего бояться.

— Какое счастье одурачить этихъ двуногихъ скотовъ! прошепталъ Краонъ и быстро исчезъ во тьмѣ надвигавшагося вечера, такъ какъ луна еще не всходила.

Пройдя площадь и выйдя на пьядетту, у одной изъ колоннъ, подъ аркадами дворца дожей, Краонъ увидѣлъ темный силуэтъ женщины.

Онъ тихо свиснулъ и ему отвѣтили тѣмъ же свистомъ.

— Ты, Краонъ? шопотомъ спросила его тѣнь.

— Ты, Лючіетта? въ свою очередь спросилъ онъ.

— Я тебя не узнала сразу. Ты перемѣнилъ плащъ и шляпу.

— Да, для твоей безопасности.

— О, ихъ не обманешь этимъ!

— Уже обманулъ. Видишь, никого нѣтъ.

Лючіетта тщательно оглядѣла набережную.

— Да, правда, сказала она, — только я все-таки боюсь. Это очень хитрый народъ.

— Не бойся. Забудь о всѣхъ этихъ глупостяхъ. Если бы ты знала, какъ я тебѣ благодаренъ за то, что ты согласилась поѣхать со мною.

— Это большой рискъ.

— Никакого. Развѣ я не мужчина? Или у меня нѣтъ съ собой оружія? Знаешь ли ты о судьбѣ Николо?

— Знаю. Вся Венеція уже знаетъ объ этомъ.

Они подошли къ гондолѣ, стоявшей у ступенекъ Невольничьей набережной.

— Джулио, пониженнымъ голосомъ позвалъ Краонъ.

— Здѣсь, принчипе.

— Вене. Вези насъ на Лидо, какъ сказано. Да погаси фонарь: вотъ всходить луна.

Гондольеръ сталъ на носъ и оттолкнулъ свою лодку отъ

стѣнки. Гондола безшумно поплыла по темнымъ водамъ лагуны, пересѣкая широкую лунную полосу темно-рыжаго цвѣта. Вѣтеръ стихъ, небо потемнѣло, ярче стали горѣть звѣзды; луна съ изумительной быстротой подымалась, уменьшаясь на небѣ.

— Что же ты о немъ скажешь? спросилъ у Лючіетты князь.

— О комъ? разсѣянно сказала она.

— Какъ о комъ? О Николо.

— Ничего не скажу. Есть онъ или нѣтъ его, мнѣ все равно. Я его никогда не любила. Съ такимъ человѣкомъ легко попасть въ бѣду.

— Ты благоразумна и предусмотрительна. Что это? Ахъ, да, Джуліо затянулъ пѣсенку.

Краонъ подсѣлъ ближе къ Лючіеттѣ на мягкой подушкѣ гондолы, подъ темнымъ, обитымъ черной матеріей, навѣсомъ. Она настойчиво освободилась отъ его объятій и сѣла поодаль.

— А меня ты любишь? спросилъ онъ.

— О, больше жизни!...

Въ ея голосѣ звучала насмѣшка.

Джуліо пѣлъ:

*Coi pensieri malinconici
No te ster a tormenter,
Vien con mi, montema in gondola,
Angiamo in mezza al mar...*

Звуки его низкаго, мягкаго, точно бархатнаго голоса наполняли воздухъ этой чудной ночи, хотя онъ пѣлъ вполголоса. Казалось, звуки таяли, прикасаясь къ водѣ, и бульканье воды, подъ весломъ гондольера, служило страннымъ акомпаниментомъ его пѣснѣ. Мечтательно глядѣлась въ зеркально-гладкія воды лагуны посеребрѣвшая теперь луна, точно любуясь собою въ зеркалѣ. И казалось, на темномъ, почти черномъ небѣ, среди этихъ крупныхъ серебряныхъ звѣздъ, происходитъ какое-то молчаливое торжество, что-то великое и тайное, что недоступно пониманію человѣка. Гондола тихо плыла по лагунѣ, разсѣкая воду своимъ острогрудымъ носомъ и мѣрно качалась отъ ритмическихъ ударовъ весла лодочника.

— Ты насмѣхаешься надо мною! Знаю, моя прелесть, грустно заговорилъ Краонъ,—знаю, что ты меня не любишь, что ты никого не любишь на свѣтѣ. Какъ можешь ты жить такъ? У тебя есть сердце, какъ у каждой женщины, какъ у каждаго человѣка. Но оно холодно, какъ ледъ, и твердо оно, какъ ледъ-же. Ты—каменная, какъ всѣ люди Венеціи.

— Ты для того позвалъ меня кататься, чтобы сказать мнѣ это?

— Нѣтъ не для того.

— А для чего-же?

— Для того, чтобы сказать тебѣ, какъ я люблю тебя... Ахъ, какъ онъ поетъ, мошенникъ, какъ поетъ! И какая ночь! О, Лючіетта! За одну такую ночь, проведенную рядомъ съ тобою, можно отдать жизнь! Можно отдать двѣ жизни— настоящую и будущую и отправиться послѣ смерти къ чорту въ адъ, даже ко всѣмъ чертямъ.

Лючіетта сдѣлала изъ указательнаго пальца и мизинца джетта-туру и потыкала ими въ темное пространство подъ навѣсомъ.

— О, не говори такъ, сказала она суетливо.

Vien con me, montema in gondola,

Andiamo in mezzo al mar...

Вдали зачернѣла полоса Лидо и на ней медленно, одинъ за другимъ зажигались огни.

— Ты говорилъ, что я ничего не люблю въ жизни, начала послѣ нѣкотораго молчанія Лючіетта.— Ты ошибаешься: я люблю жизнь. Понимаешь, жизнь. Жизнь со всѣми ея радостями и невзгодами; люблю необъятное, глубокое, безконечное небо, люблю безбрежное море; даже лагуны, даже наши каналы; въ нихъ много таинственной, манящей прелести; люблю солнце и мечтательный блескъ луны, люблю цвѣты и деревья, которыхъ такъ мало въ Венеціи, люблю пѣніе и танцы. О, танцы больше всего на свѣтѣ! Видишь, сколько люблю я, а ты говоришь, что я ничего не люблю.

— А людей?

— Людей я не люблю. Имъ трудно вѣрить и они говорятъ. И небо, и море, и солнце, и луна, и цвѣты, и танцы, не говорятъ, а молчатъ. Люди говорятъ, говорятъ много, потому лгутъ. Луна никогда не обманываетъ, я вижу, что она свѣтитъ, а когда зайдетъ или скроется за тучу, я опять вижу, что ея нѣтъ. Лицо человѣческое и людскія рѣчи лгутъ.

— Но человѣкъ, который любить не жетъ. Любовь правдива, какъ природа, Лючіетта.

— Любовь? Любовь величайшая ложь жизни. Любовь похожа на чуму, которая, какъ говорятъ, когда-то опустошала нашъ городъ. Любовь, настоящая, сильная, страстная—болѣзнь, она убиваетъ людей и рѣдко кто выживаетъ. А исцѣлившіеся остаются обезображенными на всю жизнь. Они перестаютъ любить жизнь и теряютъ вѣру. Я знаю, я любила.

— Ты?

— Да, я. Это было давно, когда меня еще чуть не дѣвочкой отдали въ монастырь. Тамъ былъ молодой аббатъ, который полюбилъ меня, какъ и я его. Мы хотѣли бѣжать. Но онъ вдругъ сдѣлался религіознымъ, богомольнымъ и сталъ избѣгать меня и сталъ даже бояться меня. Съ тѣхъ поръ въ моей душѣ рана. А еслибы ты зналъ, какъ сладко было, подъ звуки церковнаго гѣмна, мечтать о любви! Какъ сладко было встрѣчаться съ нимъ подъ сводами храма... Въ этомъ былъ грѣхъ, а грѣхъ такъ сладокъ! Любовь и ненависть—родныя сестры, повѣрь мнѣ! Сначала любовь, потомъ ревность, потомъ ненависть. А любовь, испытывавшая ревность, похожа на красивое лицо, обезображенное другой страшной белѣзною—черной оспой. Оно остается рябымъ.

Гондольеръ продолжалъ управлять весломъ, но теперь перемѣнилъ свою пѣсню.

Онъ пѣлъ какую-то баркароллу въ медленномъ ритмѣ. Она и ласкала и убаюкивала.

Вдали, на горизонтѣ, мелькнуло два-три темныхъ рыбацкихъ паруса, казавшихся растопыренными крыльями какихъ-то необыкновенныхъ гигантскихъ птицъ. Южная ночь наступила какъ-то неожиданно, внезапно, точно подкравшись изъ-за угла, смѣнивъ собою вечернюю тьму. И стало свѣтлѣе, прозрачнѣе, уютнѣе на лагунѣ. Лагуна, похожая днемъ на большую, людную площадь большого города, теперь была почти пустынна. Рѣдко-рѣдко проплывала мрачная гондола съ какъ-бы изваяннымъ на кормѣ или на носу гондольеромъ, и въ своемъ безшумномъ шествіи, казалась скользящимъ чернымъ призракомъ въ прозрачной черной тмѣ венеціанской ночи. На носу лодки мигалъ опаловымъ пламенемъ огонекъ фонарика, трепетно отражаясь короткими узорами въ темной водѣ лагуны.

Далеко позади, зданія Венеці слились уже въ общія группы и вытянулись въ одну линію, окутавшись флѣромъ ночи. Сквозь туманный блескъ луны еле-еле можно было отличить дворецъ дожей, высокую компанілу св. Марка. Моста вздоховъ не было уже видно, и только развѣ привычій уже къ темнотѣ глазъ могъ различить ту темную щель, въ которой онъ находился.

Слабымъ огонькомъ горѣлъ вдали, передъ гондолою, маякъ Маломокко, а справа, на зданіи съ куполомъ лежался отблескъ луны. Многими тысячами серебряныхъ блесковъ рассыпалась луна по лагунѣ, выхватывая изъ ночной тьмы

далекіе и многочисленныя островки и суда, разсыянные тамъ и сямъ, по лагунѣ.

Порой мимо гондолы Краона проплывала у самого борта, другая, подъ наряднымъ павѣсомъ, за полуопущенными занавѣсками котораго, при участіи коварнаго блеска луны, Краонъ успѣвалъ различать темныя силуэты мужчинъ и женщинъ и настороженнымъ ухомъ уловить звукъ любовнаго поцѣлуя.

— Вотъ эти любяты! съ завистью говорилъ тогда Краонъ. — Не думаю, чтобы они стали тратить по-пустому слова и говорить о любви, когда можно просто любить!

Но Лючіетта молчала.

Эта ночь подавляла ее, наполняя безмолвнымъ очарованіемъ,

— Лючіетта, сказалъ Краонъ, выведенный изъ терпѣнія ея молчаніемъ, — поѣдешь-ли ты со мною во Францію? Покинешь ли ты Венецію? Ты вѣдь знаешь, мнѣ жить здѣсь неудобно, съ вашими пегодаями сбирами. Ты ли въ чемъ не будешь нуждаться... Ты будешь жить въ роскошномъ палаццо, гдѣ все будетъ къ твоимъ услугамъ. Повѣрь, тамъ не хуже, чѣмъ здѣсь, и люди тамъ даже лучше. О, гораздо лучше. И тамъ нѣтъ такихъ назойливыхъ сбировъ. Ваши сбирьы похожи на злыхъ москитовъ. Они кусаются больно и, притомъ, навязчивы.

— Нѣтъ, Краонъ, я не поѣду съ тобою...

— Но почему? Почему-же?

— Ты уже говорилъ мнѣ объ этомъ не разъ, и если я согласилась поѣхать съ тобою на Лидо, въ эту ночь, то только для того, чтобы сказать тебѣ, что я не послѣдую за тобою.

— Но почему-же? повторилъ онъ.

— Потому что я тебѣ не вѣрю.

— Мнѣ?

Да, я не вѣрю тебѣ. Ты человѣкъ неосторожный и легкомысленный. Ты любишь меня, я это знаю, но ты любишь, кромѣ меня и мальвазію и карточную игру. Кто любить женщину, тотъ не долженъ любить блага жизни, а только ее одну. Я ничего не люблю, потому что люблю жизнь. И потому я родилась здѣсь. Пересади розу съ ея привычной почвы въ другую землю—она завянетъ. Пусть нашу венеціанскую баркароллу, вотъ ту, что поетъ теперь Джулію, споетъ французъ—она погибнетъ и ее нельзя будетъ узнать. Перенеси нашъ городъ на другое мѣсто, гдѣ говорятъ, вмѣсто каналовъ, каменные дороги,—онъ исчезнетъ. Нѣтъ, нѣтъ, у васъ и небо и люди другіе и луна свѣтитъ иначе. Я никуда не уѣду изъ Венеціи.

Гондолерь вдругъ оборвалъ свою пѣсню и началъ усиленно гребти весломъ.

Нѣсколько разъ онъ уже безнокойно оглядывался назадъ, и гребъ съ такой силой, какъ будто хотѣлъ убѣжать отъ гнавагося за ними призрака.

— Ты что-жъ замолчалъ, Джуліо? спросила его Лючіетта.

Но гондолерь махнулъ ей рукой, продолжая другою управлять весломъ.

— Что такое? испуганно спросила она у Краона.

Краонъ выглянулъ изъ-подъ палатки и посмотрѣлъ туда, куда безпрестанно направлялись взоры лодочника.

Онъ увидѣлъ большую гондолу, которая гналась за ихъ лодкой по пятамъ. Такъ какъ она была больше и тяжелѣе ихъ гондолы, то не могла настичь ихъ.

Вдругъ среди безмолвной ночи, по лагунѣ пронесся протяжный крикъ, похожій на зловѣщій крикъ ночной птицы.

— Что это? спросилъ Краонъ и увидѣлъ, какъ лодочникъ мгновенно бросилъ весло, а Лючіетта вздрогнула съ ногъ до головы.

Краонъ схватился за кинжалъ.

— Что это? повторилъ онъ свой вопросъ.

— Это сигналъ, отвѣтилъ Джуліо, вынувъ весло изъ воды и бросивъ его на дно лодки.

— Что означаетъ этотъ сигналъ?

— Ничего хорошаго, синьёръ.

— Почему ты остановилъ гондолу?

— Это правительственная барка, синьёръ, и сбирь требуютъ нашей остановки.

Прошло нѣсколько минутъ и правительственная барка коснулась своимъ бортомъ борта гондолы Джуліо.

На ней былъ красный фонарь и въ ней сидѣло нѣсколько человѣкъ.

Одинъ изъ нихъ поднялся. Краонъ узналъ его. Это былъ старшій сбирь, который допрашивалъ его въ Ridotto.

— Вы узнаете меня? спросилъ сбирь.

— Узнаю.

— Тѣмъ лучше. Переходите въ нашу лодку, отрывисто сказалъ онъ, въ тонѣ приказанія.

— Зачѣмъ? возразилъ Краонъ. — Мнѣ и въ моей хорошо.

— Сбирь, возьмите его, командовалъ старшій и три рослыхъ человѣка точно выросли изъ барки.

Краонъ, по тону его рѣчи, тотчасъ же понялъ, что время шутокъ прошло и что дѣло идетъ о чемъ-то очень важномъ.

— Спрячься въ уголъ и спусти занавѣски, быстрымъ шопотомъ сказалъ онъ Лючіеттѣ. — Не безпокойте вашихъ людей, обратился онъ къ сбирѣ. — Я самъ перейду къ вамъ.

— Это будетъ лучше всего. И еще лучше будетъ, если вы бросите ваши шути.

Краонъ перешелъ на ихъ бортъ. На днѣ лодки лежало что-то длинное, тщательно укрытое толстой, темной матеріей.

— Что вамъ нужно? спросилъ онъ у старшаго. — Что вы привязались ко мнѣ, какъ мухи къ меду? У меня съ вами никакихъ дѣлъ быть не можетъ и я прошу, чтобы вы оставили меня въ покоѣ, больше ничего.

Старшій ничего не отвѣтилъ на эту вспышку гнѣва, но немедленно началъ допросъ. Слова его были кратки, рѣчь отрывиста.

— Вы-ли принцъ Франческо Краонъ, иноземецъ, французскій подданный, живущій вотъ уже слишкомъ годъ въ нашемъ городѣ?

Краонъ посмотрѣлъ на него съ изумленіемъ.

— Отвѣчайте, сказалъ сбиръ.

— Но вы меня отлично знаете, потому что уже преслѣдуете меня давно.

— Отвѣчайте! крикнулъ сбиръ, — или я заставлю васъ отвѣчать силой.

— Я князь Франсуа Краонъ, иноземецъ и французъ. Что-жъ изъ этого?

— Вы-ли жаловались, что нѣсколько времени тому назадъ у васъ украли деньги въ игорномъ домѣ Ridotto?

— Я никому не жаловался.

— Вы ошибаетесь. Вы жаловались мнѣ и всему городу, крича объ этомъ на площадяхъ, улицахъ, каналахъ и театрахъ и понося наше правительство. Украли у васъ деньги или нѣтъ?

— Украли! злобно крикнулъ Краонъ.

— Велика-ли была сумма?

— Пять тысячъ дукатовъ.

— Въ чемъ они были?

Краонъ не понялъ.

— Были ли они въ ящикѣ, въ кошелькѣ, въ мѣшкѣ?

— Въ мѣшкѣ.

— Какого вида и цвѣта?

— Въ небольшомъ мѣшкѣ изъ зеленой кожи.

— Такъ... Подозрѣвали-ли кого?

— Я-же вамъ говорилъ.

— Повторите.

— Извольте. Это былъ человѣкъ высокаго роста, очень высокаго роста, съ черной бородой.

— Могли бы вы узнать его, если-бы вамъ его показали?

— Конечно.

— Сбирь, принеси мнѣ фонарь, сказалъ старшій.

Сбирь принесъ фонарь, открылъ его и направилъ на то длинное, что лежало на днѣ лодки.

Онъ-же снялъ темное покрывало и Краонъ вскрикнулъ отъ ужаса.

Передъ нимъ, во всю длину своего огромнаго роста, лежалъ трупъ того человѣка, котораго онъ замѣтилъ въ тотъ памятный вечеръ въ Ridotto. Въ рукахъ мертвеца былъ зажатъ зеленый мѣшокъ.

— Онъ-ли это? спросилъ сбирь.

— Да, это онъ, дрожащимъ голосомъ отвѣтилъ князь.

— И мѣшокъ тотъ самый?

— Тотъ самый.

— Такъ вотъ вамъ воръ, а вотъ ваши деньги.

Старшій обратился къ сбирю:

— Вынь у него мѣшокъ изъ рукъ и накрой его тѣло. Тотъ исполнилъ приказаніе. Онъ протянулъ мѣшокъ Краону.

Но Краонъ содрогнулся и отшатнулся отъ него.

— Вы должны взять ваши деньги, строго сказалъ сбирь.

— Нѣтъ, нѣтъ, я не хочу, я не могу...

— Вы должны.

И онъ насильно вложилъ ему въ руки мѣшокъ.

Краонъ тотчасъ же бросилъ мѣшокъ въ свою гондолу и онъ со звономъ упалъ на дно ея.

— Теперь, князь, мнѣ остается сказать вамъ одно. Уѣзжайте, такъ какъ воздухъ Венеціи вамъ вреденъ. Вамъ, по опредѣленію трибунала, дается еще сорокъ восемь часовъ на сборы. Возвращеніе въ Венецію вамъ воспрещено навсегда. И никогда нога ваша не будетъ попираеть камней нашихъ площадей и улицъ. Вы не сумѣли оцѣнить наши установленія и законы и всюду громко, не стѣсняясь, поносили наше правительство. Если вы не уѣдете добровольно въ сорокъ восемь часовъ, васъ увезутъ отсюда насильно.

— Но позвольте, попробоваль возразить пришедшій, наконецъ, въ себя князь.

Сбирь рѣзко прерваль его.

— Всякіе разговоры излишни. Я обязанъ вамъ объявить рѣшеніе и вы обязаны ему подчиниться. Вы не сумѣли оцѣнить наше гостеприимство — пеняйте на себя.

— Но я пойду жаловаться дожу.

— Дожъ боленъ и васъ не приметъ. Къ тому-же вамъ, вѣроятно, извѣстно, что никакихъ жалобъ на постановленіе трибунала, по закону, не допускается. Да и жаловаться вамъ не на что. Вотъ вашъ воръ лежитъ здѣсь. Вы видите, онъ понесъ возмездіе за свое преступленіе. Деньги, украденныя у васъ, возвращены вамъ въ цѣлости. На что вы можете жаловаться?

— Но...

— Довольно. Переходите къ себѣ. Въ субботу васъ не должно быть уже въ городѣ, — твердо помните объ этомъ.

Краонъ перешель въ свою гондолу.

Перегнувшись черезъ бортъ, онъ спросилъ сбира въ полголоса.

— Кто же онъ?

— Этоть? Несчастный брави, соблазвившійся блескомъ вашего золота. Иноземцы портятъ нашъ народъ, и чѣмъ меньше ихъ останется въ Венеціи, тѣмъ лучше.

— Наемнаго убійцу можно по вашему испортить? воскликнулъ Краонъ, но лодка сбирова уже отчаливала отъ борта гондолы.

Она сдѣлала широкій кругъ по лагунѣ; на мгновеніе мелькнулъ въ глазахъ Краона красный фонарь. Что-то грузное тяжело шлепнулось въ воду съ борта правительственной барки и брызги воды долетѣли до Краона.

Онъ вошелъ подъ навѣсъ.

Лючіетта сидѣла на мягкихъ подушкахъ, въ своемъ черномъ плащѣ, закрывъ лицо руками.

— Ты слышала? спросилъ ее Краонъ.

— Все слышала.

Онъ ничего не сказалъ и сѣлъ съ нею рядомъ. Она молчала и въ ея глазахъ стояло выраженіе ужаса.

Нагнувшись впередъ, она слабымъ голосомъ крикнула:

— Джуліо, я не поѣду на Лидо! Поверни назадъ.

— Лючіетта!...

— Я не поѣду на Лидо, упрямо возразила она.

— Намъ недолго еще осталось пробыть вмѣстѣ...

— Нѣтъ, нѣтъ, я хочу домой. Мнѣ страшно холодно. Джуліо, поверни гондолу.

Лодочникъ исполнилъ ея желаніе и лодка медленно поплыла къ Венеціи.

Джуліо не пѣлъ больше. Съ суевѣрнымъ ужасомъ смотрѣлъ онъ на безмолвныя воды лагуны, поглотившія тѣло неизвѣстнаго человѣка, надъ которымъ расплзались широкіе круги и толпились пузыри. Но вскорѣ и круги и пузыри исчезли и поверхность воды сдѣлалась такою же спокойной и безстрастной, какъ была прежде.

Тогда, еще болѣе понизивъ свой мягкій, бархатный голосъ, Джуліо запѣлъ про себя «*Be profundis*» и набожно, истово перекрестился.

Уныло и печально было ихъ возвращеніе назадъ...

Лючіетта не могла говорить, неразговорчивъ и сумраченъ былъ и всегда веселый Краонъ.

Но время шло и его молчаливое настроеніе проходило. Гнѣвъ и бѣшеная злоба душили его. Онъ сознавалъ свое полное безсиліе и это выводило его изъ себя.

— Проклятая страна, проклятый городъ, ворчалъ онъ. — Какіе люди, какое правительство!...

Потомъ онъ положилъ свою руку на руку Лючіетты.

— Радость моя, счастье моей жизни! Вѣжимъ изъ Венеціи. Въ нашей милой Франціи — иные люди, иные законы. Тамъ легко и весело жить.

Она отрицательно покачала головой и онъ, видя ея твердую рѣшимость, не настаивалъ больше.

Но разлука съ ней казалась ему тяжелою, невѣроятною.

— Это невозможно! говорилъ онъ. — Черезъ сорокъ восемь часовъ меня уже не будетъ здѣсь, а ты останешься одна... О, я знаю, у тебя скоро найдутся покровители... этотъ изъ Москвы... какъ его? Шоринъ... онъ любитъ тебя... Знаешь что? Я вернусь черезъ нѣкоторое время...

— Развѣ ты не слыхалъ, что говорилъ тебѣ сбирь? Тебѣ навсегда запрещено пребываніе въ Венеціи.

— Я пріѣду подъ другимъ именемъ.

— О, не дѣлай этого.

— Почему?

— Не дѣлай этого; если не хочешь познакомиться съ холодными водами нашей лагуны.

— Какъ! Они осмѣются?..

— Они все могут. Кто имъ можетъ помѣшать?

— Но у насъ тоже есть законъ и они отвѣтятъ за исчезновеніе французскаго гражданина.

— Пойди, доискивайся! Сколько пройдетъ времени! Наконецъ, они всегда могутъ сказать, что ты утонулъ по неосторожности въ лагунѣ. Джуліо, перестань пѣть. Твое пѣніе надрываетъ мнѣ душу...

Лодочникъ еще разъ перекрестился и замолчалъ.

— Лучше было слушать меня, начала опять Лючіетта, перебирая въ своемъ умѣ всѣ подробности этого событія, — и не вступать въ споръ съ сбиромъ. Наказаніе твое было-бы легче. Ты очень легкомысленный человѣкъ, Франческо, и тебѣ опасно довѣрить свою судьбу.

— О, Лючіетта, какія жестокія слова говоришь ты!

— Можетъ быть, возразила она, — но зато справедливая. Она больше не заговаривала.

Вверху попрежнему блистали звѣзды и луна попрежнему любовно свѣтила съ темнаго неба, отражаясь въ водахъ лагуны.

Казалось, она любовалась въ немъ какъ въ зеркалѣ. Въ воздухѣ была тишина, не было слышно прибоя. Общее безмолвіе ночи чуть-чуть нарушали тихіе всплески, еле уловимые только внимательнымъ ухомъ, ласковыхъ волнъ, любовно ластившихся къ каменнымъ стѣнкамъ набережной.

Лодка плыла мимо единственнаго сада Венеціи.

Садъ съ вѣковыми платанами, казалось, былъ полонъ глубокихъ, подвижныхъ тѣней и представился возбужденному воображенію Лючіетты священной рощею, уснувшей въ густомъ ароматѣ розъ и лилій, подъ таинственный шелестъ невидимыхъ поцѣлueвъ и подъ тяжестью неразгаданныхъ тайнъ, неразоблаченныхъ чудесъ.

Воображеніе ея разыгрывалось.

Она видѣла невидимыя аллеи, усыпанныя гравіемъ, на мелкихъ камешкахъ которыхъ играли тысячею огней брилліантовые блики луны; каменные скамьи, увитыя цвѣтами и залитыя тѣмъ же блескомъ луны, среди этихъ аллей, гротовъ, боскетовъ. И на скамьяхъ молодые влюбленные забывшіе міръ, зачарованные венеціанской ночью.

Ахъ, отчего, отчего она не умѣла любить безъ забвенія и отдаваться чувству безъ раздумья? Отчего все ей кажется обманомъ и ложью? И этотъ садъ, въ которомъ, конечно, нѣтъ

ни лилій, ни розъ, въ эту пору года, развѣ не обманъ, который заставляетъ разыгрываться воображеніе?

Но садъ былъ уже далеко и гондола приплыла къ ступенькамъ Невольничьей набережной.

Краонъ помогъ Лючіеттѣ выйти и вышелъ самъ.

Ихъ прогулка кончилась.

— Синьёръ принчипе! позвалъ Краона лодочникъ.

— Что тебѣ, Джуліо?

— Вы забыли на днѣ моей гондолы деньги.

— Нѣтъ, не забылъ ихъ. Я не возьму ихъ. Возьми ихъ себѣ, Джуліо.

— Храни меня, святая Дѣва! Изъ рукъ мертвеца! Нѣтъ, синьёръ, примите, я не могу взять ихъ.

— Ну такъ брось ихъ въ воду.

Гондольеръ сдѣлалъ джедаттуру изъ пальцевъ, взялъ мѣшокъ со дна лодки и, недолго думая, выбросилъ его въ воду.

В. Свѣтловъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Должности и обязанности крестьянъ

(По поводу соображений освобождения крестьянъ).

(1861—1901).

I.

дной изъ отличительныхъ чертъ просвѣтительной философіи XVIII вѣка было стремленіе разрѣшить вопросъ о возможно счастливомъ состояніи человѣчества. Философы XVIII вѣка полагали, что земной міръ очень хорошо приспособленъ для homo sapiens, который можетъ пречудесно устроиться въ немъ при благонравномъ поведеніи. Вопросы „повседневнаго счастья“, соображенія пользы играютъ отнюдь не малую роль въ твореніяхъ этихъ замѣчательныхъ мыслителей, творцовъ „естественной религіи“, „естественнаго права“. Отсюда весьма понятно появленіе массы сочиненій подъ различными заглавіями, но трактующихъ объ одномъ и томъ же предметѣ—объ „обязанностяхъ и должностяхъ человѣка“. Намѣчается, такъ сказать, программа земной дѣятельности человѣка, вырабатываются тѣ главные правила, тѣ границы, которыя не долженъ переступать человѣкъ. Въ этой литературѣ принимали участіе почти всѣ дѣятели просвѣтительной философіи; такія книжки сочинялись какъ Пуффендорфомъ, творцомъ естественнаго права, такъ и Мирабо, старшимъ, главою фізіократовъ, наконецъ, католическимъ аббатомъ Фельбигеромъ,—и всѣ онѣ, въ общихъ чертахъ, въ главныхъ положе-

*) Глава изъ неаннотированной книги «Школьная и офиціозная мораль въ Россіи 1782—1855 г.

ніяхъ, очень сходны и отличаются лишь въ частности, въ детальной разработкѣ. Весьма понятно, что эта литература не могла не вызвать подражанія и у насъ въ Россіи. Русскіе писатели принялись дружно переводить и сочинять подобныя книжки; появились „Общенародное наставленіе или наука о правахъ и должностяхъ человѣческихъ“, „Изъясненіе должностей человѣка и гражданина“, „Сокращеніе главнѣйшихъ должностей“ и прочее. Кромѣ подражанія Западу въ усиленіи этой литературы не малое значеніе сыграло и то обстоятельство, что она была какъ бы освящена высочайшею санкціей. Въ курсъ начальной школы, по повелѣнію Екатерины II, было введено преподаваніе морали, и для этой цѣли предназначалась особая книга подъ слѣдующимъ длиннѣйшимъ заглавіемъ: „О должностяхъ человѣка и гражданина книга, къ чтенію опредѣленная въ народныхъ училищахъ Россійской имперіи, изданная по Высочайшему повелѣнію“. Эта книга представляла очень интересную переводъ-передѣлку книги австрійскаго аббата Фельбигера „Lesebuch für Schüler der deutschen Schulen. Zweiter Theil“.

Но съ теченіемъ времени рассматриваемое направленіе сильно видоизмѣнилось. „Повседневная мораль“ была исключена изъ предметовъ обученія въ народныхъ школахъ и замѣнилась моралью исключительно церковною. Книга, изданная по приказанію императрицы Екатерины II, была сожжена въ царствованіе Николая I, и весьма понятно, что дальнѣйшія попытки въ этомъ направленіи вполнѣ прекратились.

Но если книги, трактующія о должностяхъ и обязанностяхъ вообще человѣка, стали признаваться вредными, коль скоро онѣ сочинены писателемъ не изъ духовной среды, то книги, рассматривающія обязанности нѣкоторыхъ сословій, наоборотъ, пользовались оффиціальною поддержкою. Особенно расплодился въ числѣ книги о должностяхъ и обязанностяхъ „воинскаго сословія“, послѣ нихъ слѣдуютъ книги для крестьянъ и, наконецъ, для учащагося юношества.

Въ настоящей статьѣ мы, исходя отъ вышеупомянутой книги, изданной при Екатеринѣ, рассмотримъ нѣсколько книгъ, въ которыхъ указываются должности и обязанности крестьянъ, и прослѣдимъ, какимъ образомъ измѣнялся взглядъ оффиціальныхъ сферъ на данный предметъ.

Книга Екатерины II начиналась съ трактата о счастіи вообще человѣка; въ ней выставялось положеніе, что для достиженія благополучія здѣсь, на землѣ, необходимо: „а) Напоить душу нашу добродѣтелію. б) Пещись надлежащимъ образомъ о тѣлѣ нашемъ. в) Исполнять общественныя должности, на которыя мы отъ Бога опредѣлены. г) Знать правила хозяйства“. Выставивъ такія положенія, разобравъ каждое изъ нихъ отдѣльно, книга касалась и различныхъ сословій и, если такъ можно выразиться, спеціальныхъ для этихъ сословій должностей.

Все человѣчество, по понятіямъ педагоговъ тѣхъ отдаленныхъ отъ насъ временъ, дѣлилось на два большихъ класса — *знатные* и *низкіе* подданные. Послѣдніе опредѣлялись слѣдующимъ

образомъ: „между низкими есть свободные люди; есть же и такіе, кои господамъ своимъ службою, нѣкоторыми податями и иными различными образами обязаны, отчасти же и такъ присвоены, что ни они сами, ни дѣти ихъ безъ соизволенія господъ съ того мѣста, гдѣ они живутъ, на другое переселиться не могутъ“.

Въ этомъ опредѣленіи очень характерно то обстоятельство, что книжка, изданная въ самый разгаръ усиленія крѣпостного права (1782 г.), ни однимъ намекомъ не говоритъ объ этомъ крѣпостномъ правѣ,—она глухо отмѣчаетъ: „и иными различными образами обязаны господамъ“. На нашъ взглядъ въ этомъ заключается одно изъ проявленій того интереснаго противорѣчія, въ которое поставила себя Екатерина II. Какъ извѣстно, эта великая императрица не была сторонницею крѣпостного права, наоборотъ, она искренно возмущалась жестокостями помѣщиковъ; когда эти жестокости доходили до ея свѣдѣнія, она ихъ карала; она наградила Фонвизина за его „Недоросль“, который въ сущности представляетъ яркую сатиру на крѣпостное право; мало того, назначала премію за лучшее сочиненіе „о освобожденіи крестьянъ“, она сама писала въ своемъ журналѣ очень непріятныя вещи для помѣщиковъ-крѣпостниковъ — и въ то же самое время она раздарила многія тысячи крестьянъ своимъ любимцамъ и придворнымъ, а рядъ ея законодательныхъ мѣръ усилялъ закрѣпощеніе крестьянъ. На первый взглядъ—неразъяснимое противорѣчіе, и до сихъ поръ еще слышится сожалѣніе о слабости, которая будто бы была у Екатерины II, — а иначе она могла освободить крестьянъ. Подобный взглядъ, конечно, не выдерживаетъ серьезной критики, онъ грѣшитъ въ самомъ основаніи. Понятно, что образованіе государства и развитіе его происходитъ не отъ воли и желанія отдѣльныхъ личностей, какими бы сильными и выдающимися онѣ ни были. Личность играетъ извѣстную роль въ исторіи, но представлять эту личность какимъ-то „deus ex machina“—въ настоящее время странно. Главенствующая партія въ Россіи въ екатерининское время—была дворянская, землевладѣльская; все хозяйство страны было почти вполнѣ „натуральное“, земледѣльческое; дворянинъ—помѣщикъ не могъ существовать безъ даровой рабочей силы. Институтъ крѣпостного права не отжилъ своего вѣка, наоборотъ, онъ даже не получилъ своего законченнаго развитія. И думать, что волею могучаго монарха могло переимѣниться экономическое состояніе страны, по его одному слову могла бы возникнуть промышленность, куда бы обратилась получившаяся свободная рабочая сила (если бы освобожденіе крестьянъ произошло)—по меньшей мѣрѣ странно. Въ царствованіе Екатерины только стали намѣчаться тѣ главные факторы, при помощи которыхъ и должно было произойти освобожденіе крестьянъ — присоединеніе обширныхъ новороссійскихъ степей и вытекающая отсюда необходимость ихъ заселенія, т. е. колонизація, которая не могла успѣшно производиться при крѣпостномъ правѣ¹⁾, затѣмъ и присоединеніе Польши, и какъ слѣд-

¹⁾ Извѣстно, что помѣщики Новороссійскаго края были одними изъ самыхъ энергичныхъ защитниковъ «амансаціи».

стве—измѣненіе экономическихъ отношеній къ Западной Европѣ. Послѣдующія царствованія развивали эти факторы и привели, наконецъ, къ великому дню 19 февраля.

Но очень оригинально отношеніе Екатерины въ своихъ учебникахъ для народныхъ школъ къ этому „крѣпостному праву“. О немъ не говорится прямо. Фельбигеръ въ своей *Lesebuch* и во многочисленныхъ циркулярахъ объ улучшеніи австрійскихъ школъ, нисколько не смущаясь, прямо говорить „о крѣпостномъ правѣ“, „о необходимости духовенству проповѣдывать о покорности крестьянъ своимъ помѣщикамъ“. Екатерина II заимствовала свою школьную реформу отъ Фельбигера, но выкинула эти опредѣленныя сужденія, замѣнила ихъ туманными фразами, изъ-за которыхъ, конечно, проглядывала сущность дѣла. Вся эта книжка, по которой проходила въ школахъ мораль, стремится доказать, что всякое состояніе (конечно, въ томъ числѣ и крѣпостное) имѣетъ свои преимущества и прелести, что мѣнять свое состояніе на другое нельзя,—но во всякомъ случаѣ въ этой книгѣ вы не встрѣчаетесь съ такой фразой, какъ у Фельбигера *«dass Bauern in Lesen, Schreiben, in den Anfangs gründen der Religion und den aus selbigen fließenden Pflichten der Treue und des Gehorsams gegen ihren Landesherrn unterrichtet werden sollen»*. Ставить „покорность къ помѣщику“ рядомъ съ „правилами религіи“ казалось невозможнымъ во времена Екатерины II; школа преслѣдовала въ это время болѣе гуманитарныя задачи, а не служила сословнымъ интересамъ. Противоположность этихъ интересовъ не была еще сильна, но съ дифференцировкой общества школа постоянно теряетъ свой „общій характеръ“ и дѣлается школою сословною.

Раздѣливъ такимъ образомъ все человѣчество на два класса „знатныхъ и низкихъ“, книга о должностяхъ и обязанностяхъ проводить ту мысль, что эти два различные класса имѣютъ, собственно говоря, „одну обязанность“ и только различные средства для выполненія ея. Эта обязанность, этотъ долгъ каждого чело-вѣка есть „любовь къ отечеству“, которая опредѣлялась слѣдующимъ образомъ: „любовь къ отечеству (кур. подл.) состоитъ въ томъ, дабы мы почтеніе и благодарность являли къ правительству, чтобы покорялись законамъ, учрежденіямъ и добрымъ правамъ общества, въ коемъ мы живемъ, чтобы уважали выгоды отечества, употребляли оныя къ общей пользѣ, и по возможности тщились бы ихъ сдѣлать совершеннѣе, дабы мы принимали участіе во славѣ того общества, коего мы сочленами, и ревностно бы старались о благѣ онаго“.

Отмѣтимъ, на первый взглядъ, какъ бы незначительную разницу между этимъ мѣстомъ перевода и подлинника. Фельбигеръ полагаетъ, что обязанность любви къ отечеству требуетъ отъ подданныхъ стремленія къ улучшенію и видоизмѣненію того ненормальнаго положенія вещей, которое можетъ существовать; Фельбигеръ говоритъ о „*Verbesserung*“—русскій переводъ тщательно выкидываетъ это слово, такъ какъ „улучшеніе“ принад-

лежитъ не подданнымъ, а „правителямъ“: подданные должны безпрекословно повиноваться.

„Любовью къ отечеству“ объединяются различныя сословія государства, но каждое изъ сословій должно проявлять эту любовь различнымъ образомъ. Мы рассмотримъ здѣсь только, какъ должны проявлять эту любовь „низкіе люди“ или „простой народъ“—по терминологіи книги, или крестьяне, по современной терминологіи.

И.

Крестьянину должны быть присущи два свойства: „повиновение“ и „дѣятельность, т. е. трудолюбіе“. При помощи этихъ двухъ качествъ крестьянинъ и долженъ проявлять свою любовь къ отечеству.

Замѣчательно, что этотъ взглядъ на крестьянъ оставался безъ измѣненія вплоть до освобожденія ихъ отъ крѣпостной зависимости. Такъ, въ „Ручной книжкѣ для грамотнаго поселенина“ (Спб. 1857 г.), мы читаемъ слѣдующее на стр. 21: „помни, что лучшее лекарство отъ бѣдности—трудъ и работа, потому что Богъ трудящемуся никогда не отказываетъ. Кто любить трудъ и работу, тотъ любить и добро: за работою зло не пойдетъ на умъ“.

Взглядъ, что обязанность крестьянина есть „повиновение и работа“, вылился какъ бы въ кристаллизованной формѣ. Измѣнились лишь объясненія, почему у крестьянина такая обязанность. Въ екатерининское время это объясненіе заключалось „въ любви къ отечеству“, въ послѣдующее время она замѣнилась болѣе церковнымъ понятіемъ, что „Богъ трудящемуся никогда не отказываетъ“—да и къ стыду нашему, въ настоящее время есть нѣкоторые господа, которые серьезно убѣждены въ томъ, что крестьянинъ только и созданъ для повиновения и черной работы.

Возвращаемся „къ книгѣ объ обязанностяхъ“. Выставивъ данное положеніе, книга указываетъ и на средства для выполненія его. Это мѣсто поражаетъ своею наивною, и мы его выпишемъ съ буквальною точностью:

„Они (простой народъ) должны оказывать любовь къ отечеству особливо повиновениемъ и дѣятельностію, то есть трудолюбіемъ; къ тому имѣютъ они многообразные случаи, а именно: когда избираются изъ нихъ солдаты, защитники отечества противъ внѣшнихъ враговъ, когда правительство повелѣваетъ земледѣльцамъ, или для помощи государству въ нуждѣ или для снабженія пищею войска, удѣлять нѣчто отъ приобрѣтеннаго земледѣліемъ или привозить, или также держать постоя“.

Въ екатерининское время войны требовали громаднаго количества войска. Эта повинность ложилась тяжелымъ гнетомъ на крѣпостное населеніе (достаточно прочитавъ Радищева „Путешествіе въ Москву“) — и официальная мораль сейчасъ же стремится объяснить эту повинность, какъ наисвятѣйшую обязан-

ность, — вѣдь, исполняя ее, крестьяне тѣмъ самымъ выказываютъ „любовь къ отечеству“, заслуживаютъ „почтенное названіе сыновъ отечества“. Со школьной скамьи долженъ человѣкъ привыкнуть и сродниться съ этой мыслью, и въ жизни безпрекословно подчиняться, а не избѣгать, какъ это было сплошь и рядомъ въ тѣ времена.

Черезъ 17 лѣтъ послѣ появленія этой книжки—въ Петербургѣ въ 1799 году, т. е. во время царствованія Павла, въ одно изъ самыхъ тяжелыхъ для литературы время, вышла книжка подѣ слѣдующимъ заглавіемъ: „Сокращеніе главнѣйшихъ должностей, кои каждый христіанинъ обязанъ исполнять въ точности по своему званію и состоянію“. Эта книжка анонимная, но авторъ ея—или духовное лицо, или имѣющее близкое сношеніе съ духовенствомъ, что видно и изъ эпиграфа, приложеннаго къ книгѣ: „Всякую минуту помышляй о послѣднемъ часѣ“, и обозначеніи С.-Петербурга — „градомъ св. Петра“. Въ ней высказывается нѣсколько иное объясненіе должностей крестьянъ, въ сущности своей, конечно, не отличающееся отъ разобраннаго нами, а именно на стр. 10 говорится:

„Крестьянинъ или ремесленникъ христіанинъ долженъ непременно молиться Богу по утру и къ вечеру съ своимъ семействомъ. Онъ долженъ платить исправно казенныя и прочія законныя подати“.

Такимъ образомъ „любовь къ отечеству“ замѣнена исполненіемъ религіозныхъ обязанностей. Въ этомъ отношеніи книга, изданная при Екатеринѣ II, тщательно разграничивала двѣ стороны морали, если такъ можно выразиться,—отношенія къ Богу и къ человѣку. Она предоставляла выяснить отношеніе cadaго человѣка къ Богу и вытекающія отсюда обязанности—духовенству, и разбираала лишь этику повседневной жизни. Всѣ послѣдующія книжки смѣшивали эти двѣ области и стремились уменьшить значеніе послѣдней. Съ появленіемъ книжки „Сокращеніе главнѣйшихъ должностей“ во всѣхъ остальныхъ книгахъ продолжаетъ развиваться точка зрѣнія этой послѣдней. Такъ „Памятная книжка для православныхъ христіанъ изъ крестьянскаго званія“ (Второе изданіе 1849 г. Спб.) начинается слѣдующимъ трактатомъ:

„Для точнаго исполненія христіанскихъ обязанностей, должно содержать въ памяти:

Смерть, ни для кого неминуемую;

Судъ страшный, на коемъ за всякое слово, дѣло и помышленіе воздадимъ отвѣтъ;

Адъ или муку вѣчную, конца неимущую, грѣшниковъ ожидающую;

Царство небесное, вѣрнымъ уготованное;

Вездѣ присутствіе Божіе;

Житіе и вольное страданіе Христово;

Что спастись безъ любви ко Христу невозможно“ ¹⁾.

„Ручная книжка для грамотнаго поселянина“ (Спб. 1857 г.)

¹⁾ Жир. шрифтъ въ подлинникѣ.

начинается святцами, а отдѣлъ: „что надобно всегда помнить и соблюдать всякому человѣку“—содержитъ въ себѣ слѣдующее (приводимъ, конечно, отрывки):

„Помни всегда, что весь міръ, тебя и все, что у тебя, создалъ и хранить Всемогушій Богъ... Много на свѣтѣ горя и много печалей всякому человѣку за грѣхи наши и проотцевъ нашихъ; но Богъ далъ и лекарство отъ всякаго горя, а то лекарство — молитва сердечная. Молись всякой день...“

Отмѣтимъ здѣсь, кстати, слѣдующую любопытную подробность: послѣдняя изъ разсматриваемыхъ книжекъ имѣла нѣсколько изданій, первое въ 1857, а послѣднее, насколько намъ удалось прослѣдить, въ 1864 году, т. е. послѣ освобожденія крестьянъ. И что-же? Это послѣднее изданіе представляетъ буквальную перепечатку перваго, причемъ ни однимъ словомъ не упомянуто 19 февраля 1861 г.,—т. е. въ книгѣ, предназначенной для крестьянина, не находили нужнымъ сообщить объ освобожденіи крестьянъ, о такомъ событіи, которое кореннымъ образомъ перевернуло всѣ общественныя отношенія въ Россіи. Явленіе, на первый взглядъ, странное и непонятное, но, конечно, имѣющее вполне опредѣленные объясненія.

III.

Такимъ образомъ, „должности и обязанности крестьянъ“, по понятіямъ официальныхъ или официозныхъ сферъ, чуть ли не за цѣлое столѣтіе остались безъ измѣненія, только появилась другая мотивировка. Но съ теченіемъ времени болѣе ярко выразился еще одинъ взглядъ на крестьянъ, основаніе котораго положила книга, изданная при Екатеринѣ II. А именно, здѣсь на стр. 127 мы читаемъ слѣдующее: „лѣнныя же напротивъ того, неработающіе и *праздношатающіеся* (кур. подл.) суть всегда бременемъ государству, причиняютъ ему вредъ и препятствуютъ его благосостоянію“. Характерно, конечно, то обстоятельство, что упоминаніе о праздношатающихся сдѣлано во главѣ, трактующей о крестьянахъ; такимъ образомъ, какъ будто предполагалось, что праздношатающіеся, лѣнныя и неработающіе встрѣчаются главнымъ образомъ среди крестьянъ. Но въ дальнѣйшихъ книжкахъ этотъ взглядъ высказался наиболѣе рельефно, получилъ нѣсколько иную окраску и распространенъ, пожалуй, отчасти и въ наше время. А именно въ книжкѣ „Сокращеніе главнѣйшихъ должностей“ значится слѣдующее: „онъ (т. е. крестьянинъ) долженъ имѣть отвращеніе къ пьянству, раскутствамъ, игрѣ и дурнымъ сообществамъ“.

То же самое отмѣчаетъ и „Памятная книжка для православныхъ христіанъ изъ крестьянскаго званія“ въ особомъ подѣлѣ: „краткое христіанское правоученіе“—параграфы XIII, XV и XVII:

„На пиршества не ходи, и не пьянствуй; также ни съ кѣмъ не бранись и не дерись.

„Не прелюбодѣйствуй, не блудодѣйствуй, не скоморошничай, скверныхъ пѣсень не пой, да и поющихъ не слушай.

„Не ходи на гульбища, въ толпы, въ хоробы для удалства

и пустыхъ разсказовъ и на святочные игрища; также и прочихъ грѣховныхъ забавъ удаляйся“.

Въ этихъ строкахъ уже очень ясно сквозить идеаль „аскетизма“: всѣ развлеченія, которыя только возможны крестьянину, отвергаются, безъ замѣны ихъ другими болѣе разумными и полезными.

И, наконецъ, въ послѣдней изъ разсматриваемыхъ нами книжекъ „о пьянствѣ“ помѣщено довольно большое разсужденіе („Ручная книжка грамотнаго поселянина“ стр. 271):

„Надо знать, что здороваго крестьянина самый сильный врагъ есть *кабакъ: зелено вино изводитъ душу и тѣло туще холода и голода*“.

Не довольствуясь однимъ афоризмомъ, книжка помѣщаетъ ссылку изъ исторіи и картину пьянаго человѣка:

„Лѣтъ триста тому назадъ и вина-то у насъ на Руси вовсе не знали, а холода зимою были такіе же, какъ и нынѣ, и народъ не сидѣлъ на печи, а также ѣздилъ по дорогамъ, какъ и нынѣ, грѣлся же онъ не виномъ, но хорошею одеждою да сытною пищею. Посмотри-ка на того, у кого тулупишка всего одинъ, да и тотъ въ дырахъ; въ рукавицахъ варешки давно поистерты; сапоговъ и суконныхъ штановъ и въ поминѣ нѣтъ: такой человѣкъ хоть пить вино, а мерзнуть хуже всякаго не пьющаго...“

Историческая справка оказалась нѣсколько невѣрною, потому что еще Владиміръ Святой сказалъ, что безъ вина для русскаго нѣтъ веселья. А лекарствомъ отъ пьянства должно служить слѣдующее правило:

„Первое средство — быть всегда честнотрудолюбивымъ, второе средство — тратить меньше того, что ты заработалъ или что выручилъ...“

Далѣе идетъ патетическое и, какъ могъ замѣтить читатель изъ предыдущихъ выписокъ, въ тонѣ поддѣлки подъ крестьянскую рѣчь, описаніе всѣхъ недостатковъ и ужасовъ „лѣниваго человѣка“ и восхваленіе афоризма—слишкомъ стараго—„терпѣніе и трудъ все перетрутъ“.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что екатерининская книжка изъ пороковъ крестьянъ отмѣтила „лѣность и праздноштаніе“; послѣдующія книжки присоединяютъ къ нимъ еще и „пьянство“, причемъ надъ послѣднимъ ставятъ, какъ говорится, точку на і.

Эта же книжка признавала „добродѣтельную“ и необходимую обязанностью крестьянина слѣдующее:

„Простые люди оказываютъ себя тогда сынами отечества, когда они, не оставаясь при старинныхъ своихъ привычкахъ, стараются перенимать полезное другихъ странъ, сколько возможно, и оное употреблять для блага своего отечества, или насаждая и разводя въ своей землѣ иностранныя произведенія, или подражая для пользы своей *образу земледѣлія* (курсивъ нашъ) сосѣдей своихъ, или употребляя подобное сосѣднему прилежаніе къ выдѣлыванію собственныхъ своихъ произведеній, дабы не имѣть нужды въ чужихъ плодахъ и работѣ и вывозимыя за то изъ государства деньги удержатъ въ своемъ отечествѣ“.

На этомъ и кончается трактатъ о должностяхъ и обязанностяхъ крестьянъ, изданный въ царствованіе Екатерины II. Двѣ книжки „Сокращеніе должностей“ и „Памятная книжка“ игнорируютъ совсѣмъ данный вопросъ, такъ какъ по главной мысли, проведенной въ этихъ книгахъ, онъ не соответствуетъ понятію „должности или обязанности“. Это—практическая сторона жизни, разбираемая же книжки смотрятъ на жизнь съ церковной точки зрѣнія. „Ручная книжка для грамотнаго поселянина“, наоборотъ, представляетъ изъ себя краткую энциклопедію сельскаго хозяйства, такъ что положеніе екатерининской книжки вошло въ нее цѣликомъ.

Коснувшись данного вопроса, мы вспомнили болѣе разительный курьезъ, имѣющій лишь косвенное отношеніе къ разбираемымъ нами книгамъ. А именно, въ 1850 году графъ Павелъ Дмитріевичъ Киселевъ, министръ государственныхъ имуществъ, вводилъ приходскія училища въ казенныхъ селеніяхъ для образованія сельскаго юношества. Нѣкоторые начальники губерній сдѣлали замѣчанія на программу этихъ приходскихъ училищъ, признавая необходимымъ ввести въ ихъ курсъ преподаваніе земледѣлія. Министръ государственныхъ имуществъ на это примѣчаніе далъ слѣдующій отвѣтъ: „Министерство не можетъ согласиться на сію мѣру, какъ измѣняющую характеръ училищъ, имѣющихъ исключительно цѣлю религіозно-нравственное образованіе, но можетъ, для ознакомленія учениковъ съ выгодами улучшеннаго земледѣлія и домоводства, снабжать училища, для чтенія, краткими практическими наставленіями о главныхъ основаніяхъ сельскаго хозяйства, приспособляясь къ быту и понятіямъ поселянъ“. Но и это уменьшеніе программы не удовлетворило митрополита Филарета, и онъ въ своемъ отзывѣ на проектъ графа Киселева, указывая уже на заведенныя будто бы приходскимъ духовенствомъ училища (въ Московской губерніи ихъ, по словамъ отзыва, въ 1850 г. было 34), совѣтуетъ:

1) „Съ точностію держаться прямой цѣли обученія поселянскихъ дѣтей, чтобъ доставить имъ религіозно-нравственное образованіе.

2) Какъ въ методѣ, такъ и въ пространствѣ обученія держаться соотвѣтственной съ сей цѣлю простоты“.

и особенно:

4) „тщательно направлять обучаемыхъ дѣтей къ чтенію на зидательному и полезному для ихъ званія и всемѣрно устранять отъ нихъ чтеніе неблагопріятное для нравственности и общаго спокойствія, питающее чувственность и страсти или возбуждающее броженіе политическихъ мыслей“¹⁾.

Послѣднее замѣчаніе, главнымъ образомъ, было вызвано книгою князя В. Одоевскаго и А. Заблоцкаго: „Разказы о Богѣ,

¹⁾ Собраніе мѣній и отзывовъ Филарета, митрополита Московскаго и Коломенскаго, по учебнымъ и церковно-государственнымъ вопросамъ. Спб. 1885. т. III стр. 358—369 и стр. 569—577. Всѣ отзывы и слова Филарета мы беремъ изъ этого собранія.

человѣкъ и природѣ“ (Спб. 1849). Но объ этой книгѣ мы будемъ говорить ниже.

Такимъ образомъ, въ 1850 г. стремленіе крестьянъ вводить улучшенное земледѣліе (если бы такое стремленіе проявилось—чего, конечно, было трудно ожидать)—не считалось бы обязанностью крестьянина, не могло быть названо „любовью къ отечеству“, а наоборотъ, ослабляло бы нравственно-религіозное образованіе крестьянина. Необходимо было, такъ какъ крѣпостное право трещало по всѣмъ швамъ, остановить всякое прогрессивное движеніе среди крестьянъ, заставить ихъ позабывать даже самую мысль о возможности улучшить свое хотя бы матеріальное положеніе и сдѣлать это все во имя интересовъ крѣпостниковъ-помѣщиковъ, прикрываясь какъ бы заботою о нравственно-религіозномъ воспитаніи крестьянъ!

IV.

Теперь мы рассмотримъ тѣ должности и обязанности крестьянъ, которыя вводились болѣе поздними книгами этого рода и о которыхъ нѣтъ упоминанія въ книгѣ, изданной при Екатеринѣ II.

Книга „Сокращеніе главнѣйшихъ должностей“ вводитъ слѣдующую обязанность:

„Онъ не долженъ никогда клясться и надлежитъ ему быть терпѣливымъ въ домашней его жизни, въ работѣ и въ печаляхъ кои воспослѣдуютъ ему отъ Бога или ближнихъ“.

Здѣсь рисуется извѣстный нравственный идеалъ, и терпѣніе проповѣдывается какъ высшая добродѣтель.

„Памятная книжка для христіанъ изъ крестьянскаго званія“—ближе къ нашему времени и здѣсь являются требованія болѣе опредѣленныя, носящія практическій характеръ. Въ обязанность и должность крестьянина полагаются такія дѣйствія, которыя не могутъ улучшить его матеріальнаго положенія, но улучшаютъ положеніе другихъ сословій.

На первомъ планѣ стоитъ слѣдующее:

„Помогай приходскому своему священнику работою и имѣніемъ твоимъ: Достойнъ дѣлатель мзды своея (Матѣ. гл. 10 ст. 10. 1 Тимоф. гл. 5 ст. 18).

„Въ неисправности священника не осуждай: простого человека грѣшно осуждать, кольми паче священника. Онъ за тебя и за себя даетъ отвѣтъ на страшномъ судѣ, а не ты за него; а потому отврати очи отъ неисправности его, когда онъ согласно вѣрѣ учитъ (Матѣ. гл. 23 ст. 2 и 3)“.

Послѣднее упоминаніе было особенно важно, такъ какъ духовенство тогда не отличалось высокою нравственностью, а наоборотъ, распущенность его бросалась всѣмъ и каждому въ глаза и вызывала со стороны властей строгія мѣры для пресѣченія подобнаго положенія вещей. Такъ при удаленіи отъ должности благочиннаго монастырей (московскихъ) бывшаго донскаго архимандрита Теофана—представилось затрудненіе по приему замѣ-

стителѣ, а этотъ благочинный былъ смѣненъ за полный безпорядокъ въ его монастыряхъ. Замѣстителя же было трудно найти потому, что архимандритъ Аполлосъ „подверженъ болѣзненному состоянію, соединенному съ разстройствомъ нервъ и воображенія“, архимандритъ Мельхиседекъ „подвергался замѣчаніямъ Святѣйшаго Синода о двухъ иконахъ, которыя оглашены были чудотворными, и продолжаемыя донинѣ относительно сихъ иконъ мѣры предосторожности показываютъ не вполнѣ возстановленное довѣріе высшей власти къ сему настоятелю“. Таково было высшее духовенство въ московскихъ монастыряхъ по отзыву митрополита Филарета, т. е. лица, которое заподозрить въ пристрастіи и предвзятомъ отрицательномъ отношеніи къ духовенству нельзя¹⁾. Далѣе, въ отзывахъ того же самаго архипастыря мы находимъ слѣдующія фразы: „московскіе монастыри не довольно богаты исправными людьми“, „открылось нѣсколько лицъ неблагонадежныхъ“—и т. д. Понятно, каково было состояніе духовенства въ провинціи. Но книга, предназначенная для крестьянъ, вмѣняла послѣднимъ въ обязанность „не осуждать неисправныхъ пастырей“. Не довольствуясь указаніемъ на тексты, для вящаго доказательства книжка приводитъ слѣдующій аргументъ:

„Это (злорѣчіе и клевета на священника) есть кознь и хитрость сатанинская: онъ старается черезъ злой языкъ нанести хулу и клевету имени священника, дабы прихожане имъ гнушались, ученія его не слушали и не спасались“.

Слѣдующею обязанностию выставлено повиновеніе начальникамъ; здѣсь проводится тотъ принципъ, что „всякій начальникъ отъ Бога поставляется“ (т. е. сотскій, десятскій, писарь, старшина, полицейскій и т. д., такъ какъ для этихъ лицъ не дѣлается никакой оговорки), что крестьянину необходимо вѣрить и твердо, что „въ видѣ начальника наказываетъ тебя самъ Богъ“.

Но обозначеніе, кого же подразумѣвать подъ именемъ начальника, необходимо было привести, и на практикѣ, конечно, приводилось, что начальникомъ является и помѣщикъ, и тогда крестьянинъ, когда его поролъ на конюшнѣ, но приказанію помѣщика, долженъ былъ говорить слѣдующее: „поражай меня, Господи, поражай сколько угодно тебѣ. Вотъ мое тѣло, я знаю, что любовь твоя поражаетъ меня“... (стр. 40 и 41).

Крайнихъ выводовъ, вообще, можно сдѣлать сколько угодно изъ данной книжки, и они будутъ поражать современнаго читателя страшнѣйшимъ изувѣрствомъ и фанатизмомъ: нельзя представить до какой крайности, при извѣстномъ общественномъ состояніи, возможно довести профанацію всего самаго святого и дорогого для человѣка. Мы останавливаемся такъ долго на этой книжкѣ потому, что, насколько можно предположить, эта книжка сходилась за руководство въ приходскихъ училищахъ казенныхъ крестьянъ и такимъ образомъ замѣнила собою „книгу о должностяхъ и обязанностяхъ человѣка и гражданина“, изданную по повелѣнію императрицы Екатерины II.

¹⁾ Цитированное выше собр. мнѣній и отзывовъ Филарета.

Но въ этой книгѣ есть еще одна замѣчательная черта,—наме ее не удалось найти въ другихъ подобныхъ книгахъ, трактующихъ о должностяхъ солдата, учащагося юношества и пр.

Именно, не довольствуясь многочисленными ссылками на св. Писаніе для подкрѣпленія своихъ положеній, книга вводитъ въ обязанность крестьянъ особыя молитвы въ количествѣ девяти.— Это слѣдующія молитвы: 1) молитва мірянъ за священниковъ, 2) молитва къ Богу начальствующаго, 3) молитва за начальниковъ, 4) возношеніе мыслей и сердца къ Богу супруга-христианина, 5) возношеніе мыслей и сердца къ Богу жены-христианки, 6) возношеніе мыслей и сердца къ Богу родителей и наконецъ 7) возношеніе мысли и сердца къ Богу христианина изъ крестьянъ.

Какъ видно изъ послѣдней молитвы, онѣ специально предназначены для крестьянъ. Конечно, было бы интересно отвѣтить на вопросъ, кто авторъ этихъ молитвъ, и по чьему разрѣшенію печатались онѣ, такъ какъ подпись „цензоръ архимандритъ Аввакумъ“ ничего не говоритъ, и кромѣ того мы не имѣемъ достаточно данныхъ, что эта книга восходила на разсмотрѣніе болѣе высокихъ лицъ изъ духовнаго званія. (Просматривая не разъ уже цитируемое нами „Собраніе отзывовъ и мнѣній митрополита Филарета“—приходится наталкиваться на рядъ книгъ, подобныхъ разбираемой, которыя присылались на просмотръ митрополита).

Основной мотивъ всѣхъ этихъ молитвъ особенно рельефис выразился въ послѣднемъ возношеніи мысли и сердца къ Богу христианина *изъ крестьянъ*:

„Благодарю Тебя, Боже милостивый, что Ты мнѣ назначилъ такое званіе, въ которомъ, обрабатывая землю, я исполняю свое опредѣленіе праведнаго суда Твоего, убѣждаюсь притомъ всякій день въ безпредѣльной Твоей милости и помышленіи о мнѣ!“

Эта же самая мысль—„довольство своимъ положеніемъ“ и вѣра въ то, что это положеніе совсѣмъ не зависитъ отъ личной воли человѣка, а отъ промысла Божьяго, проходитъ красной нитью черезъ всѣ эти молитвы. Начальникъ изъ крестьянъ долженъ молиться слѣдующимъ образомъ: „Христе Спасителю, Богъ и Господь господствующихъ! Ты избралъ меня начальникомъ надъ братьями моими“... Подчиненный долженъ произносить такіа слова:

„Господи Іисусе Христе Сыне Божій, снишедый на землю, дабы послужить всѣмъ и отдать душу свою за спасеніе всѣхъ человѣкъ, благодарю, что Ты сподобилъ меня быть въ томъ званіи. въ коемъ я, занятый работою, трудами, для собственной моей пользы, во исполненіи воли начальниковъ, имѣю менѣ случаевъ къ праздности—матери всѣхъ пороковъ“.

Наконецъ мужъ и жена обязаны взывать, выражаясь словами книжки, такъ:

„Наставь меня благоразумно обращаться съ моею женою, какъ слабѣйшимъ сосудомъ... но, не допуская меня, дражайшій мой Спаситель, быть рабомъ жены моей, удержи меня отъ безразсуднаго ей угожденія“...

И наконецъ жена говорить:

„Даруй мнѣ благодать съ покорностію исполнять волю его (мужа)... уважать какъ начальника семейства, почитать какъ главу мою, утверди въ моемъ сердцѣ слова св. Апостола: не полагать своего украшенія въ плетеніи волосъ, въ многоцѣнныхъ обрядахъ и нарядахъ“.

Такимъ образомъ, проповѣдывался въ тѣ времена какой то своеобразный фатализмъ, который мирно уживался рядомъ съ ученіемъ православной церкви, не признающей, какъ извѣстно, „предопредѣленія“. Но для крестьянъ это предопредѣленіе проповѣдывалось до крайнихъ предѣловъ; такъ, при избраніи въ начальники говорится слѣдующее: „а когда званіе Божіе будетъ, то хотя и бѣгать будешь чести, не убѣжишь“. Значитъ, избраніе въ десятники (выражаясь обыкновеннымъ языкомъ) зависитъ отъ „званія Божія“...

Не безынтересно также отмѣтить, что, обращаясь къ крестьянкамъ, эта книга усиленно нападаетъ на существующую будто бы роскошь среди крестьянокъ, выражающуюся въ многоцѣнныхъ обрядахъ, нарядахъ, въ распространенномъ обыкновеніи „румяниться, краситься“ и прочее (стр. 50). Такимъ образомъ, крестьянка 40—50-хъ годовъ 19-го вѣка была знакома со всѣми тайнами парфюмернаго искусства. Утвержденіе, конечно, смѣлое, но, очевидно, ни на чемъ не основанное.

Отмѣтимъ еще одну любопытную подробность — обязанность жены крестьянина по этой книжкѣ:

„Разливать невинное веселіе и пріятность, да радуется о мнѣ супругъ мой“.

По ассоціаціи идей помимо воли встаютъ тѣ образы крестьянки, которые такъ поэтически правдиво воспроизвелъ Некрасовъ:

Въ полномъ разгарѣ страда деревенская...
Доля, ты долюшка женская,
Врядъ ли труднѣе сыскать!
Не мудрено, что ты вынешь безъ времени,
Всевыносящаго русскаго племени.
Вѣдная мать!...

У.

Во всѣхъ этихъ книжкахъ проводился, если такъ можно выразиться, „оффиціозный взглядъ на обязанности и должности крестьянъ“, — т. е. спеціальная крестьянская мораль. Понятно, что эти книги не доходили большею частью до крестьянства, которое о своихъ обязанностяхъ слышало изъ проповѣдей и поученій сельскихъ пастырей. Но эти послѣдніе, конечно, проповѣдывали то же, что было и въ этихъ книжкахъ, притомъ, надо полагать, съ большею откровенностью и прямою. Въ печатномъ словѣ нельзя высказать всего того, что допускается въ изустной рѣчи. Основаніемъ для нашего предположенія служатъ, между прочимъ, многія замѣчанія, высказанныя митрополитомъ Филаретомъ по поводу различныхъ вопросовъ. Взгляды, приводимые вышеупомянутыми книжками, считались правильными и заслуживали одобренія высшаго начальства. Развитие народной массы всегда считалось дѣ-

ломъ первенствующей важности и никогда на протяженіи всей нашей русской исторіи, не признавалось заботою общества, а наоборотъ, дѣломъ правительства. Да и русское общество мирилось съ этимъ положеніемъ, и можно указать едва ли не единственную въ старое время серьезную попытку его взять въ свои руки „народное обученіе“. Я подразумеваю здѣсь Новикова и его журналъ „Утренній Свѣтъ“, подписныя деньги съ котораго шли на содержаніе училищъ въ Петербургѣ.

„Мы весьма склонны вѣрить, что не любопытство къ узнанію новости въ литературѣ, но истинное патріотическое усердіе къ вспомошествованію своимъ единоземцамъ было побужденіемъ къ подпискѣ на сей журналъ“—этими словами характеризуютъ направление своей дѣятельности издатели журнала. И, дѣйствительно, въ Петербургѣ были открыты два училища: Екатерининское и Александровское, и въ 1779 году въ нихъ обучалось 93 ученика. Но во всѣхъ извѣщеніяхъ, сообщеніяхъ, которыя появлялись объ этихъ училищахъ въ журналѣ, ясно видна основная мысль Новикова: всѣ эти училища открыты обществомъ, которому и принадлежитъ надзоръ за ними и руководство ими.

„Бѣдные родители, желавшіе опредѣлить своего сына на полное содержаніе училища, должны были представить свидѣтельство, подписанное священникомъ изъ прихода и *двумя обывателями*, достойными довѣрія, что представленные ими дѣти подлинно ихъ и что они сами не могутъ ихъ ни воспитать, ни научить“—вотъ каково требованіе для бесплатнаго обученія дѣтей. Издатели журнала приглашаютъ общество посѣщать эти школы не только при торжественныхъ случаяхъ, но и во время повседневныхъ занятій, и эти посѣщенія даютъ издателямъ возможность „чувствовать душевное удовольствіе“. Денежные подробные отчеты о расходахъ на училища печатались въ журналѣ — словомъ, все велось къ тому, чтобы заставить общество свыкнуться съ мыслью, что школа дѣло его рукъ, что оно есть истинный хозяинъ школы.

Въ числѣ подписчиковъ журнала мы не находимъ имени Екатерины II, она не помогала начатому Новиковымъ дѣлу. И это весьма понятно: Екатерина понимала значеніе народнаго образованія и не хотѣла выпустить его изъ своихъ рукъ. Въ исторіи дѣятельности Новикова и Екатерины II мы сталкиваемся съ борьбою двухъ различныхъ направленій, представители которыхъ были слишкомъ крупныя историческія личности, и борьба между ними не могла не привести къ печальнымъ результатамъ.

Понятно, соглашеній здѣсь не могло быть, и мы видимъ, что только въ самыхъ незначительныхъ своихъ начинаніяхъ Новиковъ получаетъ поддержку со стороны Екатерины II. Она является подписчицею его историческихъ изданій, но лишь только онъ покидаетъ эту узкую специальную сторону дѣятельности, только онъ хочетъ выйти на просторъ—какъ сейчасъ же Екатерина II становится его врагомъ: такъ случилось при изданіи сатирическихъ журналовъ, при открытіи училищъ, наконецъ, при его книгоиздательской дѣятельности.

На нашъ взглядъ дѣятельность Новикова въ дѣлѣ народнаго образованія была толчкомъ, заставившимъ Екатерину II поторопиться съ школьной реформой, основанія которой были прямо противоположны взглядамъ, высказаннымъ Новиковымъ. Училища находились подъ непосредственнымъ контролемъ правительственной власти, общество надолго отстранено отъ нихъ. Училища должны были состоять въ вѣдѣннѣ приказа общественнаго призрѣннѣ (§ 94), директоръ народныхъ училищъ избирается генералъ-губернаторомъ (§ 69), а попечитель училищъ—губернаторъ (§ 63)—вотъ основанія для управленія народными училищами по уставу 1786 года. Общество можетъ видѣть и наблюдать за этими училищами только во дни торжественныхъ актовъ да экзаменовъ, которые въ первое время происходили публично.

Но съ теченіемъ времени взгляды правительства на народное образованіе, вслѣдствіе измѣнившихся историческихъ условій, стали иными, и правительство въ большинствѣ случаевъ стремилось играть роль сдерживающаго элемента, не распространять народное образованіе, а удерживать его въ должныхъ предѣлахъ и границахъ.

Одною изъ попытокъ распространить грамотность въ народѣ надо признать реформу графа П. Киселева въ управленіи казенными крестьянами. Графъ Киселевъ хотѣлъ распространить грамотность хотя среди казенныхъ крестьянъ; для этого были устроены приходскія училища и предполагалось вмѣнить мѣстному духовенству въ обязанность „убѣждать крестьянъ къ отдачѣ дѣтей и въ особенности дочерей въ школы, отличнѣйшимъ ученикамъ по окончаніи ученія и по достиженіи совершеннолѣтія предоставить преимущественное право избранія въ сельскія и волостныя должности и въ писаря съ освобожденіемъ отъ рекрутской повинности“.

Всѣ эти предположенія подверглись строгой критикѣ архипастыря Филарета. Послѣдній находилъ

„Мужскаго пола крестьянскихъ дѣтей не слишкомъ усиленно и поспѣшно надобно привлекать въ училища; надобно не въ очень обширномъ видѣ удостовѣриться опытами, точно ли доброе направленіе получить въ нихъ грамотность, и не возбудится ли жадность къ чтенію суетному, развлекающему, производящему броженіе мыслей,—это можетъ сдѣлаться болѣе вреднымъ, нежели безграмотность“.

Такимъ образомъ въ 1854 году необходимо было только произвести опытъ, изслѣдовать, такъ сказать, вредна ли грамотность и не полезна ли безграмотность.

Тотъ же самый духовный дѣятель въ 1850 году, защищая безграмотность и опасаясь, что подобная защита можетъ показаться одностороннимъ взглядомъ, призвалъ на помощь иностранныхъ свидѣтелей:

„М. Fayet сообщилъ парижской академіи наукъ нравственныхъ и политическихъ, что въ продолженіе двухъ послѣднихъ десятилѣтій число преступленій и проступковъ ежегодно возра-

стало въ большей пропорціи въ департаментахъ болѣе образованныхъ, нежели въ менѣе образованныхъ.

„Противъ сего возражалъ М. Sirapd, что между осужденными въ 1847 году, 52 изъ 100 не умѣли ни читать, ни писать.

„Возраженіе сіе было бы не очень сильно и въ томъ случаѣ, если бы во всемъ народонаселеніи число неумѣющихъ читать и писать относилось къ умѣющимъ въ такой же пропорціи. Но если разрядъ неграмотныхъ несравненно многочисленнѣе, нежели грамотныхъ, а число преступниковъ изъ того и другого почти равно, то опять надобно заключить, что между образованными преступниковъ пропорціонально болѣе, нежели между неумѣющими читать и писать.

„М. Cousin рассуждалъ о семъ такъ: не обученіе возвышаетъ нравственность, но воспитаніе, что совсѣмъ другое дѣло, и особенно воспитаніе религіозное“ ¹⁾.

Такимъ образомъ, для доказательства, что „безграмотность“ не есть еще такое явленіе, которое не можетъ быть терпимо въ благоустроенномъ государствѣ, но даже наоборотъ должно поддерживаться, приводились свидѣтельства одного изъ самыхъ яркихъ клерикаловъ католической церкви—Файе и философа, творца эклектизма—Кузена.

Но если въ отношеніи обученія крестьянскихъ мальчиковъ всетаки находилось нужнымъ произвести опытъ, то въ отношеніи дѣвочекъ взглядъ отличался замѣчательною прямолинейностью.

„Назначеніе женскаго пола есть жизнь семейная, потому приличествуетъ ему и воспитаніе семейное.

„Говорятъ: хорошо наставленная въ училищѣ мать лучше наставитъ своихъ дѣтей. Сомнительно. Послушанію, благонравію, скромности, набожности, семейной любви, безъ науки научить свое дѣтище всякая добрая мать. Не такъ удобно передается училищное наставленіе. Видимъ примѣры, что матери, не бывшія (правописаніе подлинника) въ училищахъ, разумно воспитываютъ дѣтей при себѣ; и напротивъ, матери, получившія образованіе въ лучшихъ учебныхъ заведеніяхъ для дѣтей женскаго пола, отдають своихъ дочерей въ тѣ же заведенія. Мать неучившаяся, *но нужды, съ горемъ*, (курсивъ нашъ) отдала дочь въ училище: потомъ мать учившаяся безъ особенной нужды не учитъ дочь сама, а отдаетъ въ училище. Какой же плодъ училищнаго воспитанія? Семейный духъ ослабленъ, и выгоды образованія не далеко простерлись“.

Такому же безусловному осужденію подверглось предложеніе о дарованіи кончившимъ съ успѣхомъ обученіе въ школахъ извѣстныхъ правъ. Противъ этихъ правъ были выставлены между прочимъ такіе аргументы:

„Будетъ ли благоприятно для добраго устройства крестьянскихъ обществъ, если двадцати - двухъ - лѣтніе грамотѣи займуть должности и получатъ видъ преимущества и нѣкоторой власти надъ

¹⁾ Тоже собраніе мнѣній и отзывовъ.

шестидесятилѣтними опытными, набожными, честными крестьянами, хотя бы это были и безграмотные?

„Не будетъ ли вредно для нравовъ и единодушія обществъ, если порядокъ патріархальный, вѣковой, глубоко - основанный въ природѣ, потрясенъ будетъ новымъ поверхностнымъ, преходящимъ порядкомъ школы? Полезно ли побуждать крестьянскихъ дѣтей къ ученію обѣщаніемъ, что они будутъ важны въ крестьянствѣ люди и могутъ получить освобожденіе отъ рекрутской обязанности?“

Не возражая, конечно, по существу, такъ какъ въ настоящее время подобное возраженіе можетъ вызвать лишь улыбку, укажемъ на непонятную странность, — какъ это такъ могли исполнять должность писаря (проектъ Киселева, главнымъ образомъ, предполагалъ обученіе крестьянскихъ дѣтей для подготовки къ писарской должности) „шестидесятилѣтніе, опытные, набожные, честные крестьяне, но безграмотные“?

Кромѣ критики этого проекта обученія крестьянскихъ дѣтей, митрополитъ Филаретъ рисуетъ и идеаль обученія:

„Въ крестьянствѣ особенно надобно, чтобы поощреніе къ ученію заключалось въ обыкновенномъ крестьянскомъ бытѣ.

„Крестьянинъ, который увидитъ, что сынъ сосѣда читаетъ и поетъ въ церкви, разумнѣе отца говоритъ о вѣрѣ, повѣряетъ и записываетъ домашніе счета, въ праздникъ читаетъ для семьи назидательную книгу, вѣроятно, скажетъ: надобно и мнѣ послать сына въ школу“.

Таковъ былъ идеаль обученія крестьянъ и таковы были тѣ мѣры, при помощи которыхъ хотѣли задержать развитіе народной массы. Это было мнѣніе руководящихъ сферъ, его раздѣляли и многіе дѣятели литературы и науки; наиболѣе откровенно высказался Гоголь въ своей перепискѣ съ друзьями, — въ послѣдней не было сказано чего либо особенно выдающагося, а повторено только то, что Гоголь слышалъ отъ большинства окружавшихъ его.

Относясь отрицательно, по существу, къ дѣлу народнаго образованія, дѣятели Николаевского царствованія внимательно слѣдили за всякимъ проявленіемъ развитія общественнаго самосознанія у массы, и стремились подѣйствовать на это развитіе съ извѣстной точки зрѣнія. Такъ въ 1833 году камергеръ Львовъ предпринялъ изданіе для чтенія простолюдинамъ книгъ духовнаго и нравственнаго содержанія. Митрополитъ Филаретъ обращаетъ вниманіе на это дѣло и даетъ ему слѣдующій оборотъ:

„Замѣчаніе составителя записки (Львова), что возрастающая грамотность народа имѣетъ нужду въ чтеніи, могущемъ питать душу и сердце, справедливо и достойно вниманія. Грамотность простолюдиновъ, обращенная на чтеніе не религіозное, не нравственное, не отечественное, можетъ сдѣлаться хуже безграмотности“.

А потому необходимо, чтобы изданіе для народа „краткихъ назидательныхъ, вразумительныхъ, приспособленныхъ къ его понятіямъ и потребностямъ сочиненій“ было сдѣлано съ предосторожностями.

Дальнѣйшее теченіе этого предпріятія характеризуется слѣдующими фактами: въ 1845 году положено отпечатать „Житіе Никиты Сокровеннаго и преподобныхъ Досіея и Тита; въ 1846 году особый комитетъ, образованный для изданія книгъ „для простаго народа“ еще разъ положилъ отпечатать тѣ же три житія и присовокупить къ нимъ еще 3 житія: преподобнаго Сергія, Алексія, человека Божія, Стефана Печерскаго и три поученія Тихона: слово о спасительномъ Божіемъ смотрѣніи и образѣ спасенія нашего, наставленіе христіанское о духовной мудрости. Дальше 1846 года у насъ о дѣятельности этого комитета нѣтъ никакихъ данныхъ, и мы не можемъ даже съ увѣренностью сказать, были-ли изданы эти 6 описаній житія святыхъ и три наставленія.

Но если печатаніе книгъ со стороны этого комитета было, чтобы не сказать больше, не особенно успѣшное, то съ другой стороны, всякія частныя попытки къ изданію книгъ для народа терпѣли фіаско отъ противоdѣйствія власть имущихъ. Одною изъ такихъ попытокъ къ изданію книги для народа, и книги, трактующей объ обязанностяхъ и правахъ, т. е. содержащей въ себѣ ученіе морали— была книга князя В. Одоевскаго и А. Заблоцкаго: „Разсказы о Богѣ, человекѣ и природѣ“.

Личность князя В. Одоевскаго— „дѣдушки Ириней“, достаточно выяснена въ нашей литературѣ. Есть цѣлая монографія А. Пятковскаго, посвященная этому симпатичному писателю и видному общественному дѣятелю. Отличаясь большимъ талантомъ, громадною образованностью, Одоевскій принадлежитъ къ тѣмъ немногимъ, къ сожалѣнію, личностямъ русской исторіи, которыя были нѣонерами въ дѣлѣ служенія народу и это служеніе ставили цѣлію своей жизни.

Желая на дѣлѣ примѣнить свои принципы, князь Одоевскій примкнулъ къ графу П. Киселеву и сочинилъ, или вѣрнѣе переработалъ для приходскихъ училищъ книгу виртембергскаго педагога Вурста: *Das erste Schulbuch*— подъ вышеприведеннымъ заглавіемъ.

Если разсматривать эту книгу съ точки зрѣнія современной педагогики, то неудовлетворительность ея будетъ сразу замѣчена. Въ ней на 247 страницахъ въ 12 долю листа трактуется и о морали, и о начаткахъ естественной исторіи, дается краткое обозрѣніе священной исторіи, наконецъ разсказывается „исторія общественной жизни, ея потребностей и обязанностей“. Весьма понятно, что свѣдѣнія, которыя даются книгою, страдают отрывочностью, неполнотою и бездоказательностью. Далѣе, многое въ этой книгѣ выше дѣтскаго пониманія и не можетъ произвести на ребенка должнаго впечатлѣнія. Наконецъ, и самая манера изложенія, на современный взглядъ, ложна: послѣ разсужденія, данаго въ катехизаціонной формѣ, слѣдуетъ правоучительный разсказъ для вящаго подтвержденія разбираемаго положенія, но, къ сожалѣнію, большинство разсказовъ отличаются излишнею сентиментальностью и неправдивостью. Такіе добродѣтельные люди, которые дѣйствуютъ въ этихъ разсказахъ, едва ли встрѣчаются въ

жизни, а все то, что не реально, что грѣшить противъ жизни, не имѣетъ въ педагогическомъ смыслѣ почти никакого значенія. Современному читателю будетъ странно и идеализація крестьянской жизни, въ родѣ слѣдующей:

„У васъ же (у крестьянъ) всегда чистый, здоровый воздухъ, вы слышите пѣніе веселыхъ птицъ, вы дышите запахомъ цвѣтовъ и деревьевъ, вы всегда видите поля, луга, и долины и можете ежечасно наслаждаться новыми чудесами Божеской благодати и всемогущества... (стр. 141).

Или слѣдующая картинка, описывающая прелести жизни пастиуха и очень похожая на пастораль:

„Посмотри, какъ рѣзвится твое стадо, какъ весело поютъ птицы, какъ благоухаютъ цвѣты и деревья; какъ красиво солнце глядится въ спокойномъ озерѣ, какъ жужжатъ пчелы по цвѣтамъ. Развѣ все это не встаетъ такъ же рано, какъ и ты? И отчего ты одинъ печаленъ и угрюмъ, когда вся природа вокругъ тебя радуется и веселится? Неужели ты ничего не чувствуешь при видѣ этого міра, который Богъ создалъ такимъ прекраснымъ, изъ любви къ людямъ“...

Далеки отъ правды, конечно, крестьянскія дѣти, которыя, увидя поле, покрытое мелкими голубыми цвѣтами, закричали въ одинъ голосъ: „какое это растеніе? — Учитель имъ отвѣчалъ, что это лень. Трудно, разумѣется, допустить возможность незнанія крестьянскими дѣтьми—льна.

Вотъ главные недостатки этой книги съ современной точки зрѣнія. Мы особенно усиленно подчеркиваемъ это обстоятельство, такъ какъ въ 1849 году эта книга вполне отвѣчала тогдашнимъ требованіямъ педагогики. Большинство отдѣловъ этой книги не подлежитъ нашему разсмотрѣнію, такъ какъ они не касаются морали, поэтому мы въ нѣсколькихъ словахъ охарактеризуемъ ихъ. Тутъ даются первыя свѣдѣнія изъ анатоміи, фізіологіи и психологіи человѣка; какъ образчикъ этихъ свѣдѣній приведемъ опредѣленіе души:

„Эта внутренняя и невидимая сила, которая въ минуту смерти оставляетъ людей и животныхъ, называется *душою*. Человѣческая душа оживляетъ и движетъ человѣческую силу, душа животныхъ оживляетъ и движетъ тѣла животныхъ. Человѣческая душа можетъ узнавать, посредствомъ чувствъ, что около человѣка происходитъ и душа животныхъ можетъ то же дѣлать. Въ этомъ случаѣ души человѣческая и животныхъ—схожи между собою. Человѣческая душа имѣетъ большее превосходство предъ душою животныхъ и потому она называется еще иначе: она есть *духъ*. Духъ человѣка есть „я“ въ человѣкѣ—существо невидимое въ насъ, способное думать. Духъ человѣка можетъ различать справедливое отъ несправедливаго, хорошее отъ дурного и истинное отъ ложнаго, и этотъ духъ невидимъ“ (стр. 63 и стр. 65).

Далѣе, обращено усиленное вниманіе на естествознаніе, ему посвящено 86 страницъ, т. е. треть книги. Сперва описывается „мѣстожителство“ и его окрестности, потомъ переходятъ къ свѣдѣніямъ по географіи, ботаникѣ и зоологіи и наконецъ, въ заклю-

ченіе, сообщаются—силы и явленія въ природѣ, краткій очеркъ физики.

Но самую существенную часть книги составляет исторія общественной жизни, ея потребностей и обязанностей и ученіе о морали—отношеніе и обязанности человѣка къ Богу и отношенія и обязанности человѣка къ человѣку.

„Исторія общественной жизни“ въ 11 разсказахъ рисуетъ намъ созданіе современнаго государства на основаніи теоріи „естественнаго права“. Здѣсь даются отвѣты на слѣдующіе вопросы: Какъ и для чего небольшія семейства соединяются въ одно большое? Почему является необходимость въ начальствѣ, въ общественныхъ сборахъ, податяхъ, законахъ и наказаніяхъ? Въ общественныхъ работахъ и учрежденіяхъ—полиции, сельскомъ правленіи и школахъ?—Вънцомъ образованія человѣческаго общества является учрежденіе „верховой законной власти, необходимой для счастья всѣхъ и cadaго“.

Изложеніе этой части очень популярно и принаравливается къ понятіямъ русскаго крестьянина. Необходимость какого-либо учрежденія доказывается при помощи примѣра. Описывается пожаръ отъ неосторожнаго обращенія съ огнемъ и какъ слѣдствіе выводится необходимость установленія денежнаго штрафа, т. е. извѣстнаго наказанія. Подобнымъ же образомъ выводится необходимость школы, о которой говорится слѣдующее:

„Положено было выстроить особый домъ для школы и, такъ какъ приношенія были очень значительны, то не только построили для школы красивый домъ, но изъ лишнихъ денегъ составили еще особый капиталъ на покупку книгъ, бумаги и проч. Когда школа была отстроена, рядомъ съ сельскимъ правленіемъ, на лучшемъ мѣстѣ въ деревнѣ, то всѣ отцы привели въ нее дѣтей своихъ... Все селеніе убѣдилось въ томъ, что *воспитаніе и обученіе дѣтей есть важнѣйшее дѣло въ общественной жизни*“.

Такимъ образомъ, уже на этомъ примѣрѣ мы можемъ замѣтить отличіе этой книги отъ разобранныхъ выше. Ни одна изъ тѣхъ книгъ не говорила, что воспитаніе и обученіе дѣтей есть общественная обязанность. Наоборотъ, даже „Памятная книжка для православныхъ христіанъ изъ крестьянскаго званія“ говоритъ слѣдующее: „Многіе родители изъ крестьянъ обучаютъ дѣтей своихъ грамотѣ и мастерствамъ, но о христіанскомъ ученіи и воспитаніи не радѣютъ. Таковымъ родителямъ ты не подражай, но всякимъ образомъ старайся своихъ дѣтей въ страхѣ Божіемъ воспитывать. Когда только начнутъ дѣти хотя мало смыслить, тутъ же начинай приводить ихъ въ познаніе Бога; напоминай имъ, что нынѣшняя жизнь наша не иное что есть, какъ путь, которымъ идемъ въ вѣчность; что мы всѣ рождаемся на сей свѣтъ не ради пищи сладкой, одѣянія краснаго, богатыхъ домовъ и проч. (все это при смерти оставимъ), но чтобы здѣсь благочестиво пожить и Богу угодить и по смерти къ Нему перейти и въ вѣчномъ Его блаженствѣ пребывать. Напоминай о смерти, судѣ Христовомъ, о вѣчной музѣ и о вѣчномъ блаженствѣ“.

Въ правилахъ истиннаго воспитанія ни звукомъ не упомянуто относительно обученія дѣтей въ школѣ, послѣднее не вмѣняется такимъ образомъ въ обязанность крестьянину, какъ это дѣлаетъ книжка В. Одоевскаго.

Точно также и „Ручная книжка для грамотнаго поселенина“— въ статьѣ „Что значитъ вскормить дитя“ не упоминаетъ о школьномъ воспитаніи.

Но еще болѣе рѣзкая разница обнаружится между этими книгами, если мы сравнимъ главы „о начальникахъ“.

Книжка Одоевскаго и Заблоцкаго полагаетъ, что установленіе начальства вытекаетъ изъ необходимости заботиться о пользѣ общей, принимать заблаговременно мѣры противъ несчастій и наблюдать за исполненіемъ каждымъ въ точности своихъ обязанностей (стр. 9, 10 и 11). Памятная книжка для православныхъ христіанъ говоритъ слѣдующее: „Всякій начальникъ отъ Бога поставляется: нѣсть бо власть еще не отъ Бога: сущія же власти отъ Бога учинены суть“ (Рим. гл. 13, ст. 1) и „исполняй волю начальниковъ со страхомъ и трепетомъ, въ простотѣ сердца, не испытывая, для чего повѣлено дѣлать тако, а не иначе“.

Такимъ образомъ, разница между этими книгами очевидна.

Книга Одоевскаго смотритъ не съ церковной точки зрѣнія, а съ научной; она стремится дать объясненія явленіямъ, а не доказывать ихъ при помощи текстовъ священнаго Писанія.

Но еще болѣе различія замѣтитъ читатель въ опредѣленіяхъ „отношеній человека къ Богу“:

„Представь себѣ, что ты уже слышишь звукъ послѣдней трубы и осужденіе, поражающее грѣшниковъ.“

„Вотъ одни изъ нихъ, подобно плевеламъ, собраннымъ въ снопы, брошены въ огонь.“

„Другіе связаны по рукамъ и ногамъ, ввержены во тьму кромѣшную.“

„Иные преданы червю неусыпающему, плачу и скрежету зубовъ.“

„Если же все это будетъ такъ ужасно, то каковы должно быть наши чувства!“

„Ахъ! для избѣжанія этихъ золъ падемъ передъ лицомъ нашего Бога, исповѣдуемъ передъ Нимъ нашу нищету и будемъ умолять Его о безконечномъ милосердіи“...

Сравните этотъ отрывокъ изъ „Памятной книжки православнаго христіанина изъ крестьянъ“ съ нижеслѣдующимъ, помѣщеннымъ въ книгѣ Одоевскаго:

„Богъ есть высочайшее и достойнѣйшее любви благо, потому что всѣ блага отъ Него происходятъ. Онъ любитъ насъ, какъ своихъ дѣтей, и потому мы должны Его также любить отъ всего сердца и ничего въ мірѣ мы не должны любить болѣе Его; ничего мы охотнѣе не должны слушать, какъ истинное ученіе о Богѣ...“

Хвали Творца, лишь день начнется!
 Хвали, когда земля проснется!
 Съ восходомъ солнечнымъ хвали,
 Хвалу пріемлетъ Богъ любви.
 Хвали Творца, какъ полдень свѣтитъ,
 Хвали и ночью—Онъ замѣтитъ:
 И въ ночь и въ день твой чистый жаръ—
 Молитвы шопотъ, сердца жаръ...»

Первая книга хочетъ подѣйствовать на человѣка при помощи низкихъ чувствъ—страха и ужаса, она рисуетъ мрачныя картины, ожидающія грѣшниковъ въ иной загробной жизни. И во избѣжаніе всѣхъ этихъ мученій она совѣтуетъ прибѣгнуть къ Богу, который является грознымъ карающимъ Богомъ, но не Учителемъ всепрощающей, всечеловѣческой любви... Другими средствами хочетъ дѣйствовать князь Одоевскій. Онъ, какъ человѣкъ, обладавшій знаніемъ человѣческой природы, понимаетъ, что „страхъ плохой учитель“. Одоевскій вѣритъ, что въ каждомъ человѣкѣ, какую бы низкую ступень въ обществѣ онъ не занималъ, теплится Божія искорка, находится стремленіе къ свѣту, истинѣ и любви. И подѣйствовать на эту сторону человѣка, пробудить въ немъ всѣ лучшія качества души, сдѣлать его дѣйствительно человекомъ—вотъ цѣль князя Одоевскаго. Поэтому то онъ съ такой теплою, съ такой искренней любовью говоритъ о Богѣ, какъ о Творцѣ и Промыслителѣ человѣчества, какъ о источникѣ чистой любви...

Безспорно, вторая точка зрѣнія отвѣчаетъ гораздо болѣе требованіямъ педагогики, но является вопросъ, доступна ли она крестьянину, могъ ли понять рѣчи Одоевскаго этотъ темный, забытый народъ (если онъ до него дошли бы) и не лучше ли дѣйствовать невѣрными хотя средствами, но впечатлѣніе отъ которыхъ и скорѣе и сильнѣе? Къ сожалѣнію, эти сомнѣнія раздаются и въ настоящее время, хотя очевидно, что истина можетъ быть доказана только истинными средствами. Составитель „Памятной книжки для православныхъ христіанъ“ въ числѣ христіанскихъ обязанностей ставитъ памятованіе о смерти на первомъ мѣстѣ, а на самомъ концѣ—„что спастись безъ любви къ Христу невозможно“; такимъ образомъ въ ученіи любви—главная сторона этого ученія отступаетъ на задній планъ. Вѣдь съ точки зрѣнія составителя этой книжки выводы слѣдовало бы дѣлать такъ; если въ человѣкѣ дѣйствительно появилась и окрѣпла любовь къ Христу Спасителю рода человѣческаго, то появилась и вѣра въ него, вѣра въ возможное спасеніе, но съ этой вѣрою—смерть не можетъ быть страшна. Таково должно было быть логическое развитіе мысли. Такъ бы и писалась книга, если бы она предназначалась не для крестьянъ, но для этихъ послѣднихъ логическое развитіе мысли считается недостаточнымъ; крестьяне—народъ темный, а потому нужно сначала подѣйствовать на ихъ воображеніе предметами, имъ хорошо знакомыми, а потомъ уже говорить о томъ, что составляетъ суть ученія. Въ этомъ и есть коренное различіе взглядовъ, выразителями которыхъ являлся князь Одоев-

скій и анонимные сочинители различныхъ памятныхъ, ручныхъ и прочихъ книжекъ.

Князь Одоевскій обращался вообще къ человѣку, и такъ какъ крестьянство стояло на низкой ступени развитія, то онъ избралъ особую манеру изложенія, особые педагогическіе приемы, но и только. Его книга не видѣла въ крестьянахъ что либо особенное, отличающееся отъ другихъ сословій Россійской имперіи.

Всѣ же остальные авторы рассматриваемыхъ нами книгъ видѣли въ крестьянинѣ не человѣка вообще, а *низкую* породу людей, которая даже возносить свои мысли и сердце къ Богу должна на особенный манеръ, при помощи особыхъ молитвословій. Не о развитіи крестьянства шла рѣчь въ этихъ послѣднихъ книжкахъ, а наоборотъ въ удержаніи крестьянства на извѣстной низкой степени развитія, и достичь этого желали, дѣйствуя при помощи вѣры и слова Божія...

VI.

Не успѣла книга В. Одоевскаго и А. Заблоцкаго получить распространение—ее пропустилъ въ печать цензоръ профессоръ И. Срезневскій—какъ въ святѣйшій синодъ поступило донесеніе митрополита московскаго Филарета, что эта книга составлена „неосмотрительно“ и врядъ ли можетъ принести „добрые плоды“. Главное обвиненіе митрополитъ Филаретъ направилъ на первую часть книги, излагающую „исторію общественной жизни“, такъ какъ основаніемъ послѣдней служило естественное право¹⁾. Митрополитъ Филаретъ говоритъ слѣдующее:

„Такимъ образомъ въ десяти разсказахъ представляется образованіе общества и управленія безъ Бога и безъ царя, ибо въ нихъ ни о Богѣ, ни о царѣ не упоминается.

„Въ разсказѣ одиннадцатомъ, наконецъ, русскій наставникъ вѣроятно поправляетъ Вурста, изображая благотворность царской власти. Но однимъ разсказомъ будутъ ли изглажены впечатлѣнія десяти предшествующихъ? Притомъ царь представляется здѣсь не отъ Бога поставленнымъ...“

Раскрываемъ одиннадцатый разсказъ разбираемой книги и видимъ на страницѣ 28 слѣдующія строки:

„что надъ нею есть Царь, власть котораго отъ Бога“.

и далѣе:

„противъ царскаго указа спорить нельзя; а тамъ, смотришь, отъ того исполненія такое добро пошло, котораго никто и не гадалъ; потому что *Царь далеко видитъ и судитъ—не по родству и дружбѣ, а по истинной правдѣ и по произволенію Божію*“ (курсивъ подлинника).

¹⁾ Въ первой главѣ нашей работы «Школьная и офиціозная мораль» мы подробно разбираемъ заслуги митрополита Филарета въ дѣлѣ изгнанія «естественнаго права» изъ курса нашихъ учебныхъ заведеній, причемъ сообщаемъ очень интересную, полную трагическихъ подробностей исторію уже рассмотрѣнной нами книги одолженныхъ и обязанностей человѣка и гражданина, изданной при Екатеринѣ II. Около 7.000 экземпляровъ этой книги было сожжено, благодаря вліянію митрополита Филарета.

Наконецъ этотъ одиннадцатый разсказъ оканчивается извѣстною „пѣсню русскому царю“ сочиненія Жуковского.

Такимъ образомъ читатель ясно видитъ несоотвѣтствіе между тѣмъ, что написано въ книгѣ и на что указывается въ отзывѣ. Между тѣмъ этотъ отзывъ содержитъ и слѣдующее обвиненіе:

„1848 и 1849 годы показали, что нѣмецкіе педагоги, и въ числѣ ихъ Вурстъ, не по случайному недосмотру принимали и преподавали демократическія мысли. Удивительно, что русскій сдѣлался подражателемъ Вурста и очень довѣрчиво смотритъ на виртембергскаго педагога“.

и далѣе:

„Что надлежитъ ожидать, если крестьяне по несчастію поймутъ и примутъ теорію, заключенную въ сихъ разсказахъ? Не примѣтятъ ли они, что нынѣшнее ихъ общество основано не по сей теоріи, что, напр., помѣщикъ или окружный начальникъ начальствуетъ надъ ними не по ихъ договору и выбору. Не придетъ ли имъ на мысль, что надобно бы переустроить общество по образу Якова и Іосифа? (главныхъ дѣйствующихъ лицъ этихъ разсказовъ)“.

Такимъ образомъ данная книга, которая, насколько намъ извѣстно, представляла единственную попытку книги для народа въ царствованіе Николая I, несмотря на то, что авторомъ ея былъ — послѣдній изъ Рюриковичей, кн. Одоевскій, приближенный ко двору, лично извѣстный государю, подверглась обвиненію въ распространеніи „республиканскихъ идей“ и въ желаніи „ниспровергнуть существующій порядокъ“.

Взамѣнъ того, что давала эта книга, предлагалось возвратиться къ правиламъ 1836 года, заключеннымъ въ секретномъ указѣ синода отъ этого года. Преимущества этихъ правилъ описывались слѣдующими пріятельскими чертами:

„Успѣхъ обученія поселянскихъ дѣтей, по правиламъ 1836 г., былъ не скоръ и не обширенъ, но благонадеженъ и безопасенъ. Обученныя духовенствомъ дѣти охотно читали и пѣли въ церкви; вносили въ семейства чтенія священныхъ книгъ, священной исторіи, житій святыхъ и подобныхъ назидательныхъ книгъ; отъ сего должно было происходить доброе нравственное религіозное дѣйствіе на народъ; но не возбуждалось излишняго любопытства или охоты къ чтенію суетному и производящему броженіе мыслей“.

Программа же обученія состояла въ слѣдующемъ:

„Обучать чтенію церковной и гражданской печати, а желающихъ и письму. Между тѣмъ, учащіеся должны изучить на память молитву Господню, символъ вѣры, десять заповѣдей, стихъ Богородице Дѣво радуйся, къ сему учащій присовокупить краткое и самопростѣйшее изъясненіе оныхъ изъ катихизиса и главнѣйшія сказанія изъ священной исторіи, передавая сіе изъясненіе и сіи сказанія въ видѣ разговоровъ и разсказовъ, по временамъ и случаямъ возобновляемыхъ, безъ школьной принужденности и буквального вытвержденія на память“.

Читатель можетъ легко замѣтить, что данная программа не можетъ и сравняться съ тою, которую проводилъ въ своей книжкѣ

князь Одоевскій. Многимъ русскимъ дѣятелямъ того времени казалось страшнымъ, если въ крестьянинѣ пробудится мысль, появится желаніе и стремленіе къ развитію.

Въ заключеніи своей книги князь Одоевскій говоритъ:

„Въ каждомъ мѣстѣ, въ селѣ и въ городѣ, только тогда люди могутъ быть довольны и счастливы; только тогда они живутъ истинно по-христіански и по-человѣчески, когда всѣ жители, и старыя, и малыя, сильныя и слабыя, богатые и бѣдные—будутъ жить по закону Бога, будутъ любить другъ друга, помогать другъ другу и словомъ, и дѣломъ и помнить завѣтъ Спасителя міра:

„Ищите прежде всего царствія Божія и правды Его,—и все остальное вамъ дастся“ (Матѣ. 6. 33).

И эти мысли считались недозволенными, заподозривались въ революціонномъ духѣ; взамѣнъ ихъ должно было проповѣдывать слѣдующее:

„Человѣколюбивый, премилосердый Господи, милующій грѣшники и не оставляющій грѣховъ безъ наказанія! Ты, создавъ человѣка для блаженства, поселилъ его въ рай; но за непослушаніе, изгнавъ изъ рая, опредѣлилъ праведнымъ судомъ Своимъ, чтобы человѣкъ въ потѣ лица своего, честно снискивалъ хлѣбъ свой, пока не возвратится въ землю, изъ которой взятъ, въ напоминаніе ему, *что онъ перстъ и въ перстъ возвратится*“ („курсивъ нашъ—начало „возношенія мысли и сердца къ Богу христіанина изъ крестьянъ“).

Послѣднюю мысль надо было особенно усердно распространять среди крестьянства; находившагося подъ гнетомъ крѣпостного права, подъ жестокой зависимостью помѣщика-крѣпостника.

VI.

Основная идея „должностей и обязанностей крестьянъ“—въ достаточной степени выяснилась предъ читателемъ. И надо отдать справедливость, что взглядъ, высказанный при Екатеринѣ II, отличался большею гуманностью, чѣмъ позднѣйшіе взгляды. Во время Екатерины крестьянство, взятое en masse, разсматривалось съ точки зрѣнія „государственныхъ нуждъ“ и обязанности къ крестьянамъ предъявлялись такія, при которыхъ эти нужды могли быть успѣшнѣе удовлетворены. Но эта же точка зрѣнія прилагалась и къ другимъ сословіямъ, каждое изъ нихъ должно было воспитать въ себѣ чувство „любви къ отечеству“ и свои поступки соображать съ этой любовью. Въ этомъ взглядѣ еще виденъ отголосокъ петровской Руси, когда человѣкъ какъ личность совершенно не интересовалъ законодателя и права личности были въ положительномъ загонѣ. Человѣкъ признавался только съ точки зрѣнія пользы, которую онъ могъ приносить своей странѣ. Но во времена Николая I къ этой точкѣ зрѣнія примѣшалась еще новая, которую можно назвать „охранительною“. Крестьянство составляло главное ядро государства, измѣненіе состоянія крестьянства должно было кореннымъ образомъ измѣнить всѣ правовыя, экономическія, социальныя отношенія. Отсюда стремленіе под-

держатъ „statu quo“, учредить самый бдительный надзоръ, самую тягостную опеку, чтобы, даже случайно, не зародилась „новая мысль“, чтобы никакое вліяніе не могло проникнуть въ это сонное царство. Стремленіе это иногда доходило прямо до невозможныхъ размѣровъ. Мы приведемъ одинъ изъ образчиковъ его. Въ не разъ уже цитированныхъ отзывахъ и мнѣніяхъ митрополита Филарета мы встрѣчаемся со слѣдующими строками:

„Печальное зрѣлище представляетъ и еще болѣе печальныя опасенія внушаетъ порицательная и кощунственная литература, столько же, если не болѣе, необузданная и разпространенная, какъ въ извѣстномъ европейскомъ государствѣ прошедшаго столѣтія, гдѣ она оказалась разрушительною. Званія, должности, лица—все подвергается жестокимъ порицаніямъ и изображается въ безобразія, до невѣроятности преувеличенномъ и исполненномъ клеветы (рѣчь идетъ о 1859 годѣ)... Къ большому прискорбію та-же литература успѣла уже повредить вкусъ народа, и онъ съ алчностью любопытства бросается на чтеніе того, что долженъ былъ отвергать по чувству благочестія, нравственности и приличія. Господь да управитъ мудрость свѣтѣйшаго синода и православнаго правительства къ изысканію средствъ врачебныхъ и охранительныхъ“ (т. IV ст. 513—514).

Послѣднія строки говорятъ о книгѣ Афанасьева „народныя русскія легенды“, которая такимъ образомъ „успѣла уже повредить вкусы народа“ и на которую необходимо обратить вниманіе, чтобы примѣнить къ ней „средства врачебныя и охранительныя“.

Напрашивается, конечно, вопросъ, какимъ образомъ — народныя легенды, записанныя со словъ самого народа и созданныя, слѣдовательно, имъ самимъ, могли повредить его вкусъ и извратить его нравственность. Очевидно, послѣдняя извращена, если самъ народъ является авторомъ такихъ будто бы кощунственныхъ сочиненій?—Эти вопросы естественны, поэтому они и не задавались, а наоборотъ усиленно подчеркивалось то обстоятельство, что эта книга была издана безъ разсмотрѣнія духовной цензуры и что издателемъ ея былъ раскольникъ Солдатенковъ. Послѣднія причины оказали свое дѣйствіе — и книга была запрещена и изъята изъ общаго пользованія *).

П. Столяпскій.

Источники:

1) *Собрание мнѣній* и отзывовъ Филарета, митрополита Московскаго и Коломенскаго по учебнымъ и церковно-государственнымъ вопросамъ, издаваемое подъ редакцію преосвященнаго Саввы, архіепископа тверскаго и кашинскаго. Спб. 1886. Томъ III и IV.

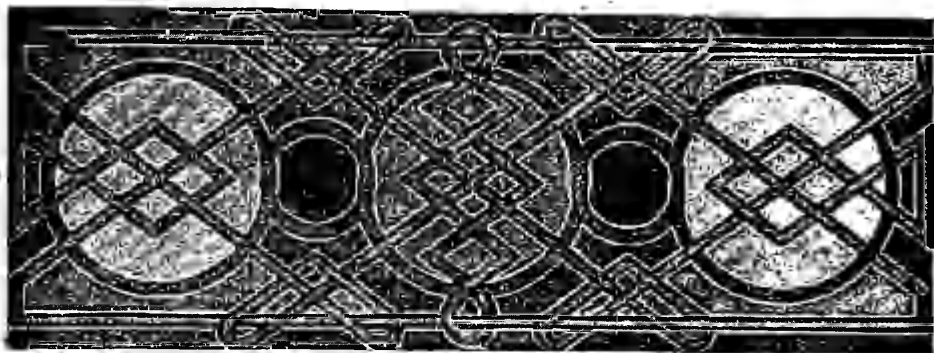
2) *О должностяхъ челоѣка и гражданина* книга, къ чтенію опредѣленная въ народныхъ училищахъ Россійской Имперіи, изданная по высочайшему повелѣнію. Одиннадцатое тисненіе. Спб. 1817, (безъ перемѣны съ перваго изданія).

3) *Сокращеніе главнѣйшихъ* должностей, кои каждый христіанинъ обязанъ исполнять въ точности по знанію и состоянію. Спб. 1799.

4) *Памятная книжка* для православныхъ христіанъ изъ крестьянскаго званія. Второе изданіе, 1849.

5) *Рассказы о Боѣ, челоѣкѣ и природѣ* чтеніе для дѣтей, дома и въ школахъ, изданное кн. В. Одольскимъ и А. Заблочкинъ. Спб. 1849.

6) *Ручная книжка* для грамотнаго поселянина. Спб. 1857.

Должники.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРКЪ ПОЛОЖЕНІЯ ЛИЦЪ, ПОДВЕРГАВШИХСЯ
ЗАКЛЮЧЕННО ЗА ДОЛГИ.

(1555—1900 г.).

I.

ь тѣхъ поръ, какъ изъ удѣльныхъ княжествъ сложилось Русское государство, власти пре- держація разбирали и рѣшали возникавшие между заимодавцами и должниками денежные споры и расчеты. Въ древней Руси слово „править“ означало „взыскивать“. Оттого, когда должники не хотѣли или не могли пла- тить своихъ долговъ—ихъ, по судебнымъ рѣше- ніямъ, ставили „на правежъ“, заключавшійся въ томъ, что въ будни ежедневно, ко времени прихода судей въ приказъ,— приводили ихъ на площадь, предъ зданіемъ приказа и тамъ недѣльщики били ихъ батогами по ногамъ (икрамъ) до ухода судей изъ приказа. Битье это не ограничивалось никакимъ срокомъ, а зависѣло отъ произвола судей, заимодавцевъ и недѣльщиковъ. Въ 1555 г. царь Іоаннъ IV установилъ „стоять на правежѣ“ за 100 руб.—мѣсяцъ, но ежели выстаивавшие срокъ все-таки отказывались платить или не находили сердо- больныхъ и состоятельныхъ людей, которые бы выкупили ихъ съ правежа, то ихъ отдавали заимодавцамъ въ „кабальные холопы“, тоже безъ опредѣленія сроковъ кабалы.

Такъ продолжалось до изданія Уложенія царя Алексѣя Михайловича (29 января 1649 г.). Уложеніемъ этимъ введенъ былъ слѣдующій новый порядокъ взысканія долговъ. „Кто на комъ искалъ заемныхъ денегъ и доправить ихъ было не возможно“, а должникъ и поручителя не имѣлъ—его выдавали истцу головою отработать долгъ до „окупа“, считая за мужчину—5 руб., за „жонку и срослую дѣвку“—2 руб. 50 коп. и за дѣтей болѣе 10 лѣтъ—2 руб. въ годъ, а по возмѣщеніи всей должной суммы должникъ съ его домочадцами освобождались отъ истцовъ (39 и 40 п. XX гл.). Если должники болѣе 5 лѣтъ просидѣли въ тюрьмѣ, а истцы къ правезу не являлись, то разрѣшалось отдавать должниковъ поручителямъ, которые однако обязывались представить ихъ, когда спросятъ, но „безъ челобитчиковъ“—исковъ на должникахъ не велѣно было править“ (92 п. XXI гл.). Если кто кому былъ долженъ и не могъ скоро заплатить, пѣтому что „изволеніемъ Божиимъ впалъ въ убожество отъ огненнаго запаленія или раззоренія лихихъ людей“,—такому должнику давалась отсрочка платежа на 1—3 года, но тоже съ поручительствомъ уплатѣ въ теченіе отсроченнаго времени (203 п. X гл.). Зато ежели „кто возьметъ денегъ взаймы и истеряетъ безуміемъ, пропьетъ, либо проворуетъ какимъ нибудь обычаемъ, а окупиться ему будетъ нечѣмъ“, то приказывалось „отдавать его головою истцу до выкупа“ (206 п.). Править долги указывалось „по правиламъ Святыхъ Апостоловъ“, т. е. „росту ($\frac{0}{100}$) не имати“ (225 п.). Наконецъ утверждалось по прежнему: дворянъ, дѣтей боярскихъ и всякихъ чиновъ людей ставить на правезѣ: за 100 руб.—мѣсяцъ, а за суммы больше или меньше 100 р.—по разсчету дней, при этомъ дворянъ и боярскихъ дѣтей предписывалось „бити до тѣхъ мѣстъ, покамѣстъ съ истцами раздѣлаются“ (261, 262 и 304 п. X гл.). Впрочемъ, относительно служилыхъ людей вскорѣ же начались разныя послабленія, доведенныя потомъ до того, что они вольны были посылать за себя „отстаиваться на правезѣ своихъ холопѣй“.

Приведенная жестокая система правеза долговъ просуществовала до 1717 г., когда царь Петръ Великій, стремясь извлечь пользу изъ всего и нуждаясь въ работникахъ, воспретилъ „держатъ на правезѣ“ всѣхъ казенныхъ и партикулярныхъ должниковъ, а приказалъ отсылать изъ нихъ: годныхъ—на галерныя, негодныхъ, т. е. старыхъ и малыхъ—въ инныя работы, а женъ—въ прядильный домъ въ Петербургѣ,

съ тѣмъ, чтобы за ихъ труды зачитывать по рублю въ мѣсяцъ, при кормѣ наравнѣ съ каторжными; должникамъ же, просившимъ отсрочки платежа — давать ее на полгода съ поручителями (15 января 1718 г.).

Съ этого времени стали практиковать лишеніе свободы должниковъ съ принудительнымъ трудомъ на погашеніе долговъ. Между тѣмъ прокормленіе стоило денегъ, а казна жалѣла тратить ихъ ради интересовъ преимущественно заимодавцевъ; поэтому установлено было „колодниковъ, сажаемыхъ челобитчиками,—кормить имъ самимъ: въ Петербургѣ—на 2 коп., а въ Москвѣ—на 1 коп. въ сутки“ (12 декабря 1720 г.). Затѣмъ должниковъ иноземцевъ тоже велѣно было направлять на галеры, а по отработаніи долговъ всѣхъ безразлично должниковъ приказывалось отпускать на волю (19 января и 4 марта 1721 г.). Вскорѣ послѣ того обнаружилось, что должники все-таки еще оставались въ тюрьмахъ, и потому послѣдовалъ новый указъ—направлять всѣхъ на галеры (4 апрѣля 1722 г.). Тѣмъ временемъ выяснилось, что распоряженіе о прокормленіи должниковъ на счетъ заимодавцевъ плохо осуществлялось, поэтому изданъ былъ новый указъ, чтобы „кто кого привелъ, тотъ того и кормил“, а ежели дѣлать этого не станетъ—выпускать должниковъ (6 апрѣля 1722 г.). Однако этотъ указъ понять былъ слишкомъ широко: въ числѣ выпущенныхъ очутились на волѣ, какъ обнаружилось, и сидѣвшіе въ качествѣ казенныхъ штрафныхъ. Тогда состоялось разъясненіе, что освобождать слѣдовало только содержавшихся по частнымъ искамъ; при этомъ судьи предварялись, что за отступленія отъ установленнаго порядка,—они сами будутъ подвергаться штрафамъ (13 сентября 1722 г.). Далѣе „по дороговизнѣ хлѣба“ оказалось необходимымъ вмѣнить челобитчикамъ прибавить на прокормленіе ихъ должниковъ по 4 деньги въ день, па случай же неисполненія ими этого требованія приказывалось: колодниковъ—кормить на казенный счетъ, а съ челобитчиковъ—взыскивать влвойнѣ (17 октября 1722 г.). Впрочемъ и эта угроза тоже, очевидно, мало дѣйствовала на челобитчиковъ, ибо пришлось повторить: „истцамъ кормить должниковъ“ (23 декабря 1726 г.).

Въ видахъ уменьшенія должниковъ, въ изданномъ въ маѣ 1729 г. вексельномъ уставѣ помѣщенъ былъ 31 п. слѣдующаго характернаго содержанія: «буде векседавецъ деньги подлинно имѣлъ свои, то изъ имѣнія акцептора прежде заплатить по векселю, а потомъ съ казеннымъ долгомъ или въ

истцовыхъ искахъ по обстоятельству дѣлѣ поступать и довольствоваться изъ оставшаго за вексельнымъ платежемъ имѣнія и на порутчикахъ, дабы вексель такъ былъ надеженъ, что никакого ареста и убытка не боялся».

По дошедшимъ до правительства свѣдѣніямъ выяснилось, что «болодники держались за казенные и партикулярные мелкіе долги отъ 3 рублей и ниже по году — два и больше», но въ работу, гдѣ бы они могли «сквитать долги, не употреблялись, а отпускались по улицамъ скованные и нескованные для прошенія милостыни, которую они хотя и могли распорядиться для своего окупа, но добытыя деньги пропивали и старались жить въ праздности, а судьи ни малаго смотрѣнія за ними не имѣли». Оттого «наикрѣпчайше» повелѣвалось: 1) всѣ дѣла, во всѣхъ судебныхъ мѣстахъ, по которымъ держались подъ карауломъ разныхъ чиновъ люди за казенные и партикулярные долги — рѣшить въ мѣсяцъ; 2) по рѣшеніи дѣлѣ, тотчасъ брать съ должниковъ сказки о томъ, могли ли они показанные на нихъ долги заплатить въ указанное время, причемъ тѣхъ, которые обяжутся заплатить и въ томъ поставятъ вѣрныхъ поручителей—освобождать; но, чтобы платежъ долѣе указанного срока не продолжался,—судьямъ, секретарямъ и канцелярскимъ служителямъ, въ рукахъ которыхъ находились дѣла—«стараться помнить о долгахъ и коль скоро срокъ наступалъ, а платежа еще не было,—тотчасъ самихъ должниковъ и ихъ поручителей сыскивать и на нихъ править», ибо они добровольно ручались, а далѣе срока—платежемъ не продолжать; буде же судьи, секретари и канцелярскіе служители, по наступленіи срока — взысканія имѣть не будутъ, продолжить срокъ—мѣсяцъ, а потомъ весь долгъ, безъ всякихъ отговорокъ,—на нихъ доправить, ибо они своимъ послабленіемъ допустили запущеніе, въ противность указамъ»; 3) тѣ, которые въ сказкахъ покажутъ, что имъ объявленнаго на нихъ начета или долга платить нечѣмъ, движимыхъ и недвижимыхъ имѣній не имѣли и вѣрныхъ поручителей поставить не могли, а захотятъ у партикулярныхъ людей долгъ заработать и тѣ люди взять къ себѣ ихъ пожелаютъ, у такихъ людей брать письменныя извѣстія: почему въ годъ платить за нихъ обяжутся, не меньше, впрочемъ, 24 руб. на годъ,—отдавать имъ должниковъ, описывая сколько на нихъ долгу, почему на годъ за него платить должно, гдѣ деньги, на какіе сроки принимать надлежитъ и до котораго времени должники у нихъ жить повинны, дабы въ томъ «на обоихъ ихъ

никакой привязки въ судебныхъ мѣстахъ и полиціяхъ не было», а колодниковъ, чтобъ «жили въ работѣ до урочнаго термина,—обязывать сказками съ такимъ подтвержденіемъ, что ежели они прежде времени отъ нихъ сбѣгутъ или безъ воли ихъ отлучатся, а послѣ пойманы будутъ, то сосланы будутъ въ каторжную работу навѣчно, безъ всякаго зачета»; 4) тѣхъ, которые платить долговъ сами не въ состояніи, поручителей не поставятъ и у партикулярныхъ людей работы не сыщутъ,—по рѣшенію дѣлъ, не держать больше мѣсяца, а отсылать въ каторжную работу и къ Кронштадтскому и Ладожскому каналамъ, а въ другихъ мѣстахъ—къ казеннымъ тамъ работамъ и зачитать имъ въ уплату тоже по 12 руб. за годъ чело-вѣку, какъ прежній указъ повелѣвалъ; 5) буде люди, сосланные на казенныя работы, потомъ сыщутъ ее у партикулярныхъ людей, которые обяжутся за нихъ платить не меньше 24 руб. въ годъ,—такихъ тотчасъ изъ каторги отдавать во всемъ на кондиціяхъ, какъ въ 3 пунктѣ изображено; 6) должниковъ, которые сидя за карауломъ, прежде рѣшенія дѣла сыщутъ работу и будутъ наниматься поденно, — отпускать за карауломъ или за поруками, дабы они праздно не сидѣли, а сколько возможно работою своею выплачивали долги, а изъ заработанныхъ денегъ давать на кормъ имъ по три копѣйки чело-вѣку на день, а остальные въ уплату ихъ долга брать; 7) хотя въ указѣ 8 декабря 1714 г. и въ Генеральномъ Регламентѣ было напечатано, чтобъ всѣ челобитчиковы дѣла рѣшать безвозлокидно и не далѣе шести мѣсяцевъ, подъ страхомъ наказанія, но подтверждалось, чтобъ во всѣхъ судебныхъ мѣстахъ дѣла рѣшены были безъ всякаго умедленія, а которыя требуютъ дальнихъ справокъ—въ полгода, подъ такимъ же, за нерѣшеніе въ определенное время,—штрафами, какъ указъ и Генеральный Регламентъ повелѣвали; наконецъ, 8) должниковъ, которыхъ по рѣшеніи дѣлъ будутъ держать за карауломъ больше мѣсяца и въ работу не употреблять,—по прошествіи мѣсяца освобождать, не требуя отъ нихъ платежа долга, а вмѣсто того всю сумму править на судьяхъ и на секретаряхъ, дабы «впредь въ дѣлахъ волокиты и колодникамъ напраснаго задержанія отъ нихъ не было» (19 іюля 1736 г.).

Суровость обращенія съ должниками все-таки не воздерживала людей отъ несостоятельности, вызвавшей изданіе, 15 декабря 1740 г., устава о банкротахъ. Во вступленіи къ этому уставу чувствительно излагалось, что «извѣстно есть,

какіе убытки и ущербы отъ банкротовъ общему народу, а особливо комерціи происходитъ, ибо отъ оныхъ кредиту ослабленіе и купечеству остановка чинится, а надежность и имѣніе всякаго торговаго человѣка въ сомнѣніе приводится и на послѣди множество безвинныхъ людей въ великіе убытки, часто въ крайнее раззореніе и въ самую нищету приходятъ. И понеже весьма нужно дабы оному вредительному злу всячески предупредить—и учиненъ сей уставъ, который частію съ правами и обыкновеніями другихъ государствъ, въ которыхъ негоція расцвѣтаетъ, — сходенъ; частію же по обстоятельству дѣла тако потребенъ». А переходя къ впаавшимъ въ банкротство—3 п. разъяснялъ: „того ради пристойно есть, чтобы такого, который безъ вины своей несчастливъ сталъ, не приводить въ вѣщшее несчастье, а другой, напротивъ, самаго тяжелаго наказанія достоинъ за то, что поступалъ съ ближнимъ хуже вора: понеже отъ него оберегаться было невозможно».

Какъ примѣнялись на практикѣ всѣ предыдущія правила легко судить изъ того, что долговыхъ колодниковъ водили, какъ и арестантовъ, «на связкахъ, по улицамъ, просить милостыню на прокормъ», вслѣдствіе чего это было вновь воспрещено, да подтверждено—челобитчикамъ «безпремѣнно кормить своихъ должниковъ» (23 апрѣля 1738 г.) Тѣмъ не менѣе пренебреженіе къ должникамъ заимодавцевъ и судей столь сильно было развито, что понадобилось напомнить объ этомъ тѣмъ и другимъ, а послѣднимъ еще подтвердить, что за нарушеніе ими закона—съ нихъ будетъ строго взыскиваться (27 января 1749 г.). Разбирались дѣла должниковъ такъ медленно, что вслѣдствіе многихъ жалобъ послѣдовалъ въ 1758 г. указъ, заключавшійся въ томъ, что «купцамъ великая можетъ быть обида, ежели деньги долговременно въ казнѣ лежать будутъ», а потому приказывалось «сіе дѣло окончить въ мѣсяцъ, а впредь о банкротскихъ и прочихъ, до сената касаемыхъ дѣлахъ, доношенія подавать въ сенатъ, а ежели въ сенатѣ долговременно рѣшенія учинено не будетъ, тогда въ кабинетъ доносить». Кромѣ того рѣшать банкротскія дѣла повелѣвалось по амстердамскому уставу, т. е. заставлять меньшинство кредиторовъ повиноваться большинству кредиторовъ (1 ноября 1767 г.).

Не взирая, впрочемъ, на всѣ указы и предписанія впоследствии, при ревизіяхъ, обнаруживалось, что должники «безъ оправдательныхъ причинъ» продерживались въ заключеніи по 5—10 лѣтъ по вексельнымъ претензіямъ. Факты эти вызвали

наказъ судьямъ непремѣнно рѣшать дѣла въ опредѣленные сроки (17 апрѣля 1774 г.). Съ изданіемъ въ 1775 г. закона о рабочихъ домахъ приказывалось направлять должниковъ туда, а равно и на разныя другія казенныя работы, въ томъ числѣ и на монетномъ дворѣ, но тамъ «валялись золотые и серебряные обрѣзки и крохи, которые люди могли похищать», поэтому, во избѣжаніе «важной опасности»—запрещено было посылать ихъ на монетный дворъ (20 іюля 1781 г.).

Вновь изданнымъ Уставомъ о банкротсахъ (19 декабря 1800 г.) регламентировано, что «банкротъ есть тотъ, который не можетъ сполна заплатить своихъ долговъ»; раздѣляются банкроты на три рода: первый — «отъ несчастія, другой—отъ небреженія и своихъ пороковъ, а третій—отъ подлога». Судамъ и предписывалось «признавать банкротомъ всякаго, кто самъ объявить въ судебномъ мѣстѣ, что платить долговъ не въ состояніи, а равно того, который уйдетъ изъ подъ караула, не удовольствовавъ просителя въ мѣсячный срокъ». Затѣмъ, когда онъ объявить, что ему «должно какое либо казенное мѣсто столько, на сколько вступило на него требованій, то его задержать и немедленно дѣлать справку, а каждое изъ должныхъ ему мѣстъ имѣло давать свѣдѣнія безъ задержки, дабы невинный напрасно не претерпѣвалъ»; о приключеніи банкротства въ городахъ столичныхъ—публиковать тоекратно въ газетахъ московскихъ и петербургскихъ; банкротовъ держать подъ карауломъ и освобождать или отдавать подъ росписку тогда, когда поставлять по себѣ надежныхъ порукъ въ томъ, что до окончанія дѣла никуда не отлучатся и не скроются, а всякій день стануть являться въ судебное мѣсто, или въ конкурсъ; во все время держанія ихъ подъ арестомъ и продолженія потомъ надъ ними конкурса,—на нихъ, на ихъ женъ и дѣтей давать на день изъ ихъ имѣнія на содержаніе, по скольку разсудятъ кредиторы; если же причины къ признанію кого либо злостнымъ банкротомъ еще не доказаны, то держать его только «*подъ присмотромъ, въ благопрістойномъ мѣстѣ, а не въ тюрьмѣ*» (1—3, 7, 14, 15, 18—20 п.).

Такимъ образомъ *первые* проявилась забота о семействахъ должниковъ, а сами они, до признанія ихъ злостными, освободились отъ тягостнаго тюремнаго заключенія и обязательныхъ работъ. Все это, вмѣстѣ взятое, представлялось очень прогрессивною реформою законодательства о должникахъ. Дѣйствительно ли конкурсы обезпечивали семейства должни-

ковъ и, если дѣлали это, то насколько — никакихъ данныхъ нигдѣ не сохранилось, а запрещеніе держать въ тюрьмѣ должниковъ, до объявленія ихъ злостными, — оказалось практически просто не исполненнымъ: «благоустроенныхъ мѣстъ» вовсе для нихъ не создавалось, смирительные и рабочіе дома значились только на бумагѣ, а существовала для всѣхъ категорій лишенныхъ свободы — одна лишь тюрьма; поэтому въ нее по прежнему продолжали направлять и должниковъ, при томъ же еще и безъ всякаго предварительнаго разбора ихъ дѣлъ. Последнее обстоятельство и вызвало указъ, чтобы никого изъ должниковъ не заключали въ тюрьму, по крайней мѣрѣ, «безъ учиненія предварительныхъ справокъ» (31 октября 1803 г.). Напротивъ, за послабленіе должникамъ предписывалось налагать запрещенія на имѣнія судейскихъ членовъ и секретарей (30 ноября 1812 г.). Наконецъ вслѣдствіе возникшаго недоразумѣнія воспрещено было отдавать должниковъ христіанъ на заработки евреямъ (22 апрѣля 1818 г.).

Вотъ сколько посвящено было законодательныхъ актовъ на урегулированіе отношеній между займодавцами и должниками, при чемъ послѣдніе послѣдовательно подвергались: сперва — стоянію на правѣжѣ, потомъ — кабалѣ, затѣмъ — работамъ на галерахъ, далѣе — заключенію въ рабочихъ домахъ, содержанію «въ благопристойныхъ мѣстахъ», и наконецъ содержанію просто въ тюрьмѣ, такъ что они должны, казалось бы, благославлять судьбу за смягчавшуюся, постепенно, ихъ участь. Отсюда можно, повидимому, сдѣлать выводъ, что въ началѣ прошлаго столѣтія было уже вполне достоверно извѣстно: гдѣ, сколько и какихъ содержалось должниковъ, какъ велики были ихъ долги, на какіе сроки утрачивали они свободу, по рѣшеніямъ какихъ судебныхъ и иныхъ властей и т. д. Однако ровно ничего этого, какъ читатели усмотрятъ ниже, въ дѣйствительности не существовало.

II.

Учрежденное въ декабрѣ 1819 г. въ С.-Петербургѣ попечительное о тюрьмахъ общество нашло въ городской тюрьмѣ, среди арестантовъ, «великое множество разныхъ должниковъ», содержавшихся по распоряженіямъ судебныхъ, присутственныхъ мѣстъ и властей за различныя частныя, казенныя и общественныя долги, отъ 50 до 1.500 руб. ассигнаціями съ чело-
вѣка. Кромѣ того общество «примѣтило», что изъ должни-

ковъ меньшинство зря бродило по тюрьмѣ, либо распускалось, къмъ попало, на побѣдки, возвращалось «въ непорядочномъ видѣ, приносило съ собою водку, карты и другія вредныя вещи», а большинство, по неплатежу за него заимодавцами кормовыхъ и неотпуску ихъ казною, — впроголодь кормилось кто чѣмъ могъ, да изъ милости остатками плохой арестантской пищи.

Петербургскій комитетъ общества, призванный пещись о раздѣленіи заключенныхъ по полу, возрасту, роду преступленій, о физическомъ и нравственномъ ихъ улучшеніи, отвелъ въ тюрьмѣ особое отдѣленіе, сосредоточилъ въ немъ всѣхъ должниковъ, воспретилъ имъ шлаться по тюрьмѣ и отлучаться изъ нея, сталъ ихъ кормить на свой счетъ, занялся тщательнымъ розыскомъ производившихся о нихъ дѣлъ, изученіемъ причинъ ихъ задолженности, семейнаго ихъ положенія и проч. и употребивъ на это цѣлый годъ, добился освобожденія 138 чел., за которыхъ никто не вносилъ кормовыхъ, собралъ среди своихъ сочленовъ значительный капиталъ, выкупилъ «несчастныхъ» 100 чел., заплативъ за нихъ 19.235 руб. и довелъ обо всемъ до свѣдѣнія своего президента, тогдашняго министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, князя А. И. Голицына.

Президентъ, одобливъ всѣ мѣропріятія комитета, возбудилъ ходатайство о томъ, чтобы за невзносъ заимодавцами кормовыхъ впередъ на мѣсяцъ по истеченіи 3-хъ дней освобождать должниковъ. Ходатайство это вызвало законъ, обязавшій заимодавцевъ вносить на прокормленіе должниковъ по 25 коп. ассигнаціями въ сутки на человѣка, а за неисполненіе сего, въ теченіе недѣли, со дня заключенія должниковъ, повелѣвалось освобождать ихъ изъ-подъ стражи (22 Августа 1822 г.). Законъ этотъ по представленію того же президента распространенъ былъ потомъ и на Московскую губернію, гдѣ тоже уже дѣйствовалъ тюремный комитетъ (30 сентября 1825 г.). Спустя нѣкоторое время размѣръ кормовыхъ признанъ былъ тѣмъ же петербургскимъ комитетомъ скуднымъ и тѣмъ же законодательнымъ порядкомъ предписано было заимодавцамъ вносить кормовыхъ «наполовину больше, чѣмъ полагалось на арестанта». Основаніемъ къ увеличенію размѣра кормовыхъ по служило, какъ гласилъ законъ, то справедливое начало, что «должники должны быть отличаемы отъ арестантовъ и въ содержаніи, какъ наблюдается въ размѣщеніи» (18 ноября 1828 г.) Обезпечивъ должниковъ кормовыми, комитетъ простеръ свою

о нихъ попечительность до того еще, что устроилъ имъ особыя: столовую и въ ней—продовольствовалъ ихъ сытно на кормовыя; для упражненій—мастерскую; для свиданія съ семействами—помѣщеніе; въ ихъ камерахъ—приличную мебель, даже испросилъ имъ дозволеніе на кратковременныя отлучки изъ тюрьмы подъ благонадежныя поручительства или присмотръ (27 марта 1829 г.).

Помянувъ выше о выкупѣ 100 должниковъ, обратимся къ этому самому важному для нихъ предмету. Съ древнихъ временъ искупленіе должниковъ, какъ «узниковъ, изъ темницы», православною религіею признавалось дѣломъ богоугоднымъ. Оттого цари въ годовые праздники, радостныя и печальныя для нихъ дни выкупали должниковъ. Напр., Алексѣй Михайловичъ, по случаю кончины своей супруги Маріи Ильиничны, приказалъ освободить всѣхъ должниковъ и заплатить за нихъ заимодавцамъ 807 руб., 21 алтыпъ и 1 деньгу (25 марта 1669 г.). Преемники его слѣдовали его примѣру и въ особенности въ Благовѣщеніе тоже выкупали должниковъ. Къ этому роду царской благотворительности народъ такъ привыкъ, что должники и должницы часто подавали объ этомъ челобитныя и получали удовлетвореніе; напр., одна должница излагала: «стою я, бѣдная, въ напраснѣ на правежѣ въ 8 руб. и окупиться мнѣ нечѣмъ, а дѣтки малыя, сиротки» и т. д. ¹⁾ Екатерина II послѣ блестящихъ войнъ, въ числѣ милостей, даровала свободу содержавшимся болѣе 5 лѣтъ должникамъ: въ 1775 г., 1793 и въ ознаменованіе 25-лѣтняго своего царствованія—28 іюня 1787 г. Царскія щедроты по выкупу должниковъ перенимались и русскими подданными, изстари также выкупавшими должниковъ.

И вотъ, твердо помня изъ исторіи о дѣяніяхъ своихъ предковъ, персоналъ тюремнаго комитета, состоявшій изъ просвѣщенныхъ, гуманныхъ и состоятельныхъ людей, съ начала же своей тюремной дѣятельности задался мыслію уменьшить число должниковъ посредствомъ выкупа «несчастныхъ». Съ этою цѣлію онъ обратился съ воззваніемъ къ «добродѣтельнымъ особамъ» о пожертвованіяхъ на этотъ предметъ и вывѣсилъ кружку. Призывъ комитета встрѣтилъ живѣйшее сочувствіе со стороны членовъ общества и частныхъ лицъ и выразился въ доставленіи комитету значительныхъ денегъ,

¹⁾ См. прекрасную книгу К. Ф. Хартулари «Право суда и помилованія, какъ прерогатива руссiекой державности», изд. 1899 г.

комитетъ получилъ: въ 1821 г.: отъ купца Колесникова—10.449 р. 91 к., отъ Козлянинова 300 р., отъ неизвѣстнаго — 1.000 р. и изъ кружки 8.812 р. 20 к., итого 20.582 р. 10 к., затѣмъ отъ разныхъ лицъ и изъ той же кружки: въ 1822 г.—21159 р. 53 к., въ 1823 г.—20.932 р. 74 к., въ 1824 г.—27.232 р. 66 к., въ томъ числѣ отъ графа Разумовскаго 3.000 руб., а въ сложности за 4 года 89.887 р. 4. ¹⁾ Этотъ крупный источникъ позволилъ Комитету выкупить: въ 1821 г. 100 чел.—за 19.235 р., въ 1822 г.—118 чел.—за 20454 р., 74 к., въ 1823 г.—96 чел. за 20.401 р. 46 к. и въ 1824 г.—101 чел. за 23 340 р. 66 к., итого въ 4 года затратилъ онъ на 415 чел.—83.431 р. 86 к.

Убѣдившись изъ щедрыхъ пожертвованій въ возможности упрочить удавшійся способъ выкупа, Комитетъ разработалъ и огласилъ (въ 1823 г.) правила о порядкѣ своихъ дѣйствій по этой части, а самъ продолжалъ освобождать на получавшіяся средства должниковъ, да еще выдавалъ имъ, на поправку, пособія, израсходовавъ на это за тѣ же 4 года 2.566 р. 50 к.

Тѣмъ временемъ благопріятно распространившійся слухъ о совершенномъ Комитетомъ выкупѣ и оглашенные правила дали благіе плоды: въ Комитетъ поступили билетами комиссіи погашенія долговъ по духовнымъ завѣщаніямъ: купца С. Б. Глазунова (отъ 1818 г.).—10.000 р., мѣщанки А. Я. Клипиной (отъ 1822 г.)—10.000 р., неизвѣстнаго (въ 1823 г.)—3.000 р. и дворянки А. С. Баташовой (въ 1825 г.)—15.000 р., въ сложности 38.000 р., съ тѣмъ, чтобы только $\frac{0}{100}$ съ означенныхъ суммъ издерживались на выкупъ, а билеты оставались бы неприкасаемыми навсегда.

Между тѣмъ и наличныя деньги на выкупъ безъ ограничительныхъ условій по прежнему продолжали поступать въ комитетъ отъ разныхъ лицъ, также въ значительномъ количествѣ, а именно: въ 1825 г.—16.900 р. 78 к., въ томъ числѣ отъ великаго князя Михаила Павловича и великой княгини Елены Павловны 5.503 р. 57 к.; въ 1826 г.—отъ дѣйст. ст. сов. Метлина—15.000 р., въ 1827 г.—18.220 р., въ 1828 г.—14223 р. 21 к., въ 1829 г.—13.471 р. 79 к., въ 1830 г.—14496 р. 66 к., въ 1831 г.—25.546 р. 73 к. и въ 1832 г.—31345 р. 61 к., итого 101.129 р. 12 к., а вмѣстѣ съ помянутыми билетами на 38000 р. образовалось 139.129 р. 12 к.—фондъ солидный.

¹⁾ Кромѣ человеколюбиваго общества, никакихъ благотворительныхъ учреждений тогда въ Петербургѣ не существовало.

Обезнечивъ капиталомъ дальнѣйшій выкупъ, комитетъ, руководствуясь 9 п. общихъ своихъ правилъ 1819 г., призналъ, что хотя должники и не обязаны работать, но, чтобы «не пребывали въ порочной праздности», нужно заставить ихъ соблюдать пристойность, слушать душеспасительныя чтенія, внушенія и трудиться, глядя по ихъ познаніямъ, и рѣшилъ выкупать, по строгому разбору, только тѣхъ, которые по своему образу жизни, болѣзни, семейному положенію и «несчастнымъ приключеніямъ» вовлечены были въ неоплатные долги, а для облегченія частнымъ людямъ выкупа завелъ, въ тюремной конторѣ, для всеобщаго свѣдѣнія, двѣ книги для записыванія: въ первой—времени вступленія должниковъ въ тюрьму, отъ какого присутственнаго мѣста, за какую претензію, какихъ они лѣтъ и какія имѣли семейства, а во второй—отъ кого, какія суммы поступали на выкупъ, кто кого намѣренъ выкупить и какую вносить сумму; для возбужденія же въ публикѣ соревнованія и симпатіи къ своей дѣятельности,—комитетъ аккуратно публиковалъ обо всѣхъ пожертвованіяхъ въ «Петербургскихъ академическихъ вѣдомостяхъ» по третямъ года (въ 1832 г.).

Широкая гласность дѣйствій комитета, при тогдашней повсемѣстной полной безгласности, высоко подняла его авторитетъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ усилила пожертвованія. Самыми значительными были: отъ шкипера Кирина въ 1829 г.—12.048 р., билетами отъ тайн. сов. Н. П. Калинина въ 1830 г.—41.000 р., отъ коллежской секретарши Копниной въ 1831 г.—70.000 р., отъ купца Аникіева въ 1835 г.—20.000 р., отъ неизвѣстнаго въ 1837 г.—40.000 р., отъ оберъ-гофмейстерины графини Ал. Вас. Браницкой (урожденной Энгельгардтъ и племянницы Потемкина—Таврическаго) въ 1837 г.—200.000 р., отъ разныхъ лицъ въ 1838 г.—28.398 р. 88 к.; отъ оберъ-камергера графа Юлія Помпеевича Литта въ 1840 г.—100.000 р., пожалованные въ 1841 г. императоромъ Николаемъ I, въ ознаменованіе бракосочетанія паслѣдника цесаревича. (императора Александра II) 5.000 р.; отъ дѣйств. тайн. сов. Бека, по этому же случаю, въ томъ же году 50.000 р., на разныя нужды комитета, а въ числѣ ихъ и на выкупъ должниковъ, въ 1846 г.—29.909 р. 96 к; въ 1848 г.—13.969 р. 32 к; отъ митрополита Іоны 1.200 р. и т. д. и т. д.

Большинство жертвователей, желая увѣковѣчить память о себѣ,—предоставляли комитету, какъ помянуто выше, право выкупать должниковъ лишь на $\frac{1}{10}$ съ ихъ капиталовъ, въ указанные ими дни совершившихся въ ихъ семействахъ исклю-

чительныхъ событій. Оттого, если, напр. 1 марта текущаго года почему либо нельзя было никого выкупить на предначенные на этотъ день $\frac{0}{100}$ въ 1.000 р., то сумма эта могла быть израсходована на означенный предметъ только 1 марта будущаго года, одновременно съ $\frac{0}{100}$, опредѣленными на тотъ годъ, а $\frac{0}{100}$, наросшіе на запасные 1.000 р. въ теченіе года,—пріобщались къ капиталу, который по этой причинѣ естественно возросталъ.

Располагая значительными средствами на выкупъ, комитетъ примѣнилъ это благодѣяніе не только къ содержавшимся за неуплату недоимокъ въ мѣщанскихъ, ремесленныхъ и прочихъ податяхъ и повинностяхъ, но даже и къ заключеннымъ за казенные штрафы и долги, напр. таможенные, судоходные, акцизные, патентные и т. под. Въ числѣ выкупленныхъ комитетомъ должниковъ 24 декабря 1837 г. значился напр., отставной чиновникъ 9-го класса Талызинскій, посаженный по распоряженію управы благочинія за невзносъ въ казну 78 р. 51 к., слѣдовавшихъ съ него за повышеніе его, предъ отставкою въ означенный чинъ. Изъ обслѣдованія членомъ комитета положенія Талызинскаго выяснилось, что онъ, по своей бѣдности и неспособности къ труду, дѣйствительно не въ состояніи былъ заплатить казнѣ означенной сѣммы, а произведенъ былъ въ чинъ за выслугу лѣтъ и безпорочную службу. Комитетъ и внесъ за него эти 78 р. 51 к., да во вниманіе къ его горестной участи,—далъ ему, при выпускѣ изъ тюрьмы, на поправку, пособіе въ 50 р. Вотъ какія, на современный взглядъ, жестокія были времена, что и за награды попадали, по безденежью, въ тюрьму въ качествѣ должниковъ!...

Пожертвованія на выкупъ должниковъ поступали, случалось, и въ Человѣколюбивое общество, которое также занималось выкупомъ ихъ. Въ интересахъ единообразныхъ дѣйствій съ обществомъ комитетъ, по соглашенію съ нимъ, велъ таблицу пожертвованій, съ означеніемъ въ ней, въ какія именно числа и мѣсяцы года на счетъ чьихъ именно капиталовъ и въ память чьего, напр., рожденія, именинъ, супружества или смерти, надлежало выкупать должниковъ, причемъ оба учрежденія строго осуществляли волю жертвователей.

Кромѣ названныхъ двухъ учрежденій, «искупленію должниковъ часто предавались» и отдѣльныя лица, которыя съ радости, или горя являлись прямо въ тюрьму, спрашивали вышеупомянутыя двѣ книги, разсматривали ихъ и чьи изъ должниковъ фамиліи имъ нравились, положеніе возбуждало

состраданіе, а количество долга соотвѣтствовало ихъ намѣренію пожертвовать, — за тѣхъ вносили деньги и должниковъ тотчасъ же освобождали. Изъ этихъ жертвователей нѣкоторые нерѣдко заявляли представителямъ комитета: одни, — что хотѣли бы прежде уплаты денегъ—видѣть самихъ должниковъ и дознаться отъ нихъ о причинахъ ихъ задолженности, дабы облегчить, глядя по обстоятельствамъ, первоначальное ихъ пребываніе на волѣ, но имъ, постороннимъ, не показывали должниковъ, какъ арестантовъ, а другіе, — что вслѣдствіе своей робости—боялись входить въ тюрьму, наполненную преступниками, начальствомъ и карауломъ, почему и не въ состояніи были «сотворить добро—выкупомъ». Должники же съ своей стороны сѣтовали на то, что ихъ, «по стеченію несчастныхъ обстоятельствъ», попавшихъ въ тюрьму, — держали наравнѣ съ преступниками подъ запорами, во всемъ стѣсняли, лишали нерѣдко даже свиданій съ ихъ семействами и т. д.

Комитетъ, соображаясь съ господствовавшими въ старину нравами и тюремными порядками, признавалъ доводы жертвователей и должниковъ заслуживающими серьезнаго уваженія, а потому доказывалъ властямъ предержавшимъ о необходимости, для расширенія благотворительности, уменьшенія численности должниковъ и возстановленія, по отношенію къ нимъ, справедливости — вывести ихъ изъ тюрьмы, гдѣ къ тому же парила тѣснота, порождавшая болѣзни и безпорядки. Продолжительныя домогательства комитета въ этомъ направленіи, съ поясненіемъ о необходимости устройства въ тюрьмѣ особаго слѣдственнаго отдѣленія, — увѣнчались, наконецъ, успѣхомъ: бывшій, по времени и счету, — третій президентъ общества, шефъ жандармовъ, генераль-адъютантъ графъ М. Х. Бенкендорфъ доложилъ императору Николаю I, что должники, какъ таковые, — *«не должны быть содержимы въ одномъ зданіи съ преступниками»*, и получилъ разрѣшеніе на перемѣщеніе ихъ «временно, впредь до отысканія для нихъ удобнаго помѣщенія», въ бывшее «исправительное заведеніе» (въ 1841 г.).

Очутившись въ заведеніи, должники, противъ всякаго ожиданія, почувствовали себя въ гораздо худшемъ положеніи, нежели въ тюрьмѣ: мѣстное начальство приняло и трактовало ихъ, какъ обыкновенныхъ арестантовъ, а потому лишило почти всѣхъ, ранѣе дарованныхъ льготъ. Стремясь къ полученію облегченія, — они обратились за предстательствомъ за нихъ къ обладавшей большимъ значеніемъ въ высшихъ сферахъ, — бывшей предсѣдательницѣ дамскаго тюремнаго комитета Т. Б. По-

темкиной, а она настаивала въ особенности на дозволеніи должникамъ «отпусковъ» изъ исправительнаго заведенія, для устройства ихъ дѣлъ, но въ этомъ было категорически отказано, по неимѣнію на это закона (въ 1842 г.). Тогда должники стали возбуждать разныя претензіи, напр., на то, что въ заведеніе, но отдаленности его отъ центра города,—имъ не несутъ пожертвованій, какъ бывало въ тюрьмѣ, что имъ негдѣ видѣться съ родными, заниматься своими дѣлами и проч. Испытывая неудачи и сознавая, что избавлены отъ дисциплинарныхъ взысканій (ихъ ни колотить, ни драть не позволялось), должники упорно продолжали обременять властей всякими просьбами и жалобами, которыми до крайности надоѣли и попечительному совѣту общественнаго призрѣнія, въ вѣдѣніи котораго состояло исправительное заведеніе. И вотъ совѣтъ, чтобы избавиться отъ нихъ, сослался на сообщенное ему Бенкендорфомъ повелѣніе, что *«должники не должны быть въ одномъ зданіи съ преступниками»*, и испросилъ также высочайшее повелѣніе о скорѣйшемъ пріисканіи для нихъ другого помѣщенія (въ 1843 г.). Во исполненіе этого повелѣнія генераль-губернаторъ распорядился нанять большую квартиру въ домѣ жены тайнаго совѣтника Карташевскаго (на Обуховскомъ проспектѣ), наскоро приспособилъ ее подъ тюремный режимъ, затративъ на это 732 р. 88 к., сформировалъ штатъ начальства и надзора за должниками на 1642 р. въ годъ и въ заключеніе переселилъ ихъ туда (18 апрѣля 1844 г.), послѣ пробытія ихъ въ заведеніи 2-хъ лѣтъ и 9-ти мѣсяцевъ.

III.

Должникамъ, выбравшимся изъ тюремныхъ стѣнъ, много однако лучше стало и на вольной квартирѣ: покамѣстъ комитетъ снабдилъ ихъ 50 кроватями и постельными принадлежностями,—они спали на голыхъ доскахъ, помѣщались: благородные, купцы, мѣщане и мужики всѣ вмѣстѣ, безъ различія правъ состоянія; ни носить собственнаго платья, ни работать, напр., ремесленникамъ, не позволялось, въ баню водили ихъ въ тюремную—всѣхъ сразу, подъ карауломъ; утромъ и вечеромъ ихъ перекликали; ложиться спать и вставать обязывались они по командѣ; входъ въ ихъ комнаты постороннимъ воспрещался; видѣться съ родственниками могли они хоть и ежедневно, но въ пріемной и въ присутствіи сторожей; кормовыхъ полагалось имъ 3 р. 32 к. въ мѣсяцъ на чело-

вѣка, а отсидживать долги приходилось имъ: за 100 р.—2 мѣсяца, отъ 100 р. до 250 р.—4 мѣсяца, отъ 250 р. до 500 р.—6 мѣсяцевъ, отъ 500 р. до 1000 р.—годъ, а отъ 1000 р. до 5.000 р.—2 года (408 ст. II т. XI св. зак., изд. 1837 г.).

Такимъ образомъ несбывшіяся надежды на значительныя льготы раздражали должниковъ, и они, въ пылу разочарованія, безпрестанно утруждали начальство опять всевозможными просьбами и жалобами. Обстоятельство это побудило оберъ-полиціймейстера хлопотать о переводѣ должниковъ «для обузданія», въ пересыльную тюрьму, но комитетъ отстоялъ ихъ — ссылкою на то же вышеуказанное повелѣніе 1841 г., что они *«не должны содержаться въ одномъ зданіи съ преступниками»* (1 февраля 1847 г.). Тѣмъ не менѣе попытка упрятать ихъ въ тюрьму повторилась, но уже подъ предлогомъ, что домъ, въ которомъ должники жили, опасенъ въ пожарномъ и плохъ въ гигиеническомъ и надзорномъ отношеніяхъ (6 ноября 1848 г.). Комитетъ опять не допустилъ перемѣщенія ихъ въ тюрьму, а осмотрѣвъ домъ Карташевской и согласившись въ его негодности, — разработалъ и послалъ генераль-губернатору подробные проекты: штата администраціи и правилъ содержанія должниковъ съобразно ихъ положенію (въ 1849 г.), да пріискалъ для нихъ другой домъ и, пока онъ приспособлялся (на 85 кроватей и приличную обстановку было затрачено болѣе 6.000 р.), — должниковъ перевели: временно — на 2 мѣсяца, въ домъ чиновника Щигловскаго, а потомъ — на долго водворили (18 февраля 1850 г.) въ домъ почетной гражданки Тарасовой (по 1 ротѣ Измайловскаго полка).

Съ переводомъ должниковъ съ мѣста на мѣсто, о льготахъ, имъ предоставленныхъ — распространились преувеличенныя, почти легендарныя свѣдѣнія, благодаря которымъ число ихъ постепенно возрастало, управленіе ими дѣлалось труднѣе, а расходы на нихъ умножались. Явленію этому способствовалъ, впрочемъ, самъ законъ, опредѣлившій сроки отсидживанія долговъ, начинаемая съ рубля и повышая до того, что за 500.000 р. положено было 5 лѣтъ (90 улож. о наказ. 15 августа 1845 г.). Должники, предпочтительно торговцы, охотно засиживались, а для пріобрѣтенія большихъ удобствъ, — они смѣло вызывали недоразумѣнія, даже столкновенія комитета съ учрежденіями, за которыми числились по подсудности: торговой несостоятельности — съ коммерческимъ судомъ, магистратомъ и конкурсными управленіями, а не торговой несостоятельности — съ управою благочинія, полиціею, администраціею (она завѣдывала ими

по административно-полицейской части), а также и съ кредиторами до уясненія причинъ несостоятельности: злостной, неосторожной и несчастной. Учрежденія эти нерѣдко отрицали право вмѣшательства комитета, дѣйствовавшаго въ силу мало кому тогда извѣстныхъ правилъ 1819 г. и различныхъ отдѣльныхъ повелѣній и распоряженій.

По обнародованіи новаго устава попечительнаго о тюрьмахъ общества (7 ноября 1851 г.), въ которомъ формулированы были всѣ права, обязанности и отвѣтственность общества, какъ полуоффиціальнаго учрежденія,—комитетъ пріобрѣлъ твердую почву и ему легче стало вести борьбу, между прочимъ, въ интересахъ должниковъ (II п. 1 и 24 ст. устава). Содержались они не на арестанскомъ положеніи только въ Петербургѣ и Москвѣ въ значительномъ числѣ, а въ губернскихъ городахъ—въ мѣстныхъ тюрьмахъ, въ единичныхъ случаяхъ, но и тамъ комитеты иногда принимали въ нихъ участіе. Для ознакомленія читателей съ численностію освобожденныхъ и уплаченныхъ за нихъ суммъ приведемъ, на выдержку слѣдующія данныя. Было выкуплено:

	Число должниковъ.	За какую сумму выкуплены.	
		Рубли.	Коп.
въ 1851 г. Петербургскимъ, Московскимъ и Одесскимъ комитетами.	434	15390	54
въ 1852 г. тѣми же 3-мя, да Калужскимъ и Нижегородскимъ комитетами.	197	16033	47
въ 1853 г. Петербургскимъ, Московскимъ, Одесскимъ и Костромскимъ комитетами	211	23712	38
въ 1854 г. Петербургскимъ, Московскимъ, Одесскимъ и Тульскимъ комитетами	217	19786	32
въ 1855 г. Петербургскимъ, Московскимъ, Калужскимъ и Кіевскимъ комитетами	210	17576	44
Итого за 5 лѣтъ	1269	92499	19

Изъ этихъ общихъ итоговъ вытекаетъ заключеніе, что въ среднемъ каждый изъ 1269 чел. стоилъ комитетамъ по 72 р. 10 к., а задолжали они, какъ читатель усмотритъ въ концѣ нашего очерка изъ общей таблицы 291.280 р. 89 к.; слѣдовательно кредиторы потеряли на нихъ 198.880 р. 90 к. Здѣсь

же кстати пояснимъ; что, судя по отчетамъ, лишь въ указанные годы шесть провинціальныхъ комитетовъ участвовали въ выкупѣ должниковъ, а втеченіе предъидущихъ и послѣдующихъ годовъ весь выкупъ сосредоточивался въ Петербургѣ да въ Москвѣ.

Стремясь устранить проявившіяся разнородныя, закономъ не предусмотрѣнныя неурядицы, петербургскій комитетъ настоятельно добивался скорѣйшаго утвержденія представленныхъ имъ еще въ 1849 г. проектовъ штата и правилъ законодательнымъ порядкомъ. Наконецъ появился законъ объ основаніи въ Петербургѣ особаго учрежденія, подъ названіемъ *«домъ содержанія неисправныхъ должниковъ»*, подъ начальствомъ генераль-губернатора и оберъ-полицеймейстера, подъ непосредственнымъ управленіемъ смотрителя и другихъ лицъ по штату; приэтомъ поручалось министру внутреннихъ дѣлъ, по соглашенію съ генераль-губернаторомъ, преподать смотрителю для руководства особую инструкцію, сообразно существовавшимъ о должникахъ узаконеніямъ и примѣняясь къ инструкціи смотрителя тюремнаго замка. Содержаніе дома и его администраціи отнесено было *«временно на городскіе доходы, заимобразно, впродъ до обращенія этого расхода на другіе источники»*. Эти законъ и инструкцію рекомендовалось вводить въ дѣйствіе *«по возможности и въ другихъ городахъ»* (12 іюня 1856 г.).

Взгляды властей къ этому времени настолько, замѣчательно, успѣли измѣниться и смягчиться, что руководящій пунктъ смотрительской инструкціи, первоначально изданной еще въ 1831 г. и повторенный комитетомъ въ представленіи 1849 г., признанъ былъ правильнымъ, а гласилъ онъ: «весьма часто случается, что добродѣтельный отецъ семейства, хорошій гражданинъ и честный челоѣкъ, безъ всякой вины, неожиданными переворотами судьбы и случаями, коихъ не въ силахъ челоѣческихъ предвидѣть, можетъ быть, потерю всего со стоянія, вовлеченъ въ долги, за которые правительство принуждено будетъ лишить его свободы. *Несправедливо* было бы и *противно здравому разсудку* содержать таковаго съ тою же строгостью, какъ тѣхъ, кои заключены за тяжкія и умышленныя преступленія; для того надзоръ за таковыми долженъ *ограничиваться единственно лишеніемъ ихъ свободы*». Въ силу этого либеральнаго принципа должники получили, по инструкціи, право оставаться въ домѣ въ своемъ платѣ, имѣть ежедневно свѣданія съ желавшими ихъ видѣть, принимать отъ родственниковъ и посѣтителей съѣстные припасы и проч.

Тюремный комитетъ сохранилъ и по приведенному закону прежнее свое право нравственнаго воздѣйствія на должниковъ, ходатайства за нихъ во всѣхъ учрежденіяхъ, да «выкупать заключенныхъ за долги разнаго званія людей по ихъ просьбамъ, съ объясненіемъ суммы долга, причины несостоятельности и семейнаго ихъ положенія». По содержанію этихъ просьбъ директора комитета обязывались собирать подробнѣйшія справки и, если по нимъ должники оказывались достойными благодѣянія, то по убѣжденію кредиторовъ къ уступкамъ, докладывали о результатахъ комитету, а онъ воленъ былъ выкупать «не болѣе одного раза въ 5 лѣтъ одного и того же должника», а о числѣ выкупленныхъ и о лицахъ, пожертвовавшихъ на это деньги, долженъ былъ публиковать ежетретно въ вѣдомостяхъ. На продовольствіе должниковъ кредиторы должны были вносить кормовыя въ полтора раза больше, противъ положенныхъ, по ежегодной табели, на арестантовъ (4 р. 20 к. въ мѣсяцъ), причемъ безъ взноса кормовыхъ возбранялось принимать должниковъ подъ стражу; за невзносъ же кормовыхъ послѣ израсходованія ранѣе доставленной суммы, должники *на другой же день освобождались* изъ заключенія (II п. 30, 59, 214, 216 ст. уст. о содерж. подъ стр., изд. 1857 г.). Распоряжался продовольствіемъ должниковъ по прежнему также смотритель, подъ наблюденіемъ комитета, а послѣдній прибавлялъ отъ себя на улучшеніе пищи и оказывалъ пособія семействамъ бѣдныхъ должниковъ.

По обнародованіи вышеприведеннаго закона о «домѣ», онъ былъ расширенъ, заново отдѣланъ и образованъ въ томъ же домѣ Тарасова, изъ двухъ отдѣленій: перваго на—100 мужчинъ, а втораго—на 25 женщинъ, причемъ всѣмъ были предоставлены прекрасныя, свѣтлыя, безъ рѣшетокъ, просторныя комнаты, для привилегированныхъ отдѣльно отъ простолюдиновъ, желѣзныя кровати съ постельными принадлежностями, зеркала, диваны, стулья, комоды, столы съ зеленымъ сукномъ; просторныя столовыя, двѣ кухни, кладовыя, во дворѣ-бани, для прогулокъ большой садъ ¹⁾, а въ довершеніе всего домовладѣлецъ, съ высочайшаго разрѣшенія, постѣдовавшаго, въ ожиданіи закона о домѣ, еще 7 мая 1855 г., устроилъ для нихъ на свой счетъ церковь, которую торжественно освятилъ митрополитъ Никаноръ (II сентября того же года), а коми-

¹⁾ Теперь увеселительное заведеніе.

теть опредѣлили къ ней причтъ, съ содержаніемъ по 800 р. въ годъ, изъ его средствъ.

Впродолженіе крымской войны, вслѣдствіе большого застоя въ торговлѣ, умножилось число должниковъ, почти исключительно бывшихъ 2-й и 3-й гильдіи купцовъ: мѣщане занимались ремеслами, а крестьяне, торговавшіе въ качествѣ временныхъ купцовъ 3 гильдіи, — чрезвычайно рѣдко попадали въ домъ: боялись своихъ помѣщиковъ, налагавшихъ на нихъ дополнительные кары сдачею, напр., сыновей ихъ въ солдаты.

По окончаніи крымской войны характеръ выкупа принялъ новое направленіе. Такъ, изъ содержавшихся подъ стражею должниковъ выкуплено:

	Число людей.	За какую сумму выкуплены. Рубли. Коп.	
Въ 1856 г.—годъ коронаціи импера- тора Алексάνдра II:			
Петербургскимъ и Московскимъ ко- митетами	230	26.001	91
частными благотворителями въ обѣ- ихъ столицахъ на		26.139	39
въ 1857 г. Петербургскимъ и Мо- сковскимъ комитетами	167	21.882	24
въ 1858 г. Петербургскимъ	66	37.669	19
Московскимъ	103		
въ 1859 г. Петербургскимъ	109	33.564	54
Московскимъ	116		
въ 1860 г. Петербургскимъ	91	12.867	44
Московскимъ	94		
благотворителями	97		
въ 1861 г. комитетами:			
Петербургскимъ	53	10.261	26
Московскимъ	88		
благотворителями	84	8.997	90
освобождено кредиторами	185	247.837	35
на пожертвованія столичными коми- тетами		15.642	49
въ 1862 г. комитетами:			
Петербургскимъ	70	16.513	82
Московскимъ	86		
Петербургскими благотворителями . .	61		

Итого за 7 лѣтъ . 1.700 457.377 53

Усиленный выкупъ въ 1856 и 1861 г., съ участіемъ благотворителей и освобожденіе кредиторами происходили въ память коронаціи и освобожденія крестьянъ. Кромѣ того петербургскій Комитетъ проявилъ особенную попечительность о семействахъ должниковъ, выразившуюся въ томъ, что съ высочайшаго разрѣшенія устроилъ (22 апрѣля 1861 г.) въ дворянскомъ собраніи, подъ управленіемъ придворнаго капельмейстера Г. Я. Ломакина, при участіи гг. композитора и пѣвца А. Контскаго, пѣвца О. К. Никольскаго и пѣвческаго хора графа Шереметева, концертъ, съ котораго выручилъ 3.024 р., составившихъ фондъ на призрѣніе малолѣтнихъ дѣтей бѣдныхъ должниковъ и должницъ.

IV.

По мѣрѣ того, какъ льготы должниковъ расширялись, а заботливость о нихъ увеличивалась, — сами они, по собственнымъ людямъ слабостямъ, — дѣлались, сначала 1860-хъ г., менѣе достойными участія. Въ этомъ мы лично убѣждались: сперва — въ качествѣ частнаго лица, изучавшаго тюремную часть, а потомъ — въ званіи директора тюремнаго комитета. Намъ очень часто приходилось посѣщать домъ и мы тамъ видѣли и слышали многое изъ того, что творилось, къ изумленію добросовѣстныхъ людей. Для характеристики тогдашнихъ обитателей и администраціи дома расскажемъ нѣкоторые, особенно запечатлѣвшіеся въ нашей памяти факты.

Предъ домою съ 9 до 11 часовъ утра ежедневно выстраивались вереницами простые извозчики, лихачи, коляски и кареты, въ ожиданіи «господъ должниковъ», ибо они еще пили чай, одѣвались да толпились въ конторѣ. Въ подъѣздѣ стояли форменный швейцаръ съ помощниками, для услугъ и сбора отъ уходившихъ должниковъ пропускныхъ билетовъ, раздававшихся въ конторѣ. Выйдя на улицу должники садились въ экипажи, нерѣдко собственные, и уѣзжали по своимъ дѣламъ, нарочно обгоняя попадавшихся пѣшихъ своихъ кредиторовъ, презрительно оглядывая ихъ и злорадствуя, если ихъ забрызгивало грязью, летѣвшею изъ — подъ лошадей и экипажей. Безпрепятственные отлучки должниковъ легко оформливались письменными требованіями ихъ коммерческимъ судомъ, управою благочинія и конкурсами, для личныхъ яко-бы дѣловыхъ разъясненій, а въ дѣйствительности преимущественно по просьбамъ самихъ должниковъ, для собственныхъ ихъ надобностей. Изъ нихъ

припоминаемъ: одинъ, напр.,—ежедневно торговалъ въ переданныхъ имъ, заблаговременно, на чужое имя, 2-хъ большихъ магазинахъ съ сукнами, другой,—въ теченіи своего содержанія, цѣлыми днями распоряжался постройкою каменнаго пятиэтажнаго дома на имя жены; третій—занимался, по найму, въ той же управѣ, за которой числился; четвертый—управлялъ канцеляріею трактирной депутаціи; пятый—дѣлопроизводительствовалъ въ купеческой управѣ; шестой—комиссіонерствовалъ въ таможенѣ; седьмой—велъ заводскія дѣла своей дочери; восьмой—завѣдывалъ мѣщанскою богадѣльнею и т. д.

Къ полудню въ домѣ оставалось лишь десятокъ истинныхъ бѣдняковъ, но тоже въ ожиданіи случайныхъ жертвователей и вкусной пищи: кормовыхъ получалось на всѣхъ (4 р. 20 к. въ мѣсяцъ), а довольствовались только они да приходившія къ нимъ обѣдать ихъ жены и дѣти. Изъ должниковъ постоянно бывали такіе, которые сами жертвовали на улучшеніе пищи нуждавшихся въ ней сожителей по 100 и 150 р. въ мѣсяцъ. Домъ почти пустовалъ до 9—10 часовъ вечера,—времени возвращенія состоятельныхъ должниковъ на ночлегъ не только сытыми, но часто и пьяными, а иногда съ полиціею, въ безчувственномъ состояніи. Вернувшіеся передавали другъ другу о своихъ дневныхъ дѣлахъ и приключеніяхъ, а потомъ усаживались за карты, сопровождавшіеся попойками, часто съ шампанскимъ, а нерѣдко и съ привезенными для развлеченія женщинами... Администрація дома находилась въ такихъ дружелюбныхъ отношеніяхъ къ должникамъ, что смотрѣла на все снисходительно, либо и сама участвовала, въ качествѣ гостей, въ питьѣ и игрѣ съ тѣми, которымъ не спалось, или скучно было размышлять о суетѣ мірской... Короче «домъ» представлялъ собою развеселый ресторанъ для его обитателей, державшихъ, изъ само-сохраненія, языкъ за зубами, отчего наружно все обстоило благополучно, тѣмъ болѣе, что и доходившія до комитета и оглашавшіяся имъ неурядицы никакихъ рѣшительно послѣдствій не имѣли: высшая полицейская администрація считала себя единовластною и непогрѣшимою, а потому подавляла своимъ безграничнымъ вліяніемъ всѣ заявленія комитета, самое даже существованіе его съ узаконенными правами отвергала и умаляла его роль до того, что зрителя знать его не хотѣли, тогда какъ по закону они, безъ его согласія, не могли быть ни опредѣляемы въ должность, ни увольняемы отъ нея.

Комитетъ, стѣсненный до крайности въ своихъ дѣйствіяхъ,

поневоѣ ограничивался выкупомъ мелкихъ, несчастныхъ, неосторожныхъ и неисправныхъ должниковъ, но и изъ нихъ являлись очень ловкіе аферисты. Напр., изъ сговорившихся двухъ человекъ одинъ—сажалъ другого, положимъ за долгъ въ 3.000 р., а чрезъ недѣлю посаженный, заручившись одобрительными справками и аттестаціями,—просилъ комитетъ о выкупѣ его. Приглашенный кредиторъ, поколебавшись, для проформы,—уступалъ половину долга, изъ жалости, яко бы, къ сидѣвшему, получалъ 1.500 р. и должникъ освобождался, а потомъ они, подѣливъ деньги,—оба ликовали. Случалось также, что супруги, впавъ въ нужду, по взаимному соглашенію разѣзжались на время и жена сажала мужа за долгъ, а когда его выкупали,—они съѣзжались и радовались удачной поправкѣ своихъ разстроенныхъ обстоятельствъ.

Сживали въ домѣ люди самыхъ разнообразныхъ профессій. Одинъ тамъ же, напр., редактировалъ газету, вербовалъ сотрудниковъ, отдавалъ приказанія типографскому метранпажу, рассчитывался со своими служащими и оттуда же ѣздилъ, по вызовамъ, въ цензуру. Другой снабжалъ юридическими совѣтами своихъ бывшихъ довѣрителей, сочинялъ жалобы, отзывы, цѣлыми днями рылся, въ конторѣ, въ законахъ, читалъ сожителямъ вечерами лекціи по юриспруденціи и пользовался значительнымъ авторитетомъ. Третій, титулованный красивый молодой человекъ, прокутивъ все, что имѣлъ, надѣлалъ долговъ и, спасаясь отъ кредиторовъ,—женился на богатой старухѣ, но она, скупивъ, втайнѣ отъ него, за безцѣнокъ его векселя, припрятала ихъ, а дознавшись, чрезъ два мѣсяца послѣ ихъ свадьбы, что онъ на ея средства содержалъ прежнюю свою молодую возлюбленную,—упрятала его, за 3,000 руб. въ домъ и навѣщала тамъ. Онъ вымолилъ у нея прощеніе, вернулся къ ней на все готовое, предалъ вскорѣ же забвенію свои клятвы и опять измѣнилъ ей. Тогда она вторично усадила его за другою вексель... Словомъ втеченіе 2-хъ лѣтъ онъ побывалъ въ „домѣ“ счетомъ шесть разъ по женинымъ искамъ, а въ заключеніе, въ пылу ярости, вызванной общимъ надъ нимъ издѣвательствомъ сожителей,—покушался, въ самомъ домѣ, задушить явившуюся провѣдать его жену и за это былъ отправленъ въ Архангельскъ, административнымъ порядкомъ. Четвертый, пожилой, солидный видомъ господинъ, долго удачно промышлялъ устройствомъ золотой молодежи знакомствъ съ ростовщиками, для займа у нихъ денегъ и извлекалъ изъ этого себѣ выгоду съ обѣихъ сторонъ. Однажды

онъ, для поддержки своего престижа, вынужденъ былъ поручиться за двоихъ на 15.000 руб., но предъ наступленіемъ срока платежа,—оба должника укатали на службу на Амуръ. Обманутый ростовщикъ потребовалъ деньги съ него, поручителя—бланкодателя, а какъ онъ ихъ не имѣлъ, то усадилъ его въ „домъ“, въ отомщеніе за то, какъ говорилъ, что вслѣдствіе его рекомендацій понесъ убытку на 40.000 руб., да увѣрялъ, что если бы кто захотѣлъ выкупить его должника хоть за 14.999 руб., то и тогда не выпустилъ бы его; во избѣжаніе же непріятныхъ случайностей, о которыхъ будетъ рѣчь ниже,—онъ свелъ дружбу съ смотрителемъ, успѣвалъ всегда заблаговременно вносить на должника кормовыя на мѣсяцъ впередъ, заходилъ въ пріемную, ехидно взглядывалъ на своего питомца и молча удалялся...

Признаніе кого либо изъ должниковъ, содержавшихся въ „домѣ“, злостнымъ представлялось чрезвычайно рѣдкимъ событіемъ: дѣла ихъ велись настолько, съ одной стороны—патріархально, а съ другой—предусмотрительно, что почти всѣ пріобрѣтали аттестаты „несчастныхъ“, или „неосторожныхъ“ должниковъ и присуждались къ отсидиванію, а въ просторѣчи „отработать“. Способъ этотъ былъ въ особенности по вкусу бывшимъ крупнымъ должникамъ изъ купеческаго сословія, но въ то-же время и отсидивать сроки имъ не нравилось, а потому они прибѣгали ко всевозможнымъ ухищреніямъ для сокращенія этихъ сроковъ, обыкновенно при содѣйствіи податливой администраціи дома: кормовыя деньги, по заведенному издавна порядку, принимались ею разъ въ мѣсяцъ съ 10 утра до 3-хъ часовъ по полудни наканунѣ перваго числа, впередъ за мѣсяцъ; поэтому *на запозданіи взносами* и велась часто хитрая игра противъ кредиторовъ въ пользу должниковъ.

Такъ, въ день взноса кормовыхъ, за $\frac{1}{4}$ либо и за $\frac{1}{2}$ часа до 3-хъ часовъ наглухо запирались подъездъ и ворота, чтобы запоздавшій кредиторъ не могъ проникнуть внутрь и исполнить свою обязанность, а въ 9-мъ часу слѣдующаго утра должника его освобождали и долгъ погашался. Швейцаръ, случалось также, переводилъ на подъездѣ въ $2\frac{1}{2}$ часа стѣнные часы впередъ на 1 часъ и успѣвалъ увѣрить простаковъ—кредиторовъ, что въ конторѣ никого уже изъ начальства нѣтъ, а они вольны, дескать, принести деньги на слѣдующее утро; когда же обманутый кредиторъ должника, котораго уже слѣдъ простывалъ,—уличалъ потомъ швейцара,—онъ клялся, что

впервые видѣлъ его, кредитора... Степенному старику-старобрядцу самъ смотритель съ сокрушеніемъ разъ объявилъ, что его должникъ послѣ бани схватилъ холеру и наканунѣ умеръ, а потому всѣ въ домѣ въ опасности. Пораженный старикъ набожно перекрестился, пожелалъ бывшему должнику „царства небеснаго“ и поспѣшно ушелъ, а должникъ слѣдующимъ утромъ очутился на свободѣ, отработавъ, по невзносу кормовыхъ, должныя 12.000 руб. Однажды въ присутствіи толпы плательщиковъ кормовыхъ—раздался крикъ „пожаръ“. Начальство ринулось по этажамъ, а кредиторы, съ испугу, на улицу, подъѣздъ заперли надолго, а на завтра четыре должника освободилось за невзносъ кормовыхъ. Иногда, въ критическій моментъ, искусно устраивался даже дѣйствительный пожаръ, также для освобожденія должниковъ.

Лѣтомъ многіе кредиторы—купцы гуляли на Нижегородской ярмаркѣ, а въ это время здѣсь облапошивали ихъ уполномоченныхъ приказчиковъ. Явился, напр., такой съ 4 р. 20 к. кормовыхъ за содержавшагося за 25.000 руб., положимъ Сидорова. Письмоводитель взялъ деньги, а за квитанцію велѣлъ приказчику придти въ 12 часовъ слѣдующаго дня, ибо квитанціонная книга заперта, дескать, въ столѣ, а смотритель, по разсѣянности, унесъ ключъ и вернется только въ 10 часовъ вечера. Приказчикъ всему повѣрилъ и явился въ назначенное время, но письменоводитель нарочно скрылся, а смотритель объявилъ приказчику, что за невзносъ денегъ Сидоровъ освобожденъ. Приказчикъ завопіялъ объ обманѣ его. Смотритель выстроилъ ему всѣхъ, въ конторѣ служившихъ, и назвалъ одного изъ нихъ письменоводителемъ. Приказчикъ, разумѣется, не узналъ въ немъ настоящаго письменоводителя и настаивалъ на своемъ въ рѣзкихъ выраженіяхъ. Смотритель прикрикнулъ на него, пригрозилъ ему отправкою въ часть и выгналъ его. Отправляться тотчасъ же жаловаться приказчикъ не зналъ куда, да и не рѣшился безъ указанія хозяина, а по его возвращеніи—всякій слѣдъ былъ уже совершенно замеченъ. Стачки удавались, случалось, и съ самыми приказчиками, которыхъ хозяева потомъ прогоняли, яко-бы за „дурость“, но освободившіеся должники брали ихъ къ себѣ, чтобы имъ рты замазать.

Осторожные кредиторы, слыша о продѣлкахъ должниковъ, обыкновенно никому не довѣряли взноса денегъ, а лично это дѣлали, но и ихъ постигали иногда еще худшія оказіи. Богатый купецъ, напр., Ивановъ ѣхалъ, среди дня, вносить

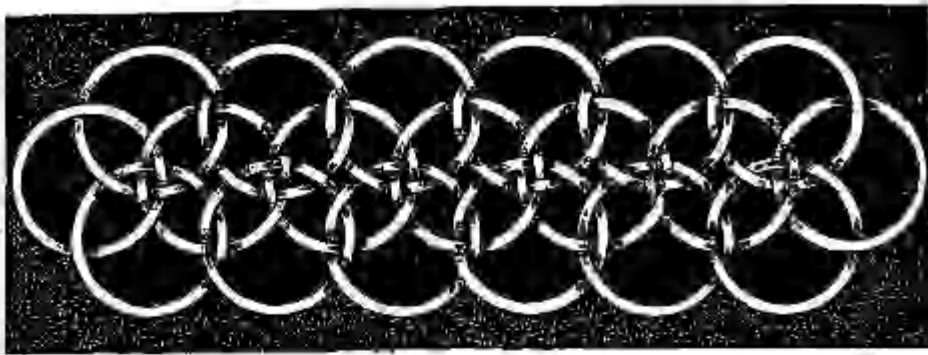
кормовыя за Степанова, содержавшагося за 40.000 руб. Вдругъ его окликнулъ (на Обуховскомъ проспектѣ, около 1 роты Измайловскаго полка) прилично одѣтый человѣкъ. Онъ остановился, услышалъ отъ запыхавшагося незнакомца, что жену его,—купца Иванова, разбили лошади и ее, полу-живую, повезли въ больницу, а ему поручили оповѣстить его, мужа, объ этомъ несчастіи. Пораженный сообщеніемъ Ивановъ, по предложенію вѣстовщика, поѣхалъ съ нимъ въ Маріинскую больницу, гдѣ онъ проводилъ его, по разнымъ отдѣленіямъ, часа полтора, потомъ встрѣтившійся имъ другой человѣкъ назвался мѣстнымъ фельдшеромъ и разъяснилъ Иванову, что по недостатку мѣста и отсутствію хирурга,—жену его отвезли въ Петропавловскую больницу (на Петербургской сторонѣ). Вѣстовщикъ охотно повезъ Иванова туда, а тамъ, покруживъ по дворамъ и корридорамъ—скрылся отъ него. Покамѣстъ Ивановъ добрался до дежурнаго доктора, а тотъ справлялся и узналъ достовѣрно, что жену его не привозили,—онъ, Ивановъ, одумавшись, отправился домой и нашелъ жену совершенно здоровою и мирно бесѣдовавшею съ двумя гостями—родственницами. Обрадованный Ивановъ рассказалъ о случившемся съ нимъ и всѣ заключили, что надъ нимъ благопріятели подшутили. Между тѣмъ наступилъ уже вечеръ и кормовыя сдать въ контору поздно было, полиція ихъ не принимала, а нотариусовъ еще не знали. Явившись на утро въ «домъ», Ивановъ услышалъ, что его должникъ уже «отработалъ» свой долгъ, а на свободѣ не нуждался въ его кормовыхъ. Ивановъ, догадавшись о причинѣ вымысленаго разбитія его жены лошадьми,—энергично занялся собираніемъ справокъ, а потомъ подалъ одну за другою нѣсколько жалобъ, доказывая, что стачку противъ него устроили его должникъ, два его сожителя и самъ смотритель. Хотя вѣстовщикомъ и фельдшеромъ дѣйствительно были два бѣдныхъ, но ловкихъ должника же, а компанію руководилъ смотритель (впослѣдствіи, келейно, признавался, что получилъ за умственный свой трудъ 5.000 руб.), но произведеннымъ дознаніемъ виновные не обнаружались, отчего даже сенатъ оставилъ дошедшее до него дѣло Иванова безъ послѣдствій.

Нѣкоторое время спустя, когда предыдущій казусъ забылся, съ однимъ фабрикантомъ-нѣмцемъ, плохо понимавшимъ и говорившимъ по-русски, продѣлали гораздо оригинальнѣйшую шутку. Онъ приближался, въ 3-мъ часу по-полудни, къ дому вносить кормовыя за содержавшагося, по его претензіи,

въ 50.000 руб. Вдругъ на него, уже въ 1 ротѣ, близь дома, наскочили два человѣка и сшибли его съ ногъ. Онъ всталъ и далъ затрещину одному изъ обидчиковъ, стоявшихъ на мѣстѣ и хохотавшихъ. Тогда оба сразу вступили съ нимъ въ драку да еще закричали «караулъ». Собралась толпа зѣвакъ, прибѣжали городовые и всѣхъ трехъ потащили въ Нарвскую часть, гдѣ и задержали до 8 часовъ вечера, — времени обыкновеннаго прихода для занятій мѣстнаго зрителя. Раздраженный нѣмецъ, не будучи въ состояніи толкомъ объяснить порусски кто, откуда онъ и что съ нимъ произошло, — ругалъ всѣхъ. Зритель принялъ его, по существовавшему обычаю, «за пьянаго» и велѣлъ отвести въ кутузку «для вытрезвленія», какъ писалось въ протоколахъ. Нѣмецъ возмущился и выказалъ сопротивленіе, но силою уведень былъ по назначенію, а дравшихся съ нимъ и признавшихся, что они изъ дома, — свели туда и сдали зрителю, по пословицѣ «воронъ ворону глазъ не клюетъ». На слѣдующее утро, разстерзаннаго, но смирившагося нѣмца, яко-бы вытрезвленнаго, отправили, для водворенія, въ Выборгскую часть, въ районъ которой онъ жилъ, а его должникъ, вознаградивъ дравшихся съ нимъ должниковъ же и другихъ пособниковъ, — уѣхалъ во-свояси, при общемъ одобреніи за совершенную «славную коммерческую операцію». Въ ней участвовали, какъ своевременно шептали, оба зрителя за договоренное вознагражденіе. Нѣмецъ тоже, правда, жаловался всѣмъ властямъ, причѣмъ настойчивость его повлекла за собою тщательное уже разслѣдованіе, по которому собственно онъ проигралъ, но раскрылись столь существенныя упущенія и распушенность должниковъ, что весь составъ начальства дома сразу смѣнили.

В. Никитинъ.

(Окончаніе будетъ).

Терцехъ и Мурзехевъ.

(Продолжете).

VI.

тургенева, весной 1859 г., былъ уже опять за-границей и, вѣроятно, видѣлся съ Герценомъ, такъ какъ намъ извѣстно лишь одно письмо Тургенева къ Герцену за весь 1859 г., датированное „Парижъ. 16 сентября“, наканунѣ его новаго отъѣзда въ Россію.

„Милый другъ Александръ Ивановичъ!— писалъ Тургенева.—Я уѣзжаю завтра въ Россію и,—прибавишь ты: „только теперь вздумалъ написать ко мнѣ“. Дѣйствительно, я немножко поздно хватился, но дѣлать нечего. Собственно, пишу я къ тебѣ, чтобъ узнать, правда ли, что тебя посѣтилъ Чернышевскій, и въ чемъ состояла цѣль его посѣщенія и какъ онъ тебѣ понравился? Напиши объ этомъ подробно не мнѣ—меня письмо твое не застанетъ, при томъ же я все узнаю въ Петербургѣ, а Колбасину и Шеншину, которые очень интересуются этимъ. Ты знаешь адресъ Колбаина: Asnières près Paris, 4, Boulevard de la Comète (Schotville-Asnières). Ты ихъ очень этимъ обяжешь. Недѣли черезъ двѣ явится къ тебѣ человекъ, котораго ты, навѣрно, хорошо примешь,—декабристъ Вегелинъ, который желаетъ съ тобой познакомиться. Онъ привезетъ тебѣ отъ меня двѣ важныя рукописи, которыя были мнѣ доставлены для „Полярной Звѣзды“ во время моего пребывания въ Виши ¹⁾. Я познакомился съ другимъ декабристомъ Волконскимъ, очень милымъ и хорошимъ старикомъ, который тоже тебя любитъ и цѣнитъ. Видѣлъ ты молодого Ростовцева?

„Будь здоровъ. Кланяюсь Огареву, его женѣ и всѣмъ твоимъ. Жму тебѣ крѣпко руку. Твой Ив. Тургенева.“

„Р. S. Ты можешь для вѣрности написать о Чернышевскомъ иносказательно. Колбасинъ—малый не промахъ, онъ пойметъ“.

¹⁾ Лѣтомъ 1859 г.

Въ сентябрѣ Тургеневъ уѣхалъ въ Россію, гдѣ пробылъ до весны 1860 г.; возвратился за-границу вмѣстѣ съ Анненковымъ, который хотѣлъ ѣхать въ Лондонъ навѣстить Герцена. Самъ Тургеневъ тоже собирался въ Лондонъ, о чемъ и навѣщалъ своего друга въ письмѣ, датированномъ: „Парижъ, 21 мая 1860 г.“

„Любезный другъ,—писалъ Тургеневъ.—Соображаясь съ твоимъ письмомъ и другими обстоятельствами, я выѣду отсюда 28-го, т. е. черезъ недѣлю, и явлюсь въ твою греческую улицу. Анненковъ долженъ быть теперь у тебя: напишите мнѣ оба словечко. Получилъ я также № „Колокола“, гдѣ ты такъ „splendidly“ обо мнѣ отзываешься. Мнѣ было совѣстно и не могъ я этому повѣрить, но мнѣ было пріятно. Мнѣ много нужно съ тобой переговорить и т. д. Заранѣе обнимаю тебя и Огарева. До свиданія.

Твой Ив. Тургеневъ“.

„Блистательный“ (splendidly) отзывъ Герцена о Тургеневѣ находится въ замѣткѣ Герцена объ украинскихъ разсказахъ Марко-Вовчка, переведенныхъ Тургеневымъ, много хлопотавшимъ въ это время объ устройствѣ дѣлъ г-жи Н. А. Марковичъ (Марко-Вовчка). „Разсказы эти ¹⁾—пишетъ Герценъ,—остановили насъ именемъ переводчика. Прочитавши, мы поняли, почему величайшій современный русскій художникъ—И. Тургеневъ перевелъ ихъ“ ²⁾.

Но Тургеневу не удалось пріѣхать въ Лондонъ въ концѣ мая, какъ онъ рассчитывалъ, а изъ письма Герцена онъ узналъ, что и П. В. Анненковъ вмѣсто Лондона отправился въ Соденъ. Тургеневъ писалъ по этому поводу Герцену (письмо датировано: „Парижъ. 3 іюня 1860 г.“):

„Не сердись на меня, милѣйшій Александръ Ивановичъ, за то, что я поступилъ такъ-же, какъ „Наппенкорфъ“ ³⁾: собирался все къ тебѣ, а уѣхалъ въ Соденъ, близъ Франкфурта. Дѣло въ томъ, что я не могъ пробыть въ Лондонѣ болѣе 3-хъ дней, а это не стоило хлопотъ и проч.; а главное, я буду на островѣ Уайтѣ вмѣстѣ съ Ганненкопфомъ въ самыхъ первыхъ числахъ августа и пробуду тамъ недѣли три, слѣдовательно, я насмотрюсь на тебя и наговорюсь съ тобой, ибо и ты тамъ будешь. Впрочемъ, я тебѣ еще напишу изъ Содена, а это письмо передастъ тебѣ Николай Михайловичъ Жемчужниковъ, котораго прошу тебя принять à bras ouverts; я знаю навѣрное, что ты его полюбишь отъ души. Онъ доставитъ тебѣ двѣ важныя бумаги, которыя прошу тебя напечатать и за несомнѣнность которыхъ ручаюсь тебѣ своимъ словомъ.

„И такъ будь здоровъ и веселъ. Обнимаю тебя и говорю: до свиданія въ августѣ. Кланяюсь Огареву, женѣ его и всѣмъ твоимъ. Крѣпко жму тебѣ руку и остаюсь

Преданный тебѣ Ив. Тургеневъ“.

¹⁾ «Колоколъ» № 71, отъ 15 мая 1860 г.

²⁾ О симпатичномъ отношеніи Тургенева къ малорусской литературѣ вообще см. статью «Нѣкоторыя черты изъ жизни Тургенева», Историч. Вѣст. 1899 г., книга 3-я

³⁾ П. В. Анненковъ; «Наппенкорфъ»—называла его квартирная хозяйка, нѣмка.

На слѣдующій день (4 іюня 1860 г.) Тургеневъ послалъ Герцену новое письмо съ извиненіями по поводу неудавшагося свиданія.

„Ты,—писалъ Тургеневъ,—должно быть, ругалъ, ругалъ меня, любезнѣйшій Александръ Ивановичъ, да ужъ и пересталъ ругать, а разгадка моего молчанія слѣдующая: я нѣсколько дней тому назадъ далъ одному моему хорошему другу, Жемчужникову, письмо къ тебѣ вмѣстѣ съ нѣкоторыми документами, которые просили доставить тебѣ. Онъ хотѣлъ тогда-же уѣхать и до сихъ поръ еще находится въ Парижѣ. Въ четвергъ онъ, однако, ѣдетъ. Но для избѣжанія дальнѣйшихъ недоразумѣній скажу тебѣ, что я, въ подражаніе Ганненкоффу, раздумалъ ѣхать теперь на три дня въ Лондонъ, когда я съ перваго августа пробуду три недѣли на островѣ Уайтѣ и вѣроятно (т. е. навѣрное) тебя увижу. А теперь я отправляюсь въ Соденъ возлѣ Франкфурта, гдѣ пробуду шесть недѣль и буду пить воды. Я оттуда напишу тебѣ и пришлю аккуратный адресъ. А теперь, прошу на меня не сердиться, обнимаю тебя и кланяюсь всѣмъ твоимъ и остаюсь

Преданный тебѣ Ив. Тургеневъ“.

Черезъ недѣлю послѣ этого письма Тургеневъ былъ уже въ Соденѣ, откуда онъ прислалъ Герцену (10 іюня 1860 г.) слѣдующее, брызжущее юморомъ письмо:

„Любезнѣйшій Александръ Ивановичъ!

„Сегодня ограничиваюсь извѣстіемъ, что я благополучно прибылъ въ Соденъ, мѣстечко близъ Франкфурта на Майнѣ, въ великомъ герцогствѣ Нассаускомъ, что я остановился въ Hôtel de l'Europe, что дождикъ льетъ съ утра, что одинъ докторъ совѣтуетъ мнѣ пить источникъ № 18, а другой 19-й; что здѣсь, къ счастью, русскихъ мало, за то есть одинъ такой генералъ, что на двадцать пять шаговъ отъ него несетъ пощечиной, харчевымъ хлѣбомъ, корридормъ измайловскихъ казармъ въ ночное время и Станиславомъ на шеѣ; что я здѣсь останусь четыре недѣли, а потомъ поскачу на Уайтъ въ твои объятія (кстати, принялъ уже ты въ онны Боткина и явился къ тебѣ Николай Жемчужниковъ?), что музыканты, дававшіе мнѣ обычную привѣтственную серенаду, начали съ „Боже Царя храни“, что съ истиннымъ увлеченіемъ прочелъ рѣчь ганноверскаго короля при закладкѣ памятника своему богоспасенному родителю. Того самаго короля, который произвелъ г-на Барриса въ графы за то, что онъ сказалъ всей Германіи, что она—дура. Прочти, ради Бога, эту рѣчь. Она проникнута необыкновеннымъ собственнымъ достоинствомъ.

„Пока довольно. Напиши мнѣ два слова, я тебѣ отвѣчу двѣсти,—и будь здоровъ и веселъ.

„Кланяюсь Огареву и всѣмъ твоимъ.

Твой Ив. Тургеневъ.

„Р. С. Ганненкофъ въ Италіи, но къ августу и онъ прилетитъ зефиромъ на Уайтъ—вотъ такъ: (рисунокъ)“.

Помимо вышеприведеннаго намъ извѣстно еще одно письмо Тургенева изъ Содена (отъ 2 іюля 1860 г.). Тургеневъ тогда

подготавливалъ полное собраніе своихъ сочиненій, и письмо къ Герцену почти исключительно занято этимъ сюжетомъ.

„Милый Александръ Ивановичъ,—писалъ Тургеневъ,—ты можешь меня крайне обязать, и я знаю, что ты это сдѣлаешь. У тебя, вѣроятно, есть „Поѣздка въ Польшу“ и „Ася“—двѣ мои повѣсти: одна помѣщена въ „Библіотекѣ для Чтенія“, другая—въ „Современникѣ“ („Ася“ явилась въ 1 № „Современника“ за 1858 г., „Поѣздка“—въ 1858 же году въ „Библіотекѣ“). Мнѣ эти повѣсти крайне нужны. Я продалъ полное изданіе своихъ сочиненій и взялся все пересмотрѣть, а срокъ уже приходитъ. Попроси Огарева поискать эти двѣ штуки и самъ поищи, и *тогда же* пришли мнѣ ихъ сюда по новому моему адресу (я сѣхалъ изъ Hôtel de l'Europe, гдѣ меня грабили), а именно: bei August Weber (Soden, bei Francfurt am Main). Этимъ ты меня крайне обязешь. Я рассчитывалъ было найти эти вещи въ Парижѣ, но не нашелъ ихъ. Пожалуйста, исполни мою просьбу немедленно, или напиши, что не можешь.

„Мнѣ здѣсь очень хорошо и, кажется, на мое здоровье воды хорошо дѣйствуютъ. Одно скверно: все дожди. Приобрѣлъ покупкой 72-й № „Колокола“—очень хорошъ.

„Жму тебѣ крѣпко руку.

„До свиданія въ началѣ августа.

Твой Ив. Тургеневъ“.

VII.

Въ августѣ 1860 г. на островѣ Уайтѣ собрался довольно многочисленный русскій кружокъ, членами котораго въ то время оказались: И. С. Тургеневъ, П. В. Анненковъ, А. И. Герценъ, Н. П. Огаревъ, гр. А. К. Толстой (поэтъ), В. П. Боткинъ, братья графы Ростовцевы (сыновья графа В. Ростовцева) и др. Нѣсколько недѣль прошло въ оживленныхъ разговорахъ и спорахъ. Среди членовъ кружка возникла мысль основать „Общество для распространенія грамотности и первоначальнаго обученія“. Тургеневъ написалъ программу общества. Программа эта обсуждалась на собраніяхъ кружка и послѣ многихъ преній была принята. Предполагалось разослать составленный „проектъ“ различнымъ вліятельнымъ лицамъ и представителямъ интеллигенціи. Тургеневъ скорѣе дѣятельно занялся разсылкой „проекта“, но онъ не получилъ практическаго примѣненія, такъ какъ скорѣе послѣдовало закрытіе воскресныхъ школъ и вообще начали чувствоваться „вѣянія“, при которыхъ „проектъ“ не могъ встрѣтить сочувствія въ правительственныхъ сферахъ ¹⁾.

Герценъ, впрочемъ, уѣхалъ съ Уайта прежде, чѣмъ „проектъ“ былъ окончательно выработанъ. (Все время его пребыванія на островѣ Уайтѣ у него шли оживленные споры съ Тургеневымъ, который неодобрительно относился къ славянофильской окраскѣ

¹⁾ Анненковъ. «Шестъ лѣтъ переписки». «Вѣстникъ Европы», апрѣль, 1885.

воззрѣній Герцена на русскій народъ. Друзья надѣялись увидаться еще въ Лондонѣ передъ отъѣздомъ Тургенева во Францію, но этой надеждѣ не удалось осуществиться, какъ видно изъ ниже-слѣдующаго письма (отъ 6 сентября 1860 г., Куртавнелъ).

„Милый Александръ Ивановичъ,—писаль Тургеневъ,—ты, вѣроятно, удивился, узнавъ отъ М-ше N. N., что я проскочилъ черезъ Лондонъ, не выдавъ тебя, но я, во-первыхъ, не зналъ до той минуты, что ты въ Лондонѣ, а во-вторыхъ, у меня не было рѣшительно ни одной минуты свободной, такъ что я и Огарева не видалъ. Теперь я въ деревнѣ г-жи Віардо и хожу на охоту, насколько позволяютъ непрерывные дожди, а черезъ нѣсколько дней я отправляюсь въ Парижъ—искать квартиру. Если ты не перемѣнилъ своего намѣренія насчетъ англійской гувернантки, то я съ удовольствіемъ примусь тебѣ отыскивать такую съ помощью моей знакомой содержательницы пансіона въ Парижѣ: Rue Lafitte, Hôtel Byron. Я надѣюсь, что ты получилъ черезъ Огарева нашъ проектъ: напиши мнѣ свое мнѣніе о немъ со всей искренностью ¹⁾: я дорожу твоимъ мнѣніемъ въ этомъ дѣлѣ (да и вообще) больше, чѣмъ сотнями другихъ.

Я надѣюсь, что въ Парижѣ увижу послѣдніе №№ „Колокола“. А дѣло крестьянскаго освобожденія пошло скорой рысью назадъ!

„Жду твоего отвѣта и дружески жму твою руку, если она вмѣстѣ съ твоимъ тѣломъ не замерзла въ твоемъ орлиномъ гнѣздѣ. Впрочемъ, тебѣ пріятенъ не только сѣверный вѣтеръ,—сѣверный ураганъ.

„Кланяюсь твоимъ дѣтямъ, которыхъ уже не смѣю цѣловать.

Твой Ив. Тургеневъ“

Цѣлый рядъ писемъ, помѣщаемыхъ ниже, посвященъ отношеніямъ Тургенева къ г-жѣ Н. М., въ судьбѣ которой Тургеневъ принималъ самое горячее участіе, равно какъ и въ судьбѣ семьи умершаго въ Парижѣ г-на Ш. Письма эти лучше всего показываютъ глубокую отзывчивость Тургенева ко всякому чужому горю и являются новымъ свидѣтельствомъ необычайной доброты и мягкости великаго писателя.

„Любезнѣйшій Александръ Ивановичъ, я какъ только получилъ твое письмо, переданное мнѣ Delavo'-іемъ, немедленно вручилъ его Н. М.—внѣ, которая также немедленно хотѣла отвѣтить тебѣ. Мнѣ съ ней было хлопотъ немало: надо было ее вывести на свѣтъ Божій изъ омута фальшивыхъ отношеній, долговъ и т. д., въ которомъ она вертѣлась. Мужъ ея незлой и честный даже человѣкъ, но хуже всякаго злодѣя своимъ мелкимъ, раздражительнымъ, самолюбивымъ и невыносимо тяжелымъ эгоизмомъ. Прожиганіемъ денегъ (при совершенномъ отсутствіи не только комфорта, но даже платя) онъ напоминаетъ мнѣ Бакунина (ничѣмъ другимъ, разумѣется, ибо при этомъ онъ ограниченъ до нищеты).

¹⁾ Тургеневъ имѣетъ въ виду «Проектъ Общества для распространенія грамотности и первоначальнаго обученія».

Я рѣшилъ, чтобы зло пресѣчь, помѣстить Н. М. въ пансіонъ, гдѣ она за 175 фр. въ мѣсяцъ имѣетъ все готовое, отправить супруга въ Петербургъ, гдѣ его ждетъ мѣсто, приготовленное Ковалевскимъ, привести въ извѣстность всѣ долги и тѣмъ самымъ приостановить ихъ, а отчаяннаго и скверно воспитаннаго, но умнаго мальчишку, сына Н. М., отдать здѣсь въ institution для вышколенія. Но супругъ, жившій доселѣ деньгами и долгами жены, не иначе соглашается ѣхать изъ Гейдельберга, какъ простившись съ нею и съ сыномъ *тамъ*: и вотъ она туда поскакала на два дня, что ей будетъ стоить франковъ 300. По крайней мѣрѣ, она отвезетъ ему деньги на отѣздъ и приведетъ долги его въ Гейдельбергъ въ ясность, т. е. возьметъ на себя. (Онъ, главное, задолжалъ Гофману, бывшему московскому профессору).

«Поблагодари за меня Огарева за его дружеское письмо: совѣтъ его насчетъ нашихъ будущихъ школъ будетъ принятъ къ свѣдѣнію; что ты говоришь о нашемъ проектѣ?»

«Я нанялъ себѣ квартиру на 8 мѣсяцевъ въ Парижѣ: Rue Rivoli, 210 и переѣзжаю туда черезъ недѣлю. Жду твоего отвѣта насчетъ англичанки.

«Надѣюсь, что ты со всѣми твоими здоровъ и веселъ, хотя погода продолжаетъ быть мерзостной. Крѣпко жму тебѣ руку и кланяюсь твоимъ.

Твой Ив. Тургеневъ».

«Пишется письмо,—шутливо начинается Тургеневъ,—отъ Ивана Тургенева къ Александру Герцену, а о чемъ, тому слѣдуютъ пункты:

«1) До сихъ поръ не узналъ еще имени автора берлинской книги, но, узнавши, сообщу¹⁾. Кто Вагнеръ — не знаю. А въ «Библиотекѣ для Чтенія» есть статья о Саванароллѣ, подписанная М. Эссенъ. Этотъ Эссенъ былъ сосланъ на Кавказъ за протестъ, присланный имъ изъ Тамбова противъ гнусной рѣчи, произнесенной профессоромъ съ фамиліей вродѣ «Антрополохскій» и одобренной Казанскимъ Университетомъ.

«2) Спасибо за общанные въ теченіе 10 лѣтъ 50 франковъ. Я съ этой исторіей имѣлъ много самыхъ непрятныхъ хлопотъ. Мы надѣемся набрать франковъ 300; съ этимъ ребенокъ не умретъ съ голоду.

«3) Фотографію Бакунина мнѣ показалъ N. N. и я могу получить (и получу) нѣсколько оттисковъ отъ Захарьина. А твоей фотографіи я не получалъ и даже не думаю, чтобы сынъ твой былъ у меня, по крайней мѣрѣ онъ не оставилъ никакихъ слѣдовъ своего визита.

(14 октября). — «На этомъ пунктѣ письма засталъ меня твой выговоръ. Согласенъ, что заслужилъ его, хотя не въ томъ смыслѣ, какъ ты полагаешь. Грѣшенъ я всякими грѣхами, но страсти къ сплетнямъ особенно сильной въ себѣ не чувствую. Вотъ какъ это все случилось. Ты знаешь, что я нахожусь въ отношеніи къ

¹⁾ Вѣроятно, книга Елагина «Искандеръ-Герценъ», появившаяся въ 1860 году, въ Берлинѣ.

Н. М. въ положеніи дяди или дядьки и говорю съ ней очень откровенно. Я совершенно убѣжденъ, что между ею и П. нѣтъ рѣшительно ничего, и это убѣжденіе основывается именно на тѣхъ психологическихъ данныхъ, о которыхъ ты упоминаешь; но les apparences—дѣйствительно противъ нея. А потому я и сталъ ей доказывать, что братъ на себя невыгоды извѣстнаго положенія, не получая его выгоды, значить дѣлать глупость; и въ подтвержденіе того, что это говорится не одними вздорными людьми, привелъ твой авторитетъ, такъ какъ я знаю, что она тебя уважаетъ и любитъ. Я не считъ нужнымъ оговориться и потребовать отъ нея тайны, я позабылъ взять въ соображеніе ея наивность и добродушіе. Бѣды, впрочемъ, во всемъ этомъ никакой нѣтъ; она точно такъ-же благодарна тебѣ, какъ и мнѣ за дружеское предостереженіе; а потому укроти свой гнѣвъ. Письмо твое я ей доставилъ, а живетъ она: Rue Clichy, № 19, chez M-me Rorion. У ней на-дняхъ сынъ чуть не умеръ отъ крупа и она очень перепугалась.

«Ты пишешь, что дочь твоя сюда ѣдетъ. Но съ кѣмъ и гдѣ она остановилась, не упоминаешь. Нечего тебѣ говорить, что и дочь моя и гувернантка моя (которая оказывается прекрасной женщиной) и я, мы готовы носить ее на рукахъ и всячески о ней заботиться. Но для этого надобно знать, гдѣ она будетъ жить.

«Ну, прощай, пока, строгій, но справедливый человѣкъ. Крѣпко жму тебѣ руку и остаюсь

Преданный тебѣ Ив. Тургеневъ.

„Р. S. На-дняхъ обѣдалъ съ Долгорукимъ. Здѣсь также любезнѣйшій Ешевскій и Чичеринъ. И. Т.“.

Какъ мы уже сказали выше, помимо г-жи Н. М., не мало хлопотъ доставила Тургеневу смерть его знакомаго, г. Ш., оставившаго послѣ себя женщину, съ которой онъ жилъ, и ребенка безъ всякихъ средствъ. Тургеневъ писалъ по этому поводу Герцену (изъ Парижа, отъ 24 октября 1860 г.):

«Любезный другъ,

«Не знаю, дошло ли до тебя извѣстіе, что Ш. три дня тому назадъ умеръ отъ удара. Этого слѣдовало ожидать, но горестно то, что онъ оставилъ послѣ себя женщину и ребенка, которыхъ ничѣмъ не обезпечилъ, а вдова его (довольно противная барыня,— между нами) кричитъ, плачетъ, клянется въ любви къ законному мужу, но не вѣритъ, или притворяется, что не вѣритъ, что сынъ—его, и что онъ могъ имѣть какую-нибудь серьезную связь, когда еще за три дня до своей смерти, онъ, прибавляетъ она, «клялся у моихъ ногъ и восклицалъ: О, Викторина!» Должно замѣтить, что эта самая «Викторина» уѣзжала прочь отъ него за любовникомъ въ Одессу. Я взялся хлопотать о бѣдномъ ребенкѣ, такъ какъ всѣ деньги теперь въ рукахъ у вдовы, и до сихъ поръ успѣваю мало. Не говорилъ ли онъ тебѣ что-нибудь о своихъ отношеніяхъ? Въ такомъ случаѣ напиши только *мнѣ*, а никому другому, чтобы не вышло сплетней. Дѣло это весьма щекотливое. Ты знаешь мой адресъ: Rue de Rivoli, 210.

«Спасибо за присылку «Колокола». Хорошо ты всѣхъ отдѣлалъ, но еще! еще! Какъ сказано въ одной поэмѣ:

«Ещё разить, ещё, ещё...

«Погибъ, погибъ сей мужъ въ плащѣ!

«Мужья въ плащѣ у насъ живучи и разить «ещё» и «ещё» необходимо.

«Неужели ты еще долго проживешь въ Бурнемаусѣ? Если бѣ я имѣлъ честь быть тобою, я бы рискнулъ на каламбуръ о бурномъ Эмаусѣ, при чемъ сравнилъ бы тебя съ апостоломъ и т. д., но у меня ничего изъ этого не выйдетъ.

«Получилъ ли ты мое письмо, адресованное въ тотъ же Bourneouth? Извѣсти, когда ты переѣзжаешь и куда.

«П. В. ¹⁾ тебѣ кланяется изъ Петербурга. Я получилъ отъ него интереснѣйшее письмо. Хаотическое состояніе нашего отечества умирительно.

«Я принялся за работу, но она идетъ безобразно туго.

«Прощай, пока. Крѣпко жму тебѣ руку и кланяюсь всѣмъ твоимъ.

Преданный тебѣ Ив. Тургеневъ.

«Р. S. Я понялъ конецъ «Желчевиковъ» и сугубо тебѣ благодаренъ. Пора этого безстыднаго мазурика на лобное мѣсто. И за насъ, лишнихъ, заступился. Спасибо».

VIII.

Postscriptum вышеприведеннаго письма относится къ статьѣ Герцена «Лишніе люди и желчевики», помѣщенной въ № 83 «Колокола» (отъ 15 октября 1860 г.) и требуетъ нѣкоторыхъ объясненій.

Мы уже выше привели переписку Герцена съ Некрасовымъ и указали на существовавшія между ними непріязненные отношенія, которыя со стороны Герцена мотивировались якобы небрежнымъ отношеніемъ Некрасова къ денежнымъ вопросамъ и участіемъ его въ некрасивомъ дѣлѣ вымогательства денегъ у Н. П. Огарева при посредствѣ его первой жены. Къ началу 1860 года начали портиться и отношенія Тургенева къ Некрасову, вскорѣ перешедшія въ открытую вражду. Первые наступательныя дѣйствія были произведены «Современникомъ», редакція котораго сообщила публикѣ, что въ виду «разности взглядовъ и убѣжденій» Тургеневъ «уволень» изъ числа сотрудниковъ «Современника». Это была фактическая неправда. У Тургенева было письмо отъ Некрасова съ самыми блестящими предложеніями. Тургеневъ по этому поводу писалъ Достоевскому: «Я отвѣтилъ ему (Некрасову), что сотрудникомъ «Современника» болѣе не буду, ну и выходитъ, что надо сказать публикѣ, что меня прогнали». Помимо этого, въ «Свистѣхъ» появились намеки на отношенія Тургенева къ m-me Віардо, которые еще болѣе подлили масла въ огонь. Между Тургеневымъ и Некрасовымъ произошелъ полный разрывъ.

¹⁾ П. В. Анненковъ.

Герценъ, въ свою очередь, отрицательно относился не только къ самому Некрасову, но и къ нѣкоторымъ крайностямъ литературныхъ мнѣній «Современника». Особое его недовольство вызывалъ «Свистокъ», которому онъ даже посвятилъ особую статью, озаглавленную «Very dangerous» (очень опасно), изъ которой мы сдѣлаемъ нѣкоторыя выдержки ¹⁾. Статья эта тѣмъ болѣе характерна, что она относится еще къ 1859 г., когда отношенія не были такъ обострены.

«Въ послѣднее время,—писалъ Герценъ,—въ нашемъ журнализмѣ стало повѣвать какой-то тлетворной струей, какимъ-то *развратомъ* мысли.

«Чистымъ» литераторамъ, людямъ звуковъ и формъ, надоѣло гражданское направленіе нашей литературы, ихъ стало оскорблять, что такъ много пишутъ о взяткахъ и гласности и такъ мало «Обломовыхъ» и антологическихъ стихотвореній. Если бѣ только единственный «Обломовъ» не былъ такъ непроходимо скученъ, то еще это мнѣніе можно бы было имъ отпустить. Люди не виноваты, когда не имѣютъ сочувствія къ жизни, которая возлѣ нихъ ломится, рвется впередъ и, сознавая свое страшное положеніе, начинаетъ, положимъ, нескладно, говорить объ немъ, но все-таки говорить. Мы видѣли въ Германіи всякихъ Жанъ - Полей, которые въ виду революцій и реакцій исходили мнѣніемъ, составляли лексиконы или сочиняли фантастическія повѣсти.

«Но вотъ шагъ *дальше*.

«Журналы, сдѣлавшіе себѣ пьедесталъ изъ благородныхъ негодованій и чуть не ремесло изъ мрачныхъ сочувствій къ страждущимъ,—катаются со смѣху надъ *обличительной* литературой, надъ неудачными опытами *гласности*. И это не то, чтобы случайно, но при большомъ театрѣ ставятъ особые балаганчики для освящиванія первыхъ опытовъ свободнаго слова литературы, у которой еще не заросли волосы на полголовѣ, такъ она недавно сидѣла въ острогѣ.

«Смѣхъ есть вещь судорожная и на первую минуту человекъ смѣется всему смѣшному, но бываетъ вторая минута, въ которой онъ краснѣетъ и презираетъ и свой смѣхъ и того, кто его вызвалъ. Всего генія Гейне чуть хватило, чтобъ покрыть двѣ - три отвратительныя шутки надъ умершимъ Берне, надъ Платеномъ и надъ одной живой дамой. На время публика отшарахнулась отъ него и онъ помирился съ нею только своимъ необычайнымъ талантомъ.

«... Мы сами очень хорошо видѣли промахи и ошибки обличительной литературы, неловкость первой гласности; но что же тутъ удивительнаго, что люди, которыхъ всю жизнь грабили прежніе квартальные, судьи и пр., слишкомъ много говорятъ объ этомъ теперь? Они еще больше молчали объ этомъ!

«Давно-ли у насъ вкусъ такъ избаловался, утончился? Мы безропотно выносили десять лѣтъ болтовню о всѣхъ петербургскихъ камеліяхъ и аспазіяхъ ²⁾, которыя во-первыхъ во всемъ мірѣ

¹⁾ «Колоколь», № 44, отъ 1 іюня 1859 г.

²⁾ Намекъ на «Письма Чернокнижниковъ», печатавшіяся въ 50-хъ гг. въ «Современникѣ».

похожи другъ на друга, какъ родныя сестры, а во-вторыхъ имѣютъ то общее свойство съ котлетами, что ими можно иногда наслаждаться, но говорить о нихъ совершенно нечего.

„Могутъ сказать: да зачѣмъ же обличительные литераторы дурно рассказываютъ, зачѣмъ ихъ повѣсти похожи на канцелярское „дѣло“? Но это можетъ относиться къ лицамъ, а не къ направленію. Вѣдь тотъ, кто дурно и скучно передаетъ о слезахъ крестьянина, неистовствѣ помѣщика и воровствѣ полиціи, тотъ—будьте увѣрены—еще хуже расскажетъ, какъ златокудрая дѣва, зачерпнувшая воды въ бассейнѣ, облилась, а черноокий юноша, видя быстротекущую влагу, жалѣлъ, что она не течетъ по его сердцу.

„Въ „обличительной литературѣ“ были превосходныя вещи. Вы воображаете, что всѣ рассказы Щедрина и нѣкоторые другіе, такъ и можно теперь огуломъ бросить съ Обломовымъ на шею въ воду? Слишкомъ роскошничаете, господа!

„Вамъ оттого не жалъ этихъ статей, что міръ, о которомъ онѣ пишутъ, чуждъ вамъ; онъ васъ интересовалъ только потому, что объ немъ раньше запрещали писать. Столичные растенія, вы вытянулись между Грязной и Мойкой, за городской чертой для васъ начинаются чужіе края. Суровая картина какого-нибудь «Перевоза», съ телегами въ грязи, съ раззоренными мужиками, смотрящими съ отчаяніемъ на паромъ и ждущими день, и другой, и третій—васъ не можетъ столько занять, какъ длинная Одиссея какой-нибудь полузаглохшей, ледящейся натуры, которая тянется, соловѣетъ, разсыпается въ однѣ безсмысленныя подробности. Вы готовы сидѣть за микроскопомъ и разбирать этотъ гной, это возбуждаетъ вамъ нервы¹⁾. Мы, совсѣмъ напротивъ, безъ зѣвоты и отвращенія не можемъ слѣдить за фیزیологическими описаніями какихъ-то невскихъ мокрицъ, пережившихъ тотъ героическій періодъ свой, въ которомъ ихъ предки—чего нѣтъ!—были Онѣгины и Печорины!

„И сверхъ того, Онѣгины и Печорины были совершенно истинны, выражая дѣйствительную скорбь и разорванность тогдашней русской жизни. Печальный рокъ лишняго, потерявшагося человѣка только потому, что онъ развился въ *человѣка*, являлся тогда не только въ поэмахъ и романахъ, но на улицахъ и въ гостинныхъ, въ деревняхъ и городахъ. Наши литературные фланкеры послѣдняго набора шпыняютъ теперь надъ этими слабыми мечтателями, сломавшимися безъ боя, надъ этими праздными людьми, не умѣвшими найтись въ той средѣ, въ которой жили...

„... Но время Онѣгиныхъ и Печориныхъ прошло. Теперь въ Россіи нѣтъ *лишнихъ* людей, теперь, напротивъ, къ этимъ огромнымъ замашкамъ рукъ не достаетъ. Кто теперь не найдетъ дѣла, тому пенять не на кого, тотъ въ самомъ дѣлѣ *пустой* человѣкъ, свищъ или лѣнтяй. И оттого, очень естественно, Онѣгины и Печорины дѣлаются Обломовыми.

«Общественное мнѣніе, баловавшее Онѣгиныхъ и Печориныхъ,

¹⁾ Намекъ на статью Добролюбова объ „Обломовѣ“.

потому что чуждо въ нихъ *свои страданія*, отвернется отъ Обломовыхъ.

„Это сущій вздоръ, что у насъ нѣтъ общественнаго мнѣнія, какъ говорилъ недавно одинъ ученый публицистъ, доказывая, что у насъ гласность не нужна, потому что нѣтъ общественнаго мнѣнія, а общественнаго мнѣнія нѣтъ потому, что нѣтъ буржуазіи.

„У насъ общественное мнѣніе показало и свой тактъ, и свои симпатіи, и свою неумолимую строгость даже во время общественнаго молчанія. Откуда этотъ шумъ о Чаадаевскомъ письмѣ, отчего этотъ фуроръ отъ „Ревизора“ и „Мертвыхъ Душъ“, отъ разсказовъ „Охотника“, отъ статей Бѣлинскаго, отъ лекцій Грановскаго? И съ другой стороны, какъ оно зло опрокидывалось на свои идолы за гражданскія измѣны или шаткости. Гоголь умеръ отъ его приговора; самъ Пушкинъ испыталъ, что значить взять невѣрный аккордъ. Литераторы наши скорѣе прощали дифирамбы, чѣмъ публика; у нихъ совѣсть притупилась отъ изощренія эстетическаго нѣба!

„Примѣръ Сенковского еще поразительнѣе. Что онъ взялъ со всѣмъ своимъ остроуміемъ, семитическими языками, семью литературами, бойкой памятью, рѣзкимъ изложеніемъ? Сначала—ракеты, искры, трескъ, бенгальскій огонь, свистки, шумъ, веселый тонъ, развязный смѣхъ привлекли всѣхъ къ его журналу, но... посмотрѣли, посмотрѣли, поохотали и разошлись мало-по-малу по домамъ. Сенковский былъ забытъ, какъ бываетъ забытъ на Оминой недѣлѣ какой-нибудь покрытый блѣстками акробатъ, занимавшій на святой отъ мала до велика весь городъ, въ балаганѣ котораго не было мѣста, у дверей котораго была давка...

„Чего ему не доставало? А вотъ того, что было въ такомъ избыткѣ у Бѣлинскаго, у Грановскаго—того вѣчно тревожащаго демона любви и негодованія, которыя видны въ слезахъ и смѣхѣ. Ему не доставало такого убѣжденія, которое было бы *дѣломъ* его жизни, *картой*, на которую *все* поставлено, — страстью, болью. Въ словахъ, идущихъ отъ такого убѣжденія, остается доля магнетическаго демонизма, подъ вліяніемъ котораго работалъ говорящій, оттого рѣчи его беспокоятъ, тревожатъ, будятъ, становятся силой, мощью и двигаютъ иногда цѣлыми поколѣніями...

„Но мы далеки отъ того, чтобы и Сенковского осуждать безусловно: онъ оправдывается той свинцовой эпохой, въ которой онъ жилъ. Онъ могъ сдѣлаться холоднымъ скептикомъ, равнодушнымъ *blasé*, смѣющимся добру и злу и ничему не вѣрующимъ, точно такъ, какъ другіе выбрали себѣ темъ сдѣлались іезуитскими попами и повѣрили всему на свѣтѣ...¹⁾ Это все было бѣгство, да и какъ же было тогда не бѣжать?

„Что же похожего на то время, когда балагурничалъ Сенковский подъ именемъ Брамбеуса, съ нашимъ временемъ? Тогда *нельзя* было ничего дѣлать... Теперь все, вездѣ зоветъ живого человѣка, все въ починѣ, въ возникновеніи и если ничего не сдѣлается, въ этомъ никто не виноватъ,—виной будетъ ваша слабость, пе-

¹⁾ Намекъ на моск. проф. Печерина и кн. Гагарина, сдѣлавшихся іезуитами.

няйте на себя, на ложное направлѣніе и имѣйте самоотверженіе сознать себя выморочнымъ поколѣніемъ, переходнымъ, тѣмъ самымъ, которое воспѣлъ Лермонтовъ съ такой страшной истиной!..

„Вотъ почему-то въ такое время пустое балагурство скучно, неумѣстно; но оно дѣлается отвратительно и гадко, когда привѣшиваетъ свои ослиные бубенчики къ рабочей лошади, которая, въ поту и выбиваясь изъ силъ, вытаскиваетъ—можетъ иной разъ остушаясь—нашу телѣгу изъ грязи.

„Не лучше-ли во сто разъ, господа, вмѣсто освистываній неловкихъ опытовъ, вывести на торную дорогу — самимъ на дѣлѣ помочь и показать, какъ надо пользоваться гласностью?

«Мало ли на что вамъ есть точить желчь? Истокая свой смѣхъ на обличительную литературу, милые паяцы наши забываютъ, что по этой скользкой дорогѣ можно „досвистаться“ до Булгарина и Греча...

«Можетъ быть, они объ этомъ и не думали,—пусть подумаютъ теперь».

Теперь, спустя 40 лѣтъ послѣ напечатанія Герценомъ этой статьи, ея несправедливость и, пожалуй, по тогдашнему времени неумѣстность выступаютъ особенно ярко. Герценъ, очевидно, потерялъ живую связь съ тогдашней передовой русской литературой и переоцѣнивалъ значеніе 40-хъ годовъ. Вслѣдствіе отсутствій непосредственнаго наблюденія надъ русской дѣйствительностью онъ судилъ „Свистокъ“ черезчуръ академически. „Свистокъ“ не нападалъ исключительно на неловкости обличительной литературы, а на нелѣпное упоеніе „гласностью“, имѣвшей довольно своеобразныя формы. Обличенія вродѣ: «Въ городѣ NN. городничій NN., избилъ обывателя NN.», испещрявшія тогдашнія газеты, безъ собственныхъ именъ и прямыхъ указаній на лица, были въ сущности игрой въ гласность и притомъ игрой вредной, убаюкивающей сознаніе и заставляющей людей думать, что они дѣлаютъ настоящее дѣло въ то время, какъ они въ сущности занимаются кукольной комедіей. Вопросъ о «лишнихъ людяхъ» еще сложнѣе. Герценъ съ понятіемъ о «лишнихъ людяхъ» соединялъ представленіе о своемъ поколѣніи, о блестящей плеядѣ 40-хъ годовъ, Бѣлинскомъ, Грановскомъ, Станкевичѣ и др.; критики «Современника» выдѣляли «плеяду» и, признавая за ней крупное значеніе, относились къ «лишнимъ людямъ» вообще съ нескрываеомой враждебностью, видя въ нихъ „бѣлоручекъ“ и „баричей“, неспособныхъ на энергичную работу. Герценъ въ такомъ отношеніи къ „лишнимъ людямъ“ видѣлъ чуть не личное оскорбленіе. Несомнѣнно, что Герценъ просмотрѣлъ фактъ появленія въ литературѣ «разночинца», запросы и требованія котораго, если не отличались глубиной и широтой „гегельянскаго“ теченія 40-хъ годовъ, зато отличались большей прямолинейностью и демократичностью.

Мы привели въ VI главѣ письмо Тургенева, въ которомъ онъ справляется у Герцена о визитѣ къ нему Чернышевскаго. О свиданіи Чернышевскаго съ Герценомъ въ 1859 г. сохранился любопытный разсказъ Благосвѣтлова, сообщенный московскимъ

литераторомъ Павловымъ. Оба писателя вынесли изъ этого свиданія чувства взаимнаго чувства уваженія, но не воспылали особой симпатіей другъ къ другу.

„Удивительно умный человѣкъ,—сказалъ Герценъ о Чернышевскомъ,—и тѣмъ болѣе при такомъ умѣ поразительно его самомнѣніе. Вѣдь онъ увѣренъ, что «Современникъ» представляетъ изъ себя пупъ Россіи. Насъ грѣшныхъ они совсѣмъ похоронили. Ну, только кажется, ужъ очень они торопятся съ нашей отходной,—мы еще поживемъ!»

— „Какой умница! Какой умница! восклицалъ въ свою очередь Чернышевскій. — И какъ отсталъ... Вѣдь онъ до сихъ поръ думаетъ, что продолжаетъ остроумничать въ московскихъ салонахъ и препирается съ Хомяковымъ. А время теперь идетъ съ страшной быстротой: одинъ мѣсяцъ стоитъ прежнихъ десяти лѣтъ! Присмотришься—у него все еще въ нутрѣ московскій баринъ сидитъ!»¹⁾

Свиданіе Герцена съ Чернышевскимъ²⁾ закрѣплено и на страницахъ „Колокола“ въ статьѣ «Лишніе люди и желчевики». Статья эта любопытна еще и потому, что въ концѣ ея находится прямое и мало замаскированное нападеніе на Некрасова, за которое его и благодарилъ Тургеневъ въ postscriptum'ѣ письма, приведеннаго нами въ концѣ предыдущей главы («Пора этого безстыднаго мазурика на лобное мѣсто. И за насъ, лишнихъ, заступился. Спасибо»).

Статья „Лишніе люди и желчевики“ является въ сущности продолженіемъ вышеприведенной нами статьи Герцена «Very dangerous». Начало ея посвящено довольно обширной и чрезвычайно любопытной родословной „лишнихъ людей“ которой мы, къ сожалѣнію, не можемъ привести. Далѣе Герценъ говоритъ, что «лишнихъ людей» смѣнили «желчевики».

«Старость,—говоритъ Герценъ, характеризуя «желчевиковъ»,—коснулася ихъ прежде гражданскаго совершеннолѣтія. Это не *лишние*, не праздные люди, это люди *озлобленные*, больные душой и тѣломъ, люди зачахнувшіе отъ вынесенныхъ оскорбленій, глядящіе исподлобья и которые не могутъ отдѣлаться отъ желчи и отравы, набранной ими больше чѣмъ за пять лѣтъ тому назадъ. Они представляютъ явный шагъ впередъ, но все же болѣзненный шагъ; это уже не тяжелая хроническая летаргія, а острое страданіе, за которымъ слѣдуетъ выздоровленіе или похороны.

„Лишніе люди сошли со сцены, за ними сойдутъ и *желчевики*, наиболѣе сердящіеся на лишнихъ людей. Они даже сойдутъ очень скоро, они слишкомъ угрюмы, слишкомъ дѣйствуютъ на нервы, чтобы долго держаться. Жизнь, несмотря на 13-ть вѣковъ христіанскихъ сокрушеній, очень языческимъ образомъ предана эпикуреизму, и à la longue не можетъ выносить наводящія уныніе лица Невскихъ Даниловъ, мрачно упрекающихъ людей—зачѣмъ

¹⁾ См. „Изъ пережитого“ Павлова.—стр. 36—37.

²⁾ По нѣкоторымъ свѣдѣніямъ Герценъ видался и съ Добролюбовымъ и былъ съ нимъ въ перепискѣ, во время пребыванія Добролюбова въ Италіи.

они обѣдаютъ безъ скрежета зубовъ и, восхищаясь картиной или музыкой, забываютъ о всѣхъ несчастіяхъ міра сего.

„..... Добрѣйшіе по сердцу и благороднѣйшіе по направленію, желчные люди наши *тономъ* своимъ¹⁾ могутъ довести ангела до драки и святого до проклятій. Къ тому же они съ такимъ апломбомъ преувеличиваютъ все на свѣтѣ—и не для шутки, а для огорченія,—что, просто, терпѣнія нѣтъ. На всякое „бутылками и пре-
большими“, у нихъ готово: „нѣтъ-съ, бочками сороковыми!“

Далѣе Герценъ излагаетъ свой недавній разговоръ съ однимъ „желчевикомъ“. Изъ вышесказаннаго видно, что онъ имѣлъ въ виду Чернышевскаго и свои споры съ нимъ.

„— Что вы заступаетесь за этихъ лѣнтяевъ—(говорилъ намъ недавно одинъ желчевикъ *sehr ausgezeichnet in seinem Fache*),—дармоѣдовъ, трутней, бѣлоручекъ, тунеядцевъ à la Онѣгинъ?... Извольте видѣть, они образовались иначе, имъ міръ ихъ окружающій слишкомъ грязенъ, не довольно натерть воскомъ, замараютъ руки, замараютъ ноги. То-ли дѣло стонать о несчастномъ положеніи и при томъ спокойно ѣсть да пить!

„Мы, было, вернули слово въ защиту, но Даніилъ и слушать не хотѣлъ. Напротивъ, онъ напалъ на насъ за нашу защиту и, пожимая плечами, говорилъ, что онъ смотритъ на насъ, какъ на хорошій остовъ мамонта, какъ на интересную ископаемую кость, принадлежащую міру иного солнца и другихъ деревьевъ.

„— Позвольте же мнѣ хоть на этомъ основаніи защитить нашихъ сопластниковъ. Неужели вы въ самомъ дѣлѣ думаете, что эти люди по доброй волѣ ничего не дѣлали, или дѣлали вздоръ?

„— Безъ всякаго сомнѣнія, они были романтики и аристократы: они ненавидѣли работу, они себя считали бы униженными, взявшись за топоръ или за шило. Да и того, правда, они не умѣли!

„— Въ такомъ случаѣ я буду называть имена: наприм., Чаадаевъ,—онъ не умѣлъ взяться за шило, но умѣлъ написать статью, которая потрясла всю Россію и провела черту въ нашемъ разумѣніи о себѣ. Статья эта была началомъ его литературнаго поприща. Что вышло, вы знаете. Нѣмецъ Вигель обидѣлся за Россію, протестантъ и будущій католикъ Бенкендорфъ обидѣлся за православіе и Чаадаева объявили сумасшедшимъ и взяли съ него подписку не писать. Надеждина, напечатавшаго статью въ „Телескопѣ“, сослали въ Усть-Сысольскъ, ректора, старика Болдырева, отставили. Чаадаевъ сдѣлался празднымъ человѣкомъ. Иванъ Кирѣевскій, положимъ, не умѣлъ сапогъ шить, но умѣлъ издавать журналъ; издалъ двѣ книжки—запретили журналъ; онъ помѣстилъ статью въ „Денницѣ“, цензора Глинку посадили на гауптвахту. Кирѣевскій сдѣлался лишнимъ человѣкомъ. Николая Полевого, конечно, нельзя обвинить въ лѣни; человѣкъ онъ былъ

¹⁾ Приведемъ, кстати, отзывъ Кавелина о Чернышевскомъ (въ письмѣ къ Герцену отъ 6 августа 1862): «Чернышевскаго, — писалъ Кавелинъ, — я очень, очень люблю, но такого брульона, безтактнаго и самонадѣяннаго человѣка я никогда еще не видалъ».

изворотливый, а все-таки крылья „Телеграфа“ подвизали и, признаюсь въ моей слабости, когда я читалъ, какъ Полевой говорилъ Панаеву о томъ, что онъ, женатый человѣкъ, обремененный семьей, боится квартальнаго, я не смѣялся, а чуть не плакалъ.

„— А Бѣлинскій умѣлъ писать и Грамовскій умѣлъ читать лекціи; они не сложили рукъ!“

„— Если являлись люди съ такой энергіей, что могли писать или читать лекціи, несмотря на вышеуказанныя обстоятельства, то не ясно-ли, что множество людей съ меньшими силами были парализованы и глубоко страдали отъ этого.“

„— Зачѣмъ же они въ самомъ дѣлѣ не пошли въ сапожники, въ дровосѣки, все лучше бы!“

— Затѣмъ, вѣроятно, что у нихъ было настолько денегъ, чтобы не нуждаться въ такой скучной работѣ; я не слыхалъ, чтобы кто-нибудь изъ удовольствія принялся шить сапоги. Одинъ Людовикъ XVI былъ королемъ по ремеслу и слесаремъ по страсти.

— Ископаемый другъ мой, я вижу, что и вы еще на работу смотрите какъ-то сверху внизъ.

— Какъ на вовсе невеселую необходимость.

— Почему-же бы имъ не дѣлать общей необходимости?

— Безъ сомнѣнія. Но, во-первыхъ, родились они не въ Сѣверной Америкѣ, а въ Россіи и по несчастію не такъ были воспитаны.

— Зачѣмъ не такъ воспитаны?

— Затѣмъ, что родились не въ податной Россіи, а въ шляхетской. Можетъ быть, это въ самомъ дѣлѣ предосудительно, но, находясь тогда въ неопытномъ положеніи, они по малолѣтству за свои поступки отвѣчать не могутъ. А уже, разъ сдѣлавъ эту ошибку въ выборѣ родителей, они должны были подвергнуться и тогдашнему воспитанію. Да кстати, на какомъ это правѣ вы требуете отъ людей, чтобы они дѣлали то или другое. Это какая-то новая принудительная организація работъ, что-то вродѣ социализма, переложеннаго на нравы министерства государственныхъ имуществъ.

— Я не заставляю никого работать; я констатирую фактъ. Это были праздные пустые аристократы, жившіе покойно и хорошо, и не вижу причины, почему мнѣ сочувствовать имъ.

— Заслуживаютъ-ли они симпатіи или нѣтъ, это пусть себѣ рѣшаетъ каждый, какъ хочетъ. Всяческое человѣческое страданіе, особенно фаталистическое, возбуждаетъ наше сочувствіе..... Откажитесь отъ этой точки зрѣнія и тогда прощай не только Оермопилы, но и Софокль съ Шекспиромъ, да кстати и вся длинная, безконечная эпопея, которая безпрестанно оканчивается сумасбродными трагедіями и безпрестанно идетъ далѣе, подъ названіемъ Исторіи.

„Даніилъ нашъ, какъ и слѣдуетъ, въ спорѣ не сдавался. Мнѣ стало все это надоѣдать и я, пользуясь моимъ палеонтологическимъ значеніемъ, сказалъ ему:“

„— Воля ваша, а вѣдь это — пустое дѣло гнать людей или умершихъ, или приготовляющихся къ смерти и гнать въ такомъ обществѣ, гдѣ почти всѣ живые хуже ихъ. Знаете-ли что? Если васъ особенно прельщаетъ *sensu morum* и суровая должность моралиста вамъ такъ нравится, возьмите что-нибудь оригинальное. Я вамъ, пожалуй, укажу типы, вреднѣе не только мертвыхъ, но и живыхъ лишнихъ людей.

„— Какіе-же типы?

„— Ну, да хотя-бы литературнаго *Ruffiano* ¹⁾.

„— Не понимаю.

„— Въ бѣдной и обиженной цензурой литературѣ нашей, до послѣдняго времени, было множество всякихъ чудаковъ, но большей частью это были люди чистые, люди честные. Аферисты, плуты, дѣлатели фальшивыхъ векселей и истинныхъ доносовъ, если и попадались, то они шныряли гдѣ-то по подваламъ и никогда не лѣзли на видныя мѣста, точно лондонскіе тараканы, державшіеся въ кухнѣ и не являющіеся въ салонѣ. Такимъ образомъ сохранилась у насъ наивная вѣра въ поэта и писателя. Мы не привыкли къ тому, что можно лгать духомъ и торговать талантомъ, такъ какъ продажныя женщины лгутъ тѣломъ и продаютъ красоту; мы не привыкли къ барышникамъ, отдающимъ въ ростъ свои слезы о народномъ страданіи, ни къ промышленникамъ, дѣлающимъ изъ сочувствія къ пролетарію доходную статью. И въ этомъ довѣріи, давно не существующемъ на Западѣ, бездна хорошаго, и намъ всѣмъ слѣдуетъ поддерживать его. Повѣрьте, что гонитель неправды, сзывающій позоръ и проклятіе на современный срамъ и зануствіе и въ то-же время запирающій въ свою шкатулку деньги, явно наворованныя у друзей своихъ, при теперешнемъ броженіи всѣхъ понятій, при нашей распушенности и удобовпечатлительности — вреднѣе и заразительнѣе всѣхъ праздныхъ и лишнихъ людей, желчныхъ и слезливыхъ!

„Не знаю согласился ли мой Даниилъ“...

Тяжелое впечатлѣніе производитъ эта вылазка противъ Некрасова на страницахъ пользовавшагося тогда громадной популярностью „Колокола“. Если раздраженіе Тургенева можно до извѣстной степени объяснить свѣжечанесенными ему оскорбленіями ²⁾, то для Герцена не существуетъ и этого оправданія. Не ограничившись непринятіемъ Некрасова, посѣтившаго его въ Лондонѣ ³⁾, Герценъ счелъ нужнымъ перенести личные счеты съ Некрасовымъ въ литературу, чѣмъ ставилъ Некрасова въ безвыходное положеніе. Несомнѣнно, что въ литературныхъ русскихъ кружкахъ немедленно угадали, на кого указываетъ Герценъ, и враги Некрасова съ радостью подхватили это обвиненіе, тѣмъ болѣе

¹⁾ Грабитель, мошенникъ.

²⁾ Некрасовъ утверждалъ впоследствии, что оскорбительные для Тургенева куплеты въ „Свисткѣ“ были напечатаны безъ его вѣдома, во время отсутствія Некрасова изъ Петербурга.

³⁾ Подробности объ этой тяжелой сценѣ разсказаны д-ромъ Вѣдоголовымъ со словъ самого Герцена („Воспоминанія“, стр. 547—548).

что изложено оно было въ очень авторитетной формѣ, хотя и не подкрѣплялось никакими доказательствами. Некрасовъ не могъ отвѣчать Герцену, во 1-хъ, по цензурнымъ условіямъ того времени, во 2-хъ, потому что онъ не былъ названъ по имени и отвѣчая приходилось расписаться въ полученіи оскорбленія и, въ 3-хъ, потому что было бы странно защищаться въ литературѣ, по поводу совершенно частнаго дѣла, отъ обвиненій „въ воровствѣ“.

Удивительнѣе всего то, что и Герценъ и Тургеневъ, обвиняя Некрасова, снисходительно относились къ тому, что нѣкоторые ихъ друзья, преспокойно, владѣли крестьянами и своимъ состояніемъ всецѣло были обязаны крѣпостному труду. Да и миллионное состояніе самого Герцена имѣло своимъ источникомъ тотъ-же трудъ. Но они не могли простить пролетарію Некрасову его „практичности“. За личными ссорами и дразгами они не видали крупной общественной работы, которую выполнялъ Некрасовъ и ради которой можно было простить его недостатки, выросшіе на почвѣ суровой нужды, такой нужды, о которой Герценъ и понятія не имѣлъ ¹⁾).

То-же личное чувство сквозить въ отзывахъ Герцена о личности и произведеніяхъ Гончарова. Герценъ не признаетъ за Гончаровымъ даже таланта и въ послѣдствіи въ особенный упрекъ ставить ему то обстоятельство, что онъ занималъ должность цензора. Но такую же должность занимали С. Аксаковъ, Тютчевъ и близкій другъ Тургенева—Полонскій, между тѣмъ о нихъ Герценъ не говоритъ ни слова или отзывается о первыхъ двухъ довольно благосклонно, не укоряя ихъ цензурской должностью.

Мы сочли необходимымъ подробно остановиться на этомъ эпизодѣ, потому что обвиненія Некрасова изъ литературныхъ кружковъ перешли въ публику и сдѣлали не мало зла. Первоисточникъ этихъ обвиненій, включительно до обвиненія въ „дѣланіи оброчной статьи изъ сочувствія къ пролетарію“ (это особенно часто подчеркивалось консервативной печатью!) находится, какъ видятъ читатели, въ „Колоколѣ“. О несправедливости его мы не будемъ распространяться; вопросъ объ искренности Некрасова въ его произведеніяхъ прекрасно выясненъ въ воспоминаніяхъ о Некрасовѣ Н. К. Михайловскаго.

IX.

Нѣсколько нижепомѣщаемыхъ писемъ Тургенева заняты все той-же исторіей съ г-жей Ш. Упоминаемое въ первомъ изъ этихъ писемъ „Посланіе къ Сербамъ“ было напечатано въ № 84 „Колокола“ (отъ 1 ноября 1860 г.). Герценъ предлагалъ сербамъ и черногорцамъ воспользоваться „Колоколомъ“ для того, чтобы „перекликнуться“ съ Россіей. „Колоколъ“ — писалъ Герценъ,—

¹⁾ Напечатанная недавно переписка Вѣлинскаго съ женой устраняетъ тяжелое обвиненіе Некрасова въ удаленіи Вѣлинскаго незадолго до смерти отъ матеріальнаго участія въ «Современникѣ». Переписка эта показываетъ, въ какое положеніе попалъ бы Некрасовъ съ неокрѣпшимъ изданіемъ на рукахъ, если бы ему пришлось вести дѣло совместно со вдовой Вѣлинскаго.

слишкомъ слабъ, чтобы служить мостомъ для легионовъ; но онъ можетъ служить доской, брошенной черезъ оврагъ, на которой могутъ встрѣтиться два брата, потолковать о своихъ дѣлахъ и пожать другъ другу руки“.

„Любезный сердцу и очамъ (самая сильная дружба не позволяетъ мнѣ, однако, прибавить слѣдующій стихъ: „какъ вешній цвѣтъ едва развитый“) Александръ Ивановичъ! — писалъ Тургеневъ Герцену изъ Парижа, отъ 4 ноября 1860 г.

„Получилъ я, твою записку съ приложениями. Адресъ г-жи Ш.: Passage Sandrié, 5. Едва-ли ты въ чемъ-нибудь успѣешь: она безумствуетъ, бранится, лжетъ, плачетъ, падаетъ въ обморокъ, — словомъ ломается. Она, „изъ уваженія къ памяти Александра“, который въ чемъ-то ей клялся передъ смертью, не хочетъ признать ребенка за его сына и дала матери только 2.000 фр., какъ милостыню. Мы хотимъ помѣшать этому ребенку умереть съ голоду и собираемся назначить ему пенсію: не хочешь-ли ты дать хоть сто франковъ въ годъ?

„Переводъ твоего „Посланія къ Сербамъ“ написанъ французскимъ языкомъ нѣсколько *avantagé*, а, впрочемъ, для сербовъ сойдетъ.

„Я могу тебѣ поручиться, что Н. М. вовсе не Цирцея и не думаетъ соблазнять юнаго П. Влюбленъ ли онъ въ нее, это я не знаю, но она никакъ не заслуживаетъ быть предметомъ материнскаго отчаянія и т. д. и т. д. Повидимому, Гейдельбергъ отличается сочиненіемъ сплетней: про меня тамъ говорятъ, что я держу у себя насильно крѣпостную любовницу и что г-жа Бичеръ-Стоу (!) меня въ этомъ публично упрекала, а я ее выругалъ. Тоже *eine schöne Legend*.

„Спасибо за „Колоколъ“. Впредь прошу не забывать.

„Крѣпко жму тебѣ руку и остаюсь

Преданный тебѣ Ив. Тургеневъ“.

Огаревъ, между прочимъ, утѣшалъ Тургенева, по поводу его хлопотъ съ г-жей Ш., тѣмъ, что она можетъ дать хорошій матеріалъ для его литературныхъ работъ. Но и доброта Тургенева начала истощаться. Онъ писалъ Герцену по этому поводу (изъ Парижа, отъ 20 ноября 1860 г.):

„Милѣйшій Александръ Ивановичъ!

„Хотя Огаревъ (которому я дружески кланяюсь) и говоритъ, что мнѣ слѣдуетъ радоваться Ш-ской исторіи, однако, она начинаетъ сильно надоѣдать мнѣ. Ты ее знаешь, а потому не стану поднимать ее снова; ограничусь немногими афоризмами.

1) Прежде всего у г-жи Ш., *по ея собственному счету*, и по бумагамъ, мнѣ ею предъявленнымъ, болѣе 150,000 франковъ капитала (считая тутъ и ея 100 душъ).

2) Г-жа Ш. полтора года не видалась съ мужемъ, уѣхавъ въ Одессу за любовникомъ, который ее прогналъ; тогда она вернулась къ мужу, который ее снова принялъ.

3) Что ребенокъ — сынъ Ш., не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію: Волбасинъ былъ свидѣтелемъ, какъ онъ соблазняетъ его мать; меня Ш. водилъ къ ней, когда она была беременна;

онъ съ Козодоевымъ ходилъ записывать ребенка въ *maigie*; онъ до конца своей жизни былъ очень нѣженъ съ нею (т. е. съ своей любовницей, а не съ *maigie*) и умеръ, держа на рукахъ сына, который, сверхъ того, на него похожъ, какъ двѣ капли воды.

4) Гидропсъ, о которомъ и мнѣ было говорено, не помѣшалъ моему дѣдушкѣ прижить 18 человѣкъ дѣтей, о чемъ, впрочемъ, я также докладывалъ г-жѣ Ш.

5) Я убѣжденъ, что Ш. лгалъ вообще и женѣ въ особенности: это ничего не доказываетъ, какъ ничего не доказываетъ и то, что онъ никакихъ не оставилъ распоряженій и т. п. Русская натура-съ!

6) Наконецъ, у г-жи Ш. больше ничего не просятъ, оставляя ее при ея убѣжденіи; но она требуетъ, чтобъ не давали милостыню ребенку, и на дняхъ присылала мнѣ *beap frèrè* своего любовника, который грозилъ мнѣ „трибуналомъ“, если я не брошу ребенка.

„Изъ всего этого я заключаю, что совершенно безкорыстныхъ человѣка въ настоящую минуту въ Европѣ только два: Гарибальди и я. Замѣть, что я вовсе не былъ близокъ съ Ш., который бранилъ меня аристократомъ, и что любовница его пребезобразная.

„А что сцены между г-жей Ш. и мною были исполнены всяческаго комизма — несомнѣнно; и я, дѣйствительно, намѣренъ воспользоваться когда-нибудь этимъ матеріаломъ.

„За симъ, рѣшай, Верховный Судья! И сдѣлай одолженіе, распорядись такъ, чтобъ я могъ забыть всю эту чепуху.

Drei Ritter ¹⁾ — очень хороши; есть нѣсколько удачнѣйшихъ загвоздокъ, но вообще статья мнѣ показалась напряженной. Можемъ быть, я былъ подъ вліяніемъ Ш.

„Жду *M-me M.* ²⁾ съ Ольгой ³⁾ и дружески жму тебѣ руки. Твой Ив. Тургеневъ.“

На томъ же листѣ имѣется небольшое письмо Тургенева къ Огареву.

„Любезный Николай Платоновичъ!—писалъ Тургеневъ.—*N.N.* я отыщу и постараюсь быть ему полезнымъ; въ случаѣ надобности сведу его съ *M-r Viardot*, а ее съ *M. A. Марковичъ*, которая, кажется, теперь серьезно принялась за работу.

„Если можно, по прочтеніи, перешлите мнѣ „Гайку“ Кохановской ⁴⁾, о которой я много слышалъ. Я ее возвращу.

„Дружески Вамъ жму руку.

Преданный Вамъ И. Т.»

(До смѣд. кн.).

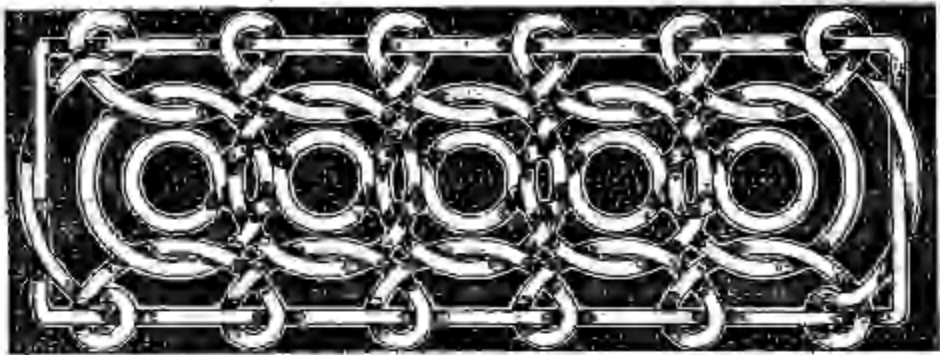
В. Б.

¹⁾ «*Drei Ritter*» статья Герцена въ № 85 «Колокола» отъ 15 ноября 1860 г.

²⁾ *M-me* Мейзенбергъ, гувернантка дочерей Герцена.

³⁾ Дочь Герцена.

⁴⁾ Объ отношеніи Тургенева къ литературной дѣятельности Кохановской, крупный талантъ который погибъ см. „Переписка И. С. Аксакова съ Кохановскою“. Русск. Обзор. 1897 г.

Общественныя откошенія во Франціи въ концѣ прошлаго вѣка.

Окончаніе.

озстаніе не распространилось на всю страну безъ всякихъ изъятій. Выше, говоря о положеніи дворянства, мы указали на то, что въ дореволюціонной Франціи были отдаленныя мѣстности, въ которыхъ господство феодализма и соотвѣтствующее ему католическое міровоззрѣніе еще имѣли корни, въ которыхъ феодальныя порядки, ставшіе въ другихъ мѣстахъ невыносимымъ, гнетущимъ бременемъ, еще служили средствомъ защиты. Въ этихъ мѣстностяхъ каждая община по старому жила сама по себѣ и производила сама для себя все, въ чемъ она нуждалась. Отечество для крестьянина этихъ мѣстностей простиралось не далѣе окрестностей, которыя онъ могъ видѣть съ колокольни своей приходской церкви, и все, что лежало внѣ этого крошечнаго горизонта, было для него чужбиной, съ которой онъ не хотѣлъ имѣть ничего общаго, которая если и вторгалась въ его жизнь, то только затѣмъ, чтобы мѣшать ему въ его работѣ, чтобы грабить его. Сноситься съ этой чужбиной, защищать его отъ нея лежало на обязанности его приходскаго священника, его феодальнаго господина. И вотъ, эта непріязненная ему чужбина, стоявшая подъ началомъ столь ненавистнаго для него Парижа, принялась настойчиво предписывать ему законы и приводить ихъ въ исполненіе

съ гораздо большей энергіей, чѣмъ это дѣлала когда-нибудь въ такихъ захолустяхъ старая монархія. Законы эти гораздо больше противорѣчили всѣмъ его привычкамъ, его способу производства, чѣмъ всѣ законы и предписанія старой монархіи, уважавшей все, что онъ уважалъ, что ему было дорого, не желавшей ничего знать объ имуществѣ и занятіяхъ семьи и общины, на которыхъ основывался весь его способъ производства. Мало того, эта враждебная чужбина дошла, наконецъ, до того, что стала вырывать изъ семей ихъ сыновей и угонять ихъ въ армию въ небывалыхъ, неслыханныхъ до того размѣрахъ ¹⁾. Не надо было особенныхъ усилій со стороны дворянъ и духовенства, чтобы этихъ крестьянъ, на міровоззрѣніе которыхъ они имѣли такое вліяніе, — собственно въ Вандеѣ и Кальвадо (Calvados), — подвинуть къ открытому возстанію противъ парижскаго конвента. Но вся масса французскаго крестьянства не могла, конечно, поддержать этого возстанія: она была слишкомъ тѣсно связана съ революціей. Возстановленіе старой монархіи означало для нея возстановленіе стараго феодальнаго гнета. Оно грозило ей отчасти даже потерей имущества. Національное собраніе объявило церковныя имѣнія національной собственностью и конфисковало имѣнія эмигрантовъ. Эти имѣнія продавались. Какъ ни много способствовала эта мѣра обогащенію спекулянтовъ, все же она дала и крестьянамъ возможность нѣсколько расширить свои участки, что имъ, насколько было возможно, старались облегчить. Часть церковныхъ имѣній, а позже и имѣній эмигрантовъ, продавалась мелкими участками, за которые надо было платить съ мѣста при покупкѣ незначительную сумму денегъ; остальная плата раскладывалась на довольно продолжительные сроки. Многіе изъ людей, арендовавшихъ землю до революціи, перестали платить оброкъ и старались, часто съ успѣхомъ, превратить оброчную землю въ свою полную собственность.

Придворные дворяне принялись эмигрировать изъ Франціи, оставивъ короля на произволъ судьбы, когда имъ самимъ пришлось круто. Многіе бѣжали еще послѣ взятія Бастиліи, и во главѣ ихъ былъ братъ короля, графъ д'Артуа. Въ качествѣ «бездомныхъ интригановъ», они устраивали заговоры, чтобы подъ прикрытіемъ австрійской и прусской арміи вторгнуться во Францію. Побѣда ихъ означала бы возстановленіе того порядка, который существо-

¹⁾ Въ февралѣ 1793 года конвентъ издалъ военный законъ, который призывалъ къ оружію всѣхъ холостыхъ французовъ отъ 18 до 40 лѣтъ, допуская, впрочемъ, замѣстительство.

валъ до революціи. Кто знаетъ, съ какой страстностью крестьяне держатся за свою землю, тотъ легко пойметъ, почему при такихъ обстоятельствахъ, рядомъ съ революціоннымъ городскимъ населеніемъ, массами поднимались и крестьяне и цѣлыми толпами отправлялись на границы въ дѣйствующую армію, чтобы сокрушить назойливаго врага. Ихъ поднимало не воодушевленіе за дѣло законодательнаго собранія, позже конвента, парижскихъ якобинцевъ, которые въ первый періодъ войны, съ 1792 года, управляли Франціей и распоряжались ея арміей. Крестьянинъ никогда не былъ сторонникомъ представительнаго образа правленія, при которомъ, вслѣдствіе своей изолированности, своего нравственнаго и умственнаго одичанія, онъ всегда имѣлъ мало вліянія. Во время революціи крестьяне не могли послать депутатами въ собраніе народныхъ представителей людей изъ своей среды: они выбирали адвокатовъ, врачей, чиновниковъ — словомъ, преимущественно городскіе элементы населенія, которые засѣдали въ Парижѣ и находились подъ сильнымъ вліяніемъ «революціонныхъ массъ» этого города. При такихъ обстоятельствахъ, если интересы этихъ элементовъ приходили въ столкновеніе съ интересами крестьянства, законодательная дѣятельность обязательно должна была идти въ ущербъ крестьянству. А недостатка въ такихъ столкновеніяхъ не было. Чтобы успокоить голодающее мелкое мѣщанство и парижскій пролетаріатъ, учрежденія, правившія Франціей, должны были взваливать разныя тяготы или на буржуазію, или на крестьянъ. Естественнo, что когда и насколько было возможно, они охотнѣе принимались за этихъ послѣднихъ.

Но между мелкой буржуазіей и крестьянствомъ возникали нерѣдко и прямые, непосредственные столкновенія: первая естественно требовала дешеваго хлѣба, второе же старалось продавать свои продукты возможно дороже. Это противорѣчіе особенно обострилось, когда якобинцы, послѣ низверженія жирондистовъ, достигли неограниченнаго господства и, желая положить конецъ непрерывному голоду, декретировали максимумъ цѣнъ на предметы первой необходимости и, чтобы привести эту мѣру въ исполненіе, ввели реквизиціи предметовъ первой необходимости не только для арміи, но и для Парижа. Мѣры эти были направлены прежде всего противъ торговцевъ и спекулянтовъ, но онѣ попадали также и въ крестьянъ ¹⁾.

¹⁾ Главной причиной голода была внѣшняя война, которая не только поглощала массу средствъ на содержаніе арміи, но и дѣлала невозможнымъ ввозъ хлѣба изъ-за границы. Можетъ быть, еще опустошительнѣе

Изъ всѣхъ революціонныхъ установленій самую большую любовью крестьянъ пользовалась армія: она была освобождена теперь отъ всѣхъ сословныхъ ограниченій, въ ней, дѣйствительно, «каждый солдатъ носилъ маршальскій жезлъ въ своемъ рукавѣ». Эта армія рекрутировалась преимущественно изъ крестьянскихъ сыновей и открывала для нихъ блестящую карьеру. Но даже для того, кому приходилось навсегда оставаться простымъ солдатомъ, она служила не только могущественнѣйшимъ оружіемъ для защиты вновь приобретенной свободы, вновь приобретенной земли отъ феодализма, грозившаго проникнуть съ помощью Европы снова въ страну, — она была для него также средствомъ обогащенія.

Несомнѣнно; что грабежи побѣдоносной революціонной арміи служатъ для благомыслящихъ обывателей самымъ яснымъ доказательствомъ гибельности принциповъ революціи. Мы позволимъ себѣ здѣсь только замѣтить; что практика грабежа существовала и ранѣе. Со времени паденія ленной системы вплоть до введенія всеобщей воинской повинности, арміи набирались посредствомъ вербовки, рекрутировались изъ неудачниковъ всякаго рода, ядро которыхъ составляла голытьба. Неудивительно, что возрѣнія этого сорта людей перешли и въ практику военного права. Въ дѣйствительности, каждая добыча на ряду съ палкой была единственнымъ «этическимъ мотивомъ», побуждавшимъ солдатъ прошлаго столѣтія проливать кровь за что бы то ни было. Только съ введеніемъ всеобщей и обязательной воинской повинности, когда армія стала набираться изъ всѣхъ классовъ населенія, пониманіе военного права мало по малу измѣнилось, по крайней мѣрѣ, на столько, что безпардонный грабѣжъ частныхъ лицъ во время войны считается теперь недостойнымъ, — за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда не «культурные народы» воюютъ между собою, а «распространяется цивилизація» среди «варварскихъ» или «дикихъ» племенъ. Съ этими племенами расправляются еще и теперь такъ же, какъ тридцать вѣковъ тому назадъ расправлялись въ подобныхъ случаяхъ ассиріяне. Здѣсь все населеніе враждебнаго племени съ женами и дѣтьми разсматривается, какъ непріятельская армія, ихъ имущество — какъ непріятель-

дѣйствовали гражданскія усобицы внутри самой Франціи. Но, помимо всего этого, крестьяне, которыхъ не привуждали откупщики податей продавать во что бы то ни стало хлѣбъ немедленно по окончаніи уборки, сами стали придерживать свои продукты, дожидаясь повышения цѣны, которая дѣйствительно вслѣдствіе всѣхъ этихъ обстоятельствъ быстро повышалась.

скіе военные запасы, которые можно уничтожить безъ всякихъ стѣсненій. Относительно французской революціонной арміи надо еще замѣтить, что ея хищническіе инстинкты могли вполне разыгратъ только тогда, когда установился цезаризмъ Наполеона.

Войны революціи имѣли особенно громадное вліяніе на экономическое развитіе Англіи и Франціи. Онѣ передали въ руки Англіи отчасти на время, а отчасти навсегда колоніи не только Франціи, но и Голландіи, перешедшей въ 1795 году во владѣніе французовъ, и Испаніи, которая была вынуждена въ 1796 году вступить въ союзъ съ Франціей. Эти обстоятельства дали возможность Англіи безпрестанно грабить суда и берега этихъ странъ. Но Франція тоже не положила охулки на руку въ Бельгіи, Голландіи, Италіи, Египтѣ, Швейцаріи и т. д. Не одни только солдаты грабили вволю въ этихъ странахъ: все, что брали здѣсь солдаты было сущими пустяками въ сравненіи съ тѣми огромными суммами, которыя выжимали изъ этихъ странъ полководцы и комиссары частью для себя, частью для государственной казны, въ свою очередь безпощадно расхищавшейся алчными поставщиками. Война со времени паденія якобинцевъ стала для Франціи «выгоднымъ предпріятіемъ», самымъ выгоднымъ изъ всѣхъ, возможныхъ въ то время. Она была самымъ дѣйствительнымъ средствомъ для того, чтобы извлечь сокровища, скопленныя феодализмомъ и непроизводительно лежавшія въ церквахъ, монастыряхъ, въ казначействахъ государей, а также и богатства старинныхъ купеческихъ республикъ: Голландіи, Венеціи, Генуи, — и бросить ихъ въ обращеніе на пользу капиталистическаго способа производства. Французское государство, стоявшее на границѣ банкротства, разбогатѣло, — разбогатѣли и тѣ люди, которымъ положеніе позволяло грабить его. Какъ грибы, росли колоссальныя состоянія и искали выгоднаго примѣненія. Одновременно съ этимъ, побѣдоносныя войны расширяли рынокъ французской промышленности, новый способъ веденія войны не менѣе способствовалъ ея развитію. Небольшимъ сравнительно войскамъ старыхъ монархій революціонная Франція противопоставила громадныя и быстро созывавшіяся арміи, для которыхъ промышленность должна была быстро готовить обмундировку и вооруженіе. Это послужило могущественнымъ рычагомъ для превращенія капиталистической промышленности, которая раньше готовила преимущественно предметы роскоши, въ современную промышлен-

ность, приготовляющую громадныя массы необходимыхъ вещей. И такъ, былъ факторъ, который все это выполнялъ, который устранялъ дефициты въ финансовомъ управленіи, защищалъ крестьянамъ ихъ землю, обогащалъ ихъ сыновей и давалъ имъ ходъ, доставлялъ финансистамъ, капиталистамъ-предпринимателямъ крупныя барыши, ослаблялъ или вовсе уничтожалъ безработицу: этимъ факторомъ была армія. Это значеніе армія, для *экономическаго* развитія Франціи всегда необходимо имѣть въ виду для того, чтобы понять то *политическое* значеніе, котораго она достигла. Предположеніе, будто военная слава внезапно до того вскружила головы французамъ, что крошечное слово *gloire* свело ихъ съ ума, и изъ этого возникла ихъ завоевательная политика, ихъ культъ Наполеона,—такое предположеніе слишкомъ ужъ «идеалистично».

Въ виду такого значенія арміи побѣдоносный полководецъ самъ по себѣ былъ выдающимся политическимъ факторомъ въ государственной жизни Франціи. Но его власть должна была стать подавляющей, лишь только ему удалось овладѣть государственнымъ управленіемъ. Революція сама расширила во всѣ стороны и усилила огромный аппаратъ бюрократіи, унаследованный ею отъ стараго абсолютнаго строя и составлявшій одну изъ самыхъ прочныхъ опоръ его, уничтожила послѣдніе остатки провинціальнаго и сословнаго представительства, которые могли еще противодѣйствовать его всемогуществу; но революція сдѣлала также подчиненіе органовъ управленія фактическому обладателю государственной власти гораздо безграничнѣе, чѣмъ это было раньше, до крайности централизовала и дисциплинировала ихъ.

Средства, находившіяся въ распоряженіи государственной власти, чрезвычайно увеличились, но не увеличилась способность буржуазіи держать эту власть въ зависимости отъ себя посредствомъ парламентаризма. Съ теченіемъ революціи значительная часть буржуазіи стала тяготиться парламентской борьбой: она жаждала покоя. Нѣкоторые слои ея съ самаго же начала относились къ революціи недовѣрчиво и холодно, иногда даже враждебно; господство террора еще больше охладило увлеченіе свободою въ ея рядахъ. И изъ идеологовъ не одинъ утратилъ свои иллюзіи, «образумился»,—увидѣлъ, что революція означаетъ не освобожденіе человѣчества, а освобожденіе капитала, и спокойно смотрѣлъ, какъ свобода, за которую онъ раньше сражался, была конфискована героемъ сабли, который за то подавалъ надежду конфисковать всю Европу

въ пользу капиталистовъ Франціи, сдѣлать ее ихъ слугой и данницей.

Когда Франція начала свое побѣдное шествіе по Европѣ, не было уже ни одного класса, на который буржуазія могла бы опереться. Но одна, безъ союзниковъ, она не могла бы отстоять своего политическаго господства даже во времена самаго большого революціоннаго подъема духа.

Парламентскій строй достался ей во Франціи вслѣдствіе возмущенія привилегированныхъ противъ монархіи. Она была бы не въ состояніи держаться противъ двора и его союзниковъ во Франціи и за-границею безъ энергичной поддержки крестьянъ, мѣщанъ и пролетаріевъ. Но крестьяне боролись, какъ мы видѣли, только противъ *феодальнаго* абсолютизма, но отнюдь не за представительную систему. Новая армія, освобожденная отъ сословныхъ ограниченій, состоявшая преимущественно изъ крестьянъ, была тѣмъ именно учрежденіемъ, которое увлекало ихъ, и когда побѣдоносный полководецъ, возвысившійся изъ низшихъ слоевъ общества, ставъ во главѣ этой арміи, уничтожилъ владычество парламента, чтобы основать свою собственную власть, они не поднялись противъ него, а съ восторгомъ привѣтствовали его, крестьянскаго императора, занявшаго мѣсто правленія адвокатовъ. Тѣ же слои, которые основали республику и отстояли ее отъ напора феодальныхъ державъ, были подавлены и безсильны. Побѣды французскихъ армій поглотили ихъ лучшія силы, и буржуазія подавила, а съ точки зрѣнія своихъ интересовъ и должна была подавить ихъ, но этимъ она и самое себя лишила единственнаго оружія, которымъ она могла бы воспользоваться противъ новаго владычества военщины.

Однако старая монархія безвозвратно погибла; имперія не означала возстановленія феодальной эксплуатаціи, напротивъ, — подобно владычеству террора, она была орудіемъ революціи. Якобинцы организовали революцію во Франціи. Имперія революціонировала Европу.

VII.

Остается указать еще одинъ важный элементъ третьяго сословія — буржуазную интеллигенцію. Буржуазная интеллигенція образовалась вслѣдствіе раздѣленія труда на двѣ категоріи: на трудъ физическій и умственный. Раздѣленіе труда, существовавшее уже и въ прежнемъ обществѣ, она безкопечно

расширила и создала цѣлый рядъ профессій, за которыми остался лишь одинъ умственный трудъ.

Научно образованному технику, конечно, еще мало было дѣла въ прошломъ столѣтіи: примѣненіе научной механики и химіи едва только началось въ промышленности конца прошлаго вѣка. Но въ области путей и средствъ сообщенія новыя условія поставили уже ему важныя задачи: онъ долженъ былъ строить суда, мосты, проводить дороги, каналы; не менѣе важныя требованія предъявляло ему и развитіе военнаго дѣла. Все увеличивающаяся концентрація населенія въ городахъ, пролетаризированіе все большихъ и большихъ слоевъ населенія вызвали опустошительныя эпидеміи, массу разнообразныхъ болѣзней и этимъ увеличили нужду во врачахъ. Возрастаніе же буржуазіи, переселеніе дворянства изъ селъ въ столицу увеличили число людей, могшихъ оплачивать трудъ врача. Чѣмъ болѣе распространялось товарное производство, тѣмъ многочисленнѣе и запутаннѣе становились договоры между различными товаровладѣльцами, тѣмъ болѣе спорными были различныя обязательства, вытекавшія изъ нихъ. Феодальное право, феодальная судебная практика были совершенно безпомощны въ этой области; необходимо было создать новое законодательство и самой подходящей основой для него оказалось—римское право. Необходимы были люди, которые бы посвятили всю свою жизнь этому дѣлу; которые бы могли быстро и легко разбираться въ юридическихъ лабиринтахъ. Классъ юристовъ, судей и адвокатовъ сталъ вліятельнымъ. Новое централизованное государство, занявшее мѣсто непрочнаго стараго союза феодальныхъ общинъ, не могло въ государственномъ управленіи довольствоваться старыми органами управленія: дворянствомъ и духовенствомъ;—они могли лишь мѣшать его дѣятельности. Оно замѣнило ихъ централизованной бюрократіей, особой категоріей людей, занимавшихся управленіемъ не мимоходомъ и между дѣломъ, а специально и исключительно. Для воспитанія и образованія всѣхъ этихъ элементовъ, нужно было много училищъ, много учителей. Такимъ образомъ, возникъ очень значительный классъ набравшійся преимущественно изъ буржуазіи и въ ней имѣвшій свои корни, который получаетъ свои доходы изъ практическаго примѣненія своего ума, своихъ знаній, который поэтому называется *интеллигенціей*, что, понятно, отнюдь не означаетъ, что всѣ члены этого класса дѣйствительно интеллигентны или что вся интеллигентность сконцентрирована исключительно въ немъ. Во главѣ интеллигенціи стояли мыслители,

поставившіе себѣ задачей не практическое примѣненіе знаній, а изслѣдованіе явленій природы и общественной жизни и изученіе ихъ законовъ совершенно независимо отъ того, имѣтъ ли это какое-нибудь непосредственное практическое примѣненіе къ жизни, или нѣтъ: наука была для нихъ цѣлью сама по себѣ. Но какъ ни абстрактны были теоріи этихъ мыслителей,—личныя потребности ихъ были вполне конкретны. Всѣ они хотѣли жить—и не рѣдко хорошо жить.

У древнихъ грековъ, собственно у афинянъ, изслѣдованіе истины, философія была почетнымъ занятіемъ, привилегіей состоятельныхъ и свободныхъ гражданъ. Досугъ, основанный на рабствѣ и иныхъ приемахъ эксплуатаціи, служилъ наукѣ и искусствамъ. То же самое было и у римлянъ, только римляне были созданы изъ болѣе грубаго матеріала. Они слишкомъ быстро изъ грубыхъ крестьянъ превратились въ обладателей всего міра, чтобы жажда наживы, стремленіе къ низменнымъ наслажденіямъ и безсмысленной роскоши не сказывались у большинства римскихъ гражданъ сильнѣе стремленія къ знаніямъ, истинѣ и красотѣ. Но что случилось съ наукой и изящными искусствами въ концѣ среднихъ вѣковъ, въ эпоху возрожденія! Не считая придворнаго дворянства, о которомъ мы сейчасъ скажемъ нѣсколько словъ, мы находимъ здѣсь, съ одной стороны, крестьянски-загрубѣлое помѣстное дворянство и духовенство, которымъ были доступны лишь самыя грубыя наслажденія, съ другой,—торговое сословіе, въ погоню за наживой,—которая тѣмъ болѣе поглощала его, чѣмъ сильнѣе развивалась конкуренція,—терявшее, за рѣдкими исключеніями, всякую способность къ отвлеченному мышленію. Отъ низшихъ классовъ, жившихъ тяжелымъ мускульнымъ трудомъ, всего менѣе можно было ожидать влеченія къ наукамъ и искусствамъ: имъ не доставало для этого ни образованія, ни времени, ни возможности. Ни одинъ изъ обезпеченныхъ и господствующихъ классовъ не имѣлъ стремленія къ духовной дѣятельности: мышленіе и художественное творчество было предоставлено «интеллигенціи»,—людямъ, которые были принуждены выносить на рынокъ свои духовныя силы, также какъ наемный рабочій силу мускульную. Но мыслители и художники находили покупателей только среди придворнаго дворянства. Оно страхнуло съ себя грубость помѣстнаго дворянства, для него было доступно пониманіе высшихъ наслажденій; оно также располагало большимъ досугомъ, вело болѣе беззаботную жизнь, чѣмъ торговое сословіе. Тѣмъ не менѣе, ни одинъ

дворъ не превратился въ академію или философскую школу; придворные не стали мыслителями и учеными, а только «защитниками и покровителями» художниковъ и мыслителей: это было гораздо удобнѣе. Придворный вмѣстѣ съ грубостью своихъ предковъ потерялъ также и ихъ энергію. Усидчивая, систематическая работа какого бы то ни было рода была для него мученіемъ; ему нужны были только развлеченія: наука и искусство должны были служить этой цѣли. При дворахъ, на ряду съ шутами и карликами, держали также художниковъ и философовъ. Понятно, что философія здѣсь не могла требовать большого умственного напряженія: она должна была излагаться легко, пріятно, остроумно и увлекательно.

Еще въ началѣ XVIII вѣка ни одна общественная теорія не могла рассчитывать на распространеніе во Франціи, если она не удовлетворяла этимъ требованіямъ или была враждебна двору. Какъ бы ни были велики ея идеи, пока не было на лицо благопріятныхъ для ея принятія условій, она такъ же мало могла имѣть надежды на успѣхъ, какъ мало можно ожидать отъ самаго лучшаго зерна, упавшаго на каменистую почву.

При такихъ обстоятельствахъ оппозиціонныя тенденціи третьяго сословія мало имѣли возможности найти себѣ теоретическое выраженіе. Областью, въ примѣненіи къ которой онѣ скорѣе всего могли проявиться, была религія. И дворянству, и буржуазіи была одинаково ненавистна зависящая отъ Рима церковь. Но въ высшей степени знаменательно, что самыя злостныя нападки философовъ эпохи просвѣщенія въ первой половинѣ XVIII вѣка были направлены не на отжившія и устарѣлыя формы церковной организаціи, а на самыя новыя, болѣе всего приспособленныя къ современнымъ обстоятельствамъ. Никакими абстрактными идеями невозможно объяснить этого явленія, но оно вполне объясняется классовыми интересами. Старинная феодальная организація церкви, основанная на землевладѣніи, давно уже стала во Франціи „національной“. Уже не папа, а король назначалъ ея сановниковъ, раздавалъ имъ мѣста, выбирая ихъ при этомъ, какъ мы видѣли, почти исключительно изъ дворянъ. Какъ ни глумилось дворянство надъ религіей, оно не могло не быть довольнымъ такимъ порядкомъ; нападокъ, которыя могли бы быть непріятны церкви, оно не терпѣло. Но была одна церковная организація, надъ которой король не имѣлъ власти, которая была вполне въ рукахъ папы. Папа, этотъ иностранецъ, распоря-

жался ея огромными доходами, которые расходовались не только въ пользу французовъ, но и испанцевъ, нѣмцевъ и т. д., такъ какъ организація эта была интернаціональной. И эти доходы отнюдь не служили для обогащенія привилегированныхъ, потому что организація не знала у себя никакихъ сословныхъ различій и возвышала своихъ членовъ по іерархической лѣстницѣ, соображаясь лишь съ ихъ заслугами. Эта организація, этотъ орденъ былъ ненавистенъ дворянству, по не менѣе ненавистенъ былъ онъ и буржуазіи. Онъ именно сумѣлъ воспользоваться въ интересахъ церкви всѣми современными средствами наживы; и тѣмъ легче могъ онъ богатѣть, презирая всякую конкуренцію, что у него были развѣтвленія по всему міру: отъ Китая и Японіи до Мексики и Перу онъ имѣлъ повсюду своихъ миссіонеровъ, агентовъ и шпионовъ, гдѣ лишь и насколько не предупреждала его протестантская конкуренція. Онъ сумѣлъ не только артистически обдѣлывать свои дѣла въ Европѣ, но и возвести въ систему эксплуатацію колоній; онъ первый дошелъ до того, что сталъ извлекать доходы изъ колоній не только посредствомъ грабежа, торговли, плантаторскаго хозяйства, но и посредствомъ привлеченія туземцевъ къ работамъ при разныхъ промышленныхъ предпріятіяхъ, на сахарныхъ заводахъ и т. п. Эти люди, которые такъ ловко умѣли вести свои дѣла, которые были такъ хитры и настойчивы, такъ крѣпко держались другъ за друга, эти члены тѣсной организаціи, не признававшіе никакой родины, никакого отечества, конкуренцію которыхъ католическій буржуа встрѣчалъ или, по крайней мѣрѣ, ожидалъ встрѣтить повсюду, гдѣ только представлялась какая-нибудь возможность „заработать“, которыхъ онъ столь же ненавидѣлъ, какъ и суетѣрно боялся, были вовсе не евреи, какъ могъ бы подумать на основаніи нашихъ словъ какой-нибудь изъ современныхъ „арійцевъ“ или „христіанъ“,—это были іезуиты. На нихъ, на этого общаго врага буржуазіи и придворнаго дворянства обрушились самыя рѣзкія нападки философіи, просвѣщенія самихъ дворовъ и полиціи. Но преслѣдованіе іезуитовъ такъ же мало устраняло экономическія нестроенія прошлаго вѣка, какъ преслѣдованіе евреевъ. Все большимъ гнетомъ, какъ мы видѣли, ложились эти нестроенія на народную массу.

Одновременно съ этимъ мыслители и изслѣдователи общественной жизни становились все независимѣе. Численность «интеллигенціи» значительно возросла; у буржуазіи появился инте-

ресъ къ государственнымъ дѣламъ. Книги стали ходкимъ товаромъ и рядомъ съ книжной торговлей возникла журналистика. Буржуазный философъ и писатель не нуждались уже въ пенсіяхъ и подачкахъ: они получили теперь возможность зарабатывать себѣ, — хотя иногда и очень скудные, — средства къ существованію. Съ этихъ именно поръ, со второй половины XVIII вѣка, стало возможнымъ появленіе и успѣшное распространеніе разныхъ независимыхъ теорій. Все съ большимъ и большимъ вниманіемъ относились мыслители къ народу; изъ «философовъ» они превратились уже въ экономистовъ и политиковъ. Тѣмъ не менѣе начала критики, возникшія во второй половинѣ XVIII столѣтія, встрѣчали мало сочувствія и пониманія въ обществѣ. Въ общественныхъ теоріяхъ, имѣвшихъ тогда большое вліяніе, и прежде всего въ теоріи Руссо проявленіе коммунистическихъ тенденцій могутъ видѣть лишь люди, слишкомъ поверхностно знакомые съ дѣломъ. Задачей времени было устраненіе феодальныхъ стѣсненій, мѣшавшихъ развитію товарнаго производства. Буржуазная интеллигенція при всѣхъ своихъ симпатіяхъ къ эксплуатируемымъ, не могла стать выше міровоззрѣнія буржуазіи, къ которой она и сама принадлежала по своимъ семейнымъ связямъ, по своему общественному положенію и по всѣмъ условіямъ своего существованія. Но ея воззрѣнія не суживались временными и индивидуальными интересами различныхъ слоевъ капиталистическаго міра. Интеллигенція стала выше погрязшей въ свои гешефты, дѣловой буржуазіи; она могла обобщать факты и дѣлать изъ нихъ логически правильные выводы: она располагала значительнымъ запасомъ свѣдѣній относительно явленій общественной жизни настоящихъ и прошлыхъ временъ, — словомъ, она поняла коренные и существенные интересы буржуазіи, которые тогда вполне совпадали съ общими требованіями историческаго развитія.

Буржуазная интеллигенція еще не дошла тогда до того, чѣмъ она стала впослѣдствіи: ей еще и въ голову не приходило подлаживаться со своими теоріями къ желаніямъ и вкусамъ кого-либо. И она приобрѣла посредствомъ революціи огромную власть, которая дала ей возможность проводить въ жизнь свои теоріи. Съ паденіемъ придворнаго дворянства и тѣсно связанныхъ съ нимъ высшихъ слоевъ финансоваго міра во Франціи остался лишь одинъ классъ, который былъ способенъ къ управленію государствомъ: именно, — буржуазная интеллигенція. Еще и теперь, когда въ большей части конституціонныхъ государствъ болѣе

значительные слои народа и прежде всего городскіе рабочіе, благодаря своему участию въ политической жизни, нѣсколько ознакомились съ потребностями государства, съ задачами законодательной дѣятельности, съ современными приемами управленія, съ парламентскимъ обсужденіемъ общественныхъ дѣлъ, — и теперь все еще въ парламентахъ преобладаетъ буржуазная интеллигенція. Какое же громадное значеніе она должна была имѣть сто лѣтъ тому назадъ во Франціи, гдѣ въ продолженіе многихъ вѣковъ ревниво подавлялась всякая политическая жизнь, всякое политическое движеніе! Даже парижская мелкая буржуазія выбирала своихъ представителей не изъ своей среды, а изъ юристовъ, журналистовъ и т. п.

Такимъ образомъ, буржуазная интеллигенція получила въ свои руки государственную власть и стала пользоваться ею для проведенія въ жизнь своихъ тенденцій, т. е. тенденцій, выражавшихъ классовые интересы буржуазіи. И такъ какъ эти тенденции болѣе всего соотвѣтствовали важнѣйшимъ и существеннѣйшимъ требованіямъ историческаго развитія, — то онѣ, естественно, совпадали съ дѣйствительными тенденціями революціи. Кромѣ того, интеллигенція во время революціи болѣе всѣхъ остальныхъ слоевъ населенія пользовалась словомъ и ея дѣятельность, ея стремленія и требованія всего полнѣе выразились и сохранились въ рѣчахъ, книгахъ, газетахъ. Неудивительно поэтому, что идеологи, довольствующиеся лишь внѣшностью, пришли къ убѣжденію, что мыслители и ихъ идеи вызвали революцію, руководили и управляли ею.

Несомнѣнно, что буржуазная интеллигенція принадлежитъ къ тѣмъ классамъ, которые болѣе всего наложили свою печать на французскую революцію. Насколько она выразилась въ государственномъ управленіи, — она является дѣломъ интеллигенціи. Но странно было бы думать, что революція произведена министерскими декретами и рѣшеніями парламента. Важнѣйшія рѣшенія различныхъ національныхъ собраній: учредительнаго и законодательнаго собраній, конвента лишь узаконяли то, что уже было сдѣлано.

Не въ событіяхъ революціи сказалось громадное значеніе и вліяніе интеллигенціи, а въ тѣхъ вещахъ, которыя пережили революцію. Не она взяла Бастилію, не она уничтожила бремя феодализма, не она избавила Францію отъ внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ. Но она дала ей тѣ принципы, тѣ основы, на которыхъ еще и теперь покоится ея общественная организція, она создала право, которое еще и теперь считается, са-

мымъ приспособленнымъ къ современнымъ общественнымъ отношеніямъ. Конечно, полководецъ, родившійся подъ столь счастливой звѣздой, анектировалъ это право и воспользовался имъ для своихъ цѣлей: „гражданскій кодексъ“ сталъ „кодексомъ Наполеона“. Но тѣмъ не менѣе этотъ кодексъ созданъ интеллигенціей конвента.

VIII.

Оригинальное положеніе между третьимъ и первыми двумя сословіями занимали органы государственнаго управленія.

Здѣсь отчасти еще сохранились органы стараго феодальнаго управленія, лишеныя своихъ функцій, но не доходовъ. Такъ какъ соотвѣтствующія должности и мѣста принадлежали къ важнѣйшимъ средствамъ эксплуатаціи въ пользу феодальнаго дворянства, то онѣ упразднялись далеко не въ той мѣрѣ, какъ становились излишними. Напротивъ, число самыхъ доходныхъ и самыхъ ненужныхъ изъ нихъ было, какъ мы видѣли, еще увеличено въ теченіе XVIII столѣтія.

Рядомъ съ этими бесполезными органами управленія должны были возникнуть новые—въ области юстиціи, полиціи, податей и налоговъ, — болѣе соотвѣтствовавшіе требованіямъ новой монархіи. Создавались все новые и новые посты; чиновники на эти посты назначались королемъ. Но въ началѣ на содержаніе ихъ отпускались лишь ничтожныя суммы или даже не отпускалось ровно ничего: чаще всего они должны были вознаграждать себя поборами и взятками, которыми населеніе оплачивало исполненіе ихъ служебныхъ обязанностей. По мѣрѣ того, какъ расширялся кругъ дѣятельности чиновничества, возрастали также и его доходы; отсюда переходъ къ тому, что короли, вѣчно нуждавшіеся въ деньгахъ, вмѣсто «пожалованій» стали просто продавать чиновническія мѣста. Этотъ обычай возникъ еще въ XV вѣкѣ; онъ укоренился быстро и прочно, и сталъ главнымъ источникомъ королевскихъ доходовъ. Для увеличенія этихъ доходовъ число государственныхъ должностей быстро увеличивалось. Не только представители цеховъ и другихъ корпорацій, но даже простые цеховые мастера стали государственными чиновниками: они должны были платить за свои «мѣста», если ихъ цехи не были достаточно богаты, чтобы купить себѣ самостоятельность. У городовъ стали отнимать ихъ автономію, чтобы, если они не въ состояніи были откупиться, сдѣлать городскія должности и чины государственными, причемъ, конечно, содержаніе ихъ

падало на горожанъ. Но это не могло положить предѣла вѣчной и крайней нуждѣ монарховъ въ деньгахъ; стали, наконецъ, изобрѣтать самыя безсмысленныя и ненужныя должности, возлагая содержаніе ихъ на населеніе. Такъ, наприм., въ послѣдніе годы царствованія Людовика XV были придуманы слѣдующіе «должности» и чины: надсмотрщики за париками, надсмотрщики за свиньями и поросятами, счетчики сѣна, надзиратели за складкой дровъ (*conseillers du roi controleurs aux empilements du bois*), надсмотрщики за свѣжимъ и соленымъ масломъ, и т. д. и т. д. Съ 1701 по 1715 гг. король получилъ отъ продажи новыхъ должностей 542 ливровъ. На то, какіе люди являлись покупателями этихъ должностей, не обращали вниманія. Казначей въ арміи покупали мѣста тѣхъ, которые должны были контролировать ихъ, и избавлялись такимъ образомъ отъ всякаго контроля. Громадное предложеніе этихъ должностей часто значительно понижало цѣны на нихъ, но были между ними и такія, которыя всегда оплачивались дорого. Именно, мѣста въ высшихъ учебныхъ учрежденіяхъ, парламентахъ цѣнились чрезвычайно высоко. Они не только были наслѣдственны и освобождали своихъ владѣльцевъ отъ податей, какъ и большая часть другихъ должностей, но кромѣ того давали дворянское достоинство и большія надежды на крупныя взятки. Мѣсто президента парижскаго парламента стоило 500,000 ливровъ.

Естественно, что эти чиновники, экономически совершенно независѣвшіе отъ короля, были не только безконтрольны, но и при исполненіи своихъ обязанностей обыкновенно преслѣдовали только свои корыстныя цѣли. Имъ нечего было бояться устраненія отъ должности, они не могли рассчитывать на повышеніе и, не имѣя никакихъ интересовъ въ той области, въ которой они распоряжались, никакихъ связей съ нею, дѣйствовали по своему произволу. Они не довольствовались обыкновенными доходами и поборами, а старались увеличить ихъ до послѣднихъ предѣловъ посредствомъ злоупотребленія властью. Податные чиновники обманывали казну, освобождали отъ взноса податей богатыхъ, которые за деньги пріобрѣтали ихъ расположеніе, и, чтобы покрыть недочетъ, все податное бремя вваливали на бѣдныхъ. Продажны были суды, продажна полиція; безпорядокъ, необезпеченность, подкупъ господствовали во всѣхъ областяхъ государственнаго управленія. И все это вызывалось не прислуживашемъ «начальству», не карьеризмомъ, такъ какъ люди, покупавшіе мѣста, не имѣли никакихъ надеждъ на повышеніе.

Съ такимъ чиновничествомъ невозможно было долго управлять большимъ современнымъ государствомъ. Подъ нимъ возникъ новый слой чиновниковъ, строго централизованная и выполнѣ завѣсѣвшая отъ короля бюрократія, которая дѣлала совершенно излишними функціи не только феодальныхъ органовъ управленія, но и покупныхъ должностей, нисколько не уменьшивъ, впрочемъ, ни ихъ числа, ни эксплуатаціи, производимой ими ¹⁾. Лишь благодаря ей, государство стало простымъ домѣномъ государя, интересы монарха — государственными интересами, а вмѣстѣ съ тѣмъ и эти послѣдніе — личными интересами короля. Дѣйствительно, чѣмъ сильнѣе, чѣмъ богаче государство, тѣмъ могущественнѣе и богаче его король. Важнѣйшей его задачей теперь стали заботы о матеріальномъ благосостояніи его подданныхъ... Чѣмъ болѣе вытѣсняла бюрократія старыя формы государственнаго управленія, тѣмъ шире и настойчивѣе она вторгалась въ экономическую жизнь страны, тѣмъ ревностнѣе государственная власть старалась покровительствовать торговлѣ, промышленности, земледѣлію, устранять посредствомъ административныхъ и всякихъ иныхъ реформъ всѣ помѣхи, стѣснявшія ихъ развитіе и защищать производительные классы населенія отъ чрезмѣрнаго гнета и разрушительной эксплуатаціи привилегированныхъ; словомъ, — чѣмъ абсолютнѣе становилась монархія, тѣмъ больше усиливалась ея тенденція — стать монархіей «просвѣщенной».

Король былъ обыкновенно — если не считать церкви — самымъ крупнымъ землевладѣльцемъ страны. «Мы не знаемъ точно, какъ была распредѣлена земля между владѣльцами въ 1789 году», говорить Л. де Лавернь: «мы знаемъ только относительно королевскихъ домѣновъ, — и всѣ свѣдѣнія въ этомъ отношеніи совпадаютъ, — что они вмѣстѣ съ общинными землями занимали *пятую* часть всей французской земли» ²⁾. Мы можемъ себѣ представить, какъ обширны были владѣнія короля, если мы вспомнимъ о тѣхъ милліонахъ моргеновъ, которые занимали одни королевскіе лѣса, назначенные спе-

¹⁾ Tocqueville въ своемъ знаменитомъ сочиненіи: «L'ancien regime et la révolution» классически изобразилъ, какъ эта новая бюрократія, по исторической необходимости выросла подъ покровомъ феодализма и уже тогда обнаружила всѣ характеристическія свойства позднѣйшей бюрократіи. Но революцію онъ понимаетъ слишкомъ односторонне: онъ видитъ въ ней только административный и политическій переворотъ.

²⁾ Leonce de Lavergne: «Economie rurale de la France depuis 1789». Paris. 1866, стр. 49.

циально для охоты: это была область, равная приблизительно всей территории великаго герцогства Ольденбургскаго. Къ этому надо прибавить еще земли, принадлежавшія принцамъ королевской фамиліи: онѣ занимали, по словамъ Неккера, *седьмую* часть Франціи. Но у короля, какъ владѣльца феодальныхъ домѣновъ, были особые интересы, не совпадавшіе съ интересами государства, верховнаго собственника громаднхъ земель. Будучи самъ феодальнымъ государемъ и феодаломъ, «братьями» и «добрыми друзьями» котораго были всѣ остальные феодалы, король имѣлъ всѣ основанія упорно отстаивать феодальную эксплуатацію, феодальныя привилегіи и противиться всѣмъ реформамъ, которыя могли бы уменьшить или ослабить ихъ. Въ качествѣ главы феодаловъ, онъ видѣлъ задачу государственнаго управленія не въ томъ, чтобы способствовать возможно большему увеличенію матеріальнаго благосостоянія подданныхъ, а лишь въ томъ, чтобы извлекать изъ нихъ возможно большіе доходы для себя и для своихъ придворныхъ.

Указанное нами раздвоеніе нашло свое классическое выраженіе въ Людовикѣ XVI: слабый, колеблющійся, лишенный всякой самостоятельности, характеръ его былъ точно нарочно созданъ для воплощенія всякихъ противорѣчій. Въ Маріи-Антуанетѣ, напротивъ, не было и слѣда этого раздвоенія: не имѣвшая ни малѣйшаго понятія о задачахъ и нуждахъ государственнаго управленія, которымъ она лишь тогда интересовалась, когда нужно было позаботиться о ея любимцахъ или устранить людей непріятныхъ ей,—она задачу королевской власти видѣла исключительно въ придворныхъ развлеченияхъ. Она повредила королевству во Франціи гораздо больше, чѣмъ Помпадуръ, которая обнаружила несравненно большее пониманіе государственныхъ нуждъ.

Если Людовикъ XVI былъ классическимъ представителемъ «раздвоенія души» абсолютной монархіи прошлаго вѣка, то обѣ половины ея въ царствованіе этого короля нашли также свое классическое выраженіе въ лицѣ Тюрго и Калона. Первый изъ нихъ, столь же глубокій мыслитель, какъ и сильный характеръ, старался въ качествѣ министра, дѣйствительно, воспользоваться государственной властью для защиты слабыхъ, для поднятія матеріальнаго благосостоянія народа, пытался провести въ жизнь тѣ начала, которыя были признаны теоретиками обязательными и необходимыми для существованія государства и общества. Онъ отказался злоупотреблять государственнымъ управленіемъ, онъ уничтожилъ барщину, внут-

ренія таможни, цехи и освободилъ индустрію отъ гнета регламентовъ. Онъ хотѣлъ привлечь къ несенію податнаго бремени дворянство и духовенство въ равной степени съ третьимъ сословіемъ и расходование государственныхъ доходовъ подвергнуть контролю представительнаго собранія. И вотъ, подъ главенствомъ королевы поднялся противъ смѣлаго реформатора весь сонмъ эксплуататоровъ и Тюрго палъ въ 1776 году. Послѣ цѣлаго ряда экспериментовъ, попытокъ устроить дѣло такъ, чтобы и волкъ былъ сытъ, и овцы цѣлы, король призывалъ къ кормилу правленія Калона (1783 г.). Этотъ человѣкъ, поверхностный, но безстыдный вертопрахъ и, какъ говорится, тертый калачъ, былъ представителемъ того принципа, по которому надо было приносить въ жертву не только настоящіе, но и будущіе доходы страны, грабить не только наличные финансы государства, но и его кредитъ. Займы стали быстро слѣдовать другъ за другомъ; въ продолженіе трехсотъ лѣтъ своего управленія онъ раздобылъ для государственнаго казначейства 650 милліоновъ ливровъ,—сумму громадную по тогдашнимъ обстоятельствамъ. «Когда я увидѣлъ, что всѣ протягиваютъ руки, такъ я ужъ протянулъ свою шляпу», рассказываетъ одинъ принцъ о раздолѣ того времени. Дѣйствительно, не слышно было ни одного голоса, который бы предостерегъ, указалъ, къ чему можетъ привести это безумное мотовство. Самъ Людовикъ XVI былъ вполне доволенъ своимъ министромъ, который былъ такъ «дѣятеленъ». Весь дворъ удивлялся, какъ легко, какъ быстро удалось этому великому человѣку рѣшить «соціальныя вопросы» ¹⁾).

Безумное мотовство имѣло естественнымъ слѣдствіемъ ускореніе неизбежнаго крушенія всей системы. Послѣ трехъ лѣтъ сумасброднаго хозяйничанья изобрѣтательность Калона истощилась; годовой дефицитъ достигъ до 140 милліоновъ ливровъ, и, наконецъ, самъ Калонъ долженъ былъ сознаться, что уже никакіе займы не могутъ отсрочить съ минуты на минуту грозящаго банкротства, что единственное спасеніе заключается въ возвышеніи государственныхъ доходовъ и уменьшеніи расходовъ; но какъ то, такъ и другое можно было сдѣлать только на счетъ привилегированныхъ. Когда Калонъ сообщилъ это нотаблямъ, созваннымъ имъ въ февралѣ 1787 г., взрывъ ярости негодованія привилегированныхъ былъ отвѣ-

¹⁾ Когда былъ утвержденъ первый предложенный имъ заемъ, расписанный имъ самымъ плутовскимъ образомъ, одинъ сановникъ сказалъ: «я зналъ, что Калонъ спасетъ государство, но я никогда бы не подумалъ, что это такъ скоро удастся ему».

томъ на его слова, но не противъ того безстыдства, съ которымъ онъ хозяйничалъ до сихъ поръ, а только противъ того, что это безстыдное хозяйничанье должно кончиться, такъ какъ продолженіе его стало невозможнымъ. Калонъ палъ, но когда его преемники стали по необходимости продолжать политику увеличенія податного обложенія привилегированныхъ, они поднялись противъ самой королевской власти. Это невѣроятно, но вполне вѣрно: привилегированные, которые давно потеряли почву подъ ногами, единственной опорой которыхъ оставалась еще только королевская власть, напрягали теперь всѣ свои соединенныя усилія, чтобы подорвать и уничтожить именно эту свою опору.

Монархическая государственная власть не въ состояніи была оказать противодействие дружному напору всѣхъ сословій. Она должна была согласиться на созваніе генеральныхъ штатовъ, которые и были открыты 5 мая 1789 года. Съ этого времени обыкновенно и считаютъ начало революціи. Но замѣчательно, что возмущеніе противъ абсолютной королевской власти началось гораздо раньше, и что именно *привилегированные* классы дали первый толчекъ ему и вызвали движеніе, которое должно было привести къ ихъ же гибели; замѣчательно, что именно они всего упорнѣе настаивали на созывѣ того собранія, которому предстояло завершить ихъ паденіе. Конечно, повздоровшіе братья скоро снова примирились лишь только они увидѣли, какъ враждебно имъ настроеніе депутатовъ третьяго сословія. Но было уже поздно.

IX.

Какъ ни странны раздоры между королевской властью и дворянствомъ во Франціи передъ самой революціей, еще страннѣе, еще невѣроятнѣе, что такіе же раздоры могли существовать даже послѣ революціоннаго взрыва и въ другихъ государствахъ, что самые ничтожные, временные интересы вызывали напряженную борьбу между такими элементами, существенные и общіе интересы которыхъ самымъ настоящимъ образомъ требовали тогда ихъ союза и совмѣстнаго дѣйствія.

Иосифъ II австрійскій вслѣдствіе своего пониманія современныхъ требованій, вслѣдствіе своихъ убѣжденій произвелъ въ своихъ странахъ реформы, подобныя тѣмъ, которыя время отъ времени имѣло въ виду слабое правительство Людовика XVI. Онъ уничтожилъ сословныя представительныя учрежденія и

подчинилъ привилегированныхъ наравнѣ съ «простыми людьми» бюрократіи. Дворянство потеряло свою свободу отъ податей и неограниченную власть надъ крестьянами, духовенство—множество монастырей, и образовавшаяся вслѣдствіе продажи государственныхъ должностей, чиновная аристократія, особенно сильная въ Бельгіи, бывшей тогда еще габсбургскимъ владѣніемъ,—свои взятки и поборы. Отсюда страшное возмущеніе привилегированныхъ, ропотъ и противодѣйствіе власти, перешедшіе въ Венгріи и Бельгіи въ 1789 г., наконецъ, въ вооруженное возстаніе, которому прусское правительство изъ всѣхъ силъ старалось поддавать жару, надѣясь этимъ ослабить Австрію ¹⁾. «Прусскій посолъ въ Вѣнѣ, Якоби, стоялъ въ тѣсныхъ сношеніяхъ съ вождями оппозиціи и старался подстрекать ихъ на всякій шагъ, который могъ бы привести къ открытому возстанію противъ императора». Такъ говоритъ г. von Sybel ²⁾, котораго ужъ, конечно, никто не станетъ подозревать во враждебныхъ намѣреніяхъ. Не странное ли это зрѣлище: въ самый годъ революціоннаго взрыва прусскій король идетъ рука объ руку съ аристократическими и ультрамонтанскими бунтовщиками противъ германскаго императора?!

Неповиновеніе венгерскаго дворянства еще можно объяснить: оно само было еще достаточно сильно, чтобы отстаивать свои интересы и не нуждалось для этого въ монархіи. Оно, а не правительство, уладило возстаніе крестьянъ въ 1784 и 1785 гг. Но совсѣмъ иначе было въ Бельгіи. Здѣсь феодальное дворянство было такъ же безсильно, его положеніе такъ же пошатнулось, какъ и въ сосѣдней Франціи. И тѣмъ не менѣе его не научилъ примѣръ французскаго дворянства. Непосредственно послѣ взятія Бастиліи и 4 августа, оно въ союзъ съ демократами подняло возстаніе и объявило Бельгію независимой республикой. 4 января 1790 г. государственные чины различныхъ бельгійскихъ провинцій учредили «Соединенные Штаты Бельгіи», конечно, не по американскому, а по старо-феодальному образцу. Но немедленно по завоеваніи «свободы» возникли раздоры между привилегированными и представителями правъ народа, желавшими подражать примѣру Франціи. Сверхъ того, и Пруссія провела своихъ союзниковъ. Вмѣсто того,

¹⁾ И это не впервые прусское правительство старалось воспользоваться волненіями въ Венгріи для своихъ цѣлей. Еще Фридрихъ II считалъ выгоднымъ приобрести «довѣріе и привязанность» этихъ «добрыхъ людей». См. Adam Wolf: «Oesterreich unter Maria Theresia, Josef II und Leopold II». Berlin. 1883. Стр. 299.

²⁾ См. его: «Geschichte d. Revolutionszeit» т. I стр. 103.

чтобы объявить Австріи войну, чего можно было ожидать одно время, она сблизилась съ габсбургской монархіей и готовилась вступить съ нею въ союзъ на основаніи рейхенбахскаго договора (27 іюня 1790). Когда же Іосифъ II умеръ и его преемникъ, Леопольдъ II, пошелъ на уступки, чему еще раньше подалъ примѣръ самъ Іосифъ II,—Венгрія быстро успокоилась и изолированная, безпочвенная бельгійская инсurreкція была легко уничтожена (зимой 1791—92 гг.). Но этотъ революціонный эпизодъ сильно встряхнулъ бельгійскій народъ. Бельгію невозможно было уже умиротворить вполнѣ: здѣсь подготовлялось новое, дѣйствительно, революціонное движеніе, и, когда французы вторглись въ эту страну въ 1792 году, они заняли ее почти безъ всякаго труда. Спокойная Бельгія была бы прочной точкой опоры для контр-революціонныхъ операцій противъ Франціи: отсюда можно было бы даже поставить революцію въ очень опасное положеніе. Но слѣпая жадность дворянства, духовенства и чиновной аристократіи превратила ее въ мѣсто, лишь удобное для вылазокъ французовъ.

Еще непринужденнѣе, чѣмъ въ Венгріи и Бельгіи, вело себя дворянство въ Швеціи. Густавъ III посредствомъ цѣлаго ряда государственныхъ переворотовъ отнималъ у него различныя привиллегіи, пока онъ не достигъ, наконецъ, въ 1789 г. неограниченной власти. Но онъ воспользовался властью и доходами, доставшимися ему послѣ низверженія дворянства, не для поднятія благосостоянія страны, а единственно для своихъ ребяческихъ похощеній, поглощавшихъ громадныя суммы денегъ. Этотъ театральный герой, все мечтавшій о драматическихъ эффектахъ, страдавшій маніей самага смѣшнаго величія, хотѣлъ разыграть роль передового борца. Онъ проповѣдывалъ крестовый походъ противъ Франціи и хотѣлъ пробраться со своимъ флотомъ по Сенѣ до Парижа. Въ 1791 г. онъ ѣздилъ въ Аахенъ, чтобы принять участіе въ заговорѣ французскихъ эмигрантовъ съ цѣлью возстановленія монархіи. Между тѣмъ, противъ него образовался заговоръ шведскаго дворянства, которое, наконецъ, пришло къ тому убѣжденію, что оно лишь тогда можетъ вернуть свои привиллегіи, когда избавится отъ короля. 17 марта 1793 г. этотъ пылкій дѣятель контр-революціи былъ сраженъ пулей одного изъ заговорщиковъ, Анкарстрорма.

Но люди, управлявшіе государствами въ то время, оказались еще болѣе близорукими, чѣмъ дворянство: ихъ ослѣпляла самая ограниченная, самая дикая жадность.

Французская революція застала Европу въ самомъ началѣ большой войны. Русская императрица Екатерина II сумѣла склонить императора Іосифа на совмѣстную войну съ Турціей въ надеждѣ на раздѣлъ этого государства. Война была начата русскими въ 1787 г., а Австріей—въ 1788 г. Пруссія не могла безучастно смотрѣть на это предпріятіе. Со времени Фридриха II ея политика была направлена на то, чтобы не допускать увеличенія Австріи безъ соотвѣтствующаго расширенія границъ Пруссіи. Если бы Австрія присоединила къ себѣ турецкія провинціи, она должна была бы «вознаградить» за это Пруссію такимъ образомъ, что Австрія возвратитъ Польшѣ Галицію, Польша же взамѣнъ этого уступитъ Пруссіи нѣкоторыя земли съ городами: Торнемъ и Данцигомъ. Было ясно, что этихъ уступокъ Австрія добровольно не сдѣлаетъ. Поэтому Пруссія начала готовиться къ войнѣ и стала пріискивать союзниковъ; ближайшимъ и удобнѣйшимъ союзникомъ была страна, у которой хотѣли отнять еще часть территоріи,—Польша. Г. фонъ Зибель, въ своемъ сочиненіи, о которомъ мы уже упоминали выше, рассматриваетъ, насколько намъ извѣстно, подробнѣе всѣхъ вопросъ о вліяніи второго и третьяго раздѣла Польши на французскую революцію, опираясь при этомъ отчасти на архивные источники, очень мало доступные публикѣ: въ катастрофѣ, постигшей Польшу, онъ видитъ слѣдствіе «великаго и глубокаго грѣха» ¹⁾ и набрасываетъ потрясающую картину паденія польской аристократіи и того угнетенія и эксплуатаціи, которыми она терзала польскій народъ... Въ то время, какъ войска Екатерины II были заняты военными дѣлами въ Турціи, польскіе патріоты рѣшили, что настало самое благопріятное время для того, чтобы избавиться отъ вліянія Россіи. Пруссія, чтобы повредить Австріи, подстрекала ихъ къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ, поддерживала ихъ виды на Галицію, не отказываясь, конечно, и отъ своихъ собственныхъ видовъ на Торнъ и Данцигъ, и наконецъ, 29 марта 1790 г. даже заключила съ Польшей формальный союзъ, причемъ обѣ стороны обязывались взаимно оказывать другъ другу помощь въ случаѣ какихъ либо нападеній извнѣ.

Одновременно съ этимъ Пруссія, какъ мы видѣли, поддерживала мятежниковъ въ Венгріи и Бельгіи.

Англія была въ союзѣ съ Пруссіей, такъ какъ она уже тогда видѣла въ Россіи державу, усиленіе которой должно

¹⁾ См. его «Geschichte d. Revolutionszeit.», т. II, стр. 167.

сильно повредить ея торговлѣ. Единственное государство, которое еще могло бы выступить противъ Пруссіи, была французская монархія, союзная съ Австріей и породнившаяся съ ней. Какое же счастье было для прусскаго двора, когда революція сдѣлала эту державу неспособной къ войнѣ въ данное время! Онъ такъ мало понималъ значеніе революціи, такъ ослѣпила его жажда «расширенія границъ», что ослабленіе французскаго королевства онъ привѣтствовалъ, какъ желанное явленіе, потому что при этомъ исчезла послѣдняя помѣха исполненію его плановъ относительно Польши ¹⁾. Прусское правительство не только обрадовалось революціи, — оно даже вступило съ нею въ союзъ. Пруссійскій посолъ въ Парижѣ, графъ Гольцъ (Goltz), вошелъ въ самыя близкія сношенія съ демократической партіей національнаго собранія. Петіонъ, депутатъ самой крайней лѣвой, получилъ однажды поздравленіе отъ прусскаго короля по случаю произнесенія имъ одной демократической рѣчи; прусскій король принималъ самое живое участіе въ томъ, чтобы рѣшеніе вопроса о войнѣ и мирѣ было отнято у короля, — конечно, во Франціи, — такъ какъ это избавило бы его на дальнѣйшее время отъ всякаго нападенія со стороны Франціи. Чтобы не слишкомъ компрометировать Гольца, къ нему для исполненія деликатныхъ порученій былъ прикомандированъ еврей Эфраимъ (въ сентябрѣ 1790 г.), тотъ самый, который дѣйствовалъ въ интересахъ Пруссіи въ Бельгіи во время возстанія ²⁾.

Положеніе дѣлъ въ Европѣ въ 1770 г. было въ высшей степени благопріятно для Пруссіи: французское королевство не могло вести войны по дипломатическимъ соображеніямъ; въ Бельгіи одержало верхъ возстаніе, возстаніе было и въ Венгріи; тылъ Пруссіи былъ прикрытъ со стороны Россіи Польшей и Швеціей; Россія и Австрія были слишкомъ заняты и озабочены въ Турціи, которая совершенно неожиданно проявила большую силу. При такомъ положеніи дѣлъ Австрія казалась совершенно беззащитной передъ Пруссіей, вступившей въ союзъ съ богатой Англіей, и Фридрихъ Вильгельмъ II

¹⁾ «Легко себѣ представить, съ какой сердечной радостью встрѣтилъ онъ (прусскій министръ Герценштейнъ) извѣстіе о первыхъ проявленіяхъ революціонной анархіи во Франціи. Съ радостнымъ сердцемъ доложилъ онъ королю 5 іюля: «Во Франціи власть короля пошатнулась, войска отказываются повиноваться, Людовикъ объявилъ народу, что королевское засѣданіе онъ считаетъ несуществовавшимъ: это напоминаетъ одну сцену съ Карломъ I; это прекрасный случай, которымъ должны воспользоваться хорошия правительства» (Sybel, I т. стр. 161).

²⁾ Мы не знаемъ, не былъ ли онъ родственникомъ того «знаменитаго» Эфраима, который такъ умѣло обдѣлывалъ извѣстныя «денежныя дѣла» Фридриха II.

вызывалъ ее на войну. Но въ Австріи тѣмъ временемъ умеръ энергичный и настойчивый Іосифъ и на престолъ вступилъ осторожный и осмотрительный Леопольдъ (20 февраля 1790 г.). Своей уступчивостью онъ обезоружилъ своихъ враговъ, умиротворилъ Венгрію, разъединилъ возставшихъ въ Бельгіи и пришелъ къ рейхенбахскому соглашенію съ Пруссіей, которымъ былъ уничтоженъ всякій предлогъ къ войнѣ посредствомъ удовлетворенія требованій Пруссіи.

Между тѣмъ, революція достигла во Франціи такихъ размѣровъ и настолько ясно обнаружила тенденціи, враждебныя абсолютной монархіи, что она должна была заставить призадуматься даже самаго ограниченнаго государственнаго чело-вѣка въ заграничныхъ монархіяхъ. Съ каждымъ днемъ становилось все яснѣе и яснѣе, что европейскія монархіи должны уничтожить эти тенденціи или, по крайней мѣрѣ, создать какой-нибудь оплотъ противъ нихъ. И онѣ это признавали и стали уже выражать довольно открыто. Такими выраженіями монархическихъ тенденцій были: прокламація Леопольда изъ Мантуи, его циркулярная нота изъ Падуи и, наконецъ, грозный манифестъ Австріи и Пруссіи, съ которымъ эти державы, по заключеніи формальнаго договора въ Пильницѣ, обратились къ Франціи. Императоръ смотрѣлъ сквозь пальцы на военные приготовленія эмигрантовъ, которые у самой французской границы образовали настоящую армію для вторженія во Францію. Во Франціи не оставалось никакого сомнѣнія, что Пруссія и Австрія затѣваютъ войну противъ революціи, но тѣмъ не менѣе на самомъ дѣлѣ союзники не дѣлали ни одного шага, который бы выдалъ ихъ планы. Г. фонъ Зибель съ большою подробностью разбираетъ сношенія державъ между собой въ это время и полагаетъ, что изъ нихъ надо вывести, будто всѣ государства были проникнуты полнѣйшимъ миролюбіемъ и будто война была вызвана Франціей. Но мы пришли къ совершенно иному заключенію. Правда, во Франціи, какъ жирондисты, такъ и дворъ и его сторонники настаивали на войнѣ: первые—потому, что они считали войну неизбежною и находили нужнымъ ударить на врага раньше, чѣмъ онъ готовится къ отпору; вторые—потому, что они надѣялись, что война приведетъ къ занятію Франціи Пруссіей и Австріей и къ реставраціи старой монархіи. Но съ другой стороны, война все дальше и дальше откладывалась, не изъ миролюбія, конечно, а единственно потому, что ни одна изъ заинтересованныхъ державъ не вѣрила другимъ. Россія старалась поскорѣе

окончить войну съ Турціей, которую она послѣ примиренія австрійцевъ съ турками, вела одна, чтобы освободить свою армію и употребить ее противъ Польши, попытавшейся стать на свои собственные ноги. Пруссія знала, что предстоитъ скорое рѣшеніе польскаго вопроса; она не отступилась отъ своихъ видовъ на расширеніе границъ и надѣялась получить теперь въ союзѣ съ Россіей противъ Польши то, чего ей не удалось получить въ союзѣ съ Польшей противъ Россіи. Для обѣихъ этихъ державъ Австрія была крайне неудобнымъ союзомъ; онѣ старались поэтому впутать Леопольда въ войну съ Франціей, чтобы развязать себѣ руки въ Польшѣ. Но Австрія тоже чуяла поживу и воздерживалась отъ энергическихъ дѣйствій до рѣшенія польскаго вопроса. Гораздо податливѣе Леопольда оказался императоръ Францъ II, вступившій на престолъ въ 1792 г., — молодой человекъ, правительство котораго своими смѣшными требованіями возстановленія стараго порядка во Франціи и грубыми угрозами вызвало Францію на объявленіе войны (20 апрѣля 1792). Теперь приходилось вести войну до раздѣла Польши. Пруссія не могла также отказаться отъ этой войны, которую предстояло вести Германской имперіи и пильническимъ союзникамъ. Но союзники поступали при этомъ очень нерѣшительно; они слишкомъ низко ставили силы врага и на основаніи сообщеній эмигрантовъ и полицейскихъ шпионовъ воображали, что вся Франція полна вѣроподданническихъ чувствъ и ничего не ждетъ съ большимъ нетерпѣніемъ, какъ низверженія «ига» меньшинства, — мнѣніе, полную неосновательность котораго скоро должна была очень больно почувствовать прусская армія. Союзники рассчитывали на тайное содѣйствіе Людовика XVI, на то, что онъ парализуетъ военную дѣятельность французовъ: — расчетъ этотъ былъ уничтоженъ взятіемъ Тюльери 10 августа. Но одна изъ важнѣйшихъ причинъ медленности и недостаточности военныхъ приготовленій Австріи и Пруссіи состояла въ томъ, что эти «союзники» все еще не могли придти къ соглашенію относительно раздѣла Польши. Между тѣмъ, войска Екатерины II уже вступили въ Польшу и Пруссія до самаго мая 1792 года, разыгрывавшая роль союзника Польши, наконецъ, сняла маску и «для возстановленія спокойствія и порядка» предложила новый раздѣлъ Польши. Въ то время, когда русскія войска поражали поляковъ, оставленныхъ своими «союзниками», Австрія и Пруссія вели войну противъ Франціи лишь кое-какъ: какъ та, такъ и другая должны были зорко

слѣдить за дѣлами въ Польшѣ. Неудивительно, что этотъ походъ окончился для союзниковъ очень плачевно.

Положеніе Франціи стало гораздо опаснѣе въ слѣдующемъ году. Австрія энергически приготовлялась отмстить за свое пораженіе. Къ союзу противъ революціи присоединился цѣлый рядъ государствъ: Англія, Голландія, встревоженные занятіемъ французами Бельгіи, подъ вліяніемъ Англіи—Сардинія, Португалія, Испанія, Неаполь. Въ самой Франціи поднялось возстаніе въ нѣсколькихъ округахъ и городахъ. Старая французская армія была уничтожена, новая же, революционная, едва образовывалась. Старые офицеры-аристократы были удалены или эмигрировали, новыхъ же было еще слишкомъ недостаточно. Старыя линейныя войска—отчасти истреблены во время похода прошлаго года: большая часть арміи состояла изъ рекрутъ. При всемъ этомъ еще генералы часто оказывались или измѣнниками, или вообще ненадежными. Если бы терроръ не напрягъ своей суровой властью всѣхъ силъ Франціи и не выставилъ противъ врага на всѣхъ мѣстахъ преобладающее число солдатъ, которые своимъ энтузіазмомъ съ успѣхомъ вознаграждали отсутствіе дисциплины и боевой опытности,—можетъ быть, республика погибла бы совершенно. Положеніе республики, несмотря на всѣ ея усилія, на всѣ напряженія, было отчаянное. Но на ея счастье, жадность ея противниковъ была такъ же велика, какъ и ихъ озлобленіе. Каждый изъ союзниковъ хотѣлъ сдѣлать изъ войны съ Франціей выгодное лично для себя дѣло; ни одинъ изъ нихъ не довѣрялъ другому, каждый дѣйствовалъ на свой рискъ и страхъ и спѣшилъ захватить ту часть будущей добычи, которую ему хотѣлось получить. Сардинія требовала отъ Австріи расширенія своихъ границъ; Австрія же отказывалась удовлетворить ея требованіе, если къ ней, въ свою очередь, не будетъ присоединена отъ Франціи, въ видѣ вознагражденія, Наварра. Сардинію это крайне возмутило. Дорогое время проходило въ безплодныхъ пререканіяхъ; возставшій Ліонъ не былъ своевременно освобожденъ отъ осады и дѣло нападенія на Францію со стороны Италіи погибло. Англійскія войска въ Бельгіи не нашли болѣе спѣшнаго дѣла, какъ заняться исключительно осадой Дюнкирхена,—важной гавани, которою такъ хотѣлось завладѣть Англіи. Голландцевъ скоро утомила война, такъ какъ имъ не представлялось никакихъ видовъ на вознагражденіе. Но пагубнѣе всего была быстро возрастающая вражда между Пруссіей и Австріей.

Россія и Пруссія по взаимному соглашенію (зимой 1791—1792 г.) произвели второй раздѣлъ Польши между собой. Австрія въ видѣ вознагражденія получила *надежду* на присоединеніе части французской территоріи. Пруссія угрожала немедленно отказаться отъ участія въ войнѣ съ Франціей, если Англія и Австрія не признаютъ этого раздѣла Польши. Это, конечно, не могло укрѣпить дружественныхъ отношеній Австріи къ Пруссіи. Теперь задачей Австріи въ этой войнѣ стало—захватить тѣ земли, на которыя она имѣла притязанія: Эльзасъ и часть сѣверной Франціи. Но Пруссія, по горло занятая въ Польшѣ, не обнаруживала уже теперь ни малѣйшей охоты принимать серьезное участіе въ предпріятіяхъ, которыя войну противъ революціи превратили въ завоевательную войну соперника Пруссіи, — Австріи. Прусское войско теряло напрасно слишкомъ много времени при осадѣ Майнца и почти безучастно смотрѣло на битвы австрійцевъ съ французами въ Эльзасѣ ¹⁾. Когда же Австрія сблизилась съ Россіей, Пруссія стала опасаться обоихъ своихъ «союзниковъ» и въ сентябрѣ 1793 г. почти совершенно прекратила войну съ Франціей, отозвавъ большую часть своихъ войскъ съ Рейна на польскую границу, чтобы обезпечить за собой свою часть добычи въ Польшѣ. Дѣла третьей коалиціи, 1794 г., пошли еще хуже. Между Англіей и Испаніей возникли раздоры. Весной поднялась Польша и дѣло приняло такіе размѣры, что русскіе не могли скоро управиться съ поляками: Пруссія должна была идти на помощь. Объ участіи Пруссіи въ войнѣ съ Франціей теперь нечего было и думать; Австрія также не могла уже посвящать всѣ свои силы этой войнѣ. Пробылъ послѣдній часъ Польши, и Австрія должна была выставить на польской границѣ громадное войско, чтобы не быть обойденной при третьемъ раздѣлѣ Польши, какъ при второмъ. Если бы Англія не употребила всѣхъ усилій, чтобы удержатъ коалицію, она бы уже тогда распалась.

Между тѣмъ, новая революціонная армія Франціи окрѣпла; она выработала новую оригинальную тактику, которая давала ей большое преимущество предъ старыми арміями, новый корпусъ офицеровъ далъ уже тѣхъ генераловъ, которые впослѣдствіи сдѣлали эту новую армію страшилищемъ всей Европы, какъ: Гошъ, Клеберъ, Моро, Бонапартъ и т. п. Пока

¹⁾ «Полной побѣды теперь не хотѣли (именно пруссаки); теперь была только одна задача: поддерживать *равновѣсіе* между враждебнымъ союзникомъ (Австрія) и благоприятнымъ врагомъ (Франція)». Sybel. II т. 258 стр.

союзники спорили другъ съ другомъ изъ-за добычи, которая еще не была вполнѣ захвачена, — они этимъ самымъ дали время революціонной арміи приобрести страшную силу. Теперь даже при самомъ небываломъ военномъ счастьи, для союзниковъ стало невозможнымъ подавить революцію и восстановить во Франціи, хотя бы на время, тотъ порядокъ, который господствовалъ въ ней до 1789 г. То же обстоятельство, что съ 1794 г. республика могла перейти къ наступленію, было въ значительной степени плодомъ мелочной, ограниченной жадности ея противниковъ.

К. Каутскій.

Изъ дальнихъ лѣтъ.

(Очерки и воспоминанія студенчества).

I.

Виновать-ли?

Не допускай мысли о паденіи любимой женщины... Если-же она пала,—подними ее, иначе горе тебѣ передъ Всевышнимъ.

ь лекціи, на которой «премудрый» политико-экономъ внушалъ намъ, что «политическая экономія для животныхъ не существуетъ», я вернулся домой злой и усталый. Ничто такъ не утомляетъ, какъ слушаніе чепухи, хотя-бы лишь три четверти часа безъ перерыва...

На моемъ «письменномъ» столѣ, вѣроятно, такъ именовавшемся потому, что онъ былъ совершенно негоденъ для письма, ибо содрогался и трепеталъ отъ малѣйшаго прикосновенія, я нашелъ записку слѣдующаго содержанія:

«Были Коля и Оля. Взяли твои золотые часы и заложили ихъ. Квитанція присемъ, за что благодарю, ибо, слѣдовательно, *возвратъ возможенъ*».

Часы я оставилъ дома случайно — они были сломаны. Я самъ предполагалъ пустить ихъ вскорѣ въ обращеніе, вслѣдствіе чего мое первое впечатлѣніе было не изъ пріятныхъ.

Впрочемъ—только первое. Если «Коля и Оля» пришли и взяли, значить нужно; это я зналъ и потому не возражалъ.

Николай Николаевичъ Карповъ, студентъ-медикъ, родомъ «съ Волги матушки широкой», принадлежалъ къ числу студентовъ средняго достатка, средняго дарованія и среднихъ способностей, но къ нему невольно влекло товарищей его чисто русское, открытое лицо, его большая искренность и «уравновѣшенность», которой многимъ не хватало.

Едва-ли, однако, не любили его болѣе всего за его дружбу съ «Олей», Ольгой Павловной Захаровой, молодой дѣвушкой, пользовавшейся общими симпатіями въ нашемъ кружкѣ.

Ольга Павловна, дочь мелкаго столичнаго чиновника, года два какъ окончила гимназію, денегъ на слушаніе какихъ-либо курсовъ и на поѣздку за границу у нея не было и она стремилась нутемъ самообразованія пополнить пробѣлы своихъ знаній.

Она брала литографированныя лекціи отъ студентовъ, не только читала, но и штудировала эти курсы и часто оказывалась далеко болѣе свѣдущей въ изучаемой области, нежели товарищи студенты, которые снабдили ее лекціями. Труднѣй всего было съ естественными науками: здѣсь однимъ чтеніемъ ничего или очень мало можно сдѣлать, и безъ Карпова Оля не справилась-бы съ этой задачей...

И вотъ—онъ помогаль ей, и я даже познакомился съ ними обоими, заставъ ихъ за этимъ «взаимообученіемъ».

Въ большой аудиторіи, гдѣ намъ, юристамъ, читали курсы физиологіи и судебной медицины, занятія кончались рано и вслѣдъ за тѣмъ аудиторію запирали до уборки сторожами объектовъ изслѣдованія, животныхъ, подвергшихся вивисекціи.

Забывъ какъ-то въ этой аудиторіи взятую на лекціи книгу, я вернулся въ университетъ въ семь часовъ вечера, и думаль, что трудно будетъ добыть сторожа и отпереть дверь, но къ совершенному удивленію нашель дверь незапертой, а въ глубинѣ, въ полумракѣ замѣтилъ какія-то двѣ фигуры, мужскую и женскую, которыя склонились надъ трупомъ собаки при слабомъ мерцаніи свѣчи. Мужчина—высокій черноволосый студентъ съ увлеченіемъ что-то толковаль, а слушательница—молодая и довольно красивая дѣвушка была настолько поглощена его рѣчью, что оба не сразу замѣтили мое появленіе.

Импровизированная лекція продолжалась еще нѣсколько минутъ, пока я, взявъ книгу, не подошелъ ближе и не познакомился съ «Олей и Колей». Оба сдѣлались вскорѣ потомъ моими большими друзьями.

Работая вмѣстѣ въ научной области, Коля и Оля часто и матеріально помогали другъ другу—путемъ уступки выгоднаго урока, нужной книги, а иногда и просто путемъ денегъ. «Линнихъ» денегъ ни у кого изъ насъ тогда, хотя и не было, но не было и тѣхъ «особенныхъ» взглядовъ на деньги, по которымъ денежная помощь — нѣчто неопрытное, что-ли...

«Занимаемыя деньги отдай тому, кто въ нихъ нуждается, и твой долгъ уплаченъ» — проповѣдывалъ одинъ изъ безбородыхъ мудрецовъ нашего кружка и съ нимъ никто по сему предмету не спорилъ, хотя, можетъ быть, у многихъ «аппетиты» разнаго рода далеко не отсутствовали, а лишь до поры до времени молчали...

Вслѣдствіе всего этого записка Коли и Оли о моихъ часахъ меня нисколько не удивила и я, при свиданіи, даже не спросилъ ихъ, зачѣмъ имъ были нужны деньги, а они совсѣмъ забыли мнѣ объ этомъ сказать.

Скоро, впрочемъ, прекратились и наши встрѣчи. Окончивъ курсъ, я уѣхалъ въ деревню, а Коля остался еще, какъ медикъ, доучиваться одинъ годъ. Оли мнѣ не суждено было болѣе встрѣтить, а съ Колей, съ совсѣмъ другимъ Колей, я встрѣтился лишь черезъ нѣсколько лѣтъ и при иной обстановкѣ.

Находясь по дѣламъ въ Петербургѣ, я случайно, въ отдѣлѣ хроники какой-то газеты, прочелъ замѣтку о внезапной болѣзни «нашего извѣстнаго окулиста, Николая Николаевича Карпова». Я не зналъ, что «Коля» уже «нашъ извѣстный», и не зналъ даже, что онъ въ Петербургѣ, но, прочитавъ замѣтку, конечно, поспѣшилъ посѣтить больного товарища, не безъ надежды встрѣтить около него и Олю.

„Вотъ старину-то припомнимъ! Вѣдь «запасъ счастья» — весь оттуда, изъ этихъ дальнихъ лѣтъ совмѣстной духовной жизни и работы, такъ какъ-же не побесѣдовать съ друзьями?“ думалось мнѣ.

Однако, въ этомъ случаѣ, какъ, къ сожалѣнію, и во многихъ другихъ такихъ-же, меня ждало горькое разочарованіе. Впрочемъ, здѣсь предстояло не одно разочарованіе...

Дверь отворилъ лакей во фракѣ и, взявъ мою карточку, пошелъ «доложить». Обстановка вполне соотвѣтствовала лакею во фракѣ: все было, какъ и должно быть у «нашего извѣстнаго и знаменитаго».

Жизнь, впрочемъ, уже научила меня мало обращать вни-

манія на эти «внѣшнія условія», можетъ быть, въ силу поговорки: «съ волками жить—по волчьи выть». «Можетъ быть, это больше нужно «кліентамъ», думалось мнѣ.

Возвратившійся черезъ нѣсколько минутъ лакей со свѣчей проводилъ меня въ кабинетъ.

Въ большомъ вольтеровскомъ креслѣ, только при слабомъ освѣщеніи огня изъ камина, несмотря на поздній часъ дня, сидѣлъ Николай Николаевичъ.

Не узнать его я не могъ, но у этого человѣка съ сѣдыми волосами и блуждающимъ взоромъ было очень мало общаго съ тѣмъ Колей, котораго я засталъ въ пустынной аудитории при слабомъ мерцаніи свѣчи за бесѣдой съ любимой дѣвушкой. Несмотря на страдальческое лицо этого новаго для меня человѣка и на просящій его взглядъ, я бы, вѣроятно, ушелъ послѣ нѣсколькихъ формальныхъ словъ привѣта, но по тревожному виду больного я понялъ, что долженъ остаться, что онъ хочетъ мнѣ сказать что-то важное...

Избѣгая обычныхъ предисловій и какъ-то нервно спѣша. Карповъ задвигался въ креслѣ и сказалъ:

— Другъ, ты хочешь знать, гдѣ Оля? Ты развѣ не слышалъ ничего о насъ послѣ отъѣзда? Нѣтъ? Такъ слушай. Она вышла замужъ.

Карповъ пріостановился, очевидно, собираясь съ силами для продолженія разсказа.

— Да, вышла замужъ... за одного человѣка—ты его не знаешь—и вышла замужъ потому... впрочемъ, Богъ ее знаетъ почему. Мнѣ она сказала тогда, что его любить; но это неправда. Потомъ она сама сказала, что неправда. А теперь... какъ ты думаешь, была она способна на самоубійство?

Я ничего не отвѣтилъ на этотъ неожиданный вопросъ и только отвернулся отъ Карпова, чтобы дать ему время овладѣть собой.

Между тѣмъ, онъ продолжалъ:

— Да... ты молчишь... я увѣренъ, ты сказалъ бы: *нѣтъ*—это была вполнѣ здоровая натура. Я самъ себя говорю это ежедневно, а между тѣмъ... можетъ быть... и вотъ это «можетъ быть» и ужасно, это «можетъ быть» и сводитъ меня съ ума.

Послѣ замужества Оли я ее долго не видѣлъ. Я уѣхалъ сперва земскимъ врачомъ въ провинцію, затѣмъ избралъ специальность и, какъ видишь, теперь здѣсь...

Я не осудилъ ее—за что-же? но и не забылъ о ней—развѣ могъ забыть?

Я работалъ, какъ умѣлъ, жилъ, если и не счастливо, то безъ особенныхъ бѣдствій и ко мнѣ пришло, какъ видишь, матеріальное благополучіе.

Исторія съ выходомъ замужъ Оли пришибла меня лишь на время.

Моя «уравновѣшенность» взяла свое... Я продолжалъ жить и работать и, по временамъ мнѣ казалось, что былъ даже полезенъ.

Но знаешь-ли, вѣры меньше въ людей стало. Точно душу вынули...

Вслѣдствіе отсутствія вѣры этой все у меня и про-изошло...

Слушай дальше.

Я не зналъ даже, куда уѣхала Оля съ мужемъ, человѣкомъ очень состоятельнымъ... Порой сомнѣніе, не эта-ли «состоятельность» и была причиной моего несчастья,—закрадывалось мнѣ въ душу... Стыдно сказать—но это такъ.

Мнѣ почему-то, однако, казалось, что Олю я еще встрѣчу и я, дѣйствительно, встрѣтилъ ее... случайно, на Невскомъ, входя въ магазинъ. Она входила, а я выходилъ... Изящно одѣтая, въ траурѣ, элегантная дама—но таже Оля, потому что, увидѣвъ меня, она радостно хлопнула въ ладоши. Помнишь, у нея была такая привычка.

«Коля милый, здравствуй», сказала она мнѣ; мы встрѣтились, какъ-будто никогда и не разставались...

Въ какомъ-то туманѣ отъ счастья я слушалъ ея слова: ея мужъ умеръ, она долго жила съ нимъ за-границей, теперь вернулась въ Россію, хочетъ жить въ Петербургѣ, пока не получить разрѣшенія практиковать—она врачъ Бернскаго университета—а затѣмъ въ провинцію, на службу земству...

Милая Оля! Милыя грезы жизни—я ужъ ихъ пережилъ и отжилъ...

Я ее слушалъ, не спорилъ. Главное для меня было, что Оля здѣсь, что она вольный человѣкъ...

Всякую свободную минуту мы стали проводить вмѣстѣ.

Ты знаешь, другъ, эти наши студенческія бесѣды *запоемъ*, какъ мы говорили тогда... Ты, можетъ быть, скажешь—«любовныя», а не «студенческія»? Нѣтъ, нѣтъ и тысячу разъ нѣтъ—именно студенческія, одухотворенныя, хотя и согрѣтыя любовью, какъ воздухъ—лучами солнца...

Въ первое время я даже не думалъ, что Оля меня любить. Я любилъ ее только самъ, а потомъ, когда мнѣ пока-

залось, что и она любить, не знаю почему, но сталъ я засорять мою душу совѣмъ другимъ.

Нѣтъ, не «не знаю почему» — я знаю, и позорно, что теперь знаю, а тогда — не понималъ.

Если Оля осталась той же, такъ я-то вѣдь уже не былъ прежнимъ

Послѣ первыхъ дней нашихъ бесѣдъ жизнь понемногу стала насъ захватывать и засасывать своими мелочами.

Я скоро замѣтилъ, что у Оли нѣтъ почти никакихъ средствъ... Она сама мнѣ объ этомъ откровенно сказала и моя денежная помощь явилась какъ нельзя болѣе кстати.

Какое это противное выраженіе «денежная помощь» и какія противныя мысли съ нимъ связаны!..

А у меня именно зародились эти мысли! Подумай только — это относительно Оли...

Мысли эти, конечно, пришли не сразу. Когда я замѣтилъ, что Оля какъ-то мало хлопочетъ о своемъ экзаменѣ и разрѣшеніи практики, я сперва былъ даже радъ. Затѣмъ, — жизнь уже такъ обработала меня, — я сталъ думать, хотя еще глубоко стыдился этого, что Оля „перерѣшила“, иначе говоря, имѣетъ въ виду возможность совмѣстной, брачной что-ли, со мной жизни.

Это была моя собственная мечта, но отъ сознанія, что эта мысль могла придти въ голову Олѣ раньше меня, мнѣ эта мечта сдѣлалась какъ-то менѣе отрадной.

Я еще не смѣлъ, однако, объяснять новое рѣшеніе Оли какими-либо матеріальными видами. Мое матеріальное содѣйствіе ей, между тѣмъ, продолжалось и я постепенно дошелъ и до этого...

Я не спрашиваю тебя, виновать-ли я въ этомъ... я знаю самъ, что позорно виновать. Но, подожди, выслушай до конца, будетъ, пожалуй, и того хуже.

Итакъ я уже настолько осквернилъ свою душу, что сталъ думать, что Оля нѣкоторымъ образомъ эксплуатируетъ мои старыя къ ней симпатіи...

Было ли что-либо въ ея отношеніяхъ ко мнѣ, что дало мнѣ основаніе къ такому грязному предположенію?

Мнѣ тогда казалось, что — да.

Изъ дружественной Оля стала почти любящей, — прежде она не была такой.

Каждый день приближалъ насъ къ развязкѣ... Я это чувствовалъ всѣмъ существомъ моимъ.

Теперь я понимаю, что и не могло быть иначе: вѣдь и прежде Оля любила меня, но она была дѣвушкой, а теперь —

передо мной была женщина, во всемъ блескѣ своей тѣлесной и духовной красоты...

То, что, казалось, должно создать мое счастье, изумило меня, поколебало, если не мою любовь, такъ мое довѣріе къ Олѣ.

Почему? я самъ не знаю, почему...

Плохъ ужъ я очень сталъ. Оля помнила лишь о своей любви, а я подозрѣвалъ ее... въ корыстныхъ видахъ, думалъ о своемъ положеніи выдающагося врача...

Видишь ты теперь мое „положеніе“?.. хорошо оно?

Ростущее у Ольги чувство и растушья во мнѣ плевелы заставили меня быть осторожнѣй... Я сталъ заходить къ Олѣ даже не каждый день, подъ предлогомъ не мѣшать ей заниматься.

Меня тянуло къ ней, а я тренировалъ себя...

Я замѣтилъ, что Оля стала нѣсколько задумчивѣй, иногда нѣмой вопросъ какъ-бы сквозилъ въ ея взорѣ и тогда я опять становился внимательнѣй, голосъ совѣсти заставлялъ меня отбросить мои задушевные пошлости, но затѣмъ мое недоувѣріе возвращалось и я опять уходилъ, иногда надолго, на нѣсколько дней...

Какъ-то разъ я пришелъ къ Олѣ утромъ, часа въ два и съ удивленіемъ узналъ, что она еще въ постели.

Она попросила меня войти въ номеръ (она поселилась въ меблированной комнатѣ), а затѣмъ, изъ-за перегородки, за которой она лежала, я услышалъ ея зовъ подойти къ постели.

Что-же тутъ особеннаго? скажешь ты.

Но мнѣ показалось именно это совсѣмъ «особеннымъ», и даже глубоко возмутило меня.

Я, однако, повиновался.

Въ голубой кофточкѣ, плохо освѣщенная свѣчкой на ночномъ столикѣ, ея головка, съ небрежно собранными волосами, живо напомнила мнѣ въ первую минуту мою Олю, тамъ въ аудиторіи.

Она тогда, помнишь, тоже носила голубую кофточку...

Однако, я постарался побороть первое впечатлѣніе и поздоровался съ Олей даже холоднѣй обыкновеннаго; даже руки не поцѣловалъ, какъ постоянно цѣловалъ въ послѣднее время.

Оля объяснила мнѣ, что поскользнувшись, повредила себѣ ногу въ колѣннкѣ и обложила ее льдомъ.

Объясняя мнѣ это, она подняла слегка одѣяло... а я, врачъ, отвернулся...

— Я пришлю вамъ одного изъ моихъ коллегъ, сказалъ я, вставая.— Вы знаете, это не моя специальность.

Кажется, я больше ничего не сказалъ и вышелъ.

Я весь какъ-то заморозилъ себя въ это время... Вышелъ и не обернулся, хотя мнѣ и послышался какъ-бы стонъ или тяжелый вздохъ. Я былъ потрясенъ и глубоко возмущенъ. Въ простотѣ товарищескаго обращенія больной женщины мнѣ померещился ловкій приѣмъ кокетки, ищущей развязки.

Я дошелъ до такого «градуса», что даже и товарища-врача не послалъ, а послалъ только денегъ въ пакетъ, безъ записки...

Я зналъ, что всѣ деньги вышли и этимъ, однако, я не хотѣлъ оскорбить.

Деньги я вложилъ въ большой сѣрый пакетъ... видишь, вотъ въ этотъ, вскрытый ею, пакетъ.

Видишь, на немъ ея адресъ и та—новая фамилія...

Я два дня, вслѣдъ за тѣмъ, не былъ у Оли. На третій ко мнѣ пришла дѣвушка изъ номеровъ и доложила, что «барыня приказала долго жить», такъ, какъ насчетъ похоронъ?...

Я чуть не прибилъ эту несчастную, слова ея показались мнѣ злой и глупой шуткой.

Оля умерла, я одинъ опять, опять безъ Оли и уже навсегда. Ты понимаешь для меня весь ужасъ этихъ словъ...

Или, можетъ быть, уже не понимаешь? Да, я не переставалъ ее любить, ею жить, хотя и подозрѣвалъ, допускалъ даже мысль о ея... ну, даже, о ея продажности. Это началось вѣдъ съ ея выхода замужъ за богатаго... Да и я вѣдъ, повторяю, уже не прежній былъ. Мысль о любви уже не связывалась у меня непременно съ представленіемъ о всемъ чистомъ и честномъ, о всемъ лучшемъ на землѣ.

Черезъ нѣсколько минутъ я былъ у Оли, около моей мертвой Оли. Поздно... Почему она умерла? Какъ врачъ, я не рѣшался дать на это отвѣтъ, но моя совѣсть уже мнѣ отвѣтила... Какъ ты думаешь, виновенъ ли я? Впрочемъ, стой... ты еще не можешь на это отвѣтить.

Отъ Оли я поскакалъ къ тому врачу, который констатировалъ ея смерть. Онъ, повидимому, былъ очень удивленъ и даже нѣсколько встревоженъ моими беспорядочными вопросами и высказалъ догадку, что смерть могла произойти отъ простуды въ тотъ моментъ, когда женщинѣ нужно особенно беречь себя. «Вѣдъ, кажется, покойная льдомъ обкладывала ногу», замѣтилъ онъ.

Я чуть не расцѣловалъ его за эту догадку, однако... по-

ѣхалъ опять въ номеръ къ Олѣ. Виновать-ли я въ твоей смерти?!. хотѣлось мнѣ ей крикнуть.

Дѣвушка сказала, что всѣ послѣдніе дни Оля не вставала съ постели.

Только наканунѣ смерти, вечеромъ, приказала принести себѣ бутылку шампанскаго, встала, что-то пробовала писать, все разорвала, приказала откупорить вино, выпила нѣсколько глотковъ и долго смѣялась...

«Я радовалась, что барыня такъ весела», добавила горничная.

Писемъ никакихъ я не нашелъ, только этотъ мой пакетъ.

Скажи-же мнѣ теперь—виновать-ли я?

Утомленный долгимъ рассказомъ Николай Николаевичъ тяжело опустился въ кресло и закрылъ глаза.

Огонь въ каминѣ догоралъ, въ комнатѣ было темно и тихо и я чувствовалъ нѣкоторое облегченіе, что мой собесѣдникъ, мой бывшій другъ и товарищъ не прочтетъ на моемъ лицѣ отвѣта на вопросъ, жестокій вопросъ, который поставила ему жизнь.

На этотъ вопросъ, какъ и на первый, я ему ничего не отвѣтилъ.

II.

Внѣбрачный.

Все выходить чистымъ изъ рукъ
Творца... *Ж. Ж. Руссо.*

Съ Ивановымъ мы познакомились еще въ гимназіи. Сосредоточенный и серьезный не по лѣтамъ онъ производилъ большое впечатлѣніе на товарищей той осторожностью, съ которой относился даже къ мелочамъ, если дѣло шло о правдѣ... На вопросъ, напр., надзирателя о томъ—курилъ-ли онъ? Ивановъ преглуно, по нашему мнѣнію, отвѣчалъ, что „курилъ“, хотя надзиратель этого и не замѣтилъ, вслѣдствіе чего и спрашивалъ. Ивановъ не „баллопромышленничалъ“, не списывалъ, вообще былъ, что называется, малый не покладистый.

Говорили, что онъ незаконный, или, какъ теперь стали гораздо порядочнѣй говорить, изъ „внѣбрачныхъ“, да и онъ самъ косвенно тогда-же на это намекалъ, заявляя, что „у васъ, господа, не такая честь, какъ у меня: у меня моя собственная, *только моя*“, но затѣмъ, въ университетѣ, всѣмъ этимъ уже никто не занимался и самъ Ивановъ уже никакихъ намековъ на свое происхожденіе не дѣлалъ. Очевидно, всѣ мы это уже переросли, или, казалось, по крайней мѣрѣ, что переросли.

Ивановъ жилъ со своею уже пожилой матерью болѣе чѣмъ скромно—уроками, хотя его отецъ и былъ человѣкъ весьма состоятельный и занималъ видное общественное положеніе въ нашемъ провинціальномъ университетскомъ городѣ. Съ отцомъ онъ не встрѣчался...

Я всегда считалъ Иванова честолюбцемъ. Учился онъ превосходно, кончилъ съ медалью гимназію, въ университетѣ былъ на прекрасномъ счету, товарищескихъ совѣщаній избѣгалъ. Другого, можетъ быть, товарищи не любили-бы за это, но ему прощали. Мы всѣ какъ-то понимали, что онъ нужнѣй своей матери, чѣмъ намъ... Именно, матери нужнѣй онъ, это самъ какъ-то высказалъ, и всѣ безмолвно съ нимъ согласились.

Я былъ къ нему ближе другихъ и онъ, порой, повѣрялъ мнѣ свою мечту.

„Понимаешь-ли ты, говорилъ онъ, —теперь „ее“ никто не знаетъ и не признаетъ, а она честная... Я это не потому говорю, что она—моя мать, а потому, что правда. А тогда, какъ пойдетъ она со мной подъ руку, съ сыномъ то со своимъ, профессоромъ, всѣ и признаютъ... И хоть честь она и не теряла, а почестей не видѣла, а *тогда*—и почести воздадутъ“. И для этого неопредѣленнаго *тогда*, исполненнаго почестей и уваженія для его матери, Ивановъ и жилъ и работалъ...

Начавшіяся въ университетѣ недоразумѣнія застали Иванова совершенно врасплохъ и привели въ полное отчаяніе.

На актъ онъ не пошелъ—онъ никогда не ходилъ туда, такъ какъ въ числѣ почетныхъ гостей возсѣдалъ его отецъ, но что-же дѣлать дальше?

На этотъ вопросъ Ивановъ искалъ и, очевидно, не находилъ отвѣта.

„Что по твоему важнѣй—честь или почести?“ предложилъ онъ мнѣ странный вопросъ, когда я зашелъ къ нему рассказать о нашей сходкѣ. „По моему, всего важнѣй—генераломъ быть“ отвѣтилъ я ему сердито, да еще, кажется, ругнулся вдобавокъ и ушелъ.

Событія, между тѣмъ, шли своимъ порядкомъ.

Нѣкоторые изъ товарищей куда-то исчезли, другіе собирались уѣзжать...

Мы всѣ были увѣрены другъ въ другѣ, однако, появились признаки и иного положенія вещей, такъ какъ на вопросъ о сочувствіи или несочувствіи, получились и „не-

сочувственные“ отвѣты. пылая юношескимъ негодованіемъ (теперь я едва-ли бы такъ „воспылалъ“), я пошелъ сообщить Иванову о результатахъ, такъ какъ зналъ, что онъ отъ всего продолжаетъ держать себя особнякомъ. Онъ молча выслушалъ меня, постепенно блѣднѣя, по мѣрѣ того какъ я „клеимилъ“ нѣкоторыхъ, затѣмъ всталъ и вышелъ. Шумъ паденія тѣла за дверь заставилъ меня броситься къ нему, но около него уже копошилась его мать...

Когда все вошло въ обычную колею я уже не заходилъ къ Иванову, и встрѣчая его въ университетѣ, избѣгалъ его, хоть и съ болью въ сердцѣ: очень уже у него невеселый былъ видъ.

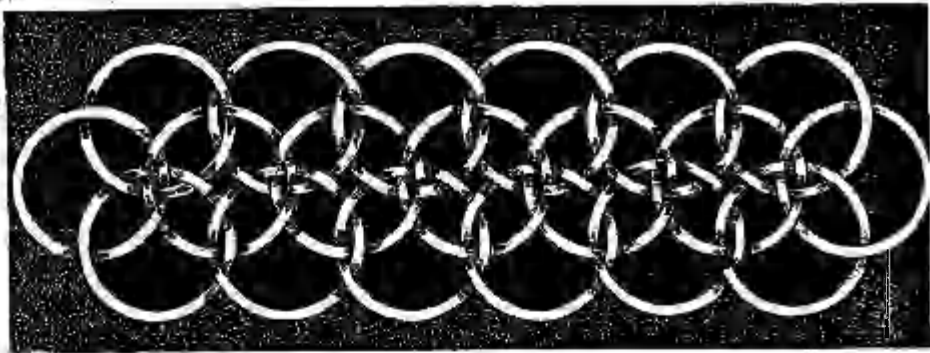
Однако, я почти отвѣтилъ ему грубостью, когда, весной, незадолго до экзаменовъ, онъ подошелъ ко мнѣ и сказалъ: „Зайди ко мнѣ сегодня, я живу тамъ-же, только... мать умерла“. На послѣднихъ словахъ онъ какъ-то запнулся и произнесъ ихъ, отвернувшись въ сторону. Я ничего не отвѣтилъ, но рѣшилъ зайти... и не зашелъ.

Въ газетѣ на слѣдующій день я прочелъ о самоубійствѣ Иванова, причемъ на столѣ его нашли записку со слѣдующими странными словами:

„Чести не вернешь, а почестей ей вѣдь не нужно“.

Тѣмъ и завершилась мечта Иванова.

М. Головинскій.

Стражики прошлого.

Гонение на Ломоносова и Фонвизина въ XIX-в.

30-е годы—время было тихое, спокойное и о литераторахъ выражались слѣдующимъ образомъ:

„Въ другихъ земляхъ при множествѣ писателей хорошихъ есть много и писателей безбожныхъ, вольно-мыслящихъ и развратныхъ, а въ Россіи хорошіе писатели *есть*, а безпутныхъ *нѣтъ* или, по меньшей мѣрѣ, весьма мало, но и тѣ извѣстны только по рукописямъ, а въ чужихъ краяхъ они печатаютъ всякій вздоръ и читаются публично и всѣми“¹⁾. Тѣмъ не менѣе, несмотря на столь „лестный“ отзывъ о русскихъ литераторахъ, цензурныя строгости были въ большомъ ходу.

Особенно строга была цензура духовнаго вѣдомства. Ни одно изъ событій жизни русскаго общества не проходило безъ того, чтобы на него не было обращено вниманія съ этой стороны.

Такъ, 25 юня 1832 г. въ городѣ Архангельскѣ было совершено торжественное открытіе памятника Ломоносову. На этомъ торжествѣ присутствовало какъ гражданское, такъ и духовное сословіе города; былъ, конечно, военный генералъ-губернаторъ, мѣстный архіерей, вся знать города и именитые граждане. Описание этого торжества, заключавшагося въ молебнѣ, освященіи памятника, произнесеніи рѣчей и стиховъ (на латинскомъ языкѣ), было помѣщено въ 170 № С.-Петербургскихъ Вѣдомостей.

А въ результатѣ появилось такое онредѣленіе Синода.

Оказалось, что духовенству неприлично присутствовать при

¹⁾ Письма къ Воинамъ Алексѣя Малова. Часть I, стр. 333, примѣчаніе. Курсивъ подлинника.

открытіи памятника „покойному статскому совѣтнику Ломоносову“. Кромѣ же того, въ дѣйствіяхъ епархіальнаго начальства оказались „немаловажныя несообразности и неприличія“ главнымъ образомъ состоявшія въ слѣдующемъ:

„О памятникѣ Ломоносову, противъ приличія, упомянуто въ церковномъ словѣ на высокоторжественный день рожденія Его Императорскаго Величества, не только потому, что почеть памятника есть гражданская, и для церкви посторонняя, но еще болѣе потому, что при церковномъ торжествѣ о высокомъ рожденіи благочестивѣйшаго Государя Императора, несообразно было выставлять предъ алтаремъ похвалу и почеть подданнаго“¹⁾.

Кромѣ того, было найдено преступленіе и въ произнесеніи слова предъ окончаніемъ литургіи. Наконецъ, произнесеніе рѣчи протодьякономъ предъ открытіемъ памятника должно было быть страннымъ для простого народа, „какъ смѣшеніе священнаго съ свѣтскимъ“, такъ какъ протодьяконъ служить обыкновенно въ церкви и не можетъ поэтому „употребленъ быть для чтенія рѣчи при памятникѣ“.

А самая рѣчь кончалась обычною для духовнаго оратора ссылкой на священное писаніе, именно конецъ рѣчи былъ таковъ:

„Мы теперь въ сей высокоторжественнѣйшій и достопамятнѣйшій день рожденія благочестивѣйшаго, самодержавнѣйшаго великаго Государя нашего, Императора Николая Павловича, всемилостивѣйшаго и низайшаго отца сыновъ російскихъ, открывая возрожденіе памяти безсмертному сочиненіями своими мужу Ломоносову, въ тихомъ пристанищѣ, взирая на протекшія тревоженія и горькое Іовлево испытаніе, не можемъ не содрогнуться; но тѣмъ болѣе радуемся избавленные. Къ сему именно дню, не когда-либо въ другое, но именно въ нынѣшнее время совершенно созрѣли всѣ ожиданія, всѣ терпѣнія наши. Можемъ теперь воскликнуть: сей день его же сотвори Господь для насъ, возрадуемся и возвеселимся въ оны и восторжествуемъ о Господѣ Божѣ и Спасѣ нашемъ, славно бо прославился“.

Рѣчь, какъ видно изъ данной выписки, представляетъ обычную рѣчь того времени, но несмотря на это, она была снабжена слѣдующимъ примѣчаніемъ:

„Въ рѣчи сей священное изрѣченіе: сей день его же сотвори Господь, употреблено неумѣстно“.

Это опредѣленіе было написано собственноручно митрополитомъ Филаретомъ.

Другое приключеніе было съ Фонвизинимъ. Извѣстно, что отличительною чертою просвѣтительной философіи XVIII вѣка былъ скептицизмъ. Въ русскомъ обществѣ большинство было неподготовлено къ воспріятію идей французскихъ и англійскихъ деистовъ. Весьма понятно что красивыя фразы дѣйствовали гораздо сильнѣе, чѣмъ отвлеченныя разсужденія.—Вотъ почему въ

¹⁾ Собраніе мнѣній и отзывовъ Филарета, митрополита Моск. и Колом. по учебнымъ и церковно-государственнымъ вопросамъ. Томъ дополнительный, стр. 579—582.

60-хъ годахъ XVIII вѣка въ Петербургѣ былъ значителенъ кружокъ лицъ, выдающихъ себя за образованныхъ, знакомыхъ съ послѣднимъ словомъ науки, но главное занятіе которыхъ заключалось „въ богохуленіи, кощунствѣ, въ отрицаніи даже бытія Всевышняго существа“. Въ этотъ кружокъ во время своей молодости попалъ Фонвизинъ и—приводимъ дальше слова самого Фонвизина—„въ сіе время сочинилъ я посланіе къ Шумилову, въ коемъ нѣкоторые стихи являютъ тогдашнее мое заблужденіе (насмѣшку надъ святыней), такъ что отъ сего сочиненія прослылъ я у многихъ безбожникомъ. Но, Господи! Тебѣ извѣстно сердце мое; Ты знаешь, что оно всегда благоговѣйно Тебя почитало и что сіе сомнѣніе было ¹⁾ дѣйствіе не безвѣрія, но безразсудной остроты моей“.

Нельзя, конечно, сомнѣваться въ искренности этой фразы Фонвизина, помѣщенной въ чистосердечномъ „Признаніи въ дѣлахъ моихъ и помышленіяхъ“.

Само же стихотвореніе представляетъ изъ себя „посланіе къ слугамъ моимъ, Шумилову, Ванькѣ и Петрушкѣ“, причемъ приводится вопросъ автора:

„Скажи, Шумиловъ, мнѣ на, что сей созданъ свѣтъ?“ и отвѣты этихъ трехъ слугъ. Конечно, послѣдніе не могутъ отвѣтить на данный вопросъ; не даетъ отвѣта и самъ авторъ вопроса, заключая стихотвореніе фразой:

«А вы внемлите мой, друзья мои, отвѣтъ:
И самъ не знаю я, на что сей созданъ свѣтъ!»

Наиболѣе рѣзки слѣдующіе стихи:

«Создатель твари всей, себѣ на похвалу,
По свѣту насъ пустилъ, какъ куколъ по столу.
Иные рѣзвятся, хохочутъ, пляшутъ, скачутъ,
Другіе морщатся, грустятъ, тоскуютъ, плачутъ.
Вотъ какъ вертится свѣтъ; а для чего онъ такъ,
Не вѣдаетъ того ни умный, ни дуракъ».

Для насъ данное стихотвореніе имѣетъ безспорный интересъ памятника извѣстнаго направленія русскаго общества Екатерининской эпохи и давать ему какое-либо другое значеніе, кажется, очень трудно. Но 55 лѣтъ тому назадъ (въ 1846 г.) думали нѣсколько иначе. Это посланіе оказалось «исполнено явнаго невѣрія, кощунства и совершенной безнравственности» и кромѣ того „легко представить, какъ вредно распространять подобныя сочиненія въ народѣ, особенно въ классѣ людей, мало просвѣщенныхъ, для которыхъ, какъ можно заключать по образцу его изложенія, оно и назначено авторомъ“ ²⁾.

Фонвизинъ, написавъ въ 1763 году это стихотвореніе, конечно, не предназначалъ его для людей „мало просвѣщенныхъ“ и это не могло быть неизвѣстнымъ автору отзывъ—митрополиту Филарету, который признается однимъ изъ образованнѣйшихъ людей

¹⁾ Сочиненія Фонвизина. Полное собраніе оригинальныхъ произведеній. Редакція Арс. И. Введенскаго. Стр. 237.

²⁾ Собраніе отзывовъ и мнѣній Филарета митр. Моск. и пр. Томъ дополнитель-
ный, 165—167 стр.

своего времени. Но, несмотря на это, митрополитъ Филаретъ считалъ стихотвореніе „вреднымъ для нравственности и вѣры“, а распространеніе его въ народѣ „опасной заразой, о которой надлежитъ доносить благопопечительному началству для употребленія предохранительныхъ и врачебныхъ мѣръ“ т. е. митрополитъ Филаретъ хотѣлъ запрещенія этого стихотворенія Фонвизина и, пожалуй, не былъ бы противъ положительнаго запрещенія и всего собранія сочиненій Фонвизина, изданнаго Смирдинымъ въ 1846 году,—такъ какъ на отзывѣ встрѣчается такая фраза: „въ числѣ ихъ (сочиненій) два *особенно* (курсивъ нашъ) должны быть признаны вредными...“

Это „особенно“—очень знаменательно. Если стихотворенія „Посланіе къ Шумилову“ и „Поученіе въ Духовъ день“—особенно вредны, то остальные сочиненія—„Бригадиръ“, „Недоросль“ все-таки не безвредны.

Другое сочиненіе Фонвизина „Поученіе, говоренное въ Духовъ день іереемъ Василюмъ въ селѣ П.**“, представляетъ изъ себя съ одной стороны, яркую сатиру на современное Фонвизину состояніе духовенства, съ другой же, указаніе на общепринятое мнѣніе, что „пьянство главный порокъ крестьянина“.

„Повѣрьте, дѣти мои, что главный корень всякаго зла въ крестьянствѣ есть вино и пиво. (*Взглянувъ на одного крестьянина, который взоромъ показалъ свое неудовольствіе*). Вижу, вижу, что у тебя теперь на умѣ. Ты кивнулъ головою, думая: неужто и въ правду чарки вина выпить нельзя?... Подумайте, дѣти мои, куда годится пьяница? Онъ всегда худой крестьянинъ; никто изъ добрыхъ людей на него не полагается.... Всякій нищій навѣрно пьяница, потому что добрый крестьянинъ, кромѣ гнѣва Божьяго, обнищать не можетъ.... Всякій воръ, конечно, пьяница....“

Объясненіе многихъ недостатковъ крестьянской жизни пьянствомъ издавна существовало и было общепринято въ нашей литературѣ. Данная сторона рѣчи не подвергалась обвиненію, со стороны митрополита Филарета; онъ ограничился лишь краткимъ замѣчаніемъ: „новидимому, написано съ доброй цѣлью, чтобы удержать простой народъ отъ пьянства....“

Фонвизинъ снабдилъ свою сатиру примѣчаніемъ, „что онъ это поученіе будто бы, дѣйствительно, слышалъ и считаетъ его образцомъ поученій“.—Конечно, это примѣчаніе было не болѣе какъ извѣстный пріемъ, но, очевидно, что манера изложенія мысли очень близко подходила къ дѣйствительности, такъ какъ этому примѣчанію стали придавать серьезное значеніе.

Однако сочиненіе это подверглось, во-первыхъ, обвиненію въ кощунствѣ. Фраза: „если и въ наши грѣшныя времена еще бываютъ чудеса, то было вчера, конечно, надъ тобою, окаяннымъ, весьма знаменитое. Какъ ты не лопнулъ, распуча грѣшную утробу свою, по крайней мѣрѣ, полуведромъ такого пива, какое всякій разъ даже въ трезвости живущій не могъ бы, не свалясь съ ногъ, и пяти стакановъ выпить? (обращеніе священниковъ къ одному изъ крестьянъ“), ¹⁾—навела митрополита Филарета на слѣдую-

¹⁾ Указанное выше собраніе сочиненій Фонвизина. 180 стр.

шее заключение: „въ семь мѣстѣ, кромѣ неприличныхъ священной кааедрѣ выраженія и указанія на лицо, чѣмъ наполнено все сочиненіе, авторъ возбуждаетъ сомнѣніе въ дѣйствительности чудесъ, бывшихъ во всѣ времена церкви, и унижаетъ самое достоинство ихъ такимъ отвратительнымъ примѣненіемъ“.

Но въ этомъ отзывѣ есть одна очень характерная черта, показывающая, что, „кромѣ кощунства“ нѣчто иное тревожило покойнаго святителя. Очень сильное впечатлѣніе производило и самое отрицательное отношеніе къ духовенству. Въ „Посланія къ слугамъ“ есть такой стихъ:

„Попы стараются обманывать народъ“.

Филаретъ дѣлаетъ къ нему слѣдующее примѣчаніе: „не алчность священника страждетъ отъ сей злонамѣренной мысли, но личность всей церкви Божіей, въ которой священники и учатъ и тайноводствуютъ и что будетъ, если то, чему научаютъ священники православныхъ христіанъ, будутъ считать обманомъ?“

Такимъ образомъ только одна фраза „попы стараются обманывать народъ“—была снабжена пояснительнымъ примѣчаніемъ, остальные выдержки изъ стихотворенія приводятся просто, какъ примѣръ безвѣрія, безнравственности и пр., безъ поясненія въ чемъ же состоитъ это безвѣріе?

Это донесеніе митрополита Филарета было сообщено тогда-же на усмотрѣніе министра народнаго просвѣщенія и, надо полагать, произвело свое дѣйствіе, такъ какъ въ цитированномъ собраніи сочиненій Фонвизина стихотвореніе „Посланіе къ слугамъ моимъ“ приводится съ большими пропусками, отмѣченными точками и строка „попы стараются обманывать народъ“ долго не встрѣчалась въ полномъ собраніи оригинальныхъ произведеній великаго русскаго писателя, скончавшагося въ 1792 году.

П. Столпянскій.

Неосторожная ѣзда въ началѣ прошлаго столѣтія.

Однимъ изъ нашихъ читателей любезно доставлено въ редакцію подлинное „Дѣло по сообщенію Санктъ-Петербургскаго губернскаго правленія о назначеніи церковнаго покаянія Лаврентію Паштееву за сшибеніе съ ногъ дышломъ ѣдучи, сургучнаго мастера жену Василису Терентьеву, которая черезъ два часа помре“, № 1375, отъ 9 октября 1807 года. Изъ этого „дѣла“, печатаемаго ниже въ выборкахъ съ соблюденіемъ ореографіи, видно изъ отношенія Санктпетербургскаго губернскаго правленія, въ римско-католическую Духовную Коллегію во 2-й Департаментъ, что правленіе: „слушавъ рапортъ управы благочинія, при которомъ присланъ польскій уроженецъ Лаврентій Ивановъ Паштеевъ палатой уголовного суда за сшибеніе съ ногъ дышломъ едучи подороге съ порожней каретою запряженной парю лошадами сургучнаго мастера жену вдову Василису Терентьеву которая после того черезъ два часа помре назначенной порешенію оной палаты плетми пятьдесятъ ударамъ для преданія церковному покаянію куда следуетъ, ипотомъ отдачи генераль лей-

тенанту Герарду сдonesеніемъ притомъ, что оной Паштеевъ веры римско католическаго исповѣданія *опредѣлило* означеннаго Паштеева для преданія церковному покаянію отослать чрезъ полицію въ римско Католическую Духовную Коллегію присообщенніи. Октября 8 дня 1807 года“.

Подписи не разборчивы.

Слѣдующій документъ гласить: „1807 года Октября 9 дня. По указу Его Императорскаго Величества Римско-Католической Духовной Коллегіи 1-й Департаментъ¹⁾ слушавъ сообщеніе“ (идеть изложеніе приведеннаго выше отношенія)... „*Приказали:* Мѣсто покаянія для него Паштеева назначить при здѣшней Коллегіи Іезуитскаго ордена, и для того препроводить его при указѣ къ ректору Анжюлини съ такимъ предписаніемъ, что бы оной Паштеевъ содержанъ былъ въ уединенномъ мѣстѣ подѣ духовнымъ присмотромъ на хлѣбѣ и водѣ пять дней, въ продолженіи которыхъ назначенная изъ той же Эзуицкой Коллегіи духовная особа, имѣетъ ему внушать христіанскія обязанности и объясняя важность его преступленія преподавать ему поученія и наставленія какимъ онъ поведеніемъ и средствами долженствуетъ стараться умилиостивить всевышняго, а при томъ долженствуетъ онъ Паштеевъ во время своей Епитиміи всякой день подѣ духовнымъ же надзираемъ стоя, въ церквѣ на колѣнахъ слушать святой литургіи, а въ послѣдній день исповѣдываться и причащаться святымъ тайнамъ по предварительномъ его къ тому приготовленіи, а за симъ Ректоръ Анжюлини доставить его обратно въ Коллегію при рапортѣ, съ описаніемъ учиненнаго по сему исполненія и съизясненіемъ сколько оною Коллегіею на содержаніе онаго Паштеева въ продолженіи означеннаго времени употреблено будетъ, подлинное за подписаніемъ Господъ присутствующихъ и за скрепою Секретаря. Съ подлиннымъ вѣрно“ N (подпись не разборчива).

15 того же октября ректоръ Анжюлини въ рапортѣ за № 808, изложенномъ на *латинскомъ* языкѣ, донесъ Коллегіи о томъ, что Паштеевъ былъ заключенъ на 5 дней въ уединенное мѣсто, получалъ въ пищу хлѣбъ и воду, былъ наставляемъ духовной особой, вообще все было исполнено согласно предписанію, вслѣдствіе чего члены Коллегіи... „*Приказали:* Какъ означенный Паштѣвъ назначенную сею Коллегіею Епитимію уже исполнилъ, то и отправить его по принадлежности при сообщеніи въ здѣшнѣ Губернское Правленіе“.

На другой день Паштеевъ былъ отправленъ въ Губернское Правленіе. На этомъ „Дѣло“ заканчивается.

Хотя Паштеевъ дѣйствительно ѣхалъ „неосторожно“, но былъ достаточно наказанъ за свою „неосторожность“. Сто лѣтъ спустя онъ, пострадалъ-бы гораздо меньше.

¹⁾ Губ. Правленіе, вѣроятно, по невѣденію направило дѣло во 2-й департаментъ.

Браки между родственниками.

Браки между близкими родственниками закономъ запрещалъ еще въ глубокой древности; экзогамію ¹⁾ можно прослѣдить у израилтянъ, затѣмъ у китайцевъ и арабовъ, а въ настоящее время этого обычая держатся почти всѣ цивилизованные народы Европы и Америки. Основаніемъ запрещенія послужили по всей вѣроятности подмѣченные вредныя послѣдствія подобныхъ браковъ для потомства. Съ этой-же цѣлью стали собирать статистическія данныя, касающіяся браковъ близкихъ родственниковъ, и тогда обнаружилась еще яснѣе опасность, грозившая дальнѣйшему существованію рода, и возможность вырожденія боковыхъ линій. Генеалогическія таблицы указываютъ много примѣровъ вреднаго вліянія такихъ браковъ на продолженіе семьи. Приводимъ самые интересныя изъ нихъ. Мужское потомство Габсбургской династіи пресѣлось главнымъ образомъ въслѣдствіе повторныхъ браковъ между близкими родственниками австрійской и испанской линій. Въ испанской линіи Габсбургскаго дома, угасшей на 40 лѣтъ раньше австрійской, браки заключались приблизительно около ста лѣтъ, между родственниками: король Филиппъ III, сынъ Филиппа II и дочери императора Максимилиана II, женился на дочери своего дяди (эрцгерцога Карла). Родившійся отъ нихъ Филиппъ IV вторымъ бракомъ былъ женатъ на двоюродной сестрѣ (дочери императора Фердинанда III) и имѣлъ отъ нея короля Карла II, бездѣтный бракъ котораго и былъ причиной прекращенія Габсбургскаго дома въ Испаніи.

Въ австрійской линіи замѣчается то-же самое: Фердинандъ III былъ женатъ первымъ бракомъ на дочери своей тетки (дочь эрцгерцога Карла и супруги испанскаго короля Филиппа III) и имѣлъ отъ нея пять дѣтей, изъ которыхъ четверо умерли въ раннемъ дѣтствѣ, а отъ второго брака съ дочерью своего дяди (эрцгерц. Леопольда Тирольскаго) имѣлъ одного сына умершаго 15-ти лѣтъ. Затѣмъ императоръ Леопольдъ I (сынъ Фердинанда III) изъ четверыхъ дѣтей, родившихся отъ брака съ двоюродной сестрой (дочь испанскаго короля Филиппа IV), потерялъ троихъ, а отъ второго брака съ дочерью своего дяди (эрцгерц. Фердинанда Карла) имѣлъ двухъ дочерей, умершихъ на первомъ же году жизни. Отъ третьяго брака Леопольда родились три сына, изъ которыхъ одинъ умеръ двухъ лѣтъ, а двое остальныхъ (императоръ Іосифъ I и Карлъ VII) женились, но ихъ единственные сыновья умерли, не проживъ и года. Такъ въ 1740 г. прекратилась мужская линія Габсбургскаго дома.

Такимъ же поучительнымъ примѣромъ могутъ служить 4 брака короля Фердинанда VII испанскаго: отъ перваго брака (съ двоюродной сестрой) у него родились двѣ дочери, умершія въ первый-же годъ; отъ второго брака (съ племянницей) и отъ третьяго (съ двоюродной сестрой) дѣтей не было, а отъ четвертаго (съ

¹⁾ Экзогамія—бракъ съ женщиною чужого племени или рода въ противоположность эндогаміи—когда жена берется изъ племени или рода мужа.

племянницей первой супруги) онъ имѣлъ двухъ дочерей, изъ которыхъ одна-королева Изабелла II вышла замужъ за двоюроднаго брата и имѣла восемь дѣтей: изъ нихъ трехъ сыновей, двухъ мертворожденныхъ и сына Алфонзо XII, умершаго 28-ми лѣтъ.

Вредныя послѣдствія браковъ между близкими родственниками проявляются и тогда когда отъ подобныхъ браковъ рождается много дѣтей, такъ какъ смертность дѣтей превышаетъ обыкновенно нормальныя границы. Это видно изъ слѣдующихъ примѣровъ: пфальцграфъ Цвейбрюкенскій Фридрихъ—имѣлъ 13 дѣтей, изъ которыхъ 8 умерло. Сынъ его Эрнестъ тоже женился на родственницѣ,—былъ отцомъ трехъ дѣтей, умершихъ въ раннемъ дѣтствѣ. Такимъ образомъ пресѣклась и эта боковая линия.

Георгъ, графъ Нассаускій отъ брака съ близкой родственницей имѣлъ 13 дѣтей, изъ которыхъ восемь также умерло въ дѣтствѣ; сынъ его Людвигъ Генрихъ женился на родственницѣ, отъ которой родилось четверо дѣтей, причемъ трое умерло въ дѣтскомъ возрастѣ. Отъ брака Вильгельма, ландграфа Гессенъ-Филиппстальскаго, съ близкой родственницей родилось 10 дѣтей (изъ нихъ пятеро умерло на первомъ году); сынъ его Эрнестъ, женатый на родственницѣ, былъ отцомъ двухъ дочерей, изъ которыхъ одна умерла двухъ лѣтъ, а другая двадцати пяти.

Такіе браки между близкими родственниками встрѣчаются особенно часто въ высшихъ классахъ. Объясняется это тѣмъ, что правящіе классы избѣгаютъ браковъ съ лицами неравными по происхожденію, а это и служитъ причиной ихъ вырожденія. Изъ статистики 1900 г. видно, что на 74 неженатыхъ принца прихотилось 42 незамужнихъ принцессы. Послѣ этого станетъ яснымъ, что браки между близкими родственниками должны умножиться, если не измѣнится правило о бракахъ равнаго происхожденія.

Армянскія пословицы.

По легендѣ въ Арменіи нѣкогда находился садъ Эдема, съ протекавшими черезъ него рѣками: Тигромъ, Эвфратомъ, Араксомъ и Чорокомъ; и здѣсь, гдѣ по преданію была колыбель всего человѣчества, разыгралась въ наше время жестокая драма,—тысячи христіанъ пали жертвой турецкаго фанатизма. Страна Гайастанъ, какъ называютъ ее сами армяне, была богата и плодородна еще въ IX вѣкѣ; историкъ Азоликъ рассказываетъ, что армянскіе пастухи ходили въ шелковыхъ одеждахъ и что чудные кони и драгоценные камни ихъ страны пересылались въ Римъ, гдѣ приводили всѣхъ въ изумленіе. Послѣ прекращенія династіи Багратидовъ благосостояніе страны пало, и Арменія была раздѣлена между Россіей, Персіей и Турціей. Неудивительно послѣ этого, что армяне, находясь столько времени подъ гнетомъ чужеземнаго владычества, подъ давленіемъ персовъ—огнепоклонниковъ и турокъ-мусульманъ, потеряли прежнюю свободу духа и переняли многое изъ обычаевъ своихъ побѣдителей. Несмотря на это, однако, армяне и до сихъ поръ остались едва ли не самымъ способнымъ и предприимчивымъ народомъ западной Азіи. О культурности армянъ и ихъ сообразительности свидѣлствуютъ и ихъ пословицы.

„Только тотъ—человѣкъ, кто умѣетъ читать“, гласитъ одна армянская пословица и если всмотрѣться въ исторію развитія печати, то это изрѣченіе нельзя не признать правильнымъ. Въ 1795 г. появилась первая армянская газета, а въ настоящее время число періодическихъ изданій на этомъ языкѣ превышаетъ 150,—цифра громадная для обѣднѣваго и обремененнаго налогами народа! Армяне преклоняются передъ всякимъ проявленіемъ разума. Они, какъ и мы, русскіе говорятъ: „умъ хорошо, а два лучше“, „лучше съ умнымъ таскать камни, чѣмъ ѣсть пловъ съ дуракомъ“. Не особенно лестна для богатыхъ пословица: „у богатыхъ нѣтъ ума, а у умныхъ нѣтъ денегъ“. Мірскія деньги останутся въ мірѣ, утѣшаетъ себя благочестивый бѣднякъ. „Золотая денежка на черный день“, говоритъ бережливый. Кромѣ глубокаго смысла въ армянскихъ пословицахъ, благодаря ихъ восточному колориту, встрѣчаются часто красивые картинные обороты, напр.: „дерево не расцвѣтаетъ раньше весны“, „зимняя роза—это огонь“, „изъ одного и того-же цвѣтка мѣня добываетъ ядъ, а пчела медъ“. Не лишены также красоты и наглядности пословицы: „свѣдущій чортъ лучше несвѣдущаго ангела“, „отцы ѣли кислый виноградъ, а дѣти оскомину набили“, „воръ у вора укралъ—и Богъ изумился“, „пока Сусанна нарядится—служба кончится“.

Какъ и всѣ женщины Востока,—армянки не пользуются свободой, хотя онѣ не ведутъ жизнь одалисокъ и ихъ совѣзмъ нельзя сравнивать съ турчанками. Стремленія армянской женщины сводятся главнымъ образомъ къ тому, чтобъ быть хорошей матерью и хозяйкой. „Наблюдай мать, а бери дочь“, совѣтуетъ отецъ сыну, такъ какъ „добраго вола узнаешь въ ярмѣ, а хорошую жену у колыбели ребенка“. Благодаря раннему созрѣванію женщинъ матери 14 лѣтъ и бабушки 26-ти совѣзмъ не рѣдкость у армянъ, не говоря уже о многочисленности дѣтей. Семья у армянъ въ большемъ почетѣ, дѣти считаются благодатью Божіей, и заботы о ихъ воспитаніи стоятъ на первомъ планѣ. Сыновья и внуки вводятъ своихъ женъ въ домъ родителей и всѣ въ мирѣ и согласіи живутъ подъ одной кровлей. Но иногда отецъ многочисленной семьи всетаки говоритъ: „безъ дѣтей бѣда, а съ дѣтьми еще больше бѣда“. На дочь смотрятъ какъ на „чужое сокровище“. Помощь ближнему считается обязательной. „Стыдно тому, кто проситъ“, говорится въ пословицѣ, „но еще стыднѣе тому, кто не даетъ“, „только бѣднякъ понимаетъ печаль бѣдняка“. Точно также выражается въ пословицахъ и религиозное чувство: „нѣмого понимаетъ Богъ“, „если Богъ даетъ, то ужъ щедрой рукой“, „Богъ караетъ поздно, но сильно“. Эта пословица напоминаетъ нашу русскую: „Богъ правду видитъ, да не скоро скажетъ“. Вообще многія армянскія изреченія сходны по смыслу съ русскими, мы напр. говоримъ „не все то золото, что блеститъ“. а армяне говорятъ: „не все то яблоко, что кругло“. Нашей пословицѣ: „какъ нажито, такъ и прожито“ соответствуетъ армянская: „что вѣтромъ принесло, то вѣтромъ-же и унесетъ“. Про человѣка не имѣющаго вкуса у насъ говорятъ „понимаетъ толкъ какъ свинья въ апельсинахъ“, и у армянъ вы-

ражаются не вѣжливе: „знаеть толкъ какъ осель въ миндалѣ“ „Сохрани меня Богъ отъ друзей“, думаетъ армянинъ, полагая что, „умный врагъ лучше глупаго друга“, что опять таки похоже на русскую пословицу: „не бойся врага умнаго, а бойся друга глупаго“. Какъ мы не довѣряемъ „тихому омуту“ или „тихой водѣ“, которая „подмываетъ берега“, такъ и армянинъ говоритъ: „бойся воды, которая не пѣнится и не бурлитъ“. Оригинальны также слѣдующія пословицы: „волкъ унесъ овцу, горе мужику если у него нѣтъ другихъ“; „дружи съ собакой, но палку изъ рукъ не выпускай“; „малъ золотой, да цѣна велика“ похожа на нашу пословицу „малъ золотникъ, да дорогъ. У армянъ также мало любятъ правду, какъ и вездѣ, и потому они говорятъ: „хочешь сказать правду, такъ раньше занеси ногу въ стремя“.

Изъ области археологiи.

Гдѣ былъ убитъ царевичъ Дмитрій? Планъ древняго Углича. На засѣданіи общества любителей древней письменности проф. С. О. Платоновъ сдѣлалъ докладъ—„Угличскіи городъ въ XVI—XVII вѣкахъ“. Докладъ этотъ былъ разработанъ на основаніи всѣхъ извѣстныхъ историческихъ данныхъ, относящихся ко времени убійства царевича Дмитрія. Референтъ постарался выяснитъ ту топографическую обстановку, въ которой произошло убійство. Важнѣйшими свидѣтельствами являются „слѣдственное дѣло“ и житіе Дмитрія (1-ая половина XVII вѣка), но они неточны. Устраненіе этихъ неточностей и было задачей докладчика. Изучены были докладчикомъ, кромѣ „слѣдственного дѣла“ и „житія“: официальные описи Углича 1665, 1674, 1676 и 1678 г., переписная книга Углича 1710 г. и 1717 г. и отрывки дозора 1620 г.

Въ послѣдній день своей жизни 15 мая 1591 г. царевичъ Дмитрій гулялъ близъ церкви Константина,—такъ свидѣлствуютъ письменные памятники, но ни одинъ изъ нихъ не даетъ указаній на мѣстоположеніе этой церкви. Просмотръ и изученіе документовъ не дали окончательныхъ результатовъ для восстановленія полной топографической картины убійства; референту удалось лишь составить на основаніи документальныхъ данныхъ общій планъ Угличскаго Кремля XVII вѣка, расположеніе дворца и двора его. Церковь же Константиновская, по мнѣнію референта, могла находиться за городомъ. Къ сожалѣнію, упоминаемый въ письменныхъ памятникахъ, чертежъ Углича 1629 года, составленный съ натуры, не найденъ до настоящаго времени.

Археологическія сокровища Приднѣпровья. На засѣданіи членовъ Археологическаго института 15 января, по случаю его годовщины, графъ А. А. Бобринскій, на основаніи 20-лѣтнихъ изысканій и изслѣдованій памятниковъ древностей Приднѣпровья, сдѣлалъ интересную попытку возстановитъ бытъ, обстановку и наружность древнихъ обитателей Малороссіи.

Приднѣпровское населеніе пережило всѣ стадіи человѣческаго развитія. Пережило оно и первую культурную стадію, когда добывало скудные средства къ существованію лишь при помощи отбивныхъ орудій изъ камня. Обитатель Приднѣпровья былъ, при этомъ въ худшихъ условіяхъ, чѣмъ его собрать въ западной Европѣ. Къ услугамъ послѣдняго былъ кремень—наиболѣе крѣпкая каменная порода, тогда какъ въ Приднѣпровьѣ залежей кремня почти не существуетъ, и обитатели его въ своемъ распоряженіи имѣли лишь случайно попавшіеся мелкіе куски кремня. Другія породы (гранитъ, известнякъ), употреблявшіеся ими были гораздо мягче и часто ломались и портились. Какъ мягкія породы онѣ и сохранились послѣ многовѣковаго пребыванія въ землѣ въ почти безформенномъ видѣ. Подобные камни встрѣчаются и въ окрестностяхъ хорошо обслѣдованной Смѣлы (Кіевской губ.) и на мѣстонахожденіи стоянки первобытнаго человѣка подѣ Юрьевой горой.

Интересенъ взглядъ французскаго ученаго Тіелленъ на этотъ первый періодъ въ жизни человѣчества. „Въ эпоху, баснословная древность которой не поддается нашимъ исчисленіямъ, среди гигантскихъ чудовищъ, обитавшихъ на землѣ, появилось слабое тщедушное созданіе, безъ одѣянія и безъ оружія, которое съ трудомъ поддерживало изо-дня въ день свое жалкое существованіе, находя въ горныхъ ущельяхъ лишь недостаточное убѣжище отъ безпрестанно угрожающей опасности. Это существо лишено было, казалось, какихъ бы то ни было шансовъ на успѣхъ, въ общей жизненной битвѣ и на дальнѣйшее существованіе своего рода. Окруженный многочисленными и страшными врагами лишенный способоѣ нападать и защищаться, обреченный въ жертву всякимъ насиліямъ и превратностямъ—человѣкъ, казалось, самой природой обреченъ былъ на уничтоженіе. Но онъ обладалъ двумя чудотворными орудіями, болѣе совершенными у него, нежели у какого-либо другаго созданія; это—мозгъ, чтобы повелѣвать, рука, чтобы исполнять. Грубой силѣ, до того времени царицѣ міра, онъ противопоставилъ разумъ и ловкость—величественная борьба, въ которой послѣднія два должны были задушить первую“.

Слѣдующій за палеолитическимъ періодъ въ жизни обитателя Приднѣпровья названъ референтомъ *енеолитическимъ*. Въ это время человѣкъ употреблялъ уже, кромѣ каменныхъ, и орудія изъ бронзы.

Принадлежалъ человѣкъ этого періода къ длинноголовой расѣ; найдены слѣды искусственнаго придаванія головѣ удлинненной формы, по обычаю нѣкоторыхъ народовъ древности. Бронзовые вещицы знакомы ему случайно, какъ занесенныя изъ культурныхъ центровъ Сиріи и Египта. Обстановка его жизни проста, главную роль въ ней играетъ дерево, обильный матеріаль, доставляемый окружающими дремучими лѣсами Малороссіи. Не рѣдко попадаются археологу остатки деревянныхъ вещей и орудій. Татуировка въ обычаѣ человѣка енеолитическаго періода, красить онъ себѣ лицо и тѣло густыми слоями ярко-красной краски. Окраска тѣлъ покойниковъ служить, быть можетъ, только отраженіемъ обыденной жизни. Извѣстно, что первобытный человѣкъ заботился

объ удовлетвореніи потребностей мертвеца въ загробной жизни; въ могилу укладывались пища, питье, оружіе, лошадь, домашній скотъ. Могила устраивалась въ формѣ его жилища. Покойникъ густо покрывался краской, возлѣ же него укладывался запасъ краски въ комьяхъ.

Посуду человѣкъ употреблялъ весьма грубой выдѣлки безъ помощи гончарнаго круга, но на ней появляются уже попытки украсить ее незатѣйливымъ орнаментомъ. Оружіемъ его служили деревянные дубины, копья, луки. Мелкіе кремневые осколки шли на изготовленіе наконечниковъ стрѣлъ. Грозное оружіе, въ формѣ заостреннаго лома, выдѣлывалось изъ отростковъ роговъ оленя. Въ пищу употреблялъ первобытный человѣкъ козуль, зайцевъ, коровъ, конину и разныхъ грызуновъ. Ихъ же приносили и въ жертву. Семейная жизнь въ это время уже существуетъ и доказываютъ это коллективныя семейныя могилы причемъ ребенку оказывается то же вниманіе, какъ и взрослому. По предположеніямъ нѣкоторыхъ ученыхъ, въ эти общія могилы по обряду хоронились жены, наложницы и дѣти умершаго хозяина, умерщвляемые при его погребеніи.

Время енеолитической эпохи—около VII вѣка до Р. Х. За ней слѣдуетъ вѣкъ желѣза, составляющій эпоху скиео-сарматскую. Продолжается она отъ VI до II вѣка до Р. Хр. Въ этотъ періодъ Малороссія находится подъ замѣтнымъ культурнымъ вліяніемъ греческой цивилизаціи.

Скиевъ — кочевникъ, высокій, мускулистый, голова круглая, прекрасные зубы, выразительныя черты лица, нависшія брови и сильно развитыя скулы; видъ немного суровый. Охота и битвы его главныя занятія. Въ высокой растительности степей онъ совершенно исчезаетъ, сидя верхомъ на своей быстрой малорослой лошади. Оружіе его крашеный, богато орнаментированный колчанъ, множество стрѣлъ съ бронзовыми, костяными и нерѣдко желѣзными наконечниками. Сбоку короткій кинжалъ, справа два длинныхъ желѣзныхъ копья и тонкіе легкіе дротики. При немъ также пращъ и нѣсколько камней. Вожди имѣютъ колчанъ, украшенный массивными золотыми бляхами, съ выгравированными на нихъ сценами охотничьей жизни, мечи, тонкіе изящные топорики, трости съ фигурными набалдашниками изъ кости и бунчуки съ бронзовыми погребушками на длинныхъ желѣзныхъ шестахъ, украшенныхъ сверху фигурками разныхъ животныхъ—все это атрибуты ихъ власти. Носятъ вожди золотыя ожерелья, оружіе въ золотѣ, иногда греческій бронзовый шлемъ съ развѣвающимся цвѣтною гривой. Конь скиеа также богато украшенъ. Множество бляхъ изъ ярко-сверкающей бронзы, а иногда и изъ серебра и золота покрываютъ бока лошади, низко нависаютъ отъ этихъ украшеній огромныя кисти. Голова коня спереди защищена большими узорчатыми бляхами. Не существуетъ ни стрелянь, ни шпоръ.

Охотится скиевъ за медвѣдями, рысью, волками, барсами, кабанами, зубрами, турами, оленями, козами и за разнообразными птицами. Употребляетъ онъ для охоты иногда сокола и собаку. Пища варится въ бронзовыхъ котлахъ, часто съ художественною

орнаментацию. Вино въ большихъ амфорахъ привезено изъ далекой Греции. На столахъ красуются блестящія золотыя сосуды, серебряныя бокалы, чары, терракотовыя издѣлія, росписныя вазы. Стекла нѣтъ, кусочки его, какъ драгоценныя камни, украшаютъ лишь одежды женщинъ. Посуда мѣстной выдѣлки также оригинальна, отличающаяся блескомъ узоровъ, выведенныхъ ярко-бѣлой инкрустаціей на темномъ фонѣ. У каждого скиѣа свой острый ножъ, у богатыхъ черенки обложены золотомъ. Чарочкой съ высокою причудливой ручкой скиѣа черпаетъ вино изъ глубокаго кувшина.

Разноцвѣтныя ткани съ множествомъ нашитыхъ золотыхъ блестяшекъ служатъ одеждою богатыхъ скиѣскихъ женщинъ. У женъ вождей все платье съ ногъ до головы обшито золотомъ. Шеи украшаютъ ожерелья изъ бусъ и привѣсокъ, иногда изъ чистаго золота. Золотыя, серебряныя или бронзовыя часто, очень массивныя серьги украшаютъ уши. Высокія шпильки въ волосахъ; браслеты на рукахъ и ногахъ, кольца и перстни на пальцахъ; въ рукахъ блестящія металлическія зеркала, цѣлыя собранія амулетовъ: клыки кабана, медвѣдя, волка и пр. — вотъ подробности наряда женщинъ. У дѣтей куколки, привѣски, погремушки, свистки. Жили скиѣы въ большихъ деревянныхъ домахъ, построенныхъ на массивныхъ столбахъ. Крыша высокая, остроконечная. На стѣнахъ развѣшано оружіе, въ особыхъ углубленіяхъ разставлена посуда.

За скиѣо-сарматской эпохой слѣдуетъ періодъ римскаго вліянія на населеніе Приднѣпровья (II вѣкъ по Р. Х. до III вѣкъ по Р. Х.). А за тѣмъ эпоха великаго переселенія народовъ, продолжающаяся до VI вѣка по Р. Х. Къ этой послѣдней эпохѣ относятся и курганы съ загадочными каменными бабами.

Славянская эпоха (VI—IX вѣка нашей эры) отличается погребеніями подъ низкими насыпями съ немногочисленными предметами быта. Время ихъ опредѣляется кувшинскими монетами, просверленными для нанизыванія на ожерелья. Погребенія печенѣжскаго типа, т. е. содержащія скелетъ воина въ полномъ вооруженіи, положеннаго въ могилу вмѣстѣ съ убраннымъ и осѣдланымъ конемъ, референтъ относитъ къ IX—XI вѣкамъ нашей эры.

Слѣдующая эпоха—великокняжеская (X—XII вѣка по Р. Х. характеризуется находками вещей византійской работы. Вліяніе Византіи выражается въ этотъ періодъ весьма замѣтно.

Задачи будущаго изученія Приднѣпровья относятся ко всѣмъ перечисленнымъ эпохамъ. Безусловно мало разработаны и требуютъ долгихъ изслѣдованій эпоха каменнаго вѣка; эпоха римскаго вліянія трудно поддается изученію, благодаря отсутствію наружныхъ признаковъ погребеній этого времени; эпоха переселенія народовъ остается пока совершенно неясной.

Неизданныя египетскія надписи. Б. А. Тураевъ на засѣданіи И. Р. А. О. сообщилъ о нѣкоторыхъ надгробныхъ надписяхъ, изслѣдованныхъ имъ при осмотрѣ Британскаго музея. Большая часть надписей содержитъ гимны въ честь бога Ра (олицетвореніе солнца). Нѣкоторыя надписи даютъ понятіе объ особомъ

своеобразномъ египетскомъ культѣ; такъ при сильно развитомъ уваженіи къ письменности египтянъ, письменныя принадлежности (дощечки) почитались священными, отождествляясь съ тѣломъ Озириса; большинство проборовъ украшены поэтому фигурами, изображающими Озириса. На основаніи же надписей референтъ вывелъ еще одно новое научное заключеніе, что царь Рамзесъ I царствовалъ въ Египтѣ не болѣе 3 лѣтъ.

Къ числу цѣнныхъ приобрѣтеній египетской поэтической литературы принадлежатъ изданный нѣмецкимъ ученымъ Эрманомъ сборникъ образцовъ для изученія дѣловыхъ и поэтическихъ произведеній. Образцы эти относятся къ IX вѣку до Р. Х., къ царствованію 19 или 20 династии. Дѣловыя бумаги въ большей своей части относятся до работъ въ гробницахъ. Поэтическія произведенія—это образцы гимновъ божествамъ Египта и похвальные оды. Одинъ изъ сохранившихся гимновъ—очень поэтичный по формѣ—гимнъ солнцу, но конецъ его указываетъ на огромное развитіе бюрократизма—авторъ гимна выражаетъ въ концѣ его искреннее желаніе возвращенія потерянной имъ должности. Два гимна воспѣваютъ животворное дѣйствіе солнца и даютъ характеристику взгляда египтянъ на мірозданіе. Гимнъ въ честь Озириса передаетъ о пребываніи Озириса въ землѣ—отождествляя его съ нею. Растительность появляется, по воззрѣніямъ египтянъ, лишь послѣ погребенія Озириса. Солнце плачетъ по умершемъ божествѣ. Одинъ изъ гимновъ воспѣваетъ различныя формы божества. Другой гимнъ, посвященный богинѣ правды, выражаетъ жалобы на окружающую несправедливость. Восхваленіе столицы Рамзеса служить также темою одного гимна.

Новый музей древностей Подоліи. По инициативѣ М. А. Трублаевича, возникла мысль объ устройствѣ въ г. Каменецъ-Подольскѣ общественнаго музея древностей Подоліи. Предварительное собраніе лицъ, которыя особенно могутъ быть полезны для возникающаго дѣла, состоялось еще въ августѣ минувшаго года. Тогда же былъ разсмотрѣнъ проектъ устава музея. Онъ составленъ примѣнительно къ образцовому уставу губернскихъ и областныхъ археологическихъ музеевъ и согласно указаніямъ Московскаго археологическаго общества. Учредители музея не теряютъ времени и, благодаря нѣсколькимъ пожертвованіямъ, уже положили первое основаніе будущимъ коллекціямъ музея. Преосвященный Модестъ, архіепископъ волынской и житомирской, прислалъ 100 р. въ пользу музея. Подольская губернія богата всевозможными памятниками старины: здѣсь въ обиліи встрѣчаются пещеры, металлическія сооруженія, городища, древніе монастыри слѣды циклопическихъ построекъ, каменные бабы и курганы разныхъ типовъ, число которыхъ доходитъ до двухъ съ половиною тысячъ. Всѣ эти древности исчезаютъ, разрушаются и вмѣстѣ съ ними пропадаетъ безвозвратно драгоцѣнный матеріалъ для изслѣдованія прошлаго Подоліи. Историческія судьбы Подольской земли, богатая разными перипетіями, дали въ результатъ множество разнообразныхъ памятниковъ старины. Каменецъ-Подольскъ представляетъ очень богатую и интересную ихъ кол-

лекцію. Все это пока остается почти неизслѣдованнымъ и сдѣлано для изученія Подольской старины очень немного. Работы на польскомъ языкѣ д-ра І. І. Роле (псевдонимъ его д-ръ Антоній І.), умершаго нѣсколько лѣтъ назадъ, составляютъ пока главную основу знаній о памятникахъ старины и исторіи Подоліи. Трудится въ этой области и епархіальный статистическій комитетъ, но главнымъ образомъ съ цѣлью изученія церковныхъ древностей.

Интересная коллекція В. В. Тарновскаго. Богатая коллекція В. В. Тарновскаго завѣщана покойнымъ черниговскому губернскому земству. Въ настоящее время эта рѣдкая и весьма обширная коллекція находится частью въ Кіевѣ, въ мѣстномъ музеѣ древностей и искусствъ, частью въ Черниговѣ. Въ Черниговѣ отправленъ и весь богатый и обширный архивъ В. В. Тарновскаго (въ архивѣ этомъ есть множество весьма цѣнныхъ документовъ, въ томъ числѣ много подлинныхъ гетманскихъ универсаловъ), а также весь такъ называемый шевченковскій отдѣлъ коллекціи. Покойный владѣлецъ ея съ особенной любовью относился къ собиранію предметовъ этого отдѣла. Въ кіевскомъ музеѣ отдѣлы коллекціи Тарновскаго расположены въ одномъ залѣ. Обрабатываетъ на себя вниманіе, прежде всего, собраніе гетманскихъ булавъ и полковничьихъ перначей. Среди булавъ находятся булавы гетмановъ Выговскаго и Хмельницкаго. Подлинность послѣдней, впрочемъ, оспаривается. Въ той же витринѣ выставлены музыкальные инструменты, среди которыхъ есть бандура гетмана Мазепы. Очень интересны гетманскія сѣдла въ массивной золотой оправѣ, украшенные множествомъ крупныхъ драгоценныхъ камней. Въ особой стоячей витринѣ расположено дорогое казачье оружіе: сабли и ружья. Среди нихъ есть длинная пищаль Сагайдачнаго. Многія сабли и ружья имѣютъ богатую оправу. Дѣлѣ идутъ старинные золотые и серебряные кубки, «чарки», церковная утварь, пушки, знамена, бунчуки, образцы одежды; бюсты Шевченко, Мазепы и т. д. Отдѣльно стоитъ модель памятника Богдану Хмельницкому по первоначальному проекту. Наконецъ, особую часть коллекціи составляютъ около 150 частью подлинныхъ, частью скопированныхъ портретовъ малороссійскихъ гетмановъ и полковниковъ.

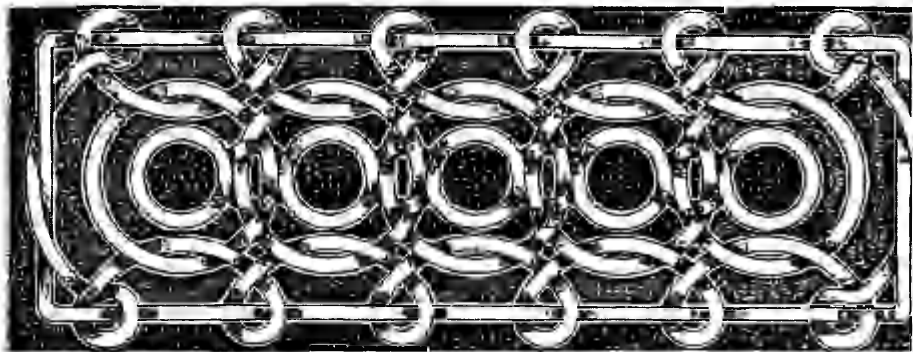
† **Н. Н. Селифоновъ.** 29 декабря 1900 года скончался членъ Государственнаго Совѣта, почетный членъ С.-Петербургскаго Археологическаго института и предсѣдатель Костромской ученой архивной комиссіи Николай Николаевичъ Селифоновъ. Другъ и почитатель Н. В. Калачова, Н. Н. былъ убѣжденнымъ и сильнымъ защитникомъ его идей, отчасти осуществившихся въ созданіи археологическаго института и губернскихъ ученыхъ архивныхъ комиссій. Во главѣ одной изъ послѣднихъ, а именно Костромской, и сталъ Н. Н. Селифоновъ. Благодаря неутомимой энергіи Н. Н. организованъ былъ музей мѣстныхъ древностей, привлечены въ цѣляхъ изученія комиссіею давно минувшей старины края фамиліальные дворянскіе архивы. Три года тому назадъ счастливая случайность предоставила комиссіи цѣлый архивъ посадской земской избы и ратуши (въ Большихъ Соляхъ,

на границѣ Ярославской губерніи). Подъ руководствомъ Н. Н. было организовано дѣло разбора и описанія архива. Въ послѣдніе годы Н. Н. занялся собираніемъ русскихъ и иностранныхъ матеріаловъ по генеалогіи дома Романовыхъ. При музеѣ коммисіи имъ былъ основанъ „особый Романовскій отдѣлъ“. По инициативѣ же Н. Н. коммисія занялась собираніемъ исчезающей живой старины: обычаевъ, древностей, сказаній, обрядовъ, повѣрій, прибаутокъ, пѣсенъ и пр. Къ работѣ по собиранію привлечены мѣстные священники, учителя и учительницы народныхъ школъ.

Къ XII археологическому сѣзду. На послѣднемъ засѣданіи предварительнаго комитета по устройству XII археологическаго сѣзда въ г. Харьковѣ проф. Д. И. Багалъй доложилъ просьбу П. П. Короленко о сообщеніи ему чрезъ посредство комитета изъ московскихъ архивовъ матеріала о вещахъ, неизвѣстно куда поступившихъ изъ церкви Чартомлынской сѣчи (послѣ разоренія ея въ 1709 г.), изъ церкви Подпольной сѣчи (послѣ разоренія въ 1775 г.), а равно описей войсковыхъ клейнодовъ указанныхъ сѣчей. Въ виду того, что этотъ матеріалъ необходимъ г. Короленкѣ для подготавливаемой имъ къ харьковскому археологическому сѣзду статьи о церковныхъ древностяхъ кубанскихъ казаковъ, постановлено обратиться съ соотвѣтствующей просьбой къ московскому предварительному комитету. Прочтено сообщеніе А. Яковлева о случайно произведенной имъ раскопкѣ могилъ доисторическаго вѣка въ холмахъ у рѣки Чиръ, въ Донской области, о нахожденіи имъ въ одной могилѣ пяти скелетовъ, а въ другой—трехъ, причемъ кости всѣхъ скелетовъ были красноватаго цвѣта; при нихъ найдено нѣсколько штукъ кремневыхъ наконечниковъ стрѣлъ и кремневыхъ ножей.—Прочтено сообщеніе С. Л. Иванова о произведенной имъ раскопкѣ кургана, находящагося въ Изюмскомъ уѣздѣ, Петровской волости, въ 3-хъ верстахъ отъ слободы Валвенкиной, на правой сторонѣ р. Донца. Въ могилѣ, на глубинѣ 1¹/₄ аршина, найдены обожженные угли, горшокъ, деревянный ящикъ съ человѣческими костями, разбитыми, съ черепомъ, сверху приплюснутымъ, безъ челюсти; около черепа горшокъ; между костями—металлическія украшенія въ видѣ серегъ. Проф. Д. И. Багалъй доложилъ, что комитетомъ получены отъ секретаря харьковскаго губернскаго статистическаго комитета свѣдѣнія о каменныхъ бабахъ, имѣющихся въ различныхъ мѣстахъ Харьковской губерніи. Постановлено: мѣсто нахожденія бабъ помѣстить на археологической картѣ Харьковской губерніи, составляемой проф. Д. И. Багалъемъ, сдѣлать фотографическія снимки съ каменныхъ бабъ и произвести раскопки тѣхъ кургановъ, на которыхъ эти бабы находятся. Согласно предложенію московскаго предварительнаго комитета, рѣшено собрать свѣдѣнія о различнаго рода археологическихъ коллекціяхъ, собраніяхъ, имѣющихся у помѣщиковъ, купцовъ, и вообще, частныхъ лицъ Харьковской губерніи, путемъ обращенія въ газетахъ, и, кромѣ того, рѣшено просить о содѣйствіи и помощи комитету въ этомъ отношеніи губернатора, зем-

скую управу и земскихъ начальниковъ. Проф. Е. К. Рѣдинъ доложилъ: а) о поступленіи свѣдѣній по программамъ комитета отъ народныхъ учителей Волчанскаго уѣзда, причемъ прочиталъ сообщенія учителя Верхне Салтовскаго народнаго училища В. Бабенко, приславшаго и цѣлую коллекцію предметовъ древности и этнографическихъ; б) о просьбѣ, обращенной отъ имени комитета, къ духовной консисторіи и г. попечителю округа, указать священникамъ и народнымъ учителямъ, не доставившимъ свѣдѣній—срокомъ доставки таковыхъ — 15-е марта сего года; по этому же поводу рѣшено: въ виду мало остающагося времени до сѣзда и необходимости произвести подготовительныя работы (составленіе каталоговъ, фотографированіе и проч.)—просить всѣхъ, кто имѣетъ что доставить для выставокъ при сѣздѣ—присылать теперь-же комитету. Проф. М. Г. Халанскій познакомилъ съ продолженіемъ описи коллекции г-жи Томилиной и нѣкоторыми рукописными книгами (соборное уложеніе Алексѣя Михайловича; сборникъ XVIII в.: Александрія, Русская лѣтопись до 1706 г., Бесѣды о трехъ святителяхъ и др.) и старопечатными (Ифигенія въ Тавридѣ, драма на музыкѣ (1768) и драма «Сократъ»), полученными имъ изъ Вѣлгорода (отъ г. Мичурина); далѣ прочелъ сообщенную г. Лернеромъ народную свадебную пѣснь.

А. Мироновъ.

Литературная лѣтопись.

Русскіе журналы.

«Соціальный Ньютонъ» XIX столѣтія.—Оцѣнка XIX вѣка.—Плачь о пропажѣ благо-
родства.—Къ чему оно обязывало?—Родоначальники декадентства.—Новый историкъ
«Возрожденія».—Въ поискахъ за «всемирнымъ языкомъ».—Петрарка и Воккачио.—
Чаадаевъ и французская пресса.

Въ „Книжкахъ Недѣли“ (октябрь — декабрь) напечатанъ послѣдній трудъ покойнаго Михайлова-Шеллера. Въ статьѣ— „Мечты и дѣйствительность“, Шеллеръ, съ присущимъ ему популяризаторскимъ талантомъ, излагаетъ соціальную систему Фурье. Шеллеръ останавливается на Фурье не въ первый разъ. Въ его прежнихъ статьяхъ, носящихъ общее названіе „Пролетаріатъ во Франціи“, была имъ уже сдѣлана краткая критическая оцѣнка ученія Фурье. Въ числѣ другихъ русскихъ писателей, касавшихся Фурье, Шеллеръ занимаетъ среднее мѣсто. Онъ не столь восторженно относится къ Фурье, какъ Бибииковъ и Градовскій, и не столь учено-безстрастно, какъ Исаевъ. По его мнѣнію, у Фурье встрѣчаются „необузданныя заблужденія фантазій; ребяческія сказки выдаются за исторію будущаго; ни на чемъ неоснованные расчеты серьезно представляются за несо-
мнѣнныя математическія истины“. Но Шеллеръ категорически заявляетъ, что, напр., устройство земледѣльческихъ ассоціацій и общественныхъ общежитій по плану Фурье дѣло вполне дости-
жимое, и если опыты приложенія системы въ этихъ случаяхъ не удавались, то лишь по недостатку средствъ или постороннимъ причинамъ, а при средствахъ—опыты удавались. „Каждая возни-
кающая рабочая артель является какъ бы слабымъ зародышемъ фаланстеріи Фурье“.

Съ перваго шага Фурье въ печати онъ былъ замѣченъ са-
мымъ сильнымъ „міра сего“—Наполеономъ. Фурье предвосхи-

тилъ идею Наполеона о „континентальномъ триумvirатѣ“—изъ Франціи, Россіи и Австріи—для установленія всеобщаго мира. Но Фурье не поддался искушенію сразу выскочить *въ люди*. Онъ совершенно равнодушно отнесся къ сообщенію о вниманіи къ нему *свыше*. Такое выходящее изъ ряда поведение Фурье можно объяснить его своеобразнымъ характеромъ. Онъ не соприкасался со средой его окружавшей, онъ не былъ *испорченъ* той цивилизаціей, противъ которой онъ задумалъ уже пойти войной. Фурье, обязанный своими знаніями только самообразованію, самостоятельно пришелъ къ своимъ оригинальнымъ выводамъ и взглядамъ, которые шли въ разрѣзъ со всѣмъ тѣмъ, что онъ выучилъ и вычиталъ изъ книгъ. Вслѣдствіе этого онъ сдѣлался фанатикомъ этихъ выводовъ и взглядовъ, твердо убѣжденный, что онъ *изобрѣтатель* (его излюбленный терминъ). „Такія натуры встрѣчаются вообще нерѣдко, особенно у насъ. Ихъ невозможно разубѣдить въ томъ, что они изобрѣли, вывести на новый путь. Они скорѣе погибнуть съ голода, чѣмъ откажутся отъ вѣры въ возможность существованія изобрѣтеннаго ими *perpetuum mobile*. Сосредоточенные на одной мысли, отдавшіеся всецѣло пропагандѣ одной идеи, они часто бываютъ удивительными обличителями существующаго и нерѣдко высказываютъ замѣчательный даръ прозорливости, кажущійся массамъ народа даже даромъ пророчества. При жизни, такихъ людей считаютъ сумасбродами, полупомѣшанными, но потомъ, по прошествіи многихъ лѣтъ, ихъ вспоминаютъ и удивляются ихъ прозорливости, видя, что они, создавая алхимію, какъ бы предчувствовали необходимость химіи, что они, занимаясь астрологіей, въ сущности вели къ созданію астрономіи. Къ такой породѣ людей принадлежалъ Фурье, и его фанатическая вѣра въ правильность своихъ идей окрѣпла еще болѣе подъ вліяніемъ того времени, въ которое онъ жилъ. Въ тѣ мрачныя времена онъ былъ не единственнымъ изъ добивавшихся роли *спасителя отечества*,—это была эпидемическая болѣзнь своего времени“. Дѣйствительно, старый порядокъ рушился, новый не только еще не создался, но не было покуда никакой возможности опредѣлить, каковъ онъ будетъ, такъ какъ борьба партій шла не на животъ, а на смерть, доказывая справедливость своихъ мнѣній ударами гильотины, и никто не могъ поручиться, что онъ переживетъ эту кровавую эпоху. Въ это-то время всеобщей паники и отчаянія, рядомъ съ людьми, встрѣчающимися во всякое время, полезными общественными дѣятелями, пронырливыми дѣльцами и честолюбивыми карьеристами, создался особый типъ *спасителя отечества*,—людей *нашедшихъ* философскій камень, панацею, универсальное средство для спасенія родины“, и даже всего человѣчества. Почти одновременно съ Фурье появились Бабѣфъ, Сень-Симонъ; за ними шли, непосредственно по пятамъ, Кабе, Луи-Бланъ, Прудонъ, Лямене, Леру, Бюше, Контъ. И, какъ ни странно, всѣ эти проповѣдники безусловнаго мира, ненавидѣвшіе насилія и убійства, жаждавшіе полной гармоніи между богатыми и бѣдными, находя послѣдователей въ одной части общества, другою частью, большею, встрѣчались издѣвательствомъ

и преслѣдованіями, даже считались хуже *кровожаднаго* Марата, требовавшаго для счастья челоѣчества сначала 500 головъ, потомъ 40.000 и, наконецъ, 270,000. Объясненіе этому, конечно, существуетъ простое. Практическіе люди разсуждали такъ: пусть Маратъ возьметъ требуемое имъ число головъ, но маратовскаго счастья все-таки не наступитъ, и все пойдетъ попрежнему, а Бабѣфъ, Фурье и Сень-Симонъ требуютъ коренной реорганизаціи общества; сумѣемъ ли мы приспособиться тогда такъ же выгодно, какъ теперь, это еще вопросъ. Въ этомъ всегда заключалось несочувствіе къ самымъ невиннымъ утопіямъ.

Въ самомъ дѣлѣ, если Маратъ требовалъ 270 тыс. головъ, то Фурье требовалъ еще большаго. „Умники и ученые, говоритъ Фурье, сдѣлали втеченіе полувѣка такіа трудныя услуги челоѣчеству, что можно гордиться тѣмъ, что не сидишь въ ихъ рядахъ и подвергаешься ихъ насмѣшкамъ. Всякое оскорбленіе, нанесенное ихъ кликой, дѣлается лучшей рекомендаціей въ глазахъ того, кто подвергается оскорбленію. Вслѣдствіе этого я соглашаюсь... я признаю, что я нищій духомъ, глупецъ, больной умъ. Я иду еще дальше: я признаю себя неизлечимымъ больнымъ, такъ какъ они не рѣшаются произнести этого приговора; сначала они признаютъ меня безумцемъ, а въ слѣдующей фразѣ указываютъ, что мои разсужденія хорошо сдѣланы, крайне послѣдовательны. Не боятся ли они обвинить себя самихъ этими противорѣчіями и открыть свою тайну, свою лигу, составленную для того, чтобы раздавить челоѣка, отказавшагося принести дань еиміама минотавру науки, философскимъ библіотекамъ? Далекій отъ желанія капитулировать предъ этой арміей изъ *пятисотъ тысячъ томовъ*, я провозглашаю ея полное уничтоженіе, близкое разрушеніе всѣхъ этихъ книжныхъ полоковъ“.

Біографія Фурье крайне проста и коротка, но она можетъ быть длинна, если перечислить все то, чѣмъ онъ не былъ. „Фурье не составлялъ заговоровъ подобно Бабѣфу; онъ не слѣдовалъ Сень-Симону—быть филантропомъ и жить аристократомъ; онъ не давалъ аудіенцій принцамъ и императорамъ, какъ это дѣлалъ Оуэнъ; онъ не ѣздилъ въ Америку для созданія икарійской республики, какъ Кабе; онъ не ослѣплялъ современниковъ, подобно Лассалю, своими похождениями и романическимъ концомъ; онъ не былъ даже, какъ Марксъ, президентомъ *интернаціоналя*,—онъ велъ жизнь путешествующаго коммѣ, пока не опротивѣли ему торговля и торгаши. Потомъ онъ сталъ ничѣмъ. Жилъ онъ въ такомъ положеніи вплоть до смерти, сначала на грошовую ренту, оставленную ему матерью, потомъ на скудное жалованье кассира торговаго дома, наконецъ, даже на заработокъ писца, ожидая каждый день въ 12 часовъ, что къ нему явится капиталистъ, который рѣшится осуществить его планъ и основать первый фаланстеръ. Но такой капиталистъ не являлся. Самъ Фурье говорилъ о себѣ: „Для успѣха нужны карета и интрига. Я не имѣю первой и ненавижу послѣднюю“. Фурье похоронили на кладбищѣ Перъ-Лашезъ. На похороны собрались его немногіе послѣдователи и высказали надежду, что придетъ время, когда люди оцѣ-

нять „соціального Ньютона“ и осуществлять его планъ, имѣющій въ виду осчастливить все человѣчество.

Въ статьѣ „Кончина вѣка („Книжки Недѣли“, декабрь) г. Меньшиковъ подводитъ итоги скончавшемуся вѣку. По его мнѣнію, человѣчество никогда еще не переживало такихъ ужасовъ, какъ въ прошломъ столѣтіи. *Ужасный вѣкъ* осуществилъ многія несбыточныя надежды, но и заставилъ пережить людей страшную ломку ихъ природныхъ свойствъ. Ломка эта была какая-то необузданная, фатальная. Всѣ стремленія людей избѣжать ея разбивались о несокрушимую силу напавшихъ разрушительныхъ факторовъ. Мечтатели, старавшіеся освободить личность отъ какого бы то ни было слѣпого давленія и доставить торжество духу надъ матеріальной формой, сами, въ конечномъ результатѣ, подавляли личность и доставляли торжество массѣ надъ элементами ея. Тягчайшая форма всѣхъ мечтаній выразилась въ социализмъ. Онъ отнялъ отъ людей ихъ жизненность, красоту и радость существованія. „Необезпеченность человѣка, необходимость вѣчнаго промышленія о себѣ были источникомъ его энергіи. Лишенія, даже самыя тяжкія, угнетали менѣе, чѣмъ гнететъ полная обезпеченность при подневольномъ трудѣ. Типъ человѣческій, при старомъ порядкѣ, все же сохранялся и расцвѣталъ. Что ждетъ его при торжествѣ новыхъ началъ—вопросъ крайне спорный“.

Нашъ вѣкъ, говоритъ г. Меньшиковъ, только издалека можетъ показаться красивымъ, какъ кажутся намъ красивыми всѣ вѣка. Но насъ онъ давитъ неуклюжими поѣздами въ облакахъ парамертвенными фабричными трубами. Мысль наша поражена совершающимся преступнымъ процессомъ въ человѣчествѣ—поѣданіемъ бѣлою порою цвѣтной, сильными слабыми; южныя поэтическія расы хирѣютъ, сѣверныя практическія цвѣтутъ. Природа!... Никогда она не опустошалась съ такою яростью, какъ въ истекшій вѣкъ. „Міръ низшихъ существъ—животныхъ и растений—испыталъ на себѣ поистинѣ бичъ Божій, истребительный, хуже землетрясеній и потопа“. Лѣса исчезли, исчезаютъ лоси, медвѣди, волки, лисицы, барсуки, рыси, зайцы, бѣлки, горностаи.... дриады, ореады, наяды.—„Умеръ великій Панъ!“. Просторъ полей замѣнился дымной фабрикой, поѣдающей свѣжесть силъ; деревня—городомъ, опьяняющимъ испареніемъ притоковъ. Всѣхъ ужасовъ XIX столѣтія не перечесть.

Въ чемъ же заключается плюсъ прошлаго вѣка? XIX вѣкъ „былъ самымъ работоспособнымъ въ исторіи, и никогда въ столь короткій срокъ не было обнаружено столько влеченія къ знанію, столько страстной жадности, столько гения, расцвѣтшаго пышно по всему великому дереву бѣлой расы. Открытія гнались за открытіями, изобрѣтенія за изобрѣтеніями“, наука дружно двинулась впередъ, искусство пережило второе Возрожденіе, мысль дошла до ясновидѣнія... но жить сдѣлалось скучно, народный духъ падаетъ до полного растлѣнія, человѣкъ сталъ мертвой молекулой, а не живой клѣткой, общественность переразвилась и представляетъ упадокъ общества, процессъ общественнаго омертвѣнія начался давно.

Плюсъ, какъ видите, крайне сомнительный. Но нельзя же съ такими мрачными мыслями начинать жизнь новому вѣку. И г. Меньшиковъ надѣется, что все измѣнится подобно тому, какъ измѣняется природа послѣ солнцезаворота. „Почему не повториться движеніямъ первыхъ вѣковъ нашей эры? Конецъ XIX вѣка во многомъ напоминаетъ ту эпоху. Богатый, пышный, роскошный, кровавый, иступленный міръ можетъ вдругъ потерять свою прелесть, и снова людей живого духа потянетъ вонъ изъ городовъ, вонъ изъ толпы, къ вѣчной тишинѣ природы, къ уединенію, къ свободѣ. Иного спасительнаго пути нѣтъ!“

Вѣроятно, картину вѣка можно освѣтить и съ иной точки зрѣнія. При случаѣ мы это потомъ и сдѣлаемъ, а теперь замѣтимъ только, что возвратиться къ природѣ и въ то же время возвратиться къ началу эры не значитъ-ли придти опять къ среднимъ вѣкамъ? Ничего ужаснѣе среднихъ вѣковъ человѣчество никогда не переживало. Оно природы, безъ раздѣдающей глаза копоти и ослѣпляющаго электричества, и въ то же время полная имущественная необезпеченность, приниженіе личности до скотоподобія. Мысль бездѣйствовала, не возникало понятія о свободѣ не только духа, но и тѣла, природа человѣческихъ массъ ломалась по произволу множества сверхчеловѣковъ, которыхъ въ то время называли феодальными правителями, рыцарями, монахами; спокойствіе могло быть во всякое время нарушено войной съ единственной цѣлью самаго примитивнаго грабежа, простымъ вторженіемъ разбойничьей шайки; воевали двѣ, три, четыре сосѣднія деревни, или просто—одна половина деревни противъ другой половины. Мысль буквально и повсемѣстно спала, и никакихъ социальныхъ мечтателей, которые бы облагодѣтельствовали человѣчество, хотя бы нынѣшней фабрикой, рѣшительно никто не видѣлъ и не ожидалъ. Именно „необезпеченность человѣка“, „необходимость вѣчнаго промысленія о себѣ“ заставляли идти войной всѣхъ противъ всѣхъ. Упадокъ энергіи открывалъ просторъ побѣдоносному шествію множества болѣзней: моровой язвы, черной смерти, проказы, корчамъ, иступленіямъ, охватывавшимъ огромныя области и подкашивавшимъ жизнь поголовно всѣхъ людей. И теперь тамъ, гдѣ еще идилическій бытъ сохранился въ нѣкоторой прежней неприкосновенности—срединой Африкѣ, сѣверо-восточной Азіи, Индіи, Китаѣ—остается подобіе среднихъ вѣковъ по полной необезпеченности жизни и личности и по упадку энергіи. Такъ въ Европѣ продолжалось до новаго времени, когда въ эпоху Возрожденія, подъ вліяніемъ многихъ внѣшнихъ случайностей—открытія Новаго Свѣта, книгопечатанія, вторженія арабовъ въ Испанію, крестовыхъ походовъ, смѣшенія расъ, множества изобрѣтеній—появился типъ новаго человѣка. Этотъ типъ перевернулъ жизнь средневѣковаго человѣка, заставилъ его мысль работать, и она доработалась до созданія XIX столѣтія, съ его паромъ, электричествомъ и свободной личностью. Мысль эту новый человѣкъ не промѣняетъ ни на какія поля съ ихъ просторомъ, потому что просторъ мысли ему дороже, ни на какого великаго Пана, потому что онъ себѣ панъ, и еще потому,

что другой лучшей свободы позади себя онъ не знаетъ. Это завоеваніе новой свободы и было главнымъ плюсомъ XIX вѣка. Возвратиться на лоно природы — это значитъ возвратиться къ періоду до эпохи Возрожденія, потому что XIX вѣкъ составляетъ только развитіе вѣковъ XVIII, XVII, XVI, XV, спасшихся бѣгствомъ отъ своихъ предшественниковъ. Чтобы понять все значеніе изобрѣтеній такъ называемаго *новаго времени*, достаточно указать на появленіе въ это время мыла, которое повсемѣстно въ Европѣ уничтожило проказу.

Тягчайшее преступленіе вѣка, это, несомнѣнно, поѣданіе цвѣтныхъ расъ бѣлою. Г. Меншиковъ, указавъ на зло, не объяснилъ его происхожденія. Мы остановимся только на одномъ факторѣ, который выдвинуть печатью. Со времени такъ называемаго пробужденія національностей въ Европѣ, почти съ начала вѣка и до сихъ поръ, тѣ самые публицисты, которые ставятъ теперь въ позоръ XIX столѣтію расовыя войны, явились одними изъ главныхъ виновниковъ этихъ войнъ. Всѣми силами они старались воздвигнуть *средостѣны* между націями, которое потомъ само собою выросло съ одной стороны въ расовое, а съ другой — въ классовое. У насъ, напр., постоянно раздается плачь о томъ, что мы находимся въ плѣну у Европы, подвергаемся опасности политическаго порабоженія. Въмѣсто совѣта и содѣйствія къ поднятію энергіи, говорятъ, что только замкнутость спасаетъ насъ отъ гибели, что вся доблесть нашего народа заключается только въ томъ, что онъ остается доволенъ своимъ недовольствомъ, что онъ великъ въ своемъ недоѣданіи и смиреніи, что общественность его вся выражается въ великомъ мірскомъ подвигѣ „хожденія въ кусочки“.

Такіе націоналисты оказались вездѣ, и во — Франціи, и въ Англіи. Положимъ, проповѣдь ихъ явилась слишкомъ поздно, когда люди всего земного шара уже были объединены общностью и духовныхъ и матеріальныхъ интересовъ, а кто отсталъ, тотъ догоняй или пропадай. „Исторія, говоритъ Маколей, не ждетъ опоздавшихъ“. Но средневѣковая проповѣдь розни еще разъ сдѣлала свое дѣло: звѣрь въ человѣкѣ проснулся.

Одни вздыхаютъ о лонѣ природы, другіе плачутъ о потерѣ благородства. Въ „Очеркахъ текущей литературы“ („Жизнь“, ноябрь и декабрь) г. Андреевичъ жалуется, что насъ заѣло *мѣщанство* вообще и литературное въ частности. Онъ начинаетъ съ опредѣленія мѣщанства. Мы привыкли видѣть въ мѣщанствѣ узкость понятій, ограниченность кругозора мысли, стремленіе къ подражанію, желаніе блеснуть мишурой вмѣсто золота. Г. Андреевичъ, очевидно, разумѣетъ подъ мѣщанствомъ буржуазію, третье сословіе, то, которое сдѣлало исторію новаго времени. Его опредѣленіе таково: „Мѣщанство — это рента. Психологія ренты — это почти психологія мѣщанства“. „Эта рента говоритъ о вынесенныхъ трудахъ и лишеніяхъ, питаетъ гордость, указывая на то, что труды и лишенія потрачены и вынесены не даромъ, что главный богъ нашихъ дней, богъ успѣха и удачи, нѣтъ-нѣтъ милостиво улыбался

своему служителю и милостиво оцѣнилъ въ концѣ концовъ его настойчивость и упорство“. „Изобрѣтеніе магнитной иглы и компаса, сообщившее морской торговлѣ большую быстроту и безопасность; проведеніе внутри страны водяныхъ путей, каналовъ и шоссе, что уменьшило расходы на перевозку и облегчило ее; изобрѣтеніе пороха, придавшее рѣшающее значеніе помощи горожанъ въ борьбѣ монархіи съ феодалами; вызванное разрушеніемъ замковъ распушеніе феодальной свиты, которая принуждена была искать себѣ заработка въ средневѣковыхъ мастерскихъ; открытіе Америки и морского пути вокругъ Африки, создавшее ость-индскій и китайскій рынки, колонизацію Америки и торговлю съ колоніями; богатые розсыпи австраліискаго и калифорнскаго золота, увеличившія количество орудій обращенія, и, наконецъ, паровая машина Аркрайта—вотъ главные событія, послужившія основой могущества для западно-европейскаго мѣщанства“. Казалось бы, послѣ всѣхъ этихъ огромной важности заслугъ оставалось только пасть ницъ передъ мѣщанствомъ. Нѣтъ, оно еще болѣе того преступно. Всѣ его пріобрѣтенія блѣднѣютъ передъ тѣмъ, что человечествомъ потеряно черезъ мѣщанство. *Съ разгромомъ мѣщанства всей феодальной системы пропало рыцарское воодушевленіе, затерялась честь; нравственный, политическій и всякіе другіе этикетъ мѣщанство замѣнило прямымъ, открытымъ и величественнымъ безстыдствомъ.*

Ламентация по поводу утери чести слишкомъ часто раздаются вообще и еще чаще въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ этой чести было „ничего или очень мало“. Объ утерѣ чести у насъ очень долго плакали послѣ упраздненія крѣпостного права. Поэтому бросимъ слово *честь* впредь до восстановленія его чести. Перейдемъ къ *воодушевленію*. Рыцарское воодушевленіе самимъ авторомъ исчерпывается такимъ опредѣленіемъ. „Рыцарь былъ страшная невѣжда, драчунъ, бретеръ, разбойникъ и монахъ, пьяница и нѣтистъ“. Стало быть, какая нужна въ аргументаціи натяжка, чтобы такой типъ увѣнчать ореоломъ воодушевленія. Для апологии рыцарства нуженъ былъ исключительный талантъ Шатобріана. Этимъ писателемъ г. Андреевичъ и пользуется въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Но облюбованіе Шатобріаномъ среднихъ вѣковъ съ ихъ чертами и шабашами, баронами и баронессами и вообще ихъ фантастическимъ элементомъ, кроется, какъ говоритъ самъ авторъ, въ феодально-аристократическихъ тенденціяхъ, мечтавшихъ о реставраціи. Отсюда возмущеніе противъ мѣщанства всѣхъ этихъ Шатобріановъ, Бональдовъ и даже романтиковъ, очень слабо замаскировывавшихъ свое несочувствіе къ новому времени. Но насъ то собственно что обязываетъ принимать близко къ сердцу пропажу этого *честнаго и воодушевленнаго благородства*?

Третье сорвавшееся съ языка автора тяжкое обвиненіе мѣщанства заключается въ приписываніи ему прямого, открытаго и величественнаго безстыдства, замѣниващаго этикетъ. Напрасно, однако, авторъ думаетъ, что онъ этимъ обвиненіемъ до тла уничтожаетъ мѣщанство. Разница между этикетомъ и величественнымъ безстыдствомъ (слово, своеобразно понимаемое авторомъ)

заключается только въ присутствіи и отсутствіи покрывки. Этикетъ часто прикрывалъ какую-нибудь величественную неряшливость. Простыя обыденныя отношенія не знаютъ этикета. И здѣсь мѣщанство не остановилось передъ реформой. Оно перенесло такія же отношенія въ сферу величественности и исключительности. Вѣроятно, самъ авторъ часто смѣется надъ остатками этикета.

По мнѣнію автора, безстыдство мѣщанства заключается въ томъ, что оно, поправъ всѣ атрибуты благородства (репетиторскіе „законы, совѣсть, вѣру“), требуетъ отъ *бога успѣха и удачи*, чтобы тотъ заплатилъ мѣщанству за труды и лишенія рублемъ за рубль, на который оно могло бы купить ренту, а съ ней обезпеченное и индифферентное довольство. Въ данномъ случаѣ между мѣщанствомъ и средневѣковымъ феодаломъ существенной разницы не ощущается. Феодалъ ренты не покупалъ, зато строилъ на тотъ же рубль, полученный отъ бога войны и грабежа, готическій замокъ, въ которомъ и обиталъ своей единственной персоной.

Затѣмъ, мѣщанская литература... Но, оказывается, въ полномъ смыслѣ слова, мѣщанской литературы пока не существуетъ. „Увлекаясь идеей освобожденной личности, жадно слѣдя за ней въ ея погонѣ за успѣхомъ, наживой, славой, карьерой вообще, преклоняясь передъ ея проснувшимися могучими страстями, любясь этимъ поэтическимъ разгуломъ силы, чуть не обожествляя даже сквернѣйшія стороны человѣческаго духа, она, эта литература, не увлекается въ то же время до конца; она чѣмъ-то недовольна, то и дѣло впадаетъ въ меланхолію, говоритъ съ грустнымъ раздумьемъ о тайнѣ міра и роковой загадкѣ человѣческаго существованія и готова каждую минуту злой сатирой осмѣять побѣдителей. Быть слугою рынка, рыночнаго духа, этихъ грудъ золота, этихъ пирамидъ товаровъ, этой напряженной работы, этой свалки жизни, возвести ее въ перлъ созданія—она не хочетъ и не можетъ. Она какъ будто не довѣряетъ прочности того, что ее окружаетъ; во всемъ, что шумитъ, что ликуетъ, что вѣнчается лаврами, она находитъ слабость, конечное ничтожество, капризную случайность успѣха, ежеминутно готовую къ краху отъ другой, одинаково капризной неудачи, и, то и дѣло освобождаясь отъ угара этого промышленнаго грохота, точно слышится издали будущее грозное „мани, факель, фаресъ“, а рядомъ унылое „сорвалось“. Въ этихъ дѣлахъ человѣческихъ она находитъ слишкомъ мало человѣческаго, на освобожденной торжествующей личности она разсматриваетъ слишкомъ много цѣпей. Неясная жажда дѣйствительно прекрасныхъ человѣческихъ отношеній, исполненныхъ рыцарскаго благородства, томить ее, наполняетъ недовольствомъ. Капризная, задумчивая, какъ міровая литература вообще, она неудовлетворена въ своихъ лучшихъ стремленіяхъ, ей надобно этотъ шумъ и гвалтъ, она не видитъ конца имъ и часто, усталая, измученная, хочетъ уйти куда нибудь въ мечты, грезы, въ область тѣней и призраковъ“. „Чѣмъ-то задумчивымъ, смутнымъ откликомъ феодализма, давно похороненнаго, красивымъ и груст-

нымъ, какъ память о мертвецѣ, вѣетъ“... „Въ этихъ жалобахъ на шумъ городовъ, на грозы революцій, на крики трибуновъ, въ этомъ предчувствіи угрозъ будущаго, въ сожалѣніи объ униженной поэзіи—вы слышите голосъ оставшагося не у дѣлъ аристократизма жизни“...

Авторъ беретъ немногихъ писателей, напр., Мюссе, Виньи, Гюго, Вальтеръ-Скотта. Но, вѣдь, это не литература мѣщанства. Она существовала въ вѣкъ мѣщанства и для мѣщанства потому, что рыцарства уже не было, а аристократизмъ былъ такъ чахлъ, что не могъ кормить литературу. Мѣщанство платило этой литературѣ деньги—она обязана была описывать мѣщанство или то, что ему нравилось. Что же касается идеаловъ этой меланхолической, томленія духа, порывовъ къ неизвѣстному, то, понятно, что литература эта, живя сегодняшнимъ днемъ, отражая жизнь, еще складывающуюся, находящуюся въ періодѣ броженія, могла только улавливать вопросы дня, слѣдить за движеніемъ быстро бѣгущей жизни. Эта литература, живущая идеалами „преданья старины глубокой“, даже не была подготовлена къ тому, чтобы провидѣть идеалы новаго времени, а прозрѣвъ,—не сочувствовала имъ. А идеалы были и у мѣщанства; назовемъ ихъ, пожалуй, не столь громкимъ именемъ, а просто *стремленіями*. Напр., стремленіе къ уничтоженію повсемѣстно рабства. Во всякомъ случаѣ, это—не идеалъ стараго режима.

Но мѣщанство, ставшее „всѣмъ“ и сдѣлавшее „все“, дѣйствительно, не выдвинуло *пророка слова*.

Заключать, что мѣщанство таитъ въ себѣ *идейную пустоту* только потому, что литература не признаетъ его, рискованно. Обратное ближе къ истинѣ: пустота литературы сильно обнажилась, особенно съ той стороны, гдѣ пріютилось декаденство. Старая литература мало-по-малу остается „не у дѣлъ“, а новая едва нарождается.

Выхваляя аристократизмъ духа, особенно прежняго времени, часто забываютъ оборотную сторону его медали. Въ «Русскомъ Богатствѣ» закончены, въ декабрьской книжкѣ, очерки г. Игнатовича: «Помѣщичьи крестьяне наканунѣ освобожденія». Въ одной главѣ указывается на житіе у насъ въ Россіи «крѣпостной-интеллигенціи», талантливыхъ людей, для которыхъ прирожденные способности являлись истиннымъ божескимъ несчастіемъ, если собственникомъ этихъ людей оказывался *простынный аристократъ*. Образованные и развитые помѣщики, преданные служители музъ, легко улавливавшіе художественныя дарованія своихъ крѣпостныхъ, окружали себя цѣлыми артистическими труппами изъ «своихъ людей» и доводили ихъ жестокимъ истязаніемъ до высшаго выраженія прирожденного таланта. Беремъ первый попавшійся примѣръ (а ихъ въ «Очеркахъ» приведено достаточно). Одинъ помѣщикъ, имѣя громадную дворню, послалъ самаго талантливаго изъ своихъ крѣпостныхъ въ Италію учиться. Черезъ нѣсколько лѣтъ онъ уже удивлялъ итальянцевъ своимъ громаднымъ дарованіемъ. Баринъ, гордый репутаціей своего виртуоза,

приказалъ ему вернуться въ Россію. Артистъ сейчасъ же поспѣшилъ исполнить волю своего господина. Въ одинъ изъ первыхъ дней его прїѣзда его заставили играть при огромномъ обществѣ, и для каждаго, вновь прибывшаго, онъ долженъ былъ повторить блестящій концертъ Віоти. Послѣ трехчасовой игры онъ очень усталъ и просилъ у своего господина позволенія отдохнуть.

— „Нѣтъ, играй! отвѣтилъ тотъ. — А если будешь капризничать, то вспомни, что ты мой рабъ; вспомни о палкахъ!“ Молодой человекъ въ отчаяніи выбѣжалъ изъ залы, спустился въ кухню, схватилъ топоръ и отрубилъ себѣ палецъ на лѣвой рукѣ, воскликнувъ: — „Будь проклятъ талантъ, если онъ не могъ избавить меня отъ рабства!“

Были попытки со стороны крѣпостной интеллигенціи выйти на волю, хотя бы путемъ выкупа, чему иногда, очень рѣдко, способствовали меценаты. Но, напр., поэту Ивану Серебрякову даже и здѣсь не посчастливилось: за его выкупъ помѣщикъ запросилъ 10.000 р. Такъ онъ любилъ видѣть передъ собой олицетвореніе поэзіи.

Если въ прежнее время русскій культурный человекъ томился неопредѣленными стремленіями, то все же стремленія эти не расплывались до неуловимости ихъ; онъ быстро ставилъ имъ предѣлъ. А теперь... „Томить меня, а что томить? — неизвѣстно мнѣ... Чего-то хочется и ничего не надо“. И не только русскій, но и повсюду культурный человекъ пришелъ къ столь расплывчатому и безжизненному томленію.

Въ статьѣ („Русское Богатство“, ноябрь, декабрь), озаглавленной „Въ борьбѣ съ прозой жизни“ (къ психологіи неопредѣленныхъ стремленій), г. Красносельскій, пользуясь книгой „Nervosés“, Arvède Barine, указываетъ на зародыши этого томленія, обнаружившіеся еще въ началѣ XIX ст., которые въ дальнѣйшемъ развитіи, по мнѣнію автора, выразились въ формѣ декадентства. Въ книгѣ четыре очерка: о Гофманѣ, Эдгарѣ По, Квинсеѣ и Жерарѣ де-Нерваль. „Этихъ писателей связываетъ между собою органическій протестъ экзальтированной *гениальной* натуры противъ пошлости, подчиненія всему безличному, рутинному, шаблонному, сглаживающему въ личности то, что въ ней есть индивидуальнаго, что нарушаетъ своеобразие и самостоятельность личности, протестъ противъ обыденности“. Заключать о гениальности такихъ людей — для этого надо много данныхъ, которыхъ, однако, статья не даетъ; но что они были неуравновѣшенными натурами, нервно-больными людьми — это несомнѣнно, на это указываетъ все ихъ поведеніе, вся ихъ физическая организація. Прежде всего, Гофманъ и По были алкоголики, а для фантазіи такихъ людей, даже самыхъ ординарныхъ, предѣловъ не существуетъ. Въ цѣломъ рядѣ произведеній Гофмана главнымъ дѣйствующимъ лицомъ является экзальтированный мечтатель, котораго судьба ставитъ въ затруднительное положеніе, сталкиваетъ съ чудаками, преслѣдуемыми какой-нибудь навяз-

чивой идеей, съ людьми, находящимися на самой границѣ между здравымъ умомъ и сумасшествіемъ. Приэтомъ появляется растерянность, которая достигаетъ остроты, душевный строй утрачиваетъ чувство самообладанія, чутье мѣры и чувствъ, и дѣйствительности. Отсюда рядъ самыхъ неожиданныхъ поступковъ со стороны такого человѣка. Но тутъ возникаетъ недоумѣніе, въ какой же степени на этомъ пути возможна побѣда надъ обыденностью, пошлостью, филистерствомъ? Русскій авторъ приходитъ къ заключенію, что люди подобные Гофману и По, могутъ быть, и протестовали въ такой неуклюжей формѣ противъ всякаго рода филистерства, но достигали совершенно противоположной цѣли: они отталкивали отъ себя не однихъ филистеровъ, но и людей съ болѣе широкимъ кругозоромъ. Во всякомъ случаѣ, и Гофмана и По русскій и французскій авторы считаютъ не безъ основанія родоначальниками той литературы, изъ которой впослѣдствіи развилось декадентство, разлившееся повсюду цвѣтными звуками и оглушительнымъ свѣтомъ. Съ Гофманомъ и По у насъ достаточно знакомы, но у насъ совершенно неизвѣстны Квинсей и Жераръ де-Нерваль.

Квинсей, авторъ «Исповѣди англійскаго морфиниста», представляетъ большой интересъ по удивительному соединенію необычайныхъ силъ и способностей съ какимъ-то совершенно безпомощнымъ, суевѣрно-растеряннымъ отношеніемъ къ дѣйствительности. Пустой случай толкнулъ Квинсея къ опиуму, къ которому онъ пристрастился на всю жизнь. Въ этомъ ядѣ онъ видѣлъ источникъ всѣхъ наслажденій, внутреннее душевное возрожденіе, исходящее изъ неизвѣданныхъ глубинъ. Собраніе избранныхъ сочиненій Квинсея составляетъ 14 томовъ, которые заключаютъ въ себѣ больше 100 опытовъ. Но какъ ни велико было значеніе опиума, какъ двигателя безудержной фантазіи, Квинсей не обошелся и безъ тѣхъ средствъ, какія даетъ проза жизни. Его воображенію послужили большимъ, если не главнымъ подспорьемъ, его знанія изъ области метафизики, политической экономіи, изящной словесности... и, кромѣ того, словесный даръ и трудолюбіе. Вся характеристика Квинсея исчерпывается немногими словами. „Во всѣхъ умственныхъ интересахъ Квинсея, въ его жаждѣ окутывать всѣ явленія въ оболочку чудеснаго сказалась склонность сосредоточенія всей душевной жизни на узенькомъ полѣ воображенія, безповоротно отрѣзаннаго отъ сложной и многосторонней совокупности жизни, отъ совокупности отравлений личности“. Въ то же время это характеристика и Гофмана, и По.

Если къ этой характеристикѣ прибавимъ еще „состояніе, близкое къ сумасшествію“, то получимъ фигуру Жераръ де-Нерваля. Названные четыре писателя относятся къ первой половинѣ XIX столѣтія. Съ ихъ уходомъ съ литературной сцены появились подражатели имъ. Для созданія фантастическихъ разсказовъ, поражающихъ неувѣроятной силой воображенія, дѣйствительно требовалось какое-нибудь „сильно дѣйствующее“ на воображеніе возбуждающее средство. Но противъ постоянного обращенія къ такому средству протестуетъ вся наша природа, которая не терпитъ пе-

реутомленія. Только ненормальный организмъ можетъ требовать постоянного возбужденія и, конечно, быстро сгораетъ. Но представимъ себѣ средняго человѣка, который изъ тщеславія выдѣлится изъ толпы или изъ склонности къ подражанію захочетъ сдѣлаться Гофманомъ или Квинсеемъ, не обладая въ то же время ихъ природными дарованіями и потребностью къ возбужденію, — и получится та искусственность, которою характеризуется все декадентство съ его „блѣдными ногами“ и „фіолетовыми руками“.

Допуская даже, что все декадентство, начиная съ его четырехъ родоначальниковъ и кончая Валеріемъ Брюсовымъ, выражаетъ собою естественный протестъ противъ пошлой и засасывающей обыденности, все-таки нельзя не видѣть, что протестъ этотъ выражается въ странной и бесплодной формѣ. „Требованія ширины жизни обращается въ погоню за безконечной смѣной разрозненныхъ ощущеній, а оригинальность вырождается въ обнаженное отъ всего, безсодержательное стремленіе — не походить на другихъ“; индивидуализмъ декадентовъ „принадлежитъ къ той же категоріи, какъ и индивидуализмъ филистеровъ“; тѣ и другіе идутъ настрѣчу тому, что ихъ обезличиваетъ: одни къ пошлой прозѣ жизни, а другіе — къ поэзіи призраковъ, передъ которыми личность каждаго безъ исключенія человѣка становится въ положеніе растерянности и беспомощности.

Лѣтъ пятнадцать назадъ у насъ сильно заинтересовались новымъ „всемирнымъ“ языкомъ, изобрѣтеннымъ нѣмецкимъ пасторомъ Шлейеромъ. Это былъ знаменитый „волапюкъ“, или „языкъ міра“. „Волапюкъ“ былъ принятъ за давно ожидаемое рѣшеніе интереснаго вопроса: когда же всѣ люди заговорятъ на языкѣ общемъ, для всѣхъ понятномъ? „Волапюкъ“ стали усердно изучать, быстро усваивали его конструкцію, — оставалось только начать говорить. Но оказалось, что на этомъ языкѣ не о чемъ говорить. И „волапюкъ“, какъ кабинетная выдумка, былъ быстро забытъ. Та же участь постигла и другой *всемирный* языкъ — „эсперанто“. Пришлось еще разъ убѣдиться, что и для языка существуетъ жизнь, что языкъ въ своемъ родѣ явленіе органическое и что для всемирнаго языка также надо пройти эволюціонную стадію.

Въ средніе вѣка и отчасти въ новое время своего рода волапюкомъ былъ латинскій языкъ. Онъ исчезъ по той же причинѣ, т. е. оказался мертвымъ. Но съ исчезновеніемъ его почувствовалось пустое мѣсто, которое требовалось заполнить. Исторію попытокъ этого заполненія излагаетъ г. Лесевичъ въ „Русской Мысли“, въ статьѣ „Всемирный языкъ и народные языки“.

Въ XVII, XVIII и началѣ XIX столѣтій преобладающее значеніе оставалось за языкомъ французскимъ, но преобладаніе это не въ состояніи было вытѣснить идею искусственно выработаннаго языка. Лейбницъ всю жизнь увлекался возможностью составленія такого особаго языка, который, подобно арабскимъ цифрамъ или математическимъ формуламъ, могъ бы пригодиться

всѣмъ и былъ бы поэтому принять повсюду. Но Декандоль доказалъ ему, что языкъ знаковъ окажется сложнымъ, непрактичнымъ и лишеннымъ гибкости. По мнѣнію извѣстнаго филолога Мейера, вопросъ объ общемъ языкѣ долженъ разрѣшиться самъ собою: „Великіе міровые языки, напр., англійскій и русскій, на которыхъ и теперь уже говорить четверть человѣчества, постоянно увеличивая область своего вліянія, будутъ вмѣстѣ съ тѣмъ не переставать исключать менѣе сильныхъ конкурентовъ и доведутъ число состоящихъ до минимума. И если Англія и Россія, какъ предсказываютъ, придется вести послѣднюю борьбу за обладаніе міромъ, то можно утверждать, что когда нибудь единственнымъ міровымъ языкомъ будетъ или англійскій или русскій. Вопросъ сводится къ политическому преобладанію“. Но Мейеру возражали, что такой міровой языкъ получить преобладаніе только въ внѣшнихъ сношеніяхъ, административномъ, торговомъ и т. п., но не исключить нарѣчій и жаргоновъ, какъ не исключаются они и въ настоящее время при существованіи общегосударственного языка для каждой политической территоріи. Нарѣчія и жаргоны до сего времени продолжаютъ возникать, развиваться и исчезать, и притомъ по законамъ, несогласующимся съ измѣненіями общаго языка, и не нуждаясь въ санкціи ни политиковъ, ни ученыхъ. Предположеніе Мейера было разбито. Въ концѣ-концовъ, вопросъ о международномъ языкѣ былъ признанъ празднымъ. Возникъ вновь старый вопросъ о международномъ языкѣ „книжныхъ людей“. Вообще-же, какъ говоритъ авторъ, XIX столѣтіе до такой степени было чревато изобрѣтателями „всемирныхъ“ языковъ, что всѣхъ ихъ и не перечесеть. Редакторъ журнала „Melusine“, Гэдозъ, далъ вѣрное рѣшеніе этого вопроса въ настоящее время; но рѣшеніе его клонилось въ ту сторону, о которой и безъ него всѣ знали. По мнѣнію его, чтобы говорить съ людьми всего земного шара, необходимо и достаточно знать четыре существующихъ языка: французскій, нѣмецкій, англійскій и русскій.

Далѣе авторъ говоритъ, что неудача всѣхъ попытокъ универсальнаго объединенія языка обуславливается несостоятельностью самой идеи объединенія—неподвижности формы языка. Всемирный языкъ долженъ будетъ подвергаться законамъ той же эволюціи, какимъ подвергается всякій отдѣльный языкъ. Эволюція же каждаго языка зависитъ отъ тѣхъ же измѣненій среды, отъ которыхъ зависитъ каждый отдѣльный человѣкъ, т. е. отъ расы, климата, типа культуры, уровня развитія этого типа. Измѣненіе словъ идетъ не случайно, но въ силу желѣзныхъ законовъ: понятіе, носителемъ котораго было слово, перестаетъ существовать; звуковой его составъ, переживъ рядъ неизбѣжныхъ измѣненій, становится слишкомъ скуднымъ и непрочнымъ; слово, переживъ измѣненіе, сливается съ другимъ, иного происхожденія, иного значенія. Этой зависимости не могутъ избѣжать языки, казалось бы болѣе устойчивыя—литературный, академическій, дипломатическій и даже религіозный—книжный; латинскій книжный языкъ въ средніе вѣка тоже подвергся измѣненію, названному искаженіемъ.

Объединяющее вліяніе цивилизаціи тоже не простирается на объединеніе языковъ; напротивъ, цивилизація даже поддерживаетъ ихъ рознь. „Цивилизація дѣйствительно объединяетъ людей, но она объединяетъ ихъ выработкою общаго для нихъ міросозерцанія, а вовсе не установленіемъ формальнаго, казарменнаго единообразія. Объединеніе, вносимое цивилизаціей, заключается въ утвержденіи внутренняго единства, неисключающаго внѣшняго разнообразія. Другой миссіи у цивилизаціи нѣтъ и быть не можетъ“.

Такимъ образомъ, „всемирный“ языкъ есть не что иное, какъ метафизическій призракъ, который, разумѣется, никогда не сдѣлается реальнымъ.

Въ октябрьской и ноябрьской книжкахъ «Жизни» была помѣщена статья г. Тарле: «Умственная жизнь европейскаго общества въ новое время. Введеніе въ исторію европейской мысли XV—XIX вв.» Статья не окончена.

Послѣ работъ извѣстнаго московскаго профессора М. С. Корелина объ эпохѣ „Возрожденія“, изслѣдованія по этому предмету г. Тарле безспорно занимаютъ въ русской литературѣ первое мѣсто. Настоящее изслѣдованіе его начинается именно съ этой эпохи. Въ первой главѣ онъ указываетъ на Петрарку и Боккачіо, какъ на первыхъ провозвѣстниковъ гуманизма. Онъ не только даетъ характеристику этихъ писателей, но и указываетъ на вліяніе ихъ на современное имъ общество и на условія, выдвинувшія ихъ изъ окружающей среды.

Въ XIV и XV вѣкахъ феодальный міръ разрушался самымъ явственнымъ и неоспоримымъ образомъ. Міросозерцаніе тысячелѣтія, по крайней мѣрѣ для меньшинства, стало наборомъ безсодержательныхъ фразъ. Между тѣмъ, это меньшинство оказалось проникнутымъ жаждою жизни, наслажденій и личнаго счастья, тѣмъ, что въ настоящее время называется индивидуализмомъ. Несомнѣнный толчокъ въ этомъ направленіи былъ данъ появленіемъ новаго независимаго класса — буржуазіи. Онъ не только почувствовалъ свою свободу, но и заявилъ претензію на господство. Сосредоточивая въ своихъ рукахъ денежныя средства, онъ на первыхъ порахъ достигъ того, что мелкіе и средніе деспоты Италіи оказались его ставленниками. Естественно, что какіе-нибудь миланскіе Сфорцы и флорентійскіе Медичи терпѣли гуманизмъ и даже потворствовали его распространенію. Необходимо было для него какое-нибудь прочное обоснованіе. Но къ кому же обратиться за этимъ, какъ не къ философамъ и поэтамъ Греціи и Рима, какъ разъ къ тому времени воскресшимъ во всей своей огромной и неожиданной силѣ.

«Петрарка, который открывалъ собою движеніе, плѣнился тѣмъ изяществомъ внѣшней формы, чувствомъ мѣры и гармоніей содержанія и изложенія, которыя такъ прекрасны у римскихъ поэтовъ и лучшихъ прозаиковъ». Петрарка былъ не только поэтъ, но и аналитическій умъ. Схоластика разлагала древнихъ писателей на составныя части по всѣмъ риторическимъ правиламъ. Петрарку

риторика не занимала; его занимала идея и воображеніе, и онъ со страстью бросился побивать схоластику при помощи сопоставленія и сравненія идей классическихъ философовъ, въ чемъ и успѣвалъ. Но онъ этимъ не ограничился; онъ первый показалъ, какъ слѣдуетъ вводить классическихъ писателей въ самый круговоротъ современныхъ идейныхъ вопросовъ, какъ дѣлать ихъ участниками живой бесѣды, то соглашаясь съ ихъ мнѣніями, то полемизируя съ ними. Но могучій голосъ Петрарки не былъ тѣмъ эхомъ, которое повсюду долетаетъ. Онъ позабылъ объ одномъ главномъ условіи, о которомъ всегда и всѣ забывали. Онъ позабылъ простой народъ, котораго онъ не понималъ, и простой народъ оставался къ нему въ свою очередь глухъ.

Боккачіо отличается отъ Петрарки тѣмъ, что онъ въ гораздо большей степени былъ человѣкомъ толпы. Достаточно сказать, что сюжеты его «Декамерона» широко распространились по Италіи. Ихъ обработка и уголъ зрѣнія — все было близко и понятно: и простолюдину, и кушчу, и банкиру, и меценату, и гуманисту. Въ этомъ отношеніи онъ стоитъ совершеннымъ особнякомъ въ гуманистической плеядѣ. Въ то время, какъ гуманисты теоризировали, тревожились вопросами высшаго порядка жизни, простой народъ, тревожимый тѣми же вопросами, началъ Саванаролой и окончилъ прочнымъ союзомъ съ возродившимся папствомъ. Гуманисты искали нравственной и индивидуальной свободы, свободы мыслить и изслѣдовать, народъ свободы этой не искалъ, а требовалъ готоваго рѣшенія, отъ котораго гуманисты были далеки. Наступилъ полнѣйшій разладъ между теоретиками и практиками, который продолжался втеченіе двухсотъ лѣтъ, пока рѣшенія этого не дала реформація. Къ этому времени изъ гуманистовъ не было забытъ только одинъ Боккачіо. Интересъ къ нему и теперь еще не пропалъ.

Въ „Вѣстникѣ Европы“ напечатано интересное письмо Чаадаева, отъ 15 января 1845 г., къ французскому писателю Сиркуру по поводу отзыва литературно-философскаго журнала „Le Semeur“ о проповѣди, произнесенной митрополитомъ Филаретомъ при освященіи храма въ московской пересыльной тюрьмѣ. Журналъ усмотрѣлъ въ проповѣди реформаціонное движеніе, которое будто-бы зарождается въ нѣдрахъ православной церкви, и потому отзывается о проповѣди, и о митрополитѣ, и о православной церкви въ восторженныхъ выраженіяхъ. Чаадаевъ восторгъ этотъ охлаждаетъ, разъясняя французскому публицисту сущность православной церкви и рѣзкое отличіе ея отъ западныхъ церквей. А что касается того, говоритъ Чаадаевъ, „чтобы видѣть въ нашемъ святомъ владыкѣ реформатора, то отъ этого нельзя не расхохотаться. Онъ самъ отъ всего сердца смѣется надъ этимъ. Журналистъ просто-на-просто принялъ риторическую фигуру, примѣненную къ тому-же, на мой взглядъ, очень умѣстно, за религиозную революцію. Не могу подивиться на то, что дѣлается съ вашими наиболѣе серьезными мыслителями, какъ только они оказываютъ намъ честь заговорить о насъ. Точно мы живемъ на другой планетѣ, и они могутъ наблюдать насъ лишь при по-

мощи одного изъ тѣхъ телескоповъ, которые даютъ обратное изображеніе“.

Большая часть письма Чаадаева посвящена также ознакомленію своего корреспондента съ лекціями по исторіи русской литературы Шевырева. Курсъ Шевырева, прочитанный имъ зимою и весною 1844—1845 г.г., былъ какъ бы отвѣтнымъ манифестомъ славянофиловъ на публичныя лекціи по исторіи среднихъ вѣковъ, читанныя Грановскимъ въ 1843—1844 г.г. Тѣ и другія лекціи имѣли огромный успѣхъ. Самому Шевыреву, ошеломленному этой неожиданностью, оставалось приписывать успѣхъ только божескому благословенію; такъ онъ и писалъ Погодину: „Недаромъ я наканунѣ провелъ часъ въ молитвѣ и чтеніи житія св. Кирилла передъ его мощами, за которыя благодарю тебя. Позволь имъ еще погостить у меня денекъ, другой“.

Западники отозвались въ печати о лекціяхъ устами юриста—Герцена. „Г. Шевыревъ, первый профессоръ элоквенціи послѣ Тредьяковскаго, читалъ въ Москвѣ публичныя лекціи о русской словесности, преимущественно того времени, когда ничего не писали, и его лекціи были какой-то дѣтской пѣсенью, пѣтой чистымъ соргопо, напоминающимъ папскіе дисканты въ Римѣ. Г. Шевыревъ возстановляетъ Русь, которой не было и — слава Богу — никогда не будетъ“. Но, продолжаетъ Герценъ, „Шевыревъ портилъ свои чтенія тѣмъ самымъ, чѣмъ портилъ свои статьи, — выходками противъ такихъ идей, книгъ и лицъ, за которыя у насъ трудно заступиться, не попавши въ острогъ“.

Чаадаевъ въ письмѣ отзывался о лекціяхъ съ похвалой, но и съ дипломатической тонкостью. „Какъ видите, я нѣсколько ослабѣлъ. Что дѣлать! какъ спастись отъ этой заразы, тѣмъ болѣе сильной, что она — совершенно новое патологическое явленіе въ нашихъ краяхъ. Въ ту минуту, напр., какъ я пишу вамъ, у насъ читается курсъ исторіи русской литературы, возбуждающій всѣ національныя чувства и поднимающій всю національную пыль“.

Вообще надо замѣтить, что письмо Чаадаева, написанное съ блестящей діалектикой, производитъ такое впечатлѣніе, какъ будто онъ хотѣлъ всѣмъ сторонамъ угодить, но вмѣстѣ съ тѣмъ каждая сторона могла предполагать, что онъ по адресу остальныхъ пронизываетъ.

И. М.

Изъ иностранныхъ журналовъ.

Гибель семейства Борджіа. — Monatshefte о «Воскресеніи» Толстого. — Супруги Рейнгартъ. — Переправа черезъ Березину. — Людовика XVIII въ Гентѣ.

Одинъ изъ представителей испанскаго дворянскаго рода Борджіа, переселившихся въ Италію, Родриго Борджіа былъ избранъ въ 1492 г. папою подъ именемъ Александра VI. Втеченіе 10 лѣтъ онъ былъ грозою Италіи и всей Европы. Сынъ его Цезарь Борд-

жіа, герцогъ Романьи—нравственное чудовище, отличавшееся даже при тогдашнемъ развратномъ римскомъ дворѣ коварствомъ и злодѣяніями, ниспровергалъ и умерщвлялъ одного за другимъ малоземельныхъ принцевъ папской области и мечталъ уже стать королемъ Италіи. Александръ VI не терялъ даромъ времени и собиралъ несмѣтныя богатства для осуществленія честолюбивыхъ замысловъ своего сына.

Папѣ удалось ввести правило, запрещающее кардиналамъ располагать своимъ имуществомъ, и такимъ образомъ по смерти ихъ всѣ ихъ богатства переходили къ единственному наслѣднику священной коллегіи, папѣ, а во время папства Александра VI кардиналы умирали очень часто. Однако, несмотря на это обстоятельство, находились люди, которые не только стремились занять мѣста умершихъ кардиналовъ, но и платили за эту честь крупныя суммы денегъ. Такимъ образомъ, папа вдвойнѣ получалъ деньги, т. е. другими словами пользовался съ живыхъ и мертвыхъ.

Въ 1503 году Александръ VI увеличилъ число членовъ священной коллегіи новыми девятью кардиналами, и весь Римъ со страхомъ и любопытствомъ ожидалъ, кто будетъ новою жертвою алчности папы.

Особенно богатъ былъ кардиналъ Корнето. У него была чудная вилла вблизи Рима. Расположенная на возвышенности она славилась прекраснымъ видомъ на вѣчный городъ. Александръ VI не разъ уже высказывалъ желаніе посѣтить эту виллу и вотъ однажды на пріемѣ онъ обратился къ кардиналу Корнето и заявилъ ему, что на слѣдующей день вечеромъ посѣтитъ его виллу. Кардиналу оставалось лишь поблагодарить за оказываемую ему честь. Тогда папа обвелъ глазами присутствующихъ и сказалъ: „Я возьму съ собою двухъ друзей и надѣюсь, что кардиналы Корисъ и Казанова не откажутся сопутствовать мнѣ. Герцогъ Романьи также будетъ сопровождать меня“. При этомъ онъ многозначительно посмотрѣлъ на своего сына.

При послѣднихъ словахъ три кардинала невольно переглянулись.

„И такъ рѣшено, сказалъ св. отецъ,—мой эконокъ отправится туда завтра пораньше и приготовить для насъ ужинъ“.

„Если ваше святѣйшество окажете мнѣ честь и примите отъ меня ужинъ... попробовалъ было заикнуться кардиналъ Корнето.

„Нѣтъ, нѣтъ, перебилъ его папа,—вашъ домъ, мое угощеніе“.

Кардиналъ Корнето измѣнился въ лицѣ, другіе два приглашенные кардинала тоже заволновались, хотя въ такомъ приглашеніи собственно ничего не было необыкновеннаго,

«Мой дворецкій, только что получилъ прекрасное вино со Счастливыхъ острововъ,¹⁾ и я прикажу ему захватить нѣсколько бутылокъ для насъ“, прибавилъ папа.

Три кардинала опустили голову, какъ люди уже приговорен-

¹⁾ Такъ назывались въ прежнее время Канарскіе острова.

ные къ смерти. Борджіа любили поиграть такъ со своими жертвами. Это очень занимало ихъ и приводило въ ужасъ присутствующихъ. Герцогъ Романья сардонически улыбался, смотря на смущенныхъ кардиналовъ.

По окончаніи пріема папа тотчасъ же призвалъ къ себѣ дворецкаго, къ которому питалъ неограниченное довѣріе, и приказалъ ему принести двѣ бутылки канарскаго вина. Дворецкій отлично понималъ своего господина и принесъ изъ погреба двѣ бутылки съ особенными пробками, которыя по желанію можно было вынуть и снова незамѣтно вставить. Папа отпустилъ дворецкаго и затѣмъ черезъ нѣсколько минутъ снова позвалъ его и строго сказалъ: „Это очень хорошее вино, и вы обратите на него особенное вниманіе. Завтра снесите эти бутылки на виллу Корнето, гдѣ я буду ужинать. Не смѣшивайте ихъ съ другими бутылками и подавайте изъ нихъ вино лишь тѣмъ лицамъ, на которыхъ я вамъ укажу“.

Дворецкій поклонился и, взявъ бутылки, молча удалился изъ комнаты. Придя къ себѣ, онъ посмотрѣлъ бутылки на свѣтъ и замѣтилъ въ нихъ легкій осадокъ, котораго раньше не было. Для него это не было новостью.

На слѣдующій день папскій экономъ прибылъ днемъ на виллу кардинала Корнето и занялся приготовленіемъ къ ужину. Хозяина еще не было въ виллѣ,—онъ провелъ ночь въ Римѣ въ своемъ дворцѣ.

Въ Ватиканѣ была прислана въ подарокъ святому отцу корзина съ чудными персиками. За отсутствіемъ эконома, поручили снести персики на виллу дворецкому. Вечеромъ, незадолго до прибытія гостей дворецкій отправился на виллу, собственноручно неся порученныя ему папою двѣ бутылки вина. Прибывъ на мѣсто, онъ осторожно поставилъ бутылки въ сторонкѣ и вдругъ вспомнилъ, что забылъ захватить съ собою персики. Времени до ужина оставалось еще достаточно, и дворецкій рѣшилъ самъ вернуться въ Ватиканъ за персиками. Подозвавъ своего помощника и указавъ на стоявшія въ сторонѣ бутылки съ виномъ, онъ предупредилъ его, чтобы тотъ хорошенько смотрѣлъ за ними, такъ какъ онъ нуженъ будутъ папѣ. По дорогѣ дворецкій встрѣтилъ самого папу, который, воспользовавшись прекраснымъ вечеромъ, шелъ на виллу пѣшкомъ. Дорога была не длинная и Борджіа былъ не такъ еще старъ: ему шелъ 63-й годъ, но вечеръ былъ очень жаркій и папа шелъ, опираясь на руку кардинала Караффа, преданнаго ему человѣка. Цезарь Борджіа шелъ возлѣ своего отца. Поднявшись на холмъ, на которомъ была расположена вилла, папа остановился, чтобы перевести духъ. При этомъ онъ машинально поднесъ руку свою къ груди и вдругъ вскрикнулъ: „Мой амулетъ! Мой золотой медальонъ, который я ношу постоянно на груди, я забылъ его одѣть“. Въ этомъ медальонѣ заключалась частичка св. даровъ. Одинъ астрологъ предсказалъ папѣ, что пока онъ будетъ носить этотъ медальонъ на груди, онъ не умретъ ни отъ кинжала, ни отъ яда. Такіе талисманы носили обыкновенно тираны среднихъ вѣковъ. Простые убійцы не отваживались

нападать на обладателей талисмановъ, и если хотѣли погубить кого, то предварительно выкрадывали талисманъ у намѣченной жертвы.

Когда папа убѣдился, что медальона дѣйствительно нѣтъ при немъ, онъ тотчасъ же послалъ кардинала Караффа въ Ватиканъ. „Медальонъ должно быть остался на моемъ ночномъ столикѣ—скажи онъ ему.—Пожалуйста, возьмите его сами и какъ можно скорѣе принесите его мнѣ сюда“.

Кардиналъ тотчасъ же отправился въ путь, а Александръ VI со своимъ сыномъ вошли въ виллу. Уже садилось солнце, когда кардиналъ Караффа достигъ города. Въ Ватиканѣ было совершенно безлюдно, такъ какъ большинство слугъ было послано въ виллу Корнето. Кардиналъ отлично зналъ расположеніе комнатъ въ папскомъ дворцѣ, и могъ безъ проводника найти дорогу. Онъ зажегъ восковую свѣчку и направился по темнымъ заламъ въ спальню Александра VI. Когда онъ переходилъ черезъ корридоръ, на него пахнула струя свѣжаго воздуха и потушила свѣчу; несмотря на это онъ началъ ощупью подвигаться впередъ и открылъ дверь спальни. Переступивъ порогъ, онъ въ ужасѣ остановился. Посрединѣ комнаты стоялъ катафалкъ съ зажженными по угламъ факелами, и на немъ лежало тѣло, въ которомъ Караффа узналъ папу Александра VI, только что оставленнаго въ виллѣ Корнето. Думая, что это навожденіе злого духа, кардиналъ перекрестился, и явленіе исчезло. Караффа настолько еще сохранилъ присутствіе духа, что подбѣжалъ къ столику, схватилъ талисманъ и опрометью бросился по темнымъ комнатамъ и корридорамъ на улицу.

Между тѣмъ Александръ VI съ сыномъ вошли въ виллу и уставше отъ прогулки и утомленные отъ жары, приказали одному изъ своихъ слугъ принести вина, чтобы утолить жажду. Дворецкій еще не вернулся, а помощникъ его, помня наказъ о двухъ бутылкахъ для папы, взялъ одну изъ нихъ, откупорилъ, и наполнивъ два бокала, поставилъ ихъ на серебряный подносъ и велѣлъ слугѣ подать вино высокимъ гостямъ.

Наступила торжественная минута. Жестокій, порочный и алчный папа, при одномъ имени котораго всѣ трепетали, и высокоумѣнный, бездушный сынъ его, для котораго ничего не значило убить человѣка, стояли на верандѣ и любовались чуднымъ видомъ на вѣчный городъ при заходящемъ солнцѣ; а три приговоренные ими къ смерти кардинала стояли вокругъ блѣдные, едва переводя духъ. И вотъ убійцы протягиваютъ руки, берутъ съ подноса по бокалу съ приготовленнымъ ими зельемъ для другихъ и осушаютъ ихъ до послѣдней капли!

Ядъ, употреблявшійся Борджіями, имѣлъ видъ порошка, и по цвѣту и вкусу походилъ на сахаръ. Нѣкоторые полагали, что это былъ аконитъ. Такъ ли это или нѣтъ, но присутствіе яда въ винѣ не было замѣтно и дѣйствовалъ онъ не вдругъ, а постепенно.

Съ веранды кардиналъ Корнето повелъ своихъ гостей по комнатамъ виллы и показывалъ имъ все достойное вниманія. Во время этого обхода нѣкоторые замѣтили блѣдность лица

папы. Наконецъ, гости были приглашены къ ужину. Въ то время какъ они хотѣли садиться, явился кардиналъ Караффа съ талисманомъ.

По странному стеченію обстоятельствъ, дворецкій, ушедшій въ Ватиканъ за церсиками гораздо раньше кардинала Караффа, все еще не возвратился. Иначе онъ, увидѣвъ, что изъ одной бутылки отпито вино, и узнавъ, какъ это случилось, предупредилъ бы папу и его сына, а тѣ успѣвши бы вернуться въ Ватиканъ и приняли бы противоядіе, которое было у нихъ всегда наготовѣ.

Ничего подобнаго не произошло, и папа не подозрѣвалъ отравленія, а между тѣмъ ядъ дѣлалъ свое дѣло.

При видѣ входившаго кардинала Караффа, папа приблизился къ нему, но едва коснулся рукою талисмана, какъ съ крикомъ упалъ въ конвульсіяхъ на полъ. Цезарь Борджіа, услышавъ крикъ, подбѣжалъ къ отцу. Узналъ-ли онъ признаки отравленія? По крайней мѣрѣ онъ не успѣлъ сдѣлать никакихъ распоряженій и самъ упалъ безъ чувствъ.

Когда наконецъ устранившиеся кардиналы пришли въ себя, они подняли Александра VI и его сына и отправили ихъ въ Ватиканъ на попеченіе докторовъ. Восемь дней томился папа въ агоніи и наконецъ скончался. Такъ погибъ человекъ, при имени котораго и теперь еще содрогаются люди.

Цезарь Борджіа пережилъ своего отца. Его необыкновенно крѣпкая натура перенесла дѣйствіе яда, но карьера его была окончена. Новый папа, непримиримый врагъ фамиліи Борджіа, конфисковалъ всѣ его земли, а самого его приказалъ арестовать и заключить въ темницу. Потомъ Цезарю Борджіа удалось бѣжать. Онъ былъ убитъ при осадѣ Віяно въ 1507 году.

Въ распространенномъ берлинскомъ журналѣ Monatshefte критикъ Hart останавливается съ особымъ вниманіемъ на романѣ Толстого—„Воскресеніе“. По мнѣнію нѣмецкаго писателя, вліяніе и даже внѣшній успѣхъ новаго произведенія русскаго беллетриста напоминаютъ славу „Эмиля“ Руссо. Уже давно для Толстого искусство только средство возможно дѣйствительнѣе и осязательнѣе выражать собственные социальные и этические взгляды. Такъ же мало, какъ и пророки Израиля, печется Толстой и въ „Воскресеніи“ объ эстетическихъ лаврахъ. Конечная цѣль здѣсь исключительно нравственная и умственная встряска (Anfrüttelung), которая должна сказаться на дѣлѣ въ жизни. Сравнивая „Воскресеніе“ съ „Плодовитостью“ Золя, нѣмецкій критикъ находитъ у француза неподнятую фантастичность, преувеличенія въ Дантовскомъ вкусѣ, воплощеніе зла и пороковъ въ отдѣльныхъ личностяхъ. У русскаго же писателя—настоящій объективизмъ, простота образовъ; тутъ всѣ уродства и безобразія наглядно вытекаютъ изъ отвлѣченныхъ понятій, изъ всяческой тьмы и апатіи. Не одного Золя и Шпильгагена съ его „Жертвой“ напоминаетъ Толстовское „Воскресеніе“. Нѣсколько, если хотите, даже самоотверженно нѣмецкій писатель критикуетъ своего соотечественника. У Шпильгагена, говорить онъ замѣтна романтика, отзвуки Вертерства, искусствен-

ность. Въ романѣ же нашего художника—широко выполненныя жизненныя картины сильно преобладаютъ. Признавайте воззрѣнія Толстого узкими и ограниченными, вы все же не въ правѣ отрицать ихъ цѣльности. Русскій писатель обладаетъ поистинѣ *міросозерцаніемъ*. Во всѣхъ его сочиненіяхъ оно выдѣляется съ ясною опредѣленостію. У большинства же современныхъ представителей слова—оно прямо отсутствуетъ. Въ этомъ мощь Толстого. Въ „Воскресеніи“ авторъ достаточно знакомитъ читателя съ своими мнѣніями о судѣ, характерно иллюстрируетъ судебныя порядки, рисуетъ весь юридическій обиходъ. Опѣнивайте основные принципы Толстого по своему. Но художникъ передаетъ свои убѣжденія съ страстною, захватывающею (packender) внушительностію и изъ подъ ихъ вліяній не такъ-то легко высвободиться. Нѣмецкій критикъ, очевидно, не поверхностно только вникалъ въ произведеніе нашего романиста. Онъ совершенно справедливо указываетъ на эпизоды — вешней любви Нехлюдова, его прегрѣшеній, на сцены изъ тюремнаго и пересыльнаго быта, какъ на лучшія мѣста „Воскресенія“, достойныя таланта автора „Анны Карениной“ и „Власти тьмы“. Также дѣльно отмѣчаетъ онъ многія характеристики Толстого. Едва-ли есть другое сочиненіе, гдѣ въ сравнительно небольшомъ повѣствованіи соединено столько типичныхъ рисунковъ. Подчасъ пара бѣглыхъ штриховъ возсоздаетъ здѣсь отчетливо и ясно живую фигуру. Но все-же Толстому не достаетъ именно красочности. Его образы нѣсколько одноцвѣтны. Тамъ оттѣнокъ свѣтлѣе, тутъ темнѣе, попадаетъ рельефная юмористика,—сатирическая подробность; но основной тонъ вездѣ одинаковый. Толстого отличаетъ извѣстная *одноформенность*. Живопись словно обволакивается рѣзкимъ міросозерцаніемъ. Въ этомъ міросозерцаніи таится что-то принуждающее: оно будитъ, вдохновляетъ и подавляетъ, оно поражаетъ своею страшною логикой, самоотреченіемъ, благожелательствомъ, милосердіемъ. Но впадаетъ и въ односторонность. Словно упраздняется полнота человѣческая, словно нѣтъ здѣсь мѣста чувству радости. Удаляется все чувственное, хотя бы и здоровое и естественное, а вмѣстѣ съ тѣмъ всякое веселье. Въ повѣсти Толстого, какъ будто не хватаетъ красочности, потому что и изъ самаго его міросозерцанія изъяты всякія *краски чувствъ*.

Карль Фридрихъ Рейнгардъ, едва ли не самый безцвѣтный изъ 120 министровъ, въ разное время за минувшее столѣтіе руководившихъ иностранными дѣлами Франціи, представлялъ собою въ эпоху великой революціи курьезный типъ. Уроженецъ Вюртемберга, онъ получилъ воспитаніе въ Тюбингенскомъ университетѣ и сблизился съ Шиллеромъ и Гете—переписка его съ послѣднимъ издана въ 1838 г. Въ 1787 г. Рейнгардъ явился въ Бордо воспитателемъ въ семью богатаго негоціанта кальвиниста и сошелся съ группою молодыхъ адвокатовъ, образовавшихъ впоследствии ядро жирондистскаго клуба. Юный нѣмецъ горячо пронылся принципами, сулившими обновленіе міру, вмѣстѣ съ жи-

рондистами перебрался въ Парижъ, гдѣ занялъ скромную должность въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, а затѣмъ оказался секретаремъ французской миссіи въ Лондонѣ. Въ эпоху террора Рейнгардъ былъ послѣдовательно министромъ-резидентомъ въ Гамбургѣ и въ Тосканѣ, а передъ паденіемъ Директоріи, въ эпоху возвышенія Сіейса, послѣдній взвалилъ на скромнаго и трудолюбиваго нѣмца портфель иностранныхъ дѣлъ.

Вслѣдъ за переворотомъ 18-го брюмера Рейнгардъ, мало способный на сложныя дипломатическія интриги, уступилъ портфель Талейрану и благодаря своей незлобivosti, уживчивости и такту мирно продолжалъ скромную дипломатическую карьеру. Онъ въ разное время перебивалъ министромъ-резидентомъ въ Швейцаріи, Нижней Саксоніи и Молдавіи; здѣсь на долю Рейнгарда выпала непосильная задача отгнать съ помощью интригъ предъ Портою вліяніе Россіи въ придунайскихъ княжествахъ. Неожиданно захваченный въ Яссахъ казаками Рейнгардъ водворенъ былъ въ Новороссіи и только послѣ Фридландскаго мира вернулся въ Парижъ, а затѣмъ долгое время состоялъ, въ качествѣ министра при Вестфальскомъ королѣ, Геронимѣ Бонапартѣ.

Любопытно то, что, отправляя пятнадцать лѣтъ отвѣтственныя должности, Рейнгардъ не принималъ вовсе французскаго подданства и только въ 1814 г. былъ натурализованъ во Франціи. Въ эпоху реставраціи, преслѣдовавшей представителей императорской арміи и въ то же время снисходительно пользовавшейся услугами гражданскихъ дѣятелей имперіи, Рейнгардъ представлялъ особу Людовика XVIII и Карла X въ качествѣ аккредитованнаго при германскомъ сеймѣ посла. Послѣ іюльской революціи переведенный посланникомъ въ Дрезденъ Рейнгардъ въ 1832 г. былъ возведенъ въ званіе пера и умеръ въ Парижѣ 25 декабря 1837 г.

Серьезно образованный, лингвистъ, ученый съ тонко развитымъ литературнымъ вкусомъ, Рейнгардъ, при учрежденіи французскаго института, вступилъ въ составъ академіи наукъ нравственныхъ и политическихъ, а съ 1815 г. былъ сдѣланъ членомъ академіи надписей. Рейнгардъ былъ женатъ дважды—въ 1796 г. въ Гамбургѣ онъ женился на Христинѣ Фредерикѣ Реймарусъ, а послѣ смерти ея (1815 г.) на Виргиніи ф. Пимпфенъ (въ 1825 г.).

Первая жена Рейнгарда, ур. Реймарусъ, была особа прекрасно образованная, вдумчивая и наблюдательная; вѣрная подруга мужу она исколесила съ Рейнгардомъ всю Европу и по поводу проходившихъ мимо нея пестрою чередою интересныхъ людей и событій успѣвала дѣлиться съ матерью любопытнѣйшими письмами. Эта обширная корреспонденція, сохраненная внучкою автора, баронесою ф. Пимпфенъ, нынѣ готовится къ печати и, обнимая всю эпоху имперіи, обѣщаетъ значительный интересъ, судя по отрывкамъ, относящимся къ эпохѣ 18 брюмера.

Ея тонкія личныя оцѣнки перваго консула, Талейрана, Сіейса, г-жи де Сталь, принцессы Полины Бонапартъ заслуживаютъ вниманія и несомнѣнно изданіе ея писемъ внесетъ не одну любопытную подробность въ обширную сокровищницу мемуаровъ Наполеоновской эпохи.

Въ прошлой книжкѣ „Вѣстника Всем. Ист.“ приведены были отрывки изъ *Записокъ полковника Зукова* о походѣ „двунадесяти языкъ“ на Россію. Теперь эти записки окончены ¹⁾ и въ цѣломъ видѣ представляютъ весьма интересный, хотя и нѣсколько пристрастный документъ, характеризующій отношеніе великаго полководца къ его невольнымъ союзникамъ. Неоднократно въ сраженіяхъ войска нѣмцевъ посылались на убой, а гвардія оставлялась въ резервѣ; на привалахъ и дневкахъ продовольствіе французскимъ войскамъ обезпечивалось и раціоны выдавались правильно, а вспомогательныя войска терпѣли холодъ и голодъ и даже, когда изыскивали себѣ способы къ удовлетворенію насущныхъ потребностей, то и тутъ не бывали ограждены отъ насилій и захватовъ со стороны французовъ.

На обратномъ походѣ въ Смоленскѣ, хотя и нашлись значительныя запасы продовольствія, однако, изголодавшихся войскъ явилось такъ много, что продовольственные магазины подверглись разграбленію, которое сопровождалось безобразнѣйшими сценами: солдаты убивали другъ друга изъ-за каравая хлѣба.

Преслѣдованія казаковъ и стужа до нельзя затрудняли движеніе войскъ. У всей арміи, отъ маршала до послѣдняго барабанщика, было одно страстное желаніе поскорѣ какъ-нибудь добраться до польской или прусской границы.

25-го ноября по жестокому морозу главныя силы французской арміи достигли лѣваго берега Березины. За исключеніемъ гвардіи, группировавшейся болѣе или менѣе стройно около Наполеона, прочія войска превратились въ безпорядочную толпу, для которой и названія подобрать нельзя. Переправившись черезъ наскоро сдѣланный мостъ подъ прикрытіемъ гвардіи, Наполеонъ отдалъ приказъ тутъ же сжечь безконечный обозъ, на которомъ войска тащили изъ Москвы „найденныя вещи“, или, правильнѣе, награбленный безъ разбора всевозможный скрабъ.

Зарево пожараща освѣщало безпорядочную толпу у вѣзда на мостъ; проклятія, ругань и крики стояли въ воздухѣ; солдаты вооружились дубинами и беспощадно били стоявшихъ впередъ, лишь бы продвинуться на нѣсколько шаговъ впередъ,—такъ неудержимо рвались они на другой берегъ.

Изголодавшійся и изыбшій поручикъ Зуковъ былъ исключительно озабоченъ спасеніемъ собственной шкуры и не имѣлъ ни времени, ни охоты размышлять надъ стратегическими комбинаціями Кутузова, Чичагова и Витгенштейна, подвигавшихся на французовъ съ разныхъ концовъ, чтобы окружить ихъ кольцомъ.

„28-го ноября съ разсвѣтомъ возобновились тѣ ужасы, изображенію которыхъ втеченіе пятидесяти лѣтъ было посвящено такъ много усилій писателями и художниками. Несомнѣнно въ этомъ отношеніи было допущено много преувеличеній. Я напр. недавно еще читалъ въ одной книгѣ, посвященной Березинской

¹⁾ Revue hebdomadaire №№ 8, 9 и 10 отъ 19 Января, 26 Января и 2 Февраля 1901 г.

переправѣ, будто тутъ нашли гибель сотни женщинъ, будто дѣтей давили подъ ногами дюжинами и Богъ знаетъ что еще. Я самъ былъ тамъ, но по чистой совѣсти скажу, ничего подобнаго не видѣлъ. Мнѣ кажется, что правдивая картина всего тогда происходившаго сама по себѣ настолько ужасна, что къ описанію ея незачѣмъ примѣшивать усилій воображенія“.

Послѣ тщетныхъ и продолжительныхъ попытокъ Зукову удалось наконецъ занять мѣсто въ длинной колоннѣ бѣглецовъ. „Эта колонна бѣглецовъ тянулась позади меня и каждую минуту приумножалась новыми пришельцами. Вскорѣ я былъ уже окруженъ со всѣхъ сторонъ и очутился въ настоящихъ людскихъ тискахъ. Время проведенное, мною въ этомъ „закрытомъ обществѣ“ вплоть до того мгновенія, когда я наконецъ сталъ ногою на правый берегъ рѣки, останется ужаснѣйшимъ воспоминаніемъ моей жизни. Нельзя и описать, что я тогда пережилъ. Вся толпа орала, ругалась, плакала и наносила ближайшимъ сосѣдямъ побои“....

„Меня увлекали, толкали, временами прямо таки уносили; неоднократно человѣческая масса поднимала меня на воздухъ и сдавливала, словно клещами; земля была усеяна людьми и животными, живыми и мертвыми.... каждую минуту я спотыкался, но не падалъ, помимо своей воли; объяснялось это тѣмъ, что со всѣхъ сторонъ меня подпирала людская масса“.

„Я не могу себѣ представить ничего ужаснѣе сознанія, что топчешь живыя существа, которыя хватаютъ тебя за ноги и парализуютъ твои движенія, силясь приподняться“....

! „....„По мѣрѣ того какъ мы приближались къ мосту, напоръ сзади усиливался: всѣ спѣшили поскорѣе уйти отъ выстрѣловъ вражеской артиллеріи. Съ другой стороны французскіе жандармы, расположенные у входа на мостъ съ саблями на-голо, какъ попало—то плашмя, то дезвѣемъ колотили по спинамъ тѣснѣвшихся, чтобы сколько нибудь поддерживать порядокъ среди бѣглецовъ и устранить загроможденіе моста. Самый мостъ былъ сооруженъ изъ жалкаго матеріала, ходилъ ходуномъ и съ минуты на минуту можно было опасаться его крушенія“....

....„Вдругъ одинъ изъ шедшихъ позади нанесъ мнѣ по спинѣ здоровенный ударъ, я поскользнулся обѣими ногами и чуть не упалъ. Я мысленно уже прощался съ горестями и радостями брэннаго существованія, но въ эту же минуту инстинктивно уцѣпился руками за воротъ синей шинели, двигавшейся предо мною“.

Держась за шиворотъ дюжаго кирасира, несмотря на его протесты и ругань, Зуковъ добрался почти до конца моста. Припертый къ периламъ онъ, слѣдуя примѣру предшествовавшихъ, соскочилъ въ рѣку и вбродъ добрался до берега. Изнемогая отъ усталости и жажды, онъ, забывъ о безгливости, напился рѣчной воды, хотя Березина послѣ трехъ дней переправы кишмя кишѣла трупами. О безгливости впрочемъ и помину не было: несчастные и дохлыхъ кошеѣ ѣли, и спали на грудяхъ замерзшихъ труповъ!

Переходъ отъ Березины до Вильны оказался особенно затруд-

нительнымъ: уставшія войска на пути слѣдованія терпѣли во всемъ недостатокъ и въ каждомъ пробуждалась животная забота о своей шкурѣ.

„Я часто слыхивалъ, будто общая опасность сближаетъ людей, но за эту кампанію въ правдивости этого изреченія не убѣдился. Никогда не доводилось мнѣ наблюдать примѣра болѣе жестокаго эгоизма и болѣе полного безразличія къ товарищамъ и даже близкимъ друзьямъ. Каждый принималъ въ соображеніе только свое драгоценное я и не имѣлъ иной заботы, какъ обезопасить себя“.

Послѣ неимовѣрныхъ затрудненій Зуковъ добрался до Вильны; здѣсь, благодаря услужливости евреевъ-факторовъ, кто имѣлъ деньги, могъ передохнуть отъ лишеній, но когда въ Вильнѣ появились разбѣзды Платовскихъ казаковъ, французамъ и ихъ сторонникамъ пришлось круто—прежде любезные до-нельзя трактирщики и факторы спѣшили выпроваживать неудобныхъ гостей.

Въ результатъ всѣхъ скорбныхъ перинетій нерѣдки стали такія явленія, какъ массовая гибель войскъ. Такъ, напр., вюртембергскій полкъ, выступивъ изъ Сморгоня съ 18 фурами припасовъ въ составѣ 1360 человѣкъ, въ какихъ-нибудь пять дней растаялъ, какъ воскъ и добрался до Вильны уже безъ обоза и въ составѣ 60 человѣкъ.

Переходъ отъ Вильны на Ковно до Нѣмана Зуковъ принужденъ былъ сдѣлать частью *на четверенькахъ*, изранивъ и отморозивъ себѣ ноги; только на границѣ, повстрѣчавшись съ товарищемъ, могъ онъ наконецъ обезпечить себѣ дальнѣйшее путешествіе по Пруссіи уже съ нѣкоторымъ комфортомъ, въ саняхъ.

Записки Зукова, правда, не имѣютъ крупнаго общеоисторическаго интереса, но зато наглядно объясняютъ, почему Наполеонъ, недавно еще бывшій кумиромъ, вдругъ сдѣлался ненавистнымъ и друзьямъ и врагамъ. Кто самъ переиспыталъ или былъ свидѣтелемъ тѣхъ ужасовъ, какими масса расплачивалась за честолюбіе завоевателя, тотъ конечно не могъ питать къ нему любви.

Внезапное бѣгство Наполеона съ Эльбы и триумфальное шествіе на Парижъ имѣло своимъ послѣдствіемъ удаленіе изъ столицы Людовика XVIII и всего королевскаго дома. О тогдашнихъ представителяхъ Бурбоновъ старшей линіи сложилось представленіе, какъ о дѣятеляхъ самихъ себя пережившихъ. Единственнымъ членомъ семьи, не потерявшимъ мужества, была герцогиня Ангулемская; въ эпоху ста дней она настаивала на энергичныхъ мѣрахъ въ интересахъ охраны монархическаго принципа, но престарѣлый король предпочиталъ выжидательную политику, не любилъ непрощенныхъ совѣтовъ и ревниво оберегалъ свой авторитетъ. — Между королемою и герцогинею возникли недоразумѣнія, и она, покинувъ семью, эпоху ста дней прожила въ Лондонѣ.

19 марта ночью въ Тюльери загорѣлась крыша, какъ оказалось, вслѣдствіе поспѣшности, съ какою при отбѣздѣ сжигалась

обширная корреспонденція короля и принцевъ. Лакеи спѣшно грузили въ фургоны чемоданы и ящики; во дворцѣ шла суета. Около полуночи изъ внутреннихъ апартаментовъ вышелъ взволнованный король, грузно опираясь на де-Дюра и де-Блака; мучимый сильнымъ приступомъ подагры, онъ съ неимовернымъ трудомъ спустился по парадной лѣстницѣ, скудно освѣщаемой несомою предъ нимъ свѣчею.

Во дворѣ стояло шесть каретъ, совершенно одинаковыхъ, съ опущенными шторами; каждая была запряжена восьмерикомъ и, когда въ одну изъ нихъ уѣхалъ король, то всѣ онѣ пустились въ разныя стороны и никто изъ оставшихся не могъ сказать ничего опредѣленнаго, куда направился бѣглець.

Въ Гентѣ, гдѣ король поселился въ гостепріимно ему предложенномъ графомъ де Стингуйзъ дворцѣ собрался весь дворъ Людовика XVIII, до 700 человекъ, но въ виду неопредѣленнаго будущаго придворные отъ короля получали на свое содержаніе средства болѣе чѣмъ умѣренныя. Въ Парижѣ утверждали, будто король вывезъ съ собою 50 милліоновъ, но въ дѣйствительности въ придворной кассѣ было денегъ немного; векселя на значительную сумму, пересланные въ Лондонъ для учета, реализовать не удалось, и единственнымъ серьезнымъ подспорьемъ прочерный день оставались государственныя регалии, которыя впрочемъ Людовикъ XVIII затрундился отчуждать.

Во главѣ гентскаго двора первенствовалъ любимецъ короля г. де-Блака. Изъ скромныхъ подпоручиковъ постепенно возведенный въ министры, Блака, длинный, худой, на короткихъ ногахъ, въ бѣлокуроемъ парикѣ съ сухими и холодными чертами лица не внушалъ симпатіи. Его невыносимая заносчивость и аффектированная молчаливость плохо прикрывали его умственное убожество; объ этомъ послѣднемъ можно составить правильное понятіе по тому уже факту, что когда пришли извѣстія о высадкѣ Наполеона, Блака серьезно убѣждалъ короля, спокойно дождавшись Наполеона въ Парижѣ, выѣхать къ нему на встрѣчу въ коляскѣ, въ сопровожденіи перовъ и депутатовъ и приказать самозванцу немедленно вернуться спать.

Въ Гентѣ придворная жизнь тянулась однообразно, но съ соблюденіемъ того же этикета, какъ и въ Тюльери. Въ 6 часовъ король вставалъ, занимался дѣлами, слушалъ обѣдню, въ 10 ч. завтракалъ и въ коляскѣ шестернею мчался по неровнымъ улицамъ города, не выѣзжая за его окопы. Въ 6 часовъ сервировался обѣдъ, къ которому приглашалась свита; дважды въ недѣлю происходили общіе парадные обѣды и приемы. Несмотря на подагрическія страданія, король съ большою ловкостью и проворствомъ самъ разрѣзывалъ кушанья и накладывалъ на тарелку каждому изъ обѣдающихъ соответствующіе куски съ соблюденіемъ всѣхъ тонкостей мѣстничества.

Послѣ обѣда разставлялся столъ для виста, за который усаживался братъ короля, графъ д'Артуа, приглашавшій въ знакъ особаго почта и вниманія каждый разъ партнеровъ по своему усмотрѣнію. Король садился около и подавалъ играющимъ совѣты,

но самъ никогда не игралъ, ради соблюденія достоинства; дѣло въ томъ, что графъ д'Артуа, прекрасно игравшій въ вистъ, не терпѣлъ ни малѣйшихъ ошибокъ и настолько горячился, что нерѣдко кидалъ партнеру оскорбленія. Переписка съ союзниками, вѣсти, приходившія изъ Парижа о приготовленіяхъ Наполеона къ новой кампаніи, да частыя посѣщенія лорда Веллингтона, расположившагося со своимъ штабомъ въ Брюсселѣ, вносили въ гентскій дворецъ нѣкоторое оживленіе. Спокойствіе смѣнилось тревогою и лихорадочными приготовленіями къ отъѣзду, когда Наполеонъ, вслѣдъ за стычкою при Лоббъ съ прусскими войсками, выигралъ сраженія при Флерюсъ и Катръ-Бра.

18-го іюня королевскіе экипажи, запряженные съ вечера, простояли всю ночь въ запряжкѣ, съ тѣмъ чтобы при первой же тревогѣ король могъ спастись бѣгствомъ въ Антверпенъ, а оттуда въ Англію. Людовикъ XVIII, до этого дня умѣвшій скрывать смятеніе подъ маскою невозмутимаго спокойствія, настолько теперь взволновался, что, казалось, вдругъ исцѣлился отъ подагры; онъ расхаживалъ изъ угла въ уголъ по гостиной, безъ посторонней помощи вставалъ съ кресла и при каждомъ шумѣ подходилъ къ окну, высматривая курьеровъ съ депешами. О снѣ никто въ эту ночь не думалъ, и только 19-го іюня рано по утру началось ликованіе, когда отъ Веллингтона пришло извѣстіе о полномъ пораженіи арміи Бонапарта подъ Монъ-Сенъ-Жанъ.

Въ два часа пополудни король уже разѣзжалъ по улицамъ Гента подъ шумъ овацій и привѣтственныхъ кликовъ сразу объявившихся опять восторженныхъ приверженцевъ.

Н О В Ы Я к н и г и .

Эмилъ Жебаръ. Начала Возрожденія въ Италіи. Переводъ съ французскаго. Спб. 1900 г.

Это небольшое сочиненіе (русскій переводъ представляетъ собою книжку въ 400 приблизительно страницъ, разгонисто напечатанныхъ) принадлежитъ профессору словеснаго факультета въ Парижѣ—Гегбардту (Gebhardt). Гегбардтъ, правда, офранцузженный нѣмецъ. Тѣмъ не менѣе, для чего онъ пожалованъ въ „Жебары“—это тайна переводчика. Столь же таинственными для насъ являются тѣ соображенія, въ силу которыхъ оказался необходимымъ вообще переводъ этой малосодержательной книжки, когда уже переведены и Фойгтъ и Бурггардтъ.

Авторъ начинается весьма естественнымъ для француза вопросомъ: почему Возрожденіе началось не во Франціи? Причины этого онъ видитъ въ раздвоеніи Франціи на сѣверную и южную, причемъ Югъ еще не оправился отъ альбигойскихъ войнъ; на Сѣверѣ же безраздѣльно господствовала схоластика, а свобода городскихъ общинъ доживала послѣдніе дни... Почему же Возрожденіе началось раньше всего именно въ Италіи? Италія, по мнѣнію автора, никогда, за всѣ средніе вѣка не теряла свободы мысли: власть церкви не была сильна, церковь была близка къ

народу и не являлась грозной и суровой повелительницей, какъ напр. въ Германіи и Франціи. Правительства итальянскихъ государствъ одинаково покровительствовали Возрожденію, — безразлично, было-ли государство монархическимъ или республиканскимъ; папское правительство въ этомъ случаѣ не представляло исключенія.

Другая причина—въ непрерывности классическихъ традицій: такъ напр. Виргилій во все время среднихъ вѣковъ не исчезалъ въ Италіи изъ памяти народа, обратившись, правда, изъ языческаго поэта въ христіанскаго пророка или епископа; не вполнѣ исчезла и латинская рѣчь, если еще въ 13 вѣкѣ возможно было обращаться къ народу на латинскомъ языкѣ, хотя-бы и испорченномъ; не переводились и ученые труженики—бенедиктинскіе монахи. Относительно греческой культуры, Италія была поставлена еще благопріятнѣе: сношенія съ Византіей никогда не прерывались; въ самой Италіи (на Югѣ) еще отъ временъ „Великой Греціи“ и византійскаго владычества осталось множество грековъ, поддерживавшихъ оживленные сношенія съ Востокомъ уже въ силу своей принадлежности къ православію. Не мало вліяла и арабская культура: магометане нѣкоторое время владѣли Сициліей и частью южной Италіи и, потерявъ политическую власть, продолжали составлять значительную часть населенія, притомъ самую культурную. Фридрихъ II Гогенштауфенъ (13 в.) является большимъ почитателемъ арабскихъ культуры и національности; окруживъ себя гвардіей изъ магометанъ, онъ врагами считался даже тайнымъ магометаниномъ.

Собственно исторіи Возрожденія посвящены только 2 послѣднія главы: глава 9-я посвящена искусству этой эпохи, а 8-я—литературѣ (разобраны Дантъ, Петрарка, Боккачіо и историки Дино Компаньи и Виллани).

Со взглядами автора не всегда можно согласиться. Первые зачатки Возрожденія (въ области искусствъ) онъ находитъ въ 13-мъ и даже 12-мъ вѣкѣ... Это едва-ли вѣрно: нельзя считать предвѣстникомъ Возрожденія то, что было простымъ подражаніемъ неисчезнувшимъ еще древнимъ памятникамъ и являлось простымъ исключеніемъ среди господства средне-вѣковаго искусства. Древняя культура, конечно, не была вполнѣ позабыта; памятники ея, несмотря на равнодушіе къ нимъ, еще существовали и иногда вызывали подражанія; но ихъ не понимали и не цѣнили. Нѣтъ, напримѣръ, ничего удивительнаго въ томъ, что гдѣ-нибудь въ Пизѣ уже въ 11 в. былъ построенъ соборъ въ стилѣ древней архитектуры, если гдѣ-нибудь по близости еще уцѣлѣли древніе памятники. Но можно ли видѣть въ этомъ фактѣ зародышъ Возрожденія, когда извѣстно, что чуть-ли не въ 15 в. мраморъ и колонны древне-римскихъ зданій шли... на известку!

Точно также литературное Возрожденіе нельзя начинать съ Данта. Дантъ—типичный представитель средне-вѣковья, а не Возрожденія. Въ доказательство достаточно указать на Виргилія въ Божественной Комедіи. Какъ истый человѣкъ среднихъ вѣковъ,

Дантъ раздѣлялъ господствовавшую въ его время фикцію о непрерывномъ существованіи Римской имперіи. Такимъ образомъ, Генрихъ VII Люксембургскій оказывался прямымъ преемникомъ Цезаря и Августа. Самъ Дантъ—гибеллинъ... и вотъ въ его „аду“ мы видимъ 3 предателей: Іуду Искаріотскаго,... Брута и Кассія—убійцъ Цезаря, основателя Римской имперіи.

Гебгардтъ указываетъ, что итальянское Возрожденіе не было враждебно христіанству... Это вѣрно, но съ оговоркой: итальянскіе гуманисты, дѣйствительно, *не проявляли* враждебности къ христіанству, но это потому, что люди такихъ религіозныхъ взглядовъ, какъ гуманисты Италіи, никогда не враждуютъ явно съ господствующей религіей: нельзя враждовать съ тѣмъ, къ чему равнодушенъ или что считаешь просто полезнымъ для себя или даже для общественнаго порядка заблужденіемъ; а изъ всѣхъ религій, существующихъ въ данное время и въ данномъ мѣстѣ, господствующая религія требуетъ отъ своихъ адептовъ всего меньше, а своимъ врагамъ можетъ надѣлать непріятностей всего больше... Точно также, почему сравнительная выработанность итальянскаго языка явилась благопріятнымъ факторомъ, а не помѣхой для итальянскаго Возрожденія? Вѣдь эта выработанность языка должна была отвлекать силы отъ классической литературы къ національной!

Мѣста, не совсѣмъ ясныя для русскаго читателя (Гебгардтъ писалъ для французовъ), переводчикъ снабдилъ примѣчаніями, составленными очень внимательно; но напрасно онъ оставилъ безъ перевода цитаты изъ Данта (ихъ множество): итальянскій языкъ у насъ мало распространенъ, а переводы Данта имѣются.

Напрасно также не оговорены нѣкоторые недосмотры автора. Напр., мѣсто о сектѣ Вальденцевъ (с. 18) средній читатель пойметъ, чего добраго, въ томъ смыслѣ, что проповѣдь Вальденцевъ стремилась только къ подъему нравственности; изъ с. 19 такой читатель вынесетъ убѣжденіе, что Савонаролла „пытался сдѣлать то же, что и Лютеръ“. Между тѣмъ, Вальденцы — протестантская секта; Савонаролла же—ни въ какомъ случаѣ не является предшественникомъ реформаціи. Напрасно также переводчикъ не объяснилъ, что именно подразумѣваетъ авторъ, указывая на фактъ „отдѣленія сицилійской церкви отъ Рима въ 8-мъ в.“ (с. 129).

Изложеніе автора страдаетъ излишней цвѣтистостью и приподнятостью; въ погонѣ за красивой антитезой, авторъ иногда доходитъ до смѣшного. Русскій переводъ хорошъ; встрѣчается, правда, нерѣдко искаженіе собственныхъ именъ, но у русскихъ переводчиковъ „это такъ ужъ самимъ Богомъ устроено, и вольтеріанцы противъ этого напрасно говорятъ“.

Н. У.

Генри Джефсонъ. Платформа, ея возникновеніе и развитіе. Переводъ съ англійскаго Н. Мордвиновой, подъ ред. проф. В. Дерюжинскаго Т. I. С.-Петербургъ, 1901.

Въ Англіи подъ „платформой“ понимаютъ всякую политиче-

скую рѣчь, произнесенную въ публичномъ собраніи. Теперь свобода платформы неограничена. Каждый англичанъ, гдѣ угодно и когда угодно, можетъ обратиться къ согражданамъ съ рѣчью и освѣтить передъ ними любое изъ общественныхъ явленій съ той или иной точки зрѣнія.

Правда, ораторъ можетъ ожидать, что его принципиальные противники „сорвутъ“ митингъ и не дадутъ говорить, но зато онъ можетъ быть увѣренъ, что со стороны правительства не будетъ никакихъ запрещеній. Благодаря полной свободѣ роль „платформы“ въ англійской общественной жизни громадна. Джефсонъ говоритъ, что прежде Англіей управляли: корона, палата лордовъ, палата общинъ и печать, но, мало-по-малу, въ дѣла управленія все больше и больше вмѣшивается „платформа“. Теперь она является существенной поправкой къ довольно консервативной англійской конституціи. По словамъ автора, „платформа представляетъ собою попытку прививки къ древней конституціи Англии демократическаго правленія“.

Джефсонъ подробно прослѣживаетъ, начиная съ середины XVIII вѣка, каждое вмѣшательство платформы въ дѣла управленія и каждое правительственное мѣропріятіе, направленное противъ „платформы“. Впервые платформа сыграла видную роль во время „инцидента съ Вильксомъ“ (1768 г.). Членъ парламента Вильксъ за газетную статью былъ противозаконно исключенъ изъ палаты общинъ. Независимая часть англійской націи была страшно возмущена этимъ исключеніемъ и выразила протестъ грандіозными митингами, на которыхъ составлялись петиціи парламенту объ обратномъ принятіи Вилькса. Инцидентъ закончился побѣдой общественнаго мнѣнія. Съ этихъ поръ „платформа“ не переставала вмѣшиваться въ дѣла управленія и съ огромной энергіей „прививала демократическіе принципы“. Особенно велика роль платформы въ дѣлѣ реформированія парламента. Устраивались сотни митинговъ, подавались въ парламентъ тысячи петицій съ цѣлью ввести туда представителей новыхъ общественныхъ группъ, взаимно независимыхъ отъ правительства представителей „гнилыхъ мѣстечекъ“. Французская революція подняла духъ дѣятелей платформы, но вмѣстѣ съ тѣмъ нагнала страхъ на правительство, которое начало дѣятельно проводить черезъ всѣ инстанціи парламента законопроектъ, стѣсняющій дѣятельность „платформы“. Несмотря на возраженія, что революціи вызывались не свободой выраженія народныхъ мнѣній, а явленіями прямо противоположными, въ 1796 г. свобода „платформы“ была урѣзана. Съ этого времени начинаются годы террора. Современникъ увѣряетъ, что одного смѣлаго слова было достаточно, чтобы погубить человѣка. Наглые хищенія въ парламентѣ въ началѣ XIX вѣка возродили дѣятельность „платформы“, и она снова начала свое дѣло, дѣло политическаго воспитанія народа и протеста противъ произвола правительства и непротивленія ему большинства членовъ палаты общинъ. Это возрожденіе „платформы“ продолжалось недолго. Правительство снова начало противъ нея гоненія и въ 1817 г. провело законопроектъ, карающій смертною казнью всякаго, кто

не уйдетъ съ митинга по первому требованію магистра. Черезъ два года для дальнѣйшаго уничтоженія дѣятельности „платформы“ потребовались новые законы. Но и они не могли уничтожить здоровое жизненное начало, которое заключалось въ „платформѣ“. Главная ошибка правительства была въ томъ, что оно объясняло дѣятельность „платформы“ агитаціей злонамѣренныхъ лицъ, а на самомъ дѣлѣ „платформа“ росла и крѣпла вмѣстѣ съ распространеніемъ среди англійскаго народа просвѣщенія и культуры. Справедливо замѣчаніе Джефсона: „Задержать въ сколько нибудь чувствительной степени успѣхи просвѣщенія не могли ни министры, ни парламента, какъ бы ни были они склонны преслѣдовать такую недостойную задачу. Ни мѣропріятія 1819 г., ни какія либо иныя мѣры никогда не будутъ въ состояніи остановить умственное развитіе народа. Его самосознаніе идетъ впередъ и остановить его невозможно“. Въ разбираемомъ первомъ томѣ Джефсонъ доводитъ исторію „платформы“ до 1826 г. Этотъ первый томъ и печатающійся второй найдутъ у насъ многочисленныхъ читателей. Въ предисловіи авторъ говоритъ, что его книга будетъ полезна для каждаго, кто интересуется „наукой объ управленіи“. Достоинство ея не только въ этомъ, но и въ томъ, что она даетъ любопытную страницу изъ ненаписанной еще исторіи завоеванія народомъ своихъ правъ. **Е. М. В.**

Ланге. Исторія матеріализма и критика его значенія въ настоящее время. Переводъ подъ редакціей и съ примѣчаніями *Владимира Соловьева*. СПб. 1900 г. 2 тома. Томъ I: Исторія матеріализма до Канта; т. II: Исторія матеріализма послѣ Канта.

Нельзя не порадоваться новому изданію этой прекрасной и въ высшей степени содержательной книги; тѣмъ болѣе, что старый (80-хъ годовъ) переводъ ея, вышедшій подъ редакціей покойнаго Н. Н. Страхова, давно уже сталъ библиографической рѣдкостью.

Книга не нуждается въ похвальному отзывѣ: ея крупныя достоинства, богатство содержанія и основная идея (необходимость матеріализма для положительной науки и несостоятельность его, какъ философской системы) давно знакомы всѣмъ интересующимся философскими вопросами.

Книга Ланге представляетъ интересъ не только философскій, она также затрагиваетъ вопросы богословскіе, политико-экономическіе и естественно-научные. Первый томъ книги и меньшая часть второго (около четверти) представляютъ исторію матеріализма, какъ одного изъ философскихъ направленій, т. е. въ общемъ относится къ исторіи философіи (Ланге начинается отъ Демокрита и доходитъ до Бюхнера, Фейербаха и Молешотта, т. е. почти до нашихъ дней). Затѣмъ Ланге излагаетъ вліяніе матеріализма на политическую экономію, на естественныя науки и его отношеніе къ религіи.

Покойный Вл. С. Соловьевъ предполагалъ снабдить переводъ своими примѣчаніями, но по болѣзни не могъ исполнить своего намѣренія, о чемъ нельзя, конечно, не пожалѣть. Той-же болѣзнію, вѣроятно, надо объяснить недостатки редакціи перевода, который нельзя не упрекнуть въ тяжеловатости.

Графиня Уварова. Матеріалы по археологіи Кавказа. Вып. VIII Могильники Сѣвернаго Кавказа. М. 1900.

Графиня Уварова, *председатель* Московскаго археологическаго общества, съ честью продолжаетъ изысканія древностей Кавказа, систематическое изученіе котораго ведетъ свое начало отъ покойнаго графа А. С. Уварова. Кромѣ двухъ книгъ, посвященныхъ Кавказу, подъ заглавіемъ *Путевыя замѣтки* (М. 1887 и 1891) и нѣсколькихъ статей, касающихся этого края, графиня напечатала два огромныхъ тома *Матеріаловъ по археологіи Кавказа*, свидѣтельствующихъ какъ о цѣнности собранныхъ данныхъ, такъ и о всестороннемъ ихъ изученіи авторомъ. Въ настоящей замѣткѣ мы имѣемъ въ виду остановиться на недавно выпущенномъ графиней томѣ, обзорѣвающимъ „Могильники Сѣвернаго Кавказа“. Эта почтенная работа, заключающая въ себѣ 381 стр. in folio, съ приложеніемъ карты Сѣвернаго Кавказа, 136 табл. и 316 цинкографій, есть систематизированный результатъ личныхъ изысканій автора на Кавказѣ, знакомство съ которымъ у графини началось съ 1879 г. и свода всѣхъ свѣдѣній и матеріаловъ по изучаемому вопросу, существующихъ въ научной литературѣ. Графиня для полноты своего труда посѣтила и изучала иностранные музеи и воспользовалась собраніемъ матеріаловъ не только графа А. С. Уварова, но также всѣми данными Эрмитажа въ С.-Петербургѣ, историческаго музея въ Москвѣ и Тифлисѣ. Настоящій томъ есть часть задуманной работы. За нимъ послѣдуютъ обзорѣнія: 1) Черноморскаго округа, 2) Дагестана, 3) Закавказья и, наконецъ, 4) Кавказскаго предгорья. Въ отпечатанномъ выпускѣ этой серіи археологическихъ изысканій, почти исчерпывающихъ по этому вопросу матеріалы всего Кавказскаго края, графиня ведетъ свое изложеніе въ слѣдующемъ порядкѣ: Осетія (Телаурія, Курталія, Дглорія, Нардское ущелье), Чечня и Горскія общества Кабарды. Въ заключеніе приводится особая глава — „Случайныя находки“. Такимъ образомъ, въ этомъ томѣ значительная часть* отведена осетинскимъ могильникамъ. Такое вниманіе къ нимъ объясняется богатствомъ могильниковъ въ предѣлахъ Осетіи. Между ними *Кобань* занимаетъ вообще выдающееся мѣсто. Изученіемъ кобанскихъ могильниковъ усердно занимались гр. Уваровъ, Филимоновъ, Ольшевскій, проф. Антоновичъ, Кануковъ, и не менѣе извѣстные иностранцы — Байернъ, Шантръ, Вирховъ. Древній могильникъ здѣсь занимаетъ приблизительно 1½ десятины. Онъ представляетъ одни погребенные костяки и слѣдовъ сожженія рѣшительно не встрѣчается. Могильный инвентарь Кобани очень богатъ и представленъ графиней по рисункамъ двухъ могилъ, принадлежащихъ мужчинамъ (№ 7) и женщинамъ (№ 8). Могильники Кобани относятся къ различнымъ эпохамъ, о чемъ свидѣлствуютъ найденныя въ нихъ вещи. Нѣкоторые изъ ученыхъ приурочиваютъ ихъ къ эпохѣ появленія желѣза. Вирховъ относитъ къ X вѣку до Р. Хр., Шантръ сравниваетъ Кобань съ извѣстнымъ Гальштатомъ. Гораздо убѣдительнѣе доводы гр. Уварова, указывающаго на ассирійскій типъ предметовъ древней Кобани, — типъ, который

могъ развиваться подѣ вліяніемъ походовъ ассирійскаго царя Саргона (721 — 704), обратившагося войной на Урарить (т. е. Кавказъ). Оружіе Кобани состоитъ единственно изъ *топоровъ* своеобразнаго типа, носящихъ по орнаментикѣ и изяществу формъ совершенно восточный характеръ, и изъ *кинжаловъ*, которые носились на Востокъ и носятся до сихъ поръ на Кавказѣ. Наконечники двухъ стрѣлъ, найденныхъ здѣсь, по своей формѣ одинаковы съ тою стрѣлой, которую натягиваетъ царь Ассурбанапаль. Удила Кобани всѣми признаются возможными для азіатской породы лошадей и схожими по деталямъ съ удилами коня ассирійскаго царя, сидящаго на конѣ безъ сѣдла (причемъ графиня замѣчаетъ, что сѣдла въ древнѣйшихъ могильникахъ Кавказа также не встрѣчаются). Туалетныя принадлежности Кобанскаго могильника повторяютъ типы вещей, украшающихъ стѣны вавилонскихъ и ассирійскихъ дворцовъ. Такъ, фигура богини, сохраняемая въ Британскомъ музеѣ, опоясана такимъ же широкимъ поясомъ, какъ бронзовые поясы Кобани. Сходство усматривается и въ бронзовыхъ серьгахъ. Вліяніемъ Востока объясняются изображенія солнечныхъ дисковъ, змѣй и рыбъ на кобанскихъ топорахъ. Относительная древность Кобанскаго могильника выясняется при сравненіи его съ инвентаремъ при раскопкахъ въ Микенахъ, Беотіи, Олимпіи, въ колодцеобразныхъ могилахъ Этруріи. Вирховъ указываетъ на сродство дугообразныхъ фабулъ Кобани съ находками сѣверной Італіи. Графиня не соглашается съ Вирховымъ въ томъ, что бронзовые предметы Кобани (топоры *особаго* типа) могли быть привозными, и надѣется при дальнѣйшихъ раскопкахъ старыхъ жилищъ или поселеній найти донынѣ не попадающіяся лейки, формы, горны для литья. Древность Кобанскаго могильника подтверждается также погребеніемъ въ утробномъ положеніи (древнѣйшій способъ, констатированный въ М. Азій и Египтѣ). Эпоха появленія желѣза съ могилами колодцами находками, составляющими часть клада на ст. Казбекъ, приближаетъ насъ къ таковому же періоду въ З. Европѣ, но продолжается еще вліяніе Ассиріи подѣ видомъ мѣднаго остроконечнаго плема изъ Фаскау. Появляются среди туалетныхъ принадлежностей височныя кольца, — бронзовыя, впоследствии золотыя, — состоящія изъ одной или двухъ петель, съ перевитыми, частью заостренными концами. Подобныя височныя кольца найдены при раскопкахъ въ Троѣ и приурочиваются ко временамъ Гомера. Къ эпохѣ появленія желѣза или къ концу бронзоваго вѣка относятся бронзовые сосуды въ верхнихъ слояхъ Кобанскаго могильника. Другіе предметы изъ могилы, вскрытой Филимоновымъ въ Кобани, а также сост. Казбекъ, датируютъ послѣднія столѣтія до Рожд. Хр. Первые VI—VII вв. нашей эры опредѣляются предметами въ Верхней Рутхѣ и представляетъ расцвѣтъ той культуры, которую западные ученые называютъ то мервингской, то готской, но которая по представляемому матеріалу если не зародилась, то развилась въ ущельяхъ Дагоріи, при чемъ черепа здѣсь найденные признаны антропологами иныхъ размѣровъ и типа, чѣмъ всѣ остальные кавказскіе. Одинъ

изъ трудныхъ вопросовъ при изученіи Кавказскаго могильнаго инвентаря, составляютъ бусы; откуда они происходятъ? При поискахъ прародины кавказскихъ бусъ графиня останавливается на двухъ центрахъ, Финикіи и Египтѣ. Но сравнивая кавказскія бусы съ этрусскими и египетскими, нигдѣ не оказывается такого богатства красокъ, рисунка и формъ, какъ на Кавказѣ. Что же касается до способа погребенія, то могильники дѣлятся на нѣсколько родовъ. Древнѣйшій способъ — погребеніе въ землѣ безъ гроба; позднѣе — а) каменные ящики, б) семейныя могилы, обставленные каменными плитами, в) общія могилы, г) погребеніе въ пещерныхъ склепахъ или катакомбахъ.

А. Хах—овъ.

С. П. Зелинский. **Народно-юридическіе обычаи у армянъ Закавказскаго края.** Тифлисъ, 1889 (изъ III в. XII т. „Извѣстій“ К. О. Р. Г. О.).

Изученіе народно-юридическихъ обычаевъ начато такими почтенными учеными, какъ проф. Ковалевскій и Леонтовичъ. Изысканіе въ этой области лишь понемногу пробиваетъ себѣ дорогу, и каждая новая работа по этому вопросу является приобритеніемъ для кавказовѣднѣя. Нельзя не отмѣтить то любопытное сходство въ юридическихъ обычаяхъ кавказскихъ народностей, которое поражаетъ изслѣдователя иногда своей неожиданностью. Народы, несвязанные между собою генетически, различные по языку, происхожденію и вѣрованіямъ, держатся сходныхъ правовыхъ обычаевъ. Аналогичныя явленія въ возрѣніяхъ неродственныхъ племенъ объясняются или общностью источника, повліявшаго на складъ ихъ обычаевъ, или же воздѣйствіемъ одного на другое. Правовыя возрѣнія кавказскихъ народностей находятъ истолкованіе въ обоихъ этихъ факторахъ. Не говоря уже о трудѣ М. М. Ковалевского, работа г. Зелинскаго, посвященная армянамъ, наводитъ на рядъ сопоставленій съ юридическими обычаями другихъ народовъ Закавказья. Авторъ разсматриваетъ четыре тезиса: родство, обычаи въ брачномъ союзѣ, отношеніе членовъ семьи другъ къ другу и имущественное право и семейные раздѣлы. Цѣнность его работъ придаетъ использованіе въ доступныхъ ему предѣлахъ наличнаго матеріала печатнаго и устнаго. Заслуживаетъ одобренія мысль давать армянскія слова параллельно въ армянской и русской транскрипціи. Читатели усмотрятъ въ нихъ много для себя любопытнаго и вызывающаго на сравненіе. Такъ, именованіе родственниковъ: „папу-папъ“ (дѣдъ-дѣда) аналогично съ грузинскимъ „паписъ-папа“. Такая же аналогія можетъ быть проведена и между другими названіями родства. Интересно указаніе автора о мѣстѣ совершенія брака. Обрядъ вѣнчанія въ Карабагѣ и отчасти въ Зангезурскомъ уѣздѣ совершается иногда не въ церкви, а надъ очагомъ—тундиромъ (груз. торнэ). Женихъ и невѣста трижды совершаютъ обходъ вокругъ этого священнаго мѣста и, поцѣловавъ края его, становятся лицомъ къ востоку, а священникъ, поставивъ кругомъ трижды свѣчи, совершаетъ обрядъ вѣнчанія. Я позволю привести въ параллель къ этому свѣдѣнію сообщенное итальянскимъ путешественникомъ Ламберти о мингрельской свадьбѣ. Вѣнчаніе

въ Мингрелии совершалось въ винномъ погребѣ, почитаемомъ какъ церковь, причемъ священникъ съ зажженными свѣчами читалъ молитвы надъ новобрачными.

Примѣръ г. Зелинскаго, быть можетъ, поощритъ другихъ заняться собраніемъ народно-юридическихъ обычаевъ у различныхъ народностей Кавказа. Приэтомъ хорошо было-бы руководствоваться программами; изданными съ этой цѣлью въ Москвѣ и Петербургѣ. Такія-же программы существуютъ на армянскомъ и грузинскомъ языкахъ. Последняя принадлежитъ прив.-доц. Хачанову и напечатана была въ нѣсколькихъ нумерахъ „Сборника“ кн. Акакія Церетели.

А. Хак—свѣ.

И. В. Шелепинъ. Отечествовѣдѣніе. Пособіе (справочная книжка) при повтореніи русской исторіи. Краткое руководство для начальнаго ознакомленія съ исторіей Русскаго Государства отъ основанія его до нашихъ дней. Съ приложеніемъ въ видѣ предисловія краткаго статистико-географическаго очерка современной намъ Россіи. 1900 г.

Длинное заглавіе, данное книжкѣ составителемъ, вполне передаетъ ея содержаніе. Историческія свѣдѣнія въ ней излагаются довольно живо и занимательно, слогъ примѣненъ къ начинающему читателю. Какъ справочная книжка или конспектъ при повтореніи русской исторіи, трудъ И. В. Шелепина едва ли можетъ быть полезенъ, такъ какъ изложеніе не строго конспективно и не отличается полнотою. Форматъ и шрифтъ книжки также не подходятъ къ типу справочныхъ изданій. Но книжка можетъ быть съ успѣхомъ рекомендована для дѣтскаго и народнаго чтенія. Просто и ясно изложенная, она вполне ознакомитъ неподготовленнаго читателя съ общимъ ходомъ русской исторіи. Въ началѣ книжки также ясно и популярно изложены необходимѣйшія свѣдѣнія о географическомъ и государственномъ устройствѣ Россійской Имперіи.

А. М.

А. А. Сапожниковъ. Судьбы Китая. Спб. 1901. Попытокъ предсказать судьбу Китая было не мало, но среди нихъ брошюра г. Сапожникова занимаетъ совершенно особое мѣсто. Авторъ ищетъ указаній относительно будущности Китая въ Священномъ Писаніи, гдѣ, „во-первыхъ, прямо предсказаны нѣкоторыя событія, а во-вторыхъ, указаны общіе законы, управляющіе жизнью человѣческихъ обществъ“. Общій ходъ всемірной исторіи предначертанъ въ пророчествѣ Ноя, который предсказалъ всемірное господство потомковъ Іафета; къ сожалѣнію, невозможно установить, которому изъ сыновей Ноя обязаны своимъ происхожденіемъ китайцы (одни изслѣдователи считаютъ ихъ семитами, другіе потомками Іафета, именно его сына Магога); такимъ образомъ, это пророчество не рѣшаетъ вопроса о судьбѣ Китая. Но за то другія пророчества предсказываютъ народамъ христіанскимъ окончательное господство надъ міромъ; слѣдовательно, передъ Китаемъ, Японіей, Сіамомъ, Персіей, а также прочими не-христіанскими государствами лежатъ два пути: путь жизни—принять христіанство и сохранить свою самостоятельность и самобытность, и путь смерти—упорствовать въ своемъ язычествѣ и подчиниться хри-

стіанскимъ народамъ. Третьяго пути нѣтъ. А такъ какъ китайцы къ христіанской религіи относятся равнодушно или даже враждебно и, такимъ образомъ, оказываются неспособными воспринимать проповѣдуемую имъ истину христіанства, то дальнѣйшее существованіе этого народа становится вреднымъ для него самого и для его потомковъ. Новыя поколѣнія рождались только для того, чтобы на нихъ изливался гнѣвъ Божій. Слѣдовательно, для Китая „близокъ день Господа, день мрачный; година народовъ наступаетъ“.

Рѣшивъ, что для Китая наступаетъ время государственной смерти, г. Сапожниковъ старается опредѣлить, какого образа дѣйствій должна держаться Россія по отношенію къ Китаю. Изъ трехъ формъ подчиненія Китая европейцамъ—общей опеки всѣхъ союзныхъ державъ, точнаго распредѣленія областей вліянія и, наконецъ, полнаго раздѣла;—для Россіи, міровое назначеніе которой состоитъ въ проведеніи въ международныя отношенія началъ правды и справедливости и въ распространеніи православія, наиболѣе удобно точное распредѣленіе областей вліянія или, еще лучше,—полный раздѣлъ Китая, причемъ Россія „нравственно обязана добиваться завладѣнія возможно большею частью Китая“, такъ какъ, во-первыхъ, китайцы, подчиненные Россіи, будутъ находиться въ наиболѣе благопріятныхъ условіяхъ для обращенія въ православіе, и, во-вторыхъ,—изъ чувства человѣколюбія, потому, что русскіе мягче всѣхъ другихъ европейцевъ обращаются съ покоренными народами...

А для того, чтобы имѣть право на большую часть Китая, Россія должна выставить для общей арміи возможно большія силы.

Ставя на первый планъ интересы нравственные, Россія, въ то-же время не имѣетъ права пренебрегать матеріальными выгодами и поэтому, каково-бы ни было рѣшеніе китайскаго вопроса, территорія, по которой проходитъ наша желѣзная дорога къ незамерзающему морю должна, во всякомъ случаѣ, сдѣлаться нераздѣльной частью Россіи.

„Общая опека надъ Китаемъ или его раздѣлъ, говоритъ г. Сапожниковъ, хотя и будутъ имѣть нѣкоторый видъ насилія и грабежа, но, по существу, не будутъ ни тѣмъ, ни другимъ. Китай представляетъ теперь не исполненный жизни организмъ, а трупъ, его надо разсматривать, какъ *res nullius*. Вышею Волею китайцы лишены правъ на свою страну; ихъ права перешли къ христіанскимъ народамъ, которые и могутъ распорядиться съ Китаемъ сообразно своимъ интересамъ“. Эта апологія грабительской политики ссылкой на Высшую Волю, чрезвычайно характерна; она показываетъ, что и въ нашей духовной средѣ (брошюра г. Сапожникова — перепечатка статьи изъ журнала „Странникъ“) есть единомышленники достопочтенныхъ англійскихъ клерджименовъ, съ необыкновенной энергіей поощрявшихъ „патріотовъ“ къ разгрому Трансваала.

Ничтожная брошюра не заслуживала бы упоминанія, если бы ея заглавіе не могло заинтересовать слишкомъ довѣрчивыхъ читателей. Попытка-же автора оказать своей работой правительству

„очень существенное содѣйствіе“, конечно, является попыткой съ негодными средствами.

Poésies du prince Mirza-Riza-Khan-Daniche-Afra-Ud-Dovleh St.-Pétersbourg. 1900. Traduction d'une ode persane. Dédiée a Sa Majesté L'Impératrice Alexandra Féodorovna. Персидскій посланикъ при Русскомъ Дворѣ, князь, Мирза-Риза-Ханъ, издалъ отдѣльной брошюрой вышеназванную оду на французскомъ и персидскомъ языкахъ. Восточный поэтъ, со всѣми цвѣтистыми выраженіями своей родной рѣчи, картинно описываетъ свое восхищеніе молодой Императрицей, во время ея коронованія. Считаая себя счастливымъ быть посланникомъ Шаха для привѣтствованія Ея Величества, Мирза-Риза-Ханъ восторженно рисуетъ красоты древняго Кремля и убранство Москвы во время торжествъ...

„Le Tszar, говоритъ поэтъ, posa lui même la couronne sur Sa tête et puis une autre sur celle de la Tszaritsa dont la beauté, radieuse semblait remplir de lumière tout le temple“ и далѣе „Si l'Empereur a mis la couronne Impériale sur la tête de l'Impératrice, moi, roi de poésie, je déposerai aux pieds de cette Vénus la couronne de la beauté“.

Сочиненіе Мирза-Риза-Хана издано очень изящно, на веленовой бумагѣ и украшено виньетками.

С. Ф. Либровичъ. Царь въ плѣну. Спб. 1901. Изд. кружка авторовъ-издателей.

Изящная по внѣшности книжка г. Либровича дѣлаетъ прежде всего честь издательскому вкусу авторовъ-издателей, а, слѣдовательно, съ этой стороны, и автору-издателю.

Нельзя не назвать удачнымъ и выборъ предмета изслѣдованія: плѣненіе московскаго царя Василія Ивановича Шуйскаго поляками одинъ изъ наиболѣе интересныхъ эпизодовъ смутнаго времени московскаго государства, а живое, картинное изложеніе даетъ возможность прочесть эту небольшую книжечку съ большимъ удовольствіемъ.

Не претендуя на составленіе „ученой монографіи“, авторъ, однако, далекъ и отъ безпочвенныхъ разглагольствованій съ претензіями на популяризацію исторіи, такъ какъ даетъ подробныя ссылки на литературу предмета, облегчающія дальнѣйшія изслѣдованія.

Наконецъ, удачно подобранныя иллюстраціи дополняютъ общее благоприятное впечатлѣніе книги г. Либровича.

Еще раньше онъ былъ избранъ въ короли Даніи и Норвегіи. Въ томъ же году на сѣздѣ въ Нючѣпингѣ Маргарита издала нѣкоторыя распоряженія, имѣвшія цѣлью укрѣпленіе королевской власти и ограниченіе власти феодаловъ. Было объявлено, что всѣ земли, отнятыя у короны со времени призванія Альбрехта, должны быть возвращены королю;] для разслѣдованія этого дѣла должна быть назначена особая комиссія; безъ письменнаго согласія короля или королевы не можетъ быть введенъ ни одинъ новый налогъ; всѣ замки, построенные во время смуты, должны быть срыты. Упрочивъ такимъ образомъ свою власть, Маргарита приступила къ осуществленію своей давнишней мечты—соединить всѣ скандинавскія земли въ одно государство. Мысль о скандинавской уніи начала занимать ее еще съ того времени, когда она была объявлена королевой-регентшей Даніи и Норвегіи. Избраніе ея въ королевы Швеціи являлось важнымъ условіемъ для осуществленія этого плана.

Въ 1397 году въ Кальмаръ были созваны представители отъ всѣхъ трехъ королевствъ, и здѣсь, 17 іюня, Эрикъ Померанскій былъ провозглашенъ королемъ соединенныхъ государствъ. Затѣмъ выработанъ былъ проектъ уніи на слѣдующихъ основаніяхъ: во всѣхъ трехъ государствахъ отнынѣ долженъ быть одинъ общій король; члены уніи должны помогать другъ другу въ войнѣ съ внѣшними врагами; во всемъ остальномъ каждое государство управляется по собственнымъ законамъ. Этотъ актъ однако былъ не болѣе, какъ проектомъ, которому не суждено было обратиться въ законъ, вслѣдствіе чего такъ называемая Кальмарская унія никогда не имѣла характера прочнаго союза.

Въ 1398 г. истекъ срокъ для рѣшенія согласно Линдкольмскому договору участи Стокгольма. Такъ какъ Альбрехтъ не внесъ условленной суммы, то городъ былъ переданъ королевѣ, которая теперь могла приняться за усмиреніе виталиановъ, нашедшихъ себѣ сильную поддержку въ лицѣ Кнута Боссона, владѣтеля Финляндіи. Съ помощью Ганзейскаго союза ей удалось въ короткое время покончить съ пиратами и принудить къ покорности Кнута Боссона, который отдалъ ей всѣ свои финляндскіе замки, послѣ чего въ этой странѣ опять водворилось спокойствіе.

Въ 1401 г. Эрикъ Померанскій былъ объявленъ совершеннолѣтнимъ и вступилъ на престолъ, но Маргарита до своей смерти (въ 1412 г.) продолжала стоять во главѣ управленія. Многое изъ того, что было сдѣлано послѣ 1512 г., было продолженіемъ ея начинаній. Выше было сказано, что

на Нючепингскомъ сеймѣ состоялось постановленіе о нарядѣ общаго по всему государству слѣдствія для возвращенія въ казну тѣхъ имѣній, которыя незаконно были захвачены феодалами. Такое разслѣдованіе произведено было и въ Финляндіи, гдѣ множество имѣній отобрано въ казну. Эрикъ дважды посѣтилъ Финляндію—въ 1403 и въ 1407 г.; въ первый разъ даны были важныя привиллегіи городу Выборгу, который къ тому времени успѣлъ сдѣлаться довольно значительнымъ торговымъ пунктомъ. Вообще на Финляндію стали теперь обращать больше вниманія. Приблизительно около того-же времени было приступлено къ введенію тамъ новаго королевскаго суда, долженствовавшаго замѣнить прежніе весьма несовершенные суды.

Первое упоминаніе объ этомъ новомъ судѣ, получившемъ названіе «земскаго суда» (*landsrätten*), встрѣчается въ 1414 г., но онъ окончательно организованъ лишь въ 1435 г. Засѣданія суда происходили въ Або ежегодно въ іюнѣ мѣсяцѣ; членами суда были: епископъ, нѣсколько членовъ соборнаго капитула, всѣ находившіеся въ странѣ члены государственнаго совѣта, лагманы, уѣздные начальники (*härads höfding*) и фохты; предсѣдатель суда избирался изъ числа членовъ государственнаго совѣта; засѣдателями назначались на половину лица изъ привилегированныхъ сословій, на половину изъ крестьянъ.

Этотъ судъ являлся высшею инстанціей для дѣлъ, рѣшавшихся въ уѣздныхъ и лагманскихъ судахъ; въ немъ разбирались также жалобы на епископа и свѣтскихъ чиновниковъ Финляндіи. Однако, дѣятельность этого новаго суда скоро прекратилась: послѣ 1446 г. упоминанія о немъ очень рѣдки.

Весьма важнымъ нововведеніемъ было также раздѣленіе Финляндіи на два лагманства, сѣверно-финское и южно-финское. Поводомъ къ такому раздѣленію послужили жалобы финскаго народа, что лагманскіе суды, которые по закону должны были бы засѣдать каждый годъ, на самомъ дѣлѣ происходятъ гораздо рѣже, такъ какъ на всю страну имѣется только одинъ лагманъ, который втеченіе одного года не въ состояніи разобрать всей массы стоящихъ на очереди дѣлъ. Къ сѣверно-финскому лагманству принадлежала сѣверная часть Собственной Финляндіи, Сатакунта, Эстерботнія и Оландъ, къ южно-финскому южная часть Собственной Финляндіи, Нюландія, Карелія съ Саволаксомъ и Тавастландія.

Въ экономическомъ отношеніи важною мѣрою была изданная въ 1411 году грамота, предоставляющая абоскому и та-

вастгускому фохтамъ право отдавать необработанныя имѣнія, лѣса и земли лицамъ, которые пожелали-бы употребить такую землю подъ луга или подъ пашню и платить за землю повинности, но при условіи, чтобы прежніе владѣльцы черезъ это не лишились права на доходъ. Это постановленіе, очевидно, имѣло цѣлью увеличеніе числа податныхъ крестьянъ и умноженіе доходовъ казны; вмѣстѣ съ тѣмъ оно было вызвано экономическими потребностями страны.

Отношенія къ сосѣдямъ были вообще дружественныя. На границѣ съ Россіей происходили иногда мелкія столкновенія, которыя однако не привели къ нарушенію мира. Съ Эстляндіей и Лифляндіей были возобновлены торговыя сношенія, прерванныя разбойничьими набѣгами виталиановъ; наиболѣе оживленная торговля попрежнему велась съ Ревелемъ.

Церковная жизнь продолжала развиваться въ томъ же направленіи, какое ей было дано епископомъ Хеммингомъ. Епископы попрежнему ревностно оберегаютъ церковные интересы, строго слѣдятъ за правильнымъ взносомъ десятиннаго налога и за уплатами церковныхъ имѣній; всякое упущеніе во взносѣ налога и всякое посягательство на церковныя земли влечетъ за собой отлученіе отъ церкви, причемъ не дѣлается исключенія даже для самыхъ важныхъ сановниковъ въ краѣ. Организація соборнаго капитула завершается учрежденіемъ новой должности архидіакона. Самымъ замѣчательнымъ епископомъ за это время былъ Магнусъ II Олаи Тавастъ (1412—1450). Онъ былъ горячимъ поборникомъ церковной власти и того іерархическаго строя, который господствовалъ въ церковномъ управленіи. Онъ много заботился о внѣшнемъ великолѣпіи и красотѣ богослуженія и особенно старался придать небывалый дотолѣ блескъ богослуженію въ абоскомъ соборѣ. Для этой цѣли онъ пріобрѣталъ дорогую утварь и учредилъ торжественныя панихиды, которыя совершались въ извѣстные дни для освобожденія душъ усопшихъ отъ мученій чистилища. Еще болѣе важны его заботы о правильномъ теченіи церковныхъ дѣлъ и объ образованіи народа. Онъ усердно посѣщалъ церкви епархіи, несмотря на трудности, съ которыми были сопряжены эти поѣздки. Онъ увеличилъ библіотеку абоскаго собора пріобрѣтеніемъ многихъ сочиненій по медицинѣ и юриспруденціи. Лицамъ, оказывавшимъ какую-либо помощь молодымъ людямъ, учившимся въ школахъ епархіи, онъ исходатайствовалъ отъ папы отпущеніе грѣховъ. Одною изъ важныхъ заслугъ Магнуса было учрежденіе бригиттинскаго мона-

стыря въ Нодендалѣ. Въ Финляндіи уже было пять монастырей, два доминиканскаго ордена и три францисканскаго. Учрежденіе новаго монастыря бригиттинскаго ордена считалось важнымъ потому, что этотъ орденъ пользовался высокимъ уваженіемъ и строгія правила его, какъ полагали, могли предотвратить упадокъ нравовъ, признаки котораго къ концу среднихъ вѣковъ стали обнаруживаться въ монастыряхъ другихъ орденовъ. Особенно ратовалъ за основаніе новаго монастыря епископъ Магнусъ, который самъ былъ горячимъ поклонникомъ бригиттинскаго ордена. Онъ выхлопоталъ мѣсто для монастыря и заставлялъ своихъ прихожанъ дѣлать щедрыя пожертвованія въ пользу новой обители. Въ 1443 году, наконецъ, совершилась закладка монастыря на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь стоитъ городъ Нодендалъ. Монастырь былъ женскій и имѣлъ значеніе, какъ убѣжище для женщинъ, желавшихъ посвятить себя Богу. Втеченіе всей послѣдующей жизни Магнусъ не переставалъ заботиться о созданной его трудами обители; въ окрестностяхъ ея провелъ онъ остатокъ своей жизни († 1452).

IV.

Финляндія въ періодъ борьбы противъ уніи. 1434—1523.

Кальмарская унія, съ самаго начала не отличавшаяся прочностью, съ каждымъ годомъ дѣлалась все болѣе ненавистною шведамъ. Главной причиною этого была неумѣлая политика Эрика XIII. Въ началѣ своего царствованія онъ затѣялъ войну съ графами Голштинскими, поводомъ къ которой послужили раздоры изъ-за обладанія Шлезвигомъ. Эта война, потребовавшая введенія новыхъ налоговъ и окончившаяся невыгоднымъ для Швеции миромъ, возбудила сильное недовольство противъ короля. Ропотъ народа усилился еще болѣе, когда Эрикъ, вопреки закону, сталъ отдавать высшія должности въ государствѣ иноземцамъ, датчанамъ и нѣмцамъ, которые угнетали шведовъ. Наконецъ, народъ возсталъ, подъ предводительствомъ одного дворянина, по имени Энгельбректа Энгельбректсона изъ Далекарліи, откуда и началось движеніе (1434). Въ короткое время Энгельбректъ захватилъ большую часть замковъ, въ томъ числѣ и Вестерось, которымъ владѣлъ одинъ изъ самыхъ жестокихъ королевскихъ фохтовъ, Йессе Эриксонъ. Возстаніе стало быстро разрастаться, когда Энгель-

бректъ освободилъ народъ отъ третьей части налоговъ. Его агенты ѣздили по странѣ и всюду зажигали пламя освободительной войны. Къ общему движенію присоединилась также и Финляндія, гдѣ Энгельбректъ успѣлъ привлечь на свою сторону начальника Корсхольмскаго замка въ Эстерботніи, Эрика Пуке; по его приказу былъ захваченъ Кастельхольмскій замокъ на Оландѣ. Между тѣмъ, Энгельбректъ взялъ Стокгольмъ и двинулся въ южную Швецію, гдѣ онъ былъ встрѣченъ членами государственнаго совѣта, которые признали надъ собою верховную власть народнаго вождя. Послѣ этого одинъ замокъ за другимъ переходили въ руки Энгельбректа; его войска вторглись даже въ датскую область Халландъ. Въ январѣ 1435 г. въ Арбога былъ созванъ съѣздъ, который замѣчательнъ, между прочимъ, тѣмъ, что въ немъ наряду съ духовными и свѣтскими вельможами въ первый разъ участвовали и представители отъ торговыхъ городовъ и крестьянъ. На этомъ съѣздѣ Энгельбректъ былъ провозглашенъ правителемъ государства. Но въ Швеции еще оставалась партія недовольныхъ, вошедшая въ сношеніе съ королемъ и заключившая съ нимъ договоръ, въ силу котораго король снова призывался къ власти подъ условіемъ, чтобы всѣ шведскіе замки были отданы во владѣніе природнымъ шведамъ; Энгельбректъ по этому договору получалъ замокъ Эребру. Главное начальство надъ войсками было поручено Карлу Кнутсону Бунде, завѣдываніе судебными дѣлами Кристеру Нильсону.

Недовольный этимъ договоромъ Энгельбректъ снова поднялъ мятежъ (въ 1436 г.), прошелъ побѣдоносно по южной Швеции, и уже вступилъ въ Данію. Но смерть пресѣкла его дѣятельность. Въ томъ же году онъ былъ убитъ однимъ злоумышленникомъ — Монсомъ Бенгтсономъ, по прозванію «День и Ночь». Но и въ то короткое время, которое ему пришлось дѣйствовать, Энгельбректъ успѣлъ пробудить въ народѣ чувство свободы и увѣренность въ своихъ силахъ.

Послѣ смерти Энгельбректа борьба двухъ партій, партіи приверженцевъ уніи и партіи національной, продолжалась еще съ большимъ ожесточеніемъ. Къ первой партіи принадлежало почти все духовенство и большая часть знати. Национальную партію составляло остальное дворянство и крестьяне. Сословіе горожанъ еще не пользовалось тогда сколько нибудь значительнымъ вліяніемъ. Во главѣ національной партіи послѣ смерти Энгельбректа сталъ финляндскій уроженецъ Карлъ Кнутсонъ, изъ древняго рода Бунде. Онъ былъ провозглашенъ

правителемъ государства, послѣ чего государственный совѣтъ Швеціи объявилъ (1439) короля Эрика XIII низложеннымъ. Въ томъ же году Эрикъ былъ свергнутъ съ престола Даніи. О томъ настроеніи умовъ, которое господствовало въ это время въ Финляндіи, свидѣтельствуеъ, между прочимъ, мятежъ, вспыхнувшій въ 1438 г. въ сѣверной части Сатакунта, по инициативѣ какого-то Давида, и подавленный благодаря содѣйствію епископа Магнуса Таваста. Въ Даніи былъ избранъ королемъ герцогъ Христофоръ Баварскій (1440). Въ томъ-же году онъ былъ признанъ также королемъ въ Швеціи и Норвегіи, и такимъ образомъ унія была восстановлена. Карлъ Кнутсонъ вернулся въ свой Выборгскій замокъ, который вмѣстѣ съ значительной частью Финляндіи отданъ былъ ему въ ленъ. Самымъ замѣчательнымъ дѣломъ Христофора было изданіе новаго общаго уложения, получившаго названіе «уложения короля Христофора» (1442). Оно, впрочемъ, было лишь переработкой уложения Магнуса Эриксона и не имѣло большого практическаго значенія. Послѣ его смерти датчане выбрали себѣ въ короли одного изъ его родственниковъ, герцога Христіана Ольденбургскаго.

Норвегія также признала его своимъ королемъ, но въ Швеціи національная партія одержала верхъ надъ уніонистами и провозгласила королемъ Карла Кнутсона. Первый девятилѣтній періодъ его правленія весь прошелъ въ борьбѣ съ Даніей и съ уніонистами. Наконецъ, онъ долженъ былъ уступить Христіану Ольденбургскому, который признанъ былъ королемъ Швеціи и занималъ шведскій престолъ втеченіе семи лѣтъ (1457—1464), но не сумѣлъ снискать себѣ любовь подданныхъ. Онъ былъ свергнутъ, и Карлъ Кнутсонъ вторично избранъ въ короли (1464 — 1465). Положеніе Кнутсона было крайне непрочное: со всѣхъ сторонъ онъ окруженъ былъ врагами. Епископъ Линчѣпингскій, Кеттиль Карлсонъ, съ самаго начала сталъ къ нему во враждебныя отношенія; абоскій епископъ, Корть Битцъ, тоже обнаруживалъ недовольство; большинство вельможъ было настроено не менѣе враждебно противъ короля. Скоро опять вспыхнула междоусобная война, въ которой приверженцы Карла потерпѣли поражение; Карлъ долженъ былъ вновь отречься отъ престола; ему данъ былъ Расеборгъ и Корсхольмъ, а также право владѣть втеченіе 8 лѣтъ имѣніемъ Кумо съ верхней и нижней Сатакунта (1465). Правителемъ государства былъ назначенъ Іенсъ Бенгтсонъ, но онъ оказался безсильнымъ водворить порядокъ въ странѣ, въ

особенности потому, что въ числѣ его противниковъ были могущественные финляндскіе магнаты братья Тоттъ. Въ 1466 г. одинъ изъ нихъ, Эрикъ Аксельсонъ, владѣлецъ Выборскаго и Тавастгускаго замковъ, былъ назначенъ правителемъ, но онъ съ самаго начала выказалъ готовность передать власть Карлу Кнутсону, въ пользу котораго въ то-же время агитировалъ среди народныхъ массъ дворянинъ Нильсъ Боссонъ Стуре.

Въ ноябрѣ 1467 г. Карлъ былъ въ третій разъ призванъ на царство. Но, несмотря на все свое миролюбіе, ему и на этотъ разъ не удалось избѣгнуть враждебныхъ столкновений съ противною партіей, вслѣдствіе чего и третій періодъ его правленія былъ такимъ же бурнымъ, какъ и первые два.

Черезъ три года онъ умеръ, сдѣлавъ наслѣдникомъ своихъ владѣній племянника своего, Стенъ Стуре, яраго приверженца національной партіи. На сеймѣ въ Арбога 1471 г. Стенъ Стуре былъ избранъ правителемъ государства; въ томъ-же году онъ одержалъ блестящую побѣду надъ Христіаномъ Датскимъ при Брункенбергѣ и тѣмъ еще болѣе упрочилъ свое положеніе. Послѣдующіе годы были временемъ мирнаго преуспѣянія страны, какъ въ духовномъ, такъ и въ матеріальномъ отношеніи. Горячій патріотизмъ и честный образъ мыслей правителя внушали къ нему довѣріе всѣхъ сословій. Онъ былъ въ родствѣ съ Тоттами и стоялъ на дружеской ногѣ съ архіепископомъ упсальскимъ, Яковомъ Ульфсономъ; но прежде всего онъ былъ другомъ простого народа; онъ посѣщалъ дома простолюдиновъ и присутствовалъ на ихъ сходкахъ и ярмаркахъ. Особенною любовью пользовался онъ среди жителей Далекарліи. Весьма важной заслугой Стенъ Стуре въ дѣлѣ народнаго образованія было основаніе высшей школы въ Упсалѣ (1477) (впослѣдствіи упсальскій университетъ), которая скорѣ сдѣлалась однимъ изъ главнѣйшихъ центровъ научнаго образованія на сѣверѣ.

Въ Финляндіи, гдѣ главную роль игралъ Эрикъ Аксельсонъ Тоттъ, владѣтель Выборгскаго и Тавастгускаго замковъ, возобновились враждебныя столкновенія съ русскими. Въ Россіи около этого времени произошли событія, имѣвшія большое значеніе для Финляндіи. Ослабленная монгольскимъ игомъ Россія мало-по-малу начинаетъ вновь усиливаться, благодаря дѣятельности московскихъ князей—собирателей Руси. Окрѣпшее, такимъ образомъ, русское государство являлось весьма опаснымъ сосѣдомъ для Финляндіи. Въ 1473 году истекалъ срокъ перемирія, заключеннаго съ Новгородомъ въ

1468 г., и Москва не замедлила открыть враждебныя дѣйствія. Насколько успѣшны были эти дѣйствія, видно изъ писемъ епископа Корта Битца, Эрика Аксельсона и др. въ шведскій государственный совѣтъ, въ которыхъ они жалуются на «свирѣпыхъ руссовъ, враговъ Бога и христіанства, звѣрски истребляющихъ населеніе Финляндіи». Эрикъ Аксельсонъ поспѣшилъ принять мѣры къ оборонѣ страны отъ дальнѣйшихъ нашествій. Прежде всего онъ расширилъ укрѣпленіе Выборгскаго замка и окружилъ городъ крѣпкой стѣной. Затѣмъ, на одномъ изъ острововъ озера Саймы онъ построилъ новую крѣпость Олофеборгъ, получившую впослѣдствіи названіе Нишлота (1475). Крѣпость была построена нѣсколько восточнѣе границы, установленной мирнымъ трактатомъ 1323 г., и слѣдовательно, оказалась на русской территоріи. Это обстоятельство, естественно, возбудило сильное негодованіе среди русскихъ и скоро вокругъ новой, еще не вполне отстроенной крѣпости показались непріятельскіе отряды. Однако, несмотря на это, Эрику Аксельсону удалось довести до конца постройку крѣпости. Дабы обезпечить ея положеніе, онъ совершилъ нѣсколько экспедицій въ пограничныя русскія области и сильно опустошилъ ихъ. Послѣ его смерти (1481 г.) военныя дѣйствія продолжались еще нѣкоторое время; наконецъ, въ 1482 году заключено было перемиріе на четыре года, а по истеченіи этого срока продолжено еще на пять лѣтъ.

Между тѣмъ возникли безпорядки внутри государства. Эрикъ Аксельсонъ, умирая, завѣщалъ свои финляндскіе замки своимъ братьямъ Ивару и Ларсу. Но по смерти одного изъ нихъ, Стенъ Стуре отобралъ эти замки. Это повело къ охлажденію между правительствомъ и могущественными Тоттами, которые стали склоняться на сторону датской партіи. Въ Дании послѣ смерти Христіана I (1481) вступилъ на престолъ Гансъ. Представители шведы на сѣздѣ въ Кальмарѣ (1483) также выразили свое согласіе присягнуть Гансу, если только онъ приметъ ихъ условія ¹⁾; Стенъ Стуре тоже подписался подъ этимъ такъ наз. Кальмарскимъ рецессомъ, хотя впослѣдствіи заявлялъ, что сдѣлалъ это по принужденію.

Тѣмъ временемъ на восточной границѣ государства дѣла

¹⁾ Условія эти заключались, между прочимъ, въ томъ, что король при раздачѣ леновъ и при назначеніи новыхъ членовъ совѣта долженъ спрашивать согласіе государств. совѣта; члены совѣта имѣютъ право укрѣплять свои усадьбы.

начинали принимать все болѣе опасный оборотъ. Срокъ перемирія подходилъ къ концу и со стороны Россіи нужно было ожидать возобновленія враждебныхъ дѣйствій. Въ 1488 г. Стенъ Стуре завелъ переговоры съ ливонскимъ орденомъ, пытаясь склонить его къ союзу противъ Россіи, но не могъ добиться никакого положительнаго результата. Въ то же время король Гансъ искалъ сближенія съ Россіей и въ 1493 году между нимъ и царемъ Иваномъ Васильевичемъ заключенъ былъ договоръ, по которому договаривающіеся обѣщали взаимно помогать другъ другу противъ Стенъ Стуре. Посредникомъ при заключеніи этого союза съ шведской стороны былъ начальникъ Выборгскаго замка, Нильсъ Эриксонъ Юлленшерна. Епископъ Магнусъ III Шернкорсъ былъ однимъ изъ горячихъ приверженцевъ мира и внимательно слѣдилъ за ходомъ этихъ переговоровъ. Однако, на заключеніе прочнаго мира было мало надежды. Требованія царя были такъ велики, что казалось невозможнымъ придти къ какому-либо соглашенію. Царь настаивалъ, чтобы восстановлена была граница 1323 года и чтобы захваченная шведами часть территоріи къ востоку отъ этой границы вмѣстѣ съ крѣпостью Нишлотомъ была возвращена Россіи. Шведы не могли согласиться на подобныя условія и продолжали готовиться къ войнѣ. Къ меченосцамъ было отправлено посольство, которому, впрочемъ, удалось получить только подтвержденіе мирнаго договора, заключеннаго въ 1488 году.

Укрѣпленія на границѣ Финляндіи были усилены, сдѣланы запасы провіанта, увеличены гарнизоны; но всѣ эти мѣры были слишкомъ ничтожны въ сравненіи съ тѣми военными приготовленіями, которыя шли въ то же время на русской сторонѣ. Въ 1495 г. Кнуть Поссе, начальникъ Выборгскаго замка, на которомъ лежала главная забота объ оборонѣ страны, предпринялъ экспедицію въ русскіе предѣлы, но долженъ былъ немедленно отступить передъ превосходными силами непріятеля. Въ концѣ года 60-тысячное русское войско, подъ предводительствомъ князя Данилы Щенятева, подошло къ Выборгу и осадило его съ западной стороны. У русскихъ были осадныя машины и длинныя пушки, изъ которыхъ они начали обстрѣливать городъ; кромѣ того, у нихъ былъ еще небольшой флотъ, состоявшій изъ множества ладей и яхтъ. Гарнизонъ защищался храбро и всѣ приступы русскихъ были отбиты. Такъ прошло шесть недѣль. Положеніе осажденныхъ съ каждымъ днемъ становилось хуже.

Осадныя работы русскихъ все ближе подвигались къ городу и огонь орудій становился все болѣе опустошительнымъ. Наконецъ, русскимъ удалось разрушить двѣ башни и сдѣлать брешь въ третей. 30-го ноября, въ день св. Андрея, русскіе пошли на штурмъ съ трехъ различныхъ сторонъ. Они уже вошли на стѣну, овладѣли одной изъ башенъ и готовы были ворваться въ городъ, какъ, по преданію, увидѣли на небѣ крестъ св. Андрея и ими овладѣла паника; въ дѣйствительности же замѣшательство въ ихъ рядахъ произвели горящія бочки съ смолой и дегтемъ, выброшенныя на осаждающихъ, и взрывъ пороховыхъ бочекъ въ башнѣ. Въ страшномъ безпорядкѣ русскіе бросились назадъ. Многіе погибли на мѣстѣ, остальные искали спасенія въ бѣгствѣ. Народная фантазія разукрасила это событіе множествомъ разныхъ подробностей, и такимъ образомъ создалась цѣлая легенда о «Выборгскомъ взрывѣ», въ которой Кнутъ Поссе прославляется, какъ могучій волшебникъ, своими чарами обратившій непріятеля въ бѣгство. Послѣ неудачнаго штурма, русскіе простояли еще нѣсколько дней подъ городомъ и затѣмъ отступили. Часть войскъ пошла было на Нишлотъ, но, встрѣтивъ по дорогѣ шведскій отрядъ, удалилась.

На этотъ разъ, такимъ образомъ, все обошлось благополучно для финновъ и они воспрянули духомъ, но въ то же время не переставали взывать о помощи къ правителю государства. Въ отвѣтъ на эти просьбы правительство сдѣлало нѣсколько распоряженій: у uppsальскаго соборнаго капитула испрошено было разрѣшеніе взять въ походъ знамя св. Эрика, которое должно было принести счастье шведскому оружію; шведскому послу въ Римѣ поручено выхлопотать папскую буллу о крестовомъ походѣ на русскихъ; наконецъ въ ноябрѣ 1495 г. было снаряжено войско и уже посажено на корабли, чтобы плыть въ Финляндію, но наступившіе морозы заставили отложить походъ и расположить войска на зимнія квартиры. Въ то же время къ магистру ливонскаго ордена и къ литовскому князю отправлены были послы съ просьбою о помощи.

Между тѣмъ въ январѣ русское войско подъ предводительствомъ князей Василія Косого и Андрея Челяднина вступило въ Финляндію и предало еѣ огню и мечу. Стенъ Стуре съ значительнымъ отрядомъ двинулся было на встрѣчу непріятелю, но русскіе уже успѣли уйти обратно. Стенъ Стуре уѣхалъ въ Швецію, гдѣ опять начиналось броженіе умовъ, и

поручилъ дѣло обороны Финляндіи Сванте Стуре и нѣкоторымъ другимъ хёвдингамъ. Тѣмъ временемъ русскіе напали на Эстерботнію. Въ отвѣтъ на это Поссе и Сванте Стуре разрушили русскую крѣпость Ивангородъ. Въ сентябрѣ Стенъ Стуре опять вернулся въ Финляндію со 130 кораблями, но вмѣсто того, чтобы напасть на непріятеля, затѣялъ ссору съ Сванте Стуре, который тотчасъ же со своимъ войскомъ удалился въ Швецію. Боясь, что Сванте Стуре подниметъ противъ него мятежъ, Стенъ Стуре, несмотря на просьбы архіепископовъ шведскаго—Ульфсона и финляндскаго—Магнуса, въ ноябрѣ также выѣхалъ изъ Выборга въ Швецію. «Теперь мы брошены на произволъ судьбы!» писалъ епископъ Магнусъ Ульфсону. Но въ это время начались переговоры о мирѣ и въ мартѣ 1497 г. въ Новгородѣ заключено было перемиріе на шесть лѣтъ, т. е. до 1503 г. Для проведенія границы между обоими государствами рѣшено было устроить сѣздъ на р. Вуоксѣ; населенію обоихъ государствъ дана полная свобода торговыхъ и всякихъ другихъ сношеній; обѣ стороны обязывались выдать бѣжавшихъ рабовъ и должниковъ. Этимъ трактатомъ закончилась т. наз. «великая русская война». Слѣдствіемъ ея было сильное опустошеніе Финляндіи; однако вмѣстѣ съ тѣмъ непріятельское нашествіе не оставило въ ней глубокихъ слѣдовъ въ виду того, что русскими нигдѣ не удалось стать твердою ногою.

По возвращеніи Стена Стуре въ Швецію, на него посыпались обвиненія со стороны враждебной партіи; особенно рѣзко порицали его за то, что онъ не сталъ въ дружескія отношенія къ Ливонскому ордену и недостаточно усердно заботился о защитѣ Выборгскаго и Нишлотскаго замковъ и вообще объ оборонѣ Финляндіи. Въ мартѣ 1493 года враги Стена Стуре, основываясь на томъ, что онъ въ одно и то-же время не можетъ защищать Финляндію и стоять во главѣ государства, потребовали, чтобы онъ сложилъ съ себя званіе правителя. Стенъ Стуре отвѣтилъ, что сдѣлаетъ это только тогда, когда того потребуетъ народъ и государственный совѣтъ, отъ которыхъ имъ получена власть. Стало ясно, что споръ можетъ быть рѣшенъ только оружіемъ. Король Гансъ объявилъ Стену Стуре войну, а этотъ послѣдній обратился къ шведскому народу, призывая его на борьбу съ иноземцами. Особенную поддержку оказали Стену Стуре по обыкновенію далакарліицы, но на этотъ разъ ихъ помощь была напрасна. Гансъ признанъ былъ королемъ. Стенъ Стуре получилъ въ свое

владѣніе всѣ финляндскіе замки, изъ которыхъ одинъ, именно Тавастгускій, послѣ его смерти долженъ былъ перейти къ его женѣ, а также много земель въ Швеціи.

Въ октябрѣ 1497 г. Гансъ вступилъ въ Стокгольмъ и былъ провозглашенъ королемъ Швеціи подъ именемъ Іоанна II. Черезъ два года сынъ его, Христіанъ, былъ торжественно объявленъ наслѣдникомъ престола. Положеніе Стена Стуре, несмотря на все его могущество, было не особенно прочно. На засѣданіи государственнаго совѣта 1499 г. на него взведенъ былъ рядъ обвиненій за его образъ дѣйствій во время управленія государствомъ. Отъ дальнѣйшихъ преслѣдованій онъ избавился только обѣщаніемъ выплачивать ежегодно въ пользу короля по 2000 марокъ и уступить ему Або, Выборгъ и Нишлотъ. Оскорбленный этимъ Стенъ Стуре рѣшился опять на возстаніе. Обстоятельства ему благоприятствовали. Одинъ изъ самыхъ главныхъ его противниковъ, Сванте Стуре, въ это время началъ искать сближенія съ національной партіей. Возвратившійся въ это время изъ Рима шведскій посолъ докторъ Хеммингъ Гаддъ дѣятельно работалъ въ пользу примиренія обоихъ Стуре и возбужденія національной ненависти противъ датчанъ. Когда въ началѣ 1501 г. король посѣтилъ Швецію, возстаніе готово было вспыхнуть каждую минуту. Неудачный исходъ переговоровъ съ Россіей окончательно уронилъ престижъ короля въ глазахъ населенія и враги его не замедлили воспользоваться этимъ. Въ іюлѣ возмущеніе вспыхнуло и король былъ вынужденъ покинуть Швецію, послѣ чего Стенъ Стуре вновь былъ избранъ правителемъ государства. Въ 1502 г. Стенъ Стуре занялъ Стокгольмъ и затѣмъ немедленно отправился въ Финляндію, чтобы и здѣсь ниспровергнуть партію Ганса. Або и Выборгъ скоро подчинились ему; епископъ финляндскій, Лаврентій Суурпе, также поспѣшилъ признать Стена Стуре правителемъ, и такимъ образомъ вся власть въ Финляндіи перешла опять въ его руки. Возвратившись въ Швецію, Стенъ Стуре попрежнему началъ трудиться надъ упроченіемъ своего авторитета и продолжалъ борьбу противъ датчанъ до самой своей смерти (1503).

Преемникомъ ему избранъ былъ Сванте Стуре. Жители Финляндіи не принимали участія въ избраніи правителя, но какъ и прежде, въ 1457 году, право ихъ подавать свой голосъ при избраніи было подтверждено. Въ Финляндію было отправлено посольство съ извѣщеніемъ о перемѣнѣ правительства; послѣ прибытія посольства тотчасъ-же пред-

ставители сословій собрались въ Або и единогласно выбрали Сванте Стуре правителемъ государства (1504). Послѣ этого одинъ изъ пословъ, Іосифъ Педерсонъ, остался въ Або, чтобы упрочить здѣсь вліяніе правителя. Другой Бенгтъ Бенгтсонъ былъ отправленъ съ той-же цѣлью въ Выборгъ. Скоро и самъ Сванте Стуре явился въ Финляндію и въ Або въ присутствіи епископа и вельможъ принялъ присягу. Начальникъ Выборга, Эрикъ Туресонъ Бьельке, былъ назначенъ „неграниченнымъ владѣтелемъ Финляндіи и Оланда“ и ему дано было право вполнѣ самостоятельно управлять страной. Этимъ правомъ онъ воспользовался какъ нельзя лучше. Двумя трактатами (1504 и 1510 г.) онъ обезпечилъ на нѣкоторое время миръ съ Россіей; онъ поддерживалъ оживленныя сношенія съ Эстляндіей; наконецъ ему принадлежитъ первая мысль о соединеніи оз. Саймы съ моремъ посредствомъ канала—предпріятіе, которое было при немъ начато, но не могло быть доведено до конца.

Война съ Даніей опять возобновилась. Швецы нашли себѣ союзниковъ въ лицѣ норвежцевъ и жителей Любека; датчанъ поддерживалъ папа, который лишилъ Хемминга Гадла его священническаго сана и предалъ его проклятію; но гораздо важнѣе было то, что датскій флотъ оказался гораздо сильнѣе шведскаго. Датскіе военные корабли, подъ предводительствомъ отважныхъ моряковъ: Северина Норбю, Отто Руда и др., крейсировали около береговъ Швеции и Финляндіи и задерживали торговые суда. Въ 1507 г. Северинъ Норбю напалъ на Оландъ, захватилъ Кастельхольмъ и страшно раззорилъ всю страну. Черезъ два года датчане подъ начальствомъ Отто Руда внезапно напали на Або; жителей частію перебили, частію увели въ плѣнъ, разграбили соборъ и городъ и увезли съ собою богатую добычу. Черезъ нѣсколько недѣль такимъ-же образомъ были опустошены финляндскія шхеры и побережье Рослагена. Наконецъ, въ августѣ 1509 г. заключенъ миръ, по которому Швеція обязалась ежегодно выплачивать королю Гансу 1200 марокъ и 1000 мар. его женѣ, королевѣ Христинѣ, до тѣхъ поръ, пока шведы не признаютъ его или его сына Христіана своимъ королемъ.

Однако этотъ миръ былъ непроченъ. Черезъ годъ шведы въ союзъ съ ганзейскими городами возобновили войну, которая велась съ переменнымъ счастьемъ. Между тѣмъ, народъ очень тяготился постоянной войной. Жители нѣкоторыхъ погостовъ Оланда, когда отъ нихъ потребовали уплаты налоговъ, заявили,

что налогъ у нихъ собранъ, но они не внесутъ его до тѣхъ поръ, пока Сванте Стуре или даже самъ «всемиловѣйшій» король Гансъ не придутъ къ нимъ на помощь со своимъ войскомъ. Недовольство сказывалось и въ другихъ слояхъ населенія, и естественнымъ слѣдствіемъ его было то, что всѣ начали опять думать о возобновленіи уніи.

Положеніе Сванте Стуре становилось все болѣе ненадежнымъ. Эрикъ Туресонъ Бьельке, одинъ изъ самыхъ видныхъ представителей національной партіи, теперь открыто выступилъ противникомъ Сванте Стуре. Къ 1511 году совѣтъ потребовалъ, чтобы правитель сложилъ съ себя власть; но Стуре отказался; готовая вспыхнуть междоусобная война была устранена внезапной смертью Сванте Стуре (1512 г.). Государственный совѣтъ на съѣздѣ въ Арбога избралъ правителемъ государства одного изъ самыхъ ярыхъ уніонистовъ, Эрика Тролле. Но сынъ Сванте Стуре, Стенъ Стуре младшій, овладѣлъ большинствомъ замковъ и успѣлъ привлечь на свою сторону народъ, такъ что на съѣздѣ въ Стокгольмѣ въ 1512 г. получилъ подавляющее большинство голосовъ и былъ провозглашенъ правителемъ государства. Спустя нѣсколько мѣсяцевъ, онъ уже былъ въ Финляндіи, гдѣ шла противъ него дѣятельная агитація со стороны уніонистовъ. Несмотря на это, население вездѣ встрѣчало его самымъ дружелюбнымъ образомъ. Стенъ Стуре разобралъ множество жалобъ на должностныхъ лицъ и назначилъ одного изъ своихъ приверженцевъ, Тенне Эриксона Тотта, начальникомъ Выборга и Нишлота. Въ слѣдующемъ году онъ опять посѣтилъ Финляндію, имѣя въ виду главнымъ образомъ ускорить ходъ переговоровъ съ Россіей. Въ Москву было отправлено посольство, которому удалось достигъ подтвержденія перемирія, заключеннаго въ 1510 г.; проведеніе границъ опять было отложено до 1518 г.

Между тѣмъ, со стороны Дании угрожала новая опасность. Въ 1513 г. умеръ король Гансъ, и престолъ перешелъ къ его сыну Христіану (1513—23). Одною изъ главныхъ задачъ его было смирить непокорныхъ шведовъ. Усерднаго исполнителя своихъ плановъ онъ нашелъ въ Густавѣ Эриксонѣ Тролле, который около этого времени назначенъ былъ архіепископомъ Швеціи. Тролле отказался признать Стена Стуре правителемъ государства и былъ осажденъ послѣднимъ въ своемъ крѣпкомъ замкѣ; несмотря на помощь Христіана, замокъ былъ взятъ и архіепископъ низложенъ. Второй походъ 1518 г. былъ также неудаченъ. Черезъ два года Христіанъ въ третій разъ вступилъ

въ предѣлы Швеціи во главѣ сильнаго войска. Стенъ Стуре встрѣтилъ его при Осунденѣ; здѣсь произошла битва, въ которой Стенъ Стуре былъ разбитъ и смертельно раненъ.

При дальнѣйшемъ движеніи датчане не встрѣтили почти никакого сопротивленія. Въ мартѣ 1520 г. въ Упсалѣ государственный совѣтъ Швеціи отъ имени всего народа призналъ Христіана королемъ. Вскорѣ послѣ этого палъ Стокгольмъ, находившійся подъ командою вдовы Стенъ Стуре, мужественной Христины Юлленшерна, которая стояла тогда во главѣ національной партіи. Въ капитуляціонный актъ Христина включила вѣрнѣйшихъ изъ своихъ финляндскихъ друзей: епископа Арвида Курка, Тэнне Эриксона Тотта, Оке Ерансона Тотта и Нильса Эскильсона Банера.

Въ Финляндію посланъ былъ Хёммингъ Гаддъ, долгое время прожившій въ плѣну у датчанъ и изъ противника уніи превратившійся въ ея приверженца. Ему удалось, хотя и съ большимъ трудомъ, заставить владѣтелей финляндскихъ замковъ покориться королю; послѣ этого почти во всѣ замки были назначены начальниками лица датскаго или нѣмецкаго происхожденія.

Теперь Христіану оставалось только окончательно раздѣлаться со шведскими патріотами. По жалобѣ Густава Тролле, но безъ всякаго предварительнаго слѣдствія и суда, 7 ноября 1520 г. въ Стокгольмѣ было арестовано множество свѣтскихъ и духовныхъ сановниковъ, бургомистровъ, членовъ совѣта и простыхъ гражданъ. На слѣдующій день всѣ они, числомъ 82, были казнены на главной площади Стокгольма. Послѣ этой казни, получившей названіе «Стокгольмской кровавой бани», такія же жестокости стали производиться и въ провинціи, въ томъ числѣ и въ Финляндіи. Въ ноябрѣ 1520 года были обезглавлены: Оке Ерансонъ Тоттъ, Нильсъ Банеръ и Хёммингъ Гаддъ. Епископъ Арвидъ Куркъ заблаговременно успѣшилъ изъяснить свою покорность королю, и его пощадили. Христіанъ благодарилъ Курка и государственный совѣтъ Финляндіи за вѣрность и убѣждалъ ихъ держать въ повиновеніи народъ и не допускать его переходить на сторону Густава Эриксона. Самъ онъ обѣщалъ скорѣ явиться въ Швецію съ большимъ войскомъ, чтобы поддержать своихъ друзей и наказать бунтовщиковъ. Этими словами онъ намекалъ на то движеніе, которое уже началось въ Швеціи по инициативѣ Густава Эриксона Вазы и которое скоро привело къ паденію владычества датчанъ.

V.

Внутренній бытъ Финляндіи въ католическую эпоху.

Заселеніе Финляндіи шло вдоль берега моря, по рѣкамъ и озерамъ. Самыми древними поселеніями являются побережья Ладожскаго озера, долины рѣкъ Vuoksi, Aura, Kokemäki и окрестности озера Vanaaja (Vänä).

Въ началѣ XIV ст. граница населенной территоріи началась отъ р. Kokemäki и шла черезъ погосты Vesilahti, Pälkäne, Padasjoki и Sysmä въ область Suursavo (теперь С. Михель). Отъ устья р. Kokemäki шла узкая полоса населенной земли вдоль Ботническаго залива къ р. Торнео, и оттуда далѣе къ Вестерботніи.

Въ серединѣ слѣдующаго столѣтія финская колонизація еще весьма мало подвинулась впередъ. Самымъ сѣвернымъ погостомъ Тавастландіи былъ тогда Jämsä, первое упоминаніе о которомъ мы находимъ подъ 1449 г., но и онъ былъ еще маленькимъ поселкомъ, за которымъ начиналась пустыня.

Savo была карельской колоніей. Археологическіе раскопки доказали, что на берегахъ оз. Саймы, на мѣстѣ нынѣшняго С. Михеля, уже въ 1100 г. было довольно многочисленное населеніе. Крестовый походъ Тургильса Кнутсона принудилъ многихъ жителей Карелии къ переселенію въ дѣвственные пустыни Savo. Географическія названія ясно свидѣлствуютъ о томъ, что люди, поселившіеся въ Savo, пришли изъ карельскихъ областей, прилегающихъ къ Ладожскому озеру и рѣкѣ Вуоксѣ. Имя Savo въ первый разъ встрѣчается въ Орѣховскомъ мирномъ трактатѣ.

Это былъ одинъ изъ тѣхъ Западно-Карельскихъ округовъ, которые тогда принадлежали Швеціи. Вначалѣ вся эта область составляла одну церковную округу; въ качествѣ таковой она первый разъ упоминается въ 1329 г. подъ именемъ Savilax. Позднѣе это названіе измѣнено въ Suursavo (большой Savo) и эта округа раздѣлилась на два меньшихъ Juva (1442 г.) и Sääminki (1447 г.).

О заселеніи Эстерботніи, въ которомъ принимали участіе карели, тавасты и шведы, было говорено выше.

Количество населенія Финляндіи въ описываемую эпоху можно опредѣлить лишь приблизительно. Въ 1500 г. оно составляло, какъ полагаютъ, около 200.000 душъ. Такой сравнительно ничтожный приростъ объясняется главнымъ обра-

БИБЛИОТЕКА ИЗБРАННЫХЪ СОЧИНЕНІЙ ПО ИСТОРИИ НАРОДОВЪ.

Приложеніе къ журналу „Вѣстникъ Всемирной Исторіи“.

Проф. РОБЕРТЪ К. ДУГЛАСЪ.

Исторія Китая.

ПЕРЕВОДЪ СЪ АНГЛІЙСКАГО

В. Л. Батурина.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

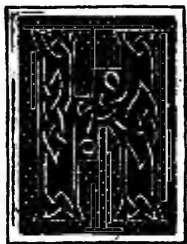
Столичная типографія. Гороховая, 12 (уг. В. Морской).

1901.

Исторія Китая.

ГЛАВА I.

Древняя исторія Китайской имперіи.

Изъ всѣхъ великихъ имперій древности лишь одному Китаю удалось сохранить свое существованіе, вопреки разрушительному вліянію времени и нападеніямъ враговъ. Въ то время, какъ древнія имперіи Египта, Вавилоніи и Ассиріи послѣ краткаго процвѣтанія распались Китай сохранилъ свое положеніе въ восточномъ мірѣ и границы его владѣній скорѣе расширились, чѣмъ сократились.

Наиболѣе раннія изъ существующихъ лѣтописей, относящихся къ исторіи Китая, описываютъ китайцевъ какъ небольшое племя колонистовъ, населявшихъ плодородныя пространства сѣверо-восточнаго Китая вблизи Желтой рѣки. По мѣрѣ того, какъ колонисты эти упрочивали свое государство и вырабатывали окончательную форму правительства, они отѣсняли туземныя племена, первоначально окружавшія ихъ, и распространяли свое владычество на области, лежавшія на западъ и югъ отъ первоначальнаго мѣста ихъ поселенія. Новообразовавшееся государство начало съ теченіемъ времени устраивать колоніи въ другихъ областяхъ и руководясь тѣми методами, какіе можно и теперь наблюдать въ сношеніяхъ китайцевъ съ манджурами и монголами, сначала дѣлало эти колоніи центрами китайскаго вліянія, а вслѣдъ затѣмъ — базами, на которыхъ строилась имперія. Подвигаясь постепенно все дальше, китайцы въ III ст. до Р. Х. пересѣкли Янгъ-Тси-Кіангъ по направленію къ югу и вслѣдъ затѣмъ, присоединяя область

за областью, основали имперію, какой мы не знаемъ въ настоящее время.

Втеченіе всей своей исторіи китайцы показали ясно выраженную способность къ поглощенію сосѣднихъ территорий, причемъ почти всегда это поглощеніе производилось путемъ мирнаго поселенія въ сосѣднихъ областяхъ и лишь въ рѣдкихъ случаяхъ путемъ нашествія и завоеванія. Китайцы вовсе не обладаютъ характеристическими чертами войнолюбивыхъ расъ и обязаны своимъ торжествомъ надъ менѣе культурными племенами скорѣе мирному поступательному движенію впередъ, чѣмъ силѣ оружія.

Сказанія древнихъ китайскихъ лѣтописцевъ убѣждаютъ насъ, что китайцы почти во всѣхъ отношеніяхъ рѣзко отличались отъ тѣхъ племенъ, которыя окружали ихъ въ началѣ образованія имперіи. Поэтому невольно рождается вопросъ о происхожденіи китайцевъ и мѣстѣ ихъ первоначальной родины. Вопросъ этотъ вызвалъ много гипотезъ. Нѣкоторые ученые высказывали предположеніе, что китайцы переселились изъ равнинъ Сеннара, другіе, что они являются колоніей Египта, наконецъ, нѣкоторые отождествляли ихъ со скивами. Всѣ эти предположенія, однако, не имѣютъ за собой никакихъ серьезныхъ обоснованій, и честь установленія болѣе или менѣе вѣроятной и научно-обоснованной теоріи происхожденія китайцевъ всецѣло принадлежитъ покойному профессору Террьень-де-Лякупери, который высказалъ предположеніе, что китайцы эмигрировали на Востокъ приблизительно въ XXIII ст. до Р. Х. изъ областей, лежащихъ на югъ отъ Каспійскаго моря. Въ подтвержденіе своей теоріи профессоръ Террьень-де-Лякупери указалъ на близкое сродство многихъ нисменныхъ начертаній древнихъ аккадійцевъ и китайцевъ, а также на замѣтное сходство общественныхъ и научныхъ учреждений и религіозныхъ вѣрованій этихъ двухъ народовъ. Въ двѣнадцати пастыряхъ, между которыми императоръ Яо (2085—2004 до Р. Х.) раздѣлил имперію, де-Лякупери видитъ отголосокъ преданія о двѣнадцати князьяхъ-пастыряхъ древней Сузіаны. По поводу познаній древнихъ китайцевъ въ области астрономіи и медицины онъ указываетъ на положеніе этихъ наукъ въ Месопотаміи; наконецъ онъ обращаетъ вниманіе на тотъ знаменательный фактъ, что новѣйшія раскопки въ Вавилоніи выяснили необычайное сходство каналовъ и водныхъ сообщеній Китая съ каналами, пересекавшими всю Вавилонію, и которые являлись такой же характеристичной

чертой этой страны, какую представляют каналы современного Китая.

Многолюдныя переселенія не представляют особенной рѣдкости въ исторіи азіатскихъ народовъ: не далѣе какъ въ концѣ прошлаго столѣтія 600.000 калмыковъ переселились изъ пограничныхъ областей Россіи въ предѣлы Китая. Это переселеніе можетъ служить характернымъ образчикомъ тѣхъ массовыхъ передвиженій, какія постоянно имѣли мѣсто среди народовъ, населявшихъ Азію. Чума, голодъ, политическія смуты оказывали вліяніе на эти постоянныя перемѣнныя мѣста жительства среди племенъ и націй Востока; поэтому нѣтъ ничего невѣроятнаго и въ вышеприведенномъ предположеніи о переселеніи китайскихъ племенъ изъ Месопотаміи на берега Желтой рѣки.

Ограничиваясь вышеприведеннымъ, мы не будемъ подробно разсматривать вопроса о первоначальной родинѣ китайскаго народа, такъ какъ въ настоящемъ трудѣ мы главнымъ образомъ займемся тѣми періодами китайской исторіи, которыя наступили вслѣдъ за переселеніемъ этого племени въ Китай; поэтому для настоящаго краткаго очерка древней исторіи Китая мы воспользуемся лишь преданіями, заключенными въ древнихъ лѣтописяхъ китайскаго народа.

Сказанія туземныхъ историковъ объ историческихъ судьбахъ ихъ племени относятся къ такому древнему періоду, передъ которымъ блѣднѣетъ древность Египта или Халдеи и хотя эти сказанія покоятся лишь на баснословныхъ преданіяхъ, тѣмъ не менѣе въ нихъ сохранились кое-какія достовѣрныя фактическія данныя. Вождемъ китайскаго народа въ древности, подобно древнимъ вождямъ другихъ расъ, лѣтописцы приписываютъ почти божескую мудрость и силу. Одному изъ древнѣйшихъ вождей, Фуши, приписывается изобрѣтеніе шести классовъ письменнаго алфавита, установленіе законовъ о бракѣ и, наконецъ, изобрѣтеніе знаменитыхъ восьми «діаграммъ», послужившихъ, по общему мнѣнію, основаніемъ извѣстной «Книги Новолуній». Его наслѣднику, Шеннунгу, приписывается обученіе китайскаго народа начаткамъ агрикультуры, установленіе публичныхъ базаровъ и открытіе цѣлебныхъ свойствъ нѣкоторыхъ травъ. На древнихъ портретахъ этотъ мудрецъ обыкновенно изображается жующимъ длинный стебель какого-то злака, причемъ, судя по выраженію фізіономіи мудреца, злакъ этотъ, каковы-бы ни были его цѣлебныя свойства, не отличается особенно пріятнымъ

вкусомъ. Вслѣдъ за Шеннунгомъ на китайскій престолъ вступилъ Хванти (въ 2332 г. до Р. Х.). Его царствованіе, подобно царствованіямъ его предшественниковъ, было очень продолжительно и, если вѣрить лѣтописямъ, тянулось болѣе столѣтія. Согласно преданіямъ, онъ обучилъ китайцевъ производству полезныхъ вещей изъ дерева, глины и металловъ, а также изобрѣлъ методъ денежнаго обращенія. Профессоръ Терріенъ-де-Лякупери находитъ большое сходство между его именемъ (Най-Хванти) и именемъ Накхунте, извѣстнаго въ исторіи эламитовъ, причемъ, по мнѣнію Лякупери, Хванти—лицо мифическое, и императоръ съ такимъ именемъ никогда не царствовалъ въ Китаѣ. Какъ бы то ни было, туземные историки очень много распространяются о его мудрости и добродѣтеляхъ.

Со вступленіемъ на престолъ императора Яо (2085—2004 до Р. Х.) заканчиваются легендарныя главы исторіи Китая, такъ какъ о дальнѣйшей эпохѣ мы имѣемъ повѣствованія Конфуція. Этотъ мудрецъ называетъ императора Яо «хорошо-освѣдомленнымъ, разумнымъ, образованнымъ и глубокомысленнымъ». Онъ упраздлъ «черноволосой расой» съ «почти божественной мудростью» и подъ его кроткимъ управленіемъ границы имперіи расширились отъ 23° до 40° на сѣверъ и отъ 6° на западъ отъ Пекина до 10° къ востоку. Когда же Яо сдѣлался «гостемъ неба» или по просту умеръ, его мѣсто занялъ Шунъ, царствованіе котораго было ознаменовано сильнымъ наводненіемъ (которое впослѣдствіи іезуитскіе миссіонеры смѣшивали съ всемірнымъ потопомъ), Наводненіе это причинило большіе ущербы благосостоянію многихъ провинцій Китая. Несмотря на авторитетъ іезуитскихъ миссіонеровъ, мы смѣемъ думать, что наводненіе это было результатомъ одного изъ тѣхъ разлитій Желтой рѣки, которыя періодически опустошаютъ области, лежащія по ея берегамъ. Во время этого наводненія высокопоставленному чиновнику Ю была ввѣрена важная государственная задача—направить воды разлившейся рѣки въ ихъ первоначальное русло. Его труды, по словамъ лѣтописцевъ, продолжались свыше 9-ти лѣтъ, причемъ онъ былъ такъ погруженъ въ рѣшеніе этой многотрудной задачи, что трижды прошелъ мимо дверей своего дома, не замѣчая ихъ. Труды его были щедро вознаграждены, такъ какъ по смерти Шуна Ю былъ избранъ на китайскій престолъ и сдѣлался первымъ императоромъ Хсійской династіи (1954—1687 до Р. Х.). Царство-

ваніе Ію замѣчательно, между прочимъ, тѣмъ, что этотъ монархъ раздѣлилъ имперію на 9-ть провинцій, вмѣсто прежде бывшихъ 11-ти, каковой его административный подвигъ былъ выгравированъ въ назиданіе потомству на 9-ти мѣдныхъ сосудахъ. Помимо этого, въ воздаяніе его заслугъ отечеству и благодарній, оказанныхъ имъ его подданнымъ, на горѣ Хенгъ былъ воздвигнутъ въ честь его каменный монументъ, съ высѣченнымъ на немъ надписаніемъ.

Ію наслѣдовали одинъ за другимъ шестнадцать монарховъ, но, какъ это часто наблюдается не только въ Китаѣ, а и въ другихъ восточныхъ странахъ, наслѣдники представляли печальное зрѣлище ностепеннаго ниспаденія съ того высокаго моральнаго положенія, которое занималъ основатель династіи. Настойчивость, соединенная съ чистотой характера, являвшаяся отличительной чертой Ію и снискавшая ему похвалы историковъ, не воодушевляла болѣе его недостойныхъ наслѣдниковъ. Распущенность и жестокость усиливались съ каждымъ новымъ монархомъ, пока, наконецъ, всѣ худшія страсти предшественниковъ не нашли себѣ выраженія въ характерѣ и поведеніи императора Чигъ-Квеи (царствовавшего отъ 1739 до 1687 до Р. Х.). Согласно традиціоннымъ преданіямъ древнихъ китайцевъ, которыхъ въ данномъ случаѣ поддерживалъ авторитетъ философа Менсіуса, возстаніе является прямой обязанностью народа, когда монархъ дѣйствуетъ вопреки божественнымъ законамъ. Такой кризисъ и наступилъ въ исторіи Китая. Открытымъ угнетеніемъ народа, а также нападеніемъ на жизнь и имущество своихъ подданныхъ Чигъ-Квеи поставилъ себя внѣ закона. Подданные его единодушно возстали подъ предводительствомъ нѣкоего Танга, носившаго названіе «Совершеннаго». Тангъ оправдалъ это названіе, низложивъ Чигъ-Квеи, и объявилъ себя «милостію Божіей» императоромъ Китая.

Исторія династіи Шангъ или Енъ, какъ ее иначе называютъ, является въ сущности повтореніемъ исторіи Хсїйской династіи. Благородныя побужденія, вложившія императорскій скипетръ въ руки Танга, мало-по-малу исчезаютъ въ лицѣ тѣхъ 28 императоровъ, которые одинъ за другимъ наслѣдовали ему. Правда, историки дѣлаютъ лестныя исключенія въ пользу немногихъ изъ наслѣдниковъ Танга, но въ общемъ династія эта быстро клонилась къ упадку, и императоръ Чоу-Синъ, подобно Чигъ-Квеи, привелъ ее своими пороками и преступленіями къ паденію. „Безумная расточительность,— го-

ворить историкъ,—неудержимое сладострастіе и свирѣпая жестокость являлись главными изъ его пороковъ. Онъ, чтобы доставить удовольствіе своей порочной наложницѣ Таки, построилъ безчисленные дворцы и увеселительные сады, въ которыхъ практиковались самыя разнузданныя стороны распутства“. Одинъ изъ знаменитыхъ государственныхъ людей того времени такъ характеризуетъ положеніе вещей въ Китаѣ въ царствованіе Чоу-Сина: «домъ Ена не можетъ болѣе владычествовать надъ всѣми предѣлами имперіи. Великія дѣла его основателя до сихъ поръ сіяютъ въ исторіи, но мы, его потомки, погрязшіе въ пьянствѣ, разрушили въ настоящее время вліяніе добродѣтелей великаго основателя династіи. Члены дома Ена, не взирая на степень занимаемыхъ ими должностей, предались разбою на большихъ дорогахъ, мошенничеству и измѣнѣ. Дворяне и офицеры подражаютъ одинъ другому въ нарушеніи законовъ. Злодѣи не получаютъ должнаго возмездія, а народъ волнуется и предается междоусобнымъ мятежамъ. Династія Ена находится на краю гибели. Ея положеніе можно сравнить съ положеніемъ человѣка, переходящаго рѣку и не могущаго найти ни брода, ни береговъ».

Чоу-Синъ остался глухъ ко всѣмъ увѣщаніямъ его министровъ и въ разговорѣ (приводимомъ Конфуціемъ) съ однимъ высокопоставленнымъ чиновникомъ заявилъ, что онъ въ качествѣ императора «находится подъ верховнымъ покровительствомъ небесъ». — «Твои безчисленныя преступленія,—отвѣтилъ чиновникъ,—также записаны въ небесахъ. Какъ же ты осмѣливаешься говорить о покровительствѣ неба? Династія Ена погибнетъ. Твои дѣянія могутъ повести лишь къ разрушенію государства». Это предсказаніе вскорѣ исполнилось. Въ лицѣ такъ наз. «Храбраго Принца» явился предводитель возстанія, который низвергнулъ императора съ трона и понудилъ его прибѣгнуть къ самоубійству. Несмотря на то, что этотъ поступокъ «Храбраго Принца» имѣетъ всѣ признаки революціоннаго дѣянія, онъ тѣмъ не менѣе не противорѣчитъ правиламъ китайской морали и находитъ горячаго защитника въ лицѣ философа Менсіуса. «Всякій, оскорбляющій милосердіе, говоритъ этотъ мудрецъ,—именуется злодѣемъ; оскорбляющій честность именуется негодяемъ. Какое уваженіе мы можемъ питать къ злодѣю или негодяю? Поэтому я могу сказать, что слыхалъ объ умерщвленіи какого-то негодяя Чоу, но я ничего не слыхалъ объ умерщвленіи императора».

Слѣдуя обычному примѣру удачливыхъ предводителей возстанія, «Храбрый Принцъ» взялъ въ свои руки скипетръ имперіи, при полномъ одобреніи народа. Всѣ кнѣзья и историки, включая Конфуція, отзываются съ высочайшей похвалой объ управленіи этого узурпатора, который, если вѣрить историкамъ, былъ щедро надѣленъ всѣми добродѣтелями, долженствующими украшать императора. Во время его царствованія въ Китай прибыли посольства отъ королей Кореи, Кокингины и другихъ отдаленныхъ государствъ. Новый императоръ былъ неизмѣнно счастливъ въ своихъ воинственныхъ походахъ и оставилъ своимъ наслѣдникамъ имперію, границы которой внушали почтеніе врагамъ и возбуждали зависть союзниковъ. Къ счастью для государства, слѣдовавшіе за „Храбрымъ Принцемъ“ два или три императора подражали примѣру своего великаго предшественника. Они скрѣпили имперію и заботились о лояльности и вѣрной службѣ феодальныхъ областей. Исторіи нечего дѣлать съ большинствомъ дальнѣйшихъ правителей изъ дома Чоу, какъ названа была новая династія. Единственнымъ правителемъ, обращающимъ на себя вниманіе, является Му-Вангъ (1001—946 до Р. Х.), такъ какъ нѣкоторые его дѣянія невольно вызываютъ размышленіе историка. Его обвиняютъ въ введеніи системы оплаты преступленій штрафами, благодаря чему развилось то ужасающее взяточничество и подкупность, которыя такъ вредно повліяли на нравственность какъ самого народа, такъ равно и его правителей. Вмѣстѣ съ тѣмъ историки рассказываютъ объ успѣшныхъ войнахъ, которыя велись въ царствованіе Му-Ванга на восточной границѣ имперіи. Войны эти повели даже къ созданію легенды о походѣ Му-Ванга къ мифическому «Алмазному озеру», гдѣ его съ почетомъ принимала не менѣе мифическая «Царственная Мать Востока», доставившая, по сказаніямъ лѣтописцевъ, своему гостю всѣ наслажденія мусульманскаго рая.

Для того, чтобы правильно понимать положеніе страны въ этотъ періодъ, необходимо помнить, что тогдашняя Китайская имперія состояла изъ группы областей, каждая изъ которыхъ имѣла собственнаго правителя и была, подобно многимъ современнымъ восточнымъ княжествамъ, лишь въ очень незначительномъ и неопредѣленномъ подчиненіи главенствующему королевству Чоу. Никакія патріотическія узы не связывали этихъ феодальныхъ правителей съ ихъ верховнымъ вождемъ, и его господство надъ ними основывалось исключи-

тельно на грубой силѣ. Вслѣдствіе этого всякій признак слабости съ его стороны служилъ сигналомъ къ возстанію наиболѣе безпокойныхъ феодальныхъ правителей. По мѣрѣ того какъ королевство Чоу теряло богатство и вліяніе, возстанія наиболѣе честолюбивыхъ феодальныхъ правителей все учащались и принимали все болѣе и болѣе угрожающій характеръ. Страна была въ постоянномъ волненіи, благодаря междоусобнымъ ссорамъ феодальныхъ владѣтелей и мятежамъ. Философъ Менсіу съ слѣдующимъ образомъ описываетъ тогдашнее положеніе Китая: «Пищевые запасы истреблены и голодающіе не находятъ пищи. Люди, не смѣя взглянуть другъ на друга, шепчутъ проклятія, и народъ устремляется на путь порока. Въ то-же время императорскіе указы нарушаются, народъ угнетенъ, запасы пищи и напитковъ исчезаютъ съ быстротой весеннихъ водъ. Нѣкоторые правители отдаются на волю стремительнаго потока, другіе пытаются бороться съ нимъ. Они обезумѣли и погибаютъ. Если можно найти оправданіе тѣмъ, которые снисходительно относятся къ порокамъ правителей, то вина тѣхъ, которые всячески помогаютъ развитію этихъ пороковъ,—велика и непростима. А между тѣмъ, всѣ высокіе вельможи въ настоящее время виновны въ этомъ, и я могу сказать, что они совершаютъ преступленіе противъ своихъ правителей. Нѣтъ болѣе мудрыхъ императоровъ, и правители областей безпрепятственно предаются порокамъ. Скотные дворы ихъ переполнены тучными животными, конюшни ихъ не вмѣщаютъ откормленныхъ лошадей, а народъ въ это время голодаетъ и поля усыяны трупами погибшихъ отъ голода. Поступать такъ, значить утучнять животныхъ за счетъ умирающаго отъ голода народа».

Когда страна находилась въ этомъ положеніи, такъ наглядно изображенномъ Менсіусомъ, родился *Конфуцій*. Мы не будемъ останавливаться на легендарныхъ сказаніяхъ о его рожденіи и первыхъ годахъ жизни и лишь вкратцѣ рассмотримъ политическое вліяніе Конфуція. Для изслѣдователей исторіи Китая вліяніе это кажется совершенно несоотвѣтствующимъ значенію проповѣди этого мудреца и убѣдительной силѣ его ученія. Конфуцій засталъ имперію потрясаемой мятежами и предательствомъ и вѣрилъ, что его задача—возвратить императора и народъ къ тому положенію вещей, которое существовало, когда Лю правилъ «согласно велѣніямъ неба» и «Храбрый Принцъ» былъ мудрымъ патріархомъ народа. Постоянной темой его проповѣдей была добродѣтель

древнихъ мудрецовъ и единственной панацеей противъ всѣхъ политическихъ золъ, служило возвращеніе къ традиціоннымъ добродѣтелямъ этихъ великихъ мужей древности. Конфуцію нерѣдко приходилось подвергаться насмѣшкамъ со стороны областныхъ правителей и мелкихъ князьковъ, и онъ пользовался нѣкоторымъ успѣхомъ лишь тогда, когда его вліяніе требовалось для поддержки кого-либо изъ нихъ. Лишь послѣ смерти Конфуція народъ призналъ его однимъ изъ великихъ вождей человѣчества и втеченіе послѣдовавшихъ затѣмъ 23-хъ столѣтій его ученіе было путеводною звѣздой китайскаго народа.

Конфуцій громко обличалъ царившую въ странѣ анархію. Его біографы рассказываютъ характерный эпизодъ, иллюстрирующий отношеніе Конфуція къ тогдашнему положенію вещей въ Китаѣ. Однажды, когда Конфуцій путешествовалъ, направляясь изъ своей родной области въ область Чи, онъ замѣтилъ женщину, горько плакавшую надъ могилой при дорогѣ. Конфуцій, тронутый ея скорбью, послалъ одного изъ своихъ учениковъ къ ней—разузнать о причинахъ ея рыданій.

— Почему ты плачешь такъ горько,—спросилъ ученикъ женщину,—какъ будто на тебя обрушились всѣ несчастія?

— Мой тестъ,—отвѣтила женщина,—былъ убитъ тигромъ, вслѣдъ за нимъ тигръ убилъ моего мужа, а теперь та-же судьба постигла моего сына.

— Но почему-же ты не переселишься въ какую-либо другую мѣстность?—спросилъ подошедшій Конфуцій.

— Потому, что здѣсь правительство отличается милосердіемъ,—отвѣтила женщина.

— Помните это, дѣти,—сказалъ Конфуцій, обращаясь къ своимъ ученикамъ,—деспотическое правительство хуже лютаго тигра.

Несмотря, однако, на предупрежденіе Конфуція и на философскую проповѣдь Лао-Тси, основателя таоизма, безпорядки въ странѣ все усиливались, и вскорѣ туземные мудрецы начали указывать на «знаменія», предрекавшія паденіе династїи Чоу. Мѣдные сосуды, воздвигнутые въ царствованіе Ю, сотрясались, какъ-бы предсказывая политическую катастрофу; голодъ и эпидемїи свирѣпствовали въ странѣ. Въ виду этихъ зловѣщихъ предзнаменованій сердца людей сжимались отъ ужаса. Словомъ, положеніе вещей было таково, что всякій честолюбивый вождь могъ рассчитывать на успѣхъ. Такимъ вождемъ оказался глава династїи Чинъ, который объявилъ

войну императорской области, находившейся на краю гибели. Послѣ цѣлаго ряда побѣдъ онъ, по праву побѣдителя, занялъ императорскій престолъ и явился первымъ императоромъ изъ недолговѣчной династіи Чинь. Однако, ни самъ основатель династіи, ни слѣдовавшіе за нимъ два императора не блистали дарованіями, и лишь вступившему вслѣдъ за ними на престолъ императору Шихъ-Хванти династія Чина обязана тѣмъ, что она совсѣмъ не исчезла въ пропасти забвенія, никѣмъ не оплакиваемая и не воспѣтая. Упомянутые нами выше три императора не обладали ни даромъ инициативы, ни энергіей, что нельзя сказать о Шихъ-Хванти.

Вредныя стороны феодальной системы давно были очевидны, но до тѣхъ поръ не находилось смѣльчака, который рѣшился-бы нарушить древнія историческія традиціи и реформировать способы управленія страной. Шихъ-Хванти, приписывая всѣ несчастія, отъ которыхъ такъ долго страдала страна, древней системѣ управленія, рѣшилъ сразу покончить со всѣми проявленіями мелочной зависти между отдѣльными областями и укрѣпить имперію, объявивъ себя самодержавнымъ монархомъ.

Эта реформа встрѣтила рѣшительную оппозицію со стороны класса ученыхъ. Національное пристрастіе къ древнимъ обычаямъ, находившее себѣ опору въ ученіи и трудахъ Конфуція и его послѣдователей, было оскорблено суровыми мѣрами новаго императора. Ученые указывали на тѣ золотыя дни древности, когда «Храбрый Принцъ» и его ближайшіе потомки правили надъ федераціей областей и въ странѣ царили миръ и гармонія; они цитировали произведенія Конфуція въ доказательство блестящаго положенія страны въ ту эпоху. Эта оппозиція носила настолько серьезный характеръ, что императоръ, не любившій полумѣръ, рѣшился вырвать изъ рукъ своихъ противниковъ тѣ свидѣтельства древности, на которыя они постоянно ссылались въ борьбѣ съ нимъ. Шихъ-Хванти издалъ указъ, согласно которому всѣ литературныя произведенія, за исключеніемъ сочиненій, относящихся къ медицинѣ и предсказательной астрономіи, должны были подвергнуться немедленному истребленію. Благодаря широкому распространенію литературы, дословное выполненіе императорскаго указа оказалось невозможнымъ. Тѣмъ не менѣе, въ извѣстныхъ границахъ, онъ былъ приведенъ въ исполненіе, несмотря на энергическое сопротивленіе ученыхъ, многіе изъ которыхъ предпочитали лучше погибнуть на плахѣ, чѣмъ

предать пламени любимыя книги. Эта суровая мѣра возымѣла дѣйствіе, и начавшееся процвѣтаніе государства, вызванное новыми методами администраціи, снискало императору общую поддержку. Онъ ревностно принялся за улучшеніе матеріальнаго положенія страны и, понявъ политическую и коммерческую важность правильныхъ путей сообщенія между областями, провелъ по всей странѣ дороги, построилъ мосты надъ рѣками и вообще всячески заботился объ облегченіи способовъ передвиженія. Во время его царствованія татары постоянно угрожали сѣверной границѣ имперіи и Шихъ-Хванте, сознавая, что его подданные не менѣе чѣмъ въ развитіи внутренняго благосостоянія страны, нуждаются въ охраненіи отъ внѣшнихъ враговъ, воздвигнулъ Великую Стѣну, которая до настоящаго времени является памятникомъ энергической административной дѣятельности этого великаго монарха. Къ несчастью, его замѣститель на тронѣ не унаслѣдовалъ талантовъ своего отца, и въ кратковременное трехлѣтнее царствование этого послѣдняго представителя династіи Чинъ страна не только не сдѣлала ни шагу впередъ по пути скрѣпленія, но напротивъ была раздираема постоянными гражданскими войнами и сдѣлалась ареной разбойничества.

Въ этотъ періодъ китайской исторіи снова явился человѣкъ, оказавшійся на голову выше своихъ современниковъ. Историки династіи Ханъ рассказываютъ, что основатель ея, нѣкій Каоти, передъ отправленіемъ въ первое сраженіе счелъ нужнымъ, подобно Макбету, спросить совѣта у кудесника, который предрекъ ему грядущее величіе. Пророчество это исполнилось съ поразительной быстротой: Каоти сдѣлался первымъ императоромъ новой династіи, получившей названіе династіи Ханъ, по имени области, изъ которой происходилъ Каоти.

Время успѣло примирить всѣ классы народа съ уничтоженіемъ феодальныхъ областей, и новый императоръ рѣшилъ, что нѣтъ больше надобности въ преслѣдованіи произведеній древней національной литературы, тѣмъ болѣе, что ученые продолжали выказывать признаки недовольства. Съ ихъ вліяніемъ надо было считаться, и Каоти, рѣшивъ снискать ихъ симпатіи, отмѣнилъ указъ Шихъ-Хванти и разрѣшилъ розысканіе и возстановленіе древнихъ рукописей. Подъ его покровительствомъ ученые съ жаромъ принялись за симпатичную для нихъ работу розысканія уцѣлѣвшихъ списковъ произведеній древнихъ китайскихъ классиковъ и другихъ про-

изведеній литературы, уцѣлѣвшихъ во время погрома Шихъ-Хванти. Древняя литература, подобно фениксу, возродилась изъ пепла. Изъ различныхъ погребовъ и чердаковъ начали появляться манускрипты, владѣльцы которыхъ нерѣдко рисковали жизнью, ради спасенія этихъ драгоценностей. Историки рассказываютъ, что, помимо розысканія рукописей, ученымъ удалось записать нѣкоторые древніе тексты произведеній, манускрипты которыхъ погибли и которые сохранились лишь въ памяти немногихъ престарѣлыхъ представителей ученаго сословія. До извѣстной степени исправивъ разрушительную работу императора Шихъ-Хванти, Каоти слѣдовалъ его примѣру въ дѣлѣ улучшенія путей сообщенія, и инженерамъ его царствованія принадлежитъ честь изобрѣтенія и построенія первыхъ висячихъ мостовъ, какіе извѣстны въ исторіи строительнаго искусства.

Періоду царствованія династіи Хана китайцы отводятъ почетное мѣсто, какъ одному изъ самыхъ блестящихъ періодовъ китайской исторіи: если вы желаете назвать китайца наиболѣе ласкающимъ его ухо наименованіемъ, назовите его «сыномъ хана». Это можно въ значительной степени объяснить тѣмъ, что въ періодъ царствованія этой династіи началось замѣчательное возрожденіе литературы. Если самъ Каоти еще раздѣлялъ до извѣстной степени подозрѣнія Шихъ-Хванти относительно ученыхъ, его наслѣдники выказали болѣе правильный взглядъ на вещи и не щадили усилій для поддержанія литературнаго развитія націи. Литературное оживленіе не остановилось на реставраціи древнихъ текстовъ, но повело къ образованію новой литературной школы. Оживленіе это проявилось во всѣхъ областяхъ литературы и о его размѣрахъ можно судить по тому факту, что при вступленіи на престолъ Каоти (въ 206 г. до Р. Х.) изящная литература вовсе не существовала, а на зарѣ христіанской эры на полкахъ императорской бібліотеки уже находилось 3.123 труда классиковъ, 2.705 философскихъ произведеній и 1.383 произведенія, посвященныхъ поэзіи. Но имперія, помимо мирнаго литературнаго развитія, сдѣлала за этотъ періодъ гигантскіе шаги и въ другихъ направленіяхъ. Китай могъ похвалиться военными и дипломатическими успѣхами далеко за границами имперіи, въ малоизслѣдованныхъ областяхъ центральной Азіи. Китайскій посолъ Чангъ-Чинъ посѣтилъ (во II ст. до Р. Х.) Восточный Туркестанъ, а двумя столѣтіями позже китайская армія подъ предсѣдательствомъ генерала

Панъ-Чао дошла до Хотена и береговъ Каспійскаго моря. Не меньшими успѣхами пользовался Китай на югѣ и сѣверо-востоѣ: имъ были завоеваны Кохинхина и Лайотунгскій полуостровъ, обращенные въ ленныя владѣнія имперіи; въ то же время къ имперіи былъ присоединенъ Юннанъ.

Не менѣе важнымъ событіемъ этого періода китайской исторіи было *введеніе буддизма*. Историки рассказываютъ, что однажды ночью императоръ Мингти (А. Д. 58—76) имѣлъ видѣніе: духъ съ золотыми крыльями повелѣлъ ему послать посольство въ западныя страны для розысканія Будды, а также статуй, картинъ и книгъ, поясняющихъ ученіе этого святого мужа. Императоръ, не теряя времени, немедленно выполнилъ это приказаніе и выслалъ пословъ въ Индію, которые послѣ одиннадцатилѣтняго отсутствія привезли съ собою не только книги, статуи и различныя изображенія, но также и буддійскаго жреца. Вслѣдъ за этимъ пионеромъ буддизма вскорѣ явились другіе, которые съ поразительнымъ трудолюбіемъ занялись переводомъ санскритскихъ сутръ на китайскій языкъ.

Но всѣ эти культурныя и военныя заслуги не спасли династію отъ упадка, который является характерной чертой китайскихъ императорскихъ фамилій. Къ концу второго вѣка нашей эры начали обнаруживаться всѣ тѣ симптомы близкаго политическаго переворота, къ какимъ нація уже успѣла привыкнуть. Одновременно выдвинулись три вождя: въ областяхъ Шухъ, Вей и Ву. Царствовавшій тогда императоръ Хсіенти (190—221) не могъ удержать за собою престола и мало-душно удалился въ частную жизнь, представивъ имперію хищничеству трехъ соперниковъ. Вслѣдъ затѣмъ наступилъ періодъ междуусобныхъ войнъ, отличавшихся особенной жестокостью. Народъ, утомленный всѣми этими безпорядками и междуусобіями, съ радостью привѣтствовалъ вступленіе на престолъ новой династіи (265), получившей названіе династіи Западнаго Чина.

Буддизмъ, пользовавшійся до этого времени лишь незначительной поддержкой, нашелъ могущественныхъ покровителей въ императорахъ новой династіи. Къ этому періоду относится путешествіе китайскаго буддиста Фа-Хсіена, отправившагося въ Индію съ цѣлью посѣщенія мѣстностей, освященныхъ пребываніемъ Будды, и пріобрѣтенія тѣхъ каноническихъ буддистскихъ книгъ, какія еще оставались неизвѣстными въ Китаѣ. Послѣ четырнадцатилѣтняго отсутствія онъ

возвратился домой моремъ изъ Цейлона и привезъ цѣлую библіотеку книгъ, а также путевые дневники, написавъ съ помощью ихъ въ позднѣйшіе годы интересное повѣствованіе о своихъ путешествіяхъ, съ которыми европейскую публику познакомили блестящіе переводы Ремюза и Беаля.

Къ концу царствованія династіи Чинь въ имперіи опять возникли междоусобія и втеченіе 106 лѣтъ шесть областей боролись другъ съ другомъ за главенство. Вслѣдъ затѣмъ наступило кратковременное (около 30-ти лѣтъ) царствованіе новой династіи, среди императоровъ которой слѣдуетъ отмѣтить Ангти, выказавшаго похвальную энергію въ дѣлѣ построенія каналовъ въ восточныхъ и центральныхъ областяхъ имперіи. Эту недолговѣчную династію смѣнилъ домъ Танга, появленіе котораго на престолѣ имперіи открываетъ періодъ китайской исторіи, приравниваемой, благодаря расцвѣту литературы, къ вѣку Августа. Главной заботой императоровъ этого дома являлось возстановленіе во всей полнотѣ древнихъ вѣрованій и традицій, освященныхъ авторитетомъ Конфуція. Преслѣдуя эту задачу, многіе изъ императоровъ всячески выказывали свое отрицательное отношеніе къ иноземной религіи, занесенной въ Китай изъ Индіи. Къ этому времени въ различныхъ областяхъ страны успѣли возникнуть буддистскіе монастыри, и весьма вѣроятно, что они и тогда, какъ въ настоящую эпоху, нерѣдко служили гнѣздами измѣны и предательства. Какъ бы то ни было, извѣстно нѣсколько императорскихъ указовъ, въ которыхъ буддистскимъ монахамъ предписывалось оставить эти монастыри и возвратиться въ ряды мірянъ.

Какъ мы уже сказали выше, славой своей династія эта была обязана главнымъ образомъ развитію литературы, пышно развернувшейся подъ благожелательной опекой императоровъ. Произведенія многихъ поэтовъ, публицистовъ и историковъ того періода вызываютъ и теперь не меньшее восхищеніе ученыхъ и читателей, чѣмъ во время ихъ первоначальнаго появленія. Въ каждой библіотекѣ Китая можно найти «полное собраніе поэмъ и эпохи династіи Танга»; помимо этихъ поэтическихъ произведеній, многія произведенія изящной литературы той эпохи ставятся китайскими учеными, какъ образчики недосягаемаго искусства. Въ то-же время нація пользовалась на полѣ битвы успѣхами не меньшими, чѣмъ въ области литературы. Области Хамилъ, Тюрфанъ и Уйчуръ были съ большимъ искусствомъ присоединены къ владѣніямъ имперіи, и имя далекаго «Катая» сдѣлалось извѣстнымъ не только въ предѣлахъ западной Азіи, но, мало-по-малу, дошло и до Европы.

Римскіе папы, всегда стремившіеся къ расширенію сферы своего вліянія и пріобрѣтенію новыхъ прозелитовъ, воспользовались первымъ удобнымъ случаемъ для установленія сношеній съ Китаемъ. Ко двору китайскаго императора прибылъ папскій посоль, но, къ своему изумленію, нашелъ, что его предупредили несторіанскіе послы изъ Персіи и Непала. Несторіане раньше римскаго папы позаботились о посылкѣ въ Китай миссіонеровъ и хотя въ лѣтописяхъ осталось мало указаній, относящихся къ этому событію, тѣмъ не менѣе можно съ нѣкоторой увѣренностью сказать, что пропаганда несторіанъ имѣла значительный успѣхъ. Яркимъ свидѣтельствомъ этого является находящійся до настоящаго времени въ городѣ Хсіань-Фу монументъ, на которомъ высѣчена надпись, сообщающая объ этой первой попыткѣ введенія христіанства въ Китаѣ.

Съ теченіемъ времени, однако, внутреннія дѣла имперіи пришли въ то безпорядочное состояніе, которое сопровождается упадокъ династіи. Домъ Танга далъ Китаю двадцать-три императора, причемъ большинство изъ нихъ не отличалось особенной энергіей. Исключеніемъ въ этомъ отношеніи является императрица Ву, царствовавшая отъ 684 до 710 г. Она въ сущности была узурпаторшей, такъ какъ захватила престолъ, отстранивъ законнаго наслѣдника, но, благодаря ея мудрости и энергіи, страна на короткое время испытала періодъ мирнаго процвѣтанія.

Династія Танга, выказавшая, въ началѣ своего царствованія, широкую вѣротерпимость, съ теченіемъ времени начала не только преслѣдованіе христіанства, которое съ промежутками продолжается до настоящаго времени, но проявила суровую нетерпимость также по отношенію къ буддистамъ и магометанамъ.

Въ области литературы этого безпокойнаго періода китайской исторіи необходимо отмѣтить поэтовъ Ту-Фу и Ли-Тайпо, поэмы которыхъ, воспѣвающихъ вино и красоты природы, заслужили имъ безсмертіе, если не во всемірной литературѣ, то, по крайней мѣрѣ, въ предѣлахъ Срединнаго Царства.

Наконецъ, въ 907 г. императорскій домъ Танга со всѣми его славными и безславными дѣяніями отошелъ въ вѣчность и на смѣну ему выступило нѣсколько недолговѣчныхъ династій, единственной заслугой которыхъ было поддержаніе идеи единства имперій въ умахъ народа, вплоть до возвышенія дома Сунга въ 960 г.

Къ концу царствованія династіи Танга на границахъ имперіи явилось племя, которое впослѣдствіи оказало громадное вліяніе на судьбѣ Китая. Татары, уже раньше нападавшіе на сѣверныя области, собрали значительныя силы вступили въ южный Китай и подчинили своему владычеству области Китайской имперіи, лежащія на сѣверъ отъ рѣки Янгъ-Тси. Эти суровые завоеватели носили имя *китановъ*; имя это послужило къ образованію средневѣковаго названія Небесной имперіи— въ формѣ «*Катай*», а также въ болѣе близкой, доселѣ употребляемой въ Россіи формѣ — «Китай». Владычество этихъ номадовъ, однако, не отличалось продолжительностью: продержавшись около двухъ столѣтій, они уступили мѣсто своимъ соплеменникамъ, татарамъ племени Кинъ (предкамъ нынѣ царствующей династіи). Династіи Кинъ пришлось бороться за власть съ династіей Сунгъ.

Г л а в а II.

Династіи Юнгъ и Мингъ.

Въ то время какъ въ Китаѣ велась борьба между династіями Кинъ и Сунгъ, въ монгольскихъ степяхъ возникла новая сила, которая вскорѣ сокрушила обѣ борящіяся стороны. Въ сосѣдствѣ плоскогорій Каракорумъ, въ долинѣ Онона, въ это время подросталъ монгольскій вождь, которому было суждено въ близкомъ будущемъ сдѣлаться однимъ изъ могущественнѣйшихъ завоевателей. Чингизъ-ханъ по происхожденію не особенно возвышался надъ окружающей его средой, но уже съ юности блисталъ тѣми дарованіями, которыя дѣлаютъ людей вождями. Онъ въ юношескомъ возрастѣ былъ избранъ ханомъ своего племени и вскорѣ совершилъ нѣсколько удачныхъ походовъ противъ вождей сосѣднихъ племенъ. Покоривъ этихъ вождей и включивъ подданныя имъ племена въ составъ своей орды, Чингизъ-ханъ началъ подготавливаться къ болѣе серьезнымъ завоеваніямъ.

Область Хсіа, въ составъ которой входили теперешнія китайскія провинціи Кансу и Шенси, хотя и не отличалась особеннымъ плодородіемъ, но, по сравненію съ холодными и безплодными степями Монголіи, могла быть названа страной, текущей молокомъ и медомъ. Суровые воины Чингизъ-хана безъ особенныхъ затрудненій покорили эту страну, а вслѣдъ затѣмъ напали на территорію, находившуюся подъ управленіемъ династіи Кинъ (1211). Этотъ походъ увѣнчался лишь

частичнымъ успѣхомъ, и Чингизъ-ханъ ретировался въ ханскую ставку на рѣкѣ Ононѣ, чтобы собрать свѣжія войска для новаго похода. Два года спустя, онъ снова вторгнулся въ Китай и, опустошивъ область, занимаемую нынѣ провинціей Чихли, разрушилъ 90 богатѣйшихъ китайскихъ городовъ, включая столицу династіи Кинь, лежавшую въ сосѣдствѣ теперешняго Пекина. Оставивъ въ завоеванныхъ областяхъ оккупационныя силы, Чингизъ устремился къ западу и съ поразительной быстротой и рѣшительностью покорилъ своей власти области Кашгара, Ярканда и Хотена. Но эти огромныя завоеванія не удовлетворили безмѣрнаго честолюбія монгольскаго вожда. Его орды, съя разрушеніе, пронеслись, какъ ураганъ, по богатымъ областямъ Хуarezма, вступили въ Грузію, а вслѣдъ затѣмъ хлынули въ западную Европу. Внушая общій ужасъ, какъ живое олицетвореніе «гнѣва Божія», Чингизъ-ханъ взялъ Москву и Кіевъ и шелъ все впередъ, пока не достигъ Кракова и Песта. Разрушивъ всѣ поименованные выше города до основанія, такъ что, по его выраженію, лошади «не на чемъ было споткнуться», Чингизъ-ханъ возвратился въ Монголію, гдѣ и умеръ въ 1227 г. Оставленные имъ въ Китаѣ военачальники не бездѣйствовали и продолжали завоеванія, занявъ плодородныя области, лежавшія въ западной излучинѣ Желтой рѣки. Наслѣднику Чингизъ-хана, Оготай, досталось въ удѣлъ богатое наслѣдіе.

Въ царствованіе Оготай католическими миссіонерами были сдѣланы первыя попытки христіанской пропаганды въ мрачныхъ областяхъ Монголіи. Миссіонеръ Викольдъ (изъ Монте-Кроче) говоритъ по этому поводу: «Христіане должны съ благодарностью помнить, что въ то самое время, когда Господь наслалъ на западныя страны орды татаръ, сѣявшія смерть, Онъ послалъ въ страны Востока своихъ вѣрныхъ слугъ Доминика и Франциска для обученія и наставленія этихъ язычниковъ въ истинной вѣрѣ».

Объ этихъ первыхъ проповѣдникахъ Евангелія въ Монголіи до насъ не дошло почти никакихъ извѣстій, но въ 1245—47 гг. дворъ хана посѣтилъ Плано-Карпини, оставившій описаніе сдѣланныхъ имъ наблюденій. Хотя Карпини не удалось проникнуть въ самый Китай, онъ видѣлъ представителей китайскаго народа при дворѣ хана. Карпини описываетъ ихъ, какъ «язычниковъ, обладающихъ, однако, собственными письменами. Китайцы,—говоритъ Карпини,—кажутся очень кроткимъ и вѣжливымъ народомъ; они чрезвычайно искусны въ

различныхъ ремеслахъ и художествахъ. Страна ихъ очень богата хлѣбомъ, виномъ, серебромъ, золотомъ, шелкомъ и вообще всякаго рода продуктами, поддерживающими существованіе человѣка».

Нѣсколькими годами позднѣ Карпини Монголію посѣтилъ францисканскій монахъ Рубруквисъ, который, обладая недюжинной наблюдательностью, въ своихъ запискахъ дополнилъ графическое описаніе китайцевъ, сдѣланное его предшественникомъ.

Рубруквисъ считалъ «Катай» той страной Цереры, которую воспѣвали римскіе поэты Августовскаго вѣка. И китайцы—говоритъ Рубруквисъ,—небольшого роста, говорятъ съ гнусавымъ произношеніемъ и, подобно другимъ восточнымъ племенамъ, очень узкоглазы. Они отличаются большими художественными и ремесленными талантами; китайскіе врачи обладаютъ большими познаніями о цѣлебныхъ свойствахъ травъ, а также умѣніемъ ставить діагнозъ по біенію пульса. Роль денегъ въ Китаѣ выполняютъ куски хлопчатой бумаги, величиной въ ладонь, на которой оттиснуто изображеніе, напоминающее печать хана Мангу (наслѣдника Оготаи). Для писанія китайцы употребляютъ кисть, подобную той, какой пользуются живописцы, причемъ китайская письменность отличается той особенностью, что одна буква нерѣдко заключаетъ въ себѣ цѣлое слово». Это краткое описаніе Рубруквиса является очень живописной и точной характеристикой терпѣливыхъ и трудолюбивыхъ обитателей Китая.

Эти благочестивые послы папы Иннокентія привезли въ Европу не только любопытныя свѣдѣнія о нравахъ и обычаяхъ китайцевъ, но также и очень неутѣшительныя вѣсти о судьбахъ несторіанскаго христіанства въ Монголіи. Рубруквисъ рассказываетъ, между прочимъ, что когда онъ хотѣлъ впервые объяснить хану задачу своего посольства, попытка его не увѣнчалась успѣхомъ, благодаря тому, что «переводчикъ постоянно освѣжался глотками вина, которымъ его угощалъ ханъ, причемъ самъ ханъ, прежде чѣмъ аудіенція успѣла закончиться, впалъ въ полное опьяненіе». Христіанское богослуженіе также не пользовалось особеннымъ успѣхомъ, благодаря однороднымъ причинамъ. Праздничныя богослуженія превращались въ пышныя оргіи: однажды сама ханша, питавшая большія симпатіи къ несторіанству, «была вынесена изъ церкви въ состояніи опьяненія, сопровождаемая пьяными священниками, которые нестройными голосами пѣли священные гимны».

Ханъ Мангу продолжалъ вести войну съ китайскимъ инициаторомъ династїи Сунга, и война эта еще не была закончена, когда ханъ умеръ (1259), оставивъ всевозроставшія владѣнія въ наслѣдіе внуку Чингизъ-хана, великому хану Кублаю.

Новый ханъ энергично принялся за дѣло окончательнаго покоренія Китая, завѣщанное великимъ завоевателемъ Чингизъ-ханомъ. Въ то время, когда еще нельзя было опредѣлить окончательнаго исхода этой борьбы, ко двору великаго хана прибылъ венеціанскій путешественникъ Марко Поло. Отецъ и дядя Марко, преслѣдуя коммерческія цѣли, уже раньше совершили богатое приключеніями путешествіе въ долину Онона и въ 1271 г., отправляясь снова въ Монголію, взяли съ собой юношу Марка.

«Когда два брата Поло и Маркъ», — пишетъ Марко Поло, — «прибыли въ великій городъ (Монгольскую столицу), они отправились въ ханскій дворецъ, гдѣ застали хана, окруженнаго большой свитой вельможъ. Путешественники преклонили колѣни предъ ханомъ и вообще отнеслись къ нему со всевозможнымъ почтеніемъ, простершись предъ нимъ ницъ на землю. Ханъ повелѣлъ имъ подняться и вообще отнестся къ нимъ очень милостиво, высказавъ удовольствіе по поводу ихъ прибытія и задалъ имъ милостивые вопросы о состояніи ихъ здоровья и о томъ, какъ они себя чувствуютъ послѣ столь продолжительнаго путешествія. Путешественники отвѣтили, что, убѣдившись въ добромъ здоровьи и благополучіи хана, они чувствуютъ себя прекрасно. Вслѣдъ за тѣмъ они представили хану довѣрительныя грамоты и письма, данныя имъ папой и доставившія хану большое удовольствіе. Увидавъ Марка, который былъ тогда въ юношескомъ возрастѣ, ханъ спросилъ братьевъ Поло о немъ. «Господинъ, — отвѣтилъ отецъ Марка, мессеръ Николо, — это мой сынъ, а твой вѣрный слуга». — «Добро пожаловать», — сказалъ ханъ. По случаю прибытія путешественниковъ при дворѣ хана было большое торжество и всѣ отнеслись къ нимъ со вниманіемъ и почетомъ».

Блескъ и пышность ханскаго двора привели путешественниковъ въ изумленіе: имъ раньше не приходилось видѣть ничего подобнаго. Годовщины побѣдъ и вообще дни національных празднествъ отличались необычайнымъ великолѣніемъ. Въ тоже время путешественники могли наблюдать такія черты высшей цивилизаціи, которыя невольно заставляли ихъ дѣлать сравненія этого восточнаго ханства съ Европой, настолько

нелестныя для послѣдней, насколько нелестнымъ является для современнаго Китая сравненіе его съ западной Европой. Особенно ихъ поразило существованіе ассигнацій (которыя въ Европѣ были введены лишь четырьмя столѣтіями позже). Ханъ, по описанію Марко Поло, — былъ средняго роста и отличался стройнымъ и пропорціональнымъ тѣлосложеніемъ.

Ханъ Кублай велъ въ это время, какъ мы уже сказали выше, войну съ императоромъ династіи Сунгъ. Перейдя Желтую рѣку, онъ напалъ на городъ Хсіангиангъ, въ области Хупехъ. Характерной чертой этихъ войнъ является, между прочимъ, то обстоятельство, что китайцы оказали гораздо болѣе упорное сопротивленіе набѣгу монголовъ, чѣмъ народы Западной Азіи и Восточной Европы. Хсіангиангъ сдался лишь послѣ очень продолжительной осады, и Кублаю пришлось предпринимать нѣсколько походовъ прежде чѣмъ онъ покорилъ города: Ганіангъ, Ханкоу, Вучэнгъ, Сучоу и наконецъ, столицу династіи Сунгъ, городъ Генгчоу. Паденіе Генгчоу повело къ паденію и самой династіи, хотя ея приверженцы еще пытались нѣкоторое время бороться съ нахлынувшей волной монгольскаго завоеванія. Несмотря на ихъ усилія, въ 1276 г. весь Китай призналъ власть Кублая. Монгольскій ханъ оказался властелиномъ одной изъ величайшихъ въ мірѣ имперій, въ составъ которой входили безчисленныя орды кочевниковъ, занимавшія обширныя территоріи, простиравшіяся отъ береговъ Чернаго моря до береговъ Китайскаго океана и отъ границъ сѣверной Монголіи до границъ Аннама.

Одной изъ характерныхъ особенностей походовъ Кублая является быстрота и легкость, съ которыми его войска проходили громадныя пространства. Гдѣ бы ни находились ихъ враги, — въ Персіи или въ Кохинхинѣ, — войска Кублая, не задумываясь, отправлялись противъ нихъ и съ поразительной быстротой являлись предъ врагами. Тѣ, кому приходилось путешествовать по Западному Китаю, пробираясь черезъ горныя цѣпи, единственной дорогой среди которыхъ нерѣдко служить лишь узенькая тропинка, болѣе пригодная для горныхъ козловъ, чѣмъ для человѣка, поймутъ, какія затрудненія должна была испытывать армія, передвигавшаяся изъ Пекина къ границамъ Бурмы. Но монголы съ несокрушимой энергіей преодолѣли всѣ препятствія, и вскорѣ ихъ армія стояла въ долинахъ Юнгченга. Орды Кублая, привыкшія къ веденію войны въ сѣверныхъ областяхъ, были сначала озадачены ме-

тодами войны и вооруженіем бурманцевъ. Имъ въ первый разъ пришлось встрѣтиться съ войсками, передовые отряды которыхъ двигались на слонахъ, которыхъ монголы никогда не видали раньше. Они, однако, не растерялись и, спѣшившись, пустили въ слоновъ такую тучу стрѣлъ, что испуганныя животныя бросились назадъ и произвели страшный безпорядокъ въ рядахъ бурманцевъ. Монголы, воспользовавшись этимъ обстоятельствомъ, бросились на враговъ и одержали рѣшительную побѣду. Король Бурмы, видя превосходство силъ Кублая, подчинился ему и обязался платить дань Китаю.

Насколько Кублай былъ счастливъ въ военныхъ операціяхъ на сушѣ, настолько же были неудачны его морскіе походы. Въ 1266 г. онъ выслалъ посольство въ Японію, но посольство это возвратилось, не рѣшившись переплыть море, отдѣляющее Корею отъ Японіи. Задачей посольства было рѣшеніе вопроса о прекращеніи разбойничьихъ набѣговъ японцевъ на берега Кореи и Китая. Не достигнувъ такимъ образомъ мирнымъ путемъ разрѣшенія этого вопроса, Кублай снарядилъ противъ японцевъ флотилію, которую постигла судьба китайскаго флота во время послѣдней войны Китая съ Японіей. Часть судовъ была взята въ плѣнъ, часть истреблена и лишь небольшое количество судовъ успѣло спастись, чтобы привести Кублаю вѣсть о пораженіи. Нѣсколько лѣтъ спустя Кублай снарядилъ другую флотилію, рассчитывая высадить на японскіе берега 100.000 войска, но и эту флотилію постигла та-же судьба: почти весь флотъ Кублая погибъ. Другія экспедиціи, направляемыя къ завоеванію различныхъ острововъ, находящихся въ китайскихъ водахъ, оказались столь-же неудачными, и Кублаю въ концѣ концовъ пришлось признать, что его воины, непобѣдимые на сушѣ, не могутъ бороться съ островитянами, привыкшими къ морскимъ волнамъ.

Въ области религіи Кублай выказалъ ту же терпимость, какая характеризовала его предшественниковъ: съ одинаковою благосклонностью или, пожалуй, съ одинаковымъ безразличіемъ онъ относился къ христіанству, буддизму и магометанству. Онъ съ равнымъ вниманіемъ выслушивалъ проповѣди христіанскихъ миссіонеровъ, буддистскихъ ламъ и мусульманскихъ муллъ. Если онъ иногда высказывалъ особый интересъ къ какой-либо изъ этихъ религій, то въ такихъ случаяхъ всегда можно было найти политическую подкладку. Такъ напр., желая распространить свое владычество на дикія и малоизвѣстныя области Тибета, онъ одно время началъ вы-

казывать особую склонность къ буддизму и достигъ этимъ того, что въ его рукахъ оказалась привилегія назначенія великаго ламы. Обезнечивъ такимъ образомъ за собой вліяніе на выборъ главы государства, Кублай сдѣлался фактическимъ владыкой страны и присоединилъ еще новую, хоть и неприносящую никакихъ доходовъ область къ своей и безъ того неимоверно разросшейся имперіи.

Помимо этой религіозной терпимости, Кублай высказывалъ вообще большую терпимость къ иностранцамъ. Кублай продолжалъ неизмѣнно высказывать, въ продолженіе 17-лѣтняго пребыванія Марко Поло въ Китаѣ, ту-же благосклонность, съ какой онъ встрѣтилъ юнаго путешественника при первомъ его появленіи при ханскомъ дворѣ. Кублай, убѣдившись въ талантливости и усердіи Марко Поло, далъ ему административный постъ, предложилъ совершить путешествіе по областямъ Шанси, Шенси, Шехуанъ и Юннанъ и сдѣлать докладъ о положеніи этихъ провинцій. Марко такъ хорошо выполнилъ данное ему ханомъ порученіе и выказалъ такіе административныя способности, что Хублай назначилъ его правителемъ города Янгчоу, въ каковой должности Марко пробылъ три года и, вѣроятно, съ теченіемъ времени, достигъ бы еще болѣе высокихъ степеней, если бы имъ не овладѣла гнетущая тоска по родинѣ. Отецъ и дядя Марко Поло, также находившіеся въ Китаѣ, страстно стремились возвратиться въ Венецію, но на ихъ постоянныя просьбы о разрѣшеніи возвратиться на родину Кублай неизмѣнно отвѣчалъ отказомъ, и лишь счастливый случай выручилъ венеціанцевъ изъ этого китайскаго плѣненія. У персидскаго хана Аргуна, племянника Кублая, умерла жена, и онъ избралъ себѣ въ качествѣ новой спутницы жизни родственницу первой жены, принадлежавшую къ монгольскому племени. Кублай отнесся благосклонно къ этому выбору Аргунъ-хана, но путешествіе невѣсты въ Персію вызвало затрудненія, такъ какъ оно должно было совершиться морскимъ путемъ, а придворные Кублая, непривычные къ морю, являлись ненадежными провожатыми и не выказывали особенной охоты къ этому рискованному путешествію. Кублай счастливо вышелъ изъ этого затруднительнаго положенія, поручивъ Марку и братьямъ Поло сопровождать монгольскую принцессу. Путешественники отправились въ путь въ 1292 г. и доставили невѣсту благополучно на мѣсто; но возвращеніе на родину заняло почти 3 года и лишь въ 1295 г. бывшій губернаторъ Янгчоу и братья Поло прибыли въ Венецію.

Царствованіе Кублая было ознаменовано необычайнымъ процвѣтаніемъ страны. Кублай отличался недюжиннымъ умомъ и справедливостью; онъ всячески старался приспособиться къ учрежденіямъ и обычаямъ страны. Кублай покровительствовалъ національной литературѣ и употреблялъ всѣ усилія, чтобы обезпечить народу правосудіе. Но все же въ глазахъ народа онъ былъ «иноземцемъ», и его династии не удалось пустить глубокіе корни, не удалось заставить китайцевъ забыть о чужеземномъ происхожденіи царствующаго дома. Спустя два года по отъѣздѣ Марко Поло, Кублай скончался и былъ похороненъ безъ особыхъ признаковъ скорби со стороны народа, которымъ онъ правилъ втеченіе 35 лѣтъ. Ему наследовалъ его внукъ Тимуръ, лишенный тѣхъ талантовъ, которые помогли его дѣду поднять значеніе имперіи на небывалую до того времени высоту.

Тимуръ скончался въ 1307 году, и ему наследовали одинъ за другимъ семь императоровъ, изъ которыхъ заслуживаетъ упоминанія лишь Енъ-Тсунгъ, бывшій горячимъ послѣдователемъ Конфуція и прославившійся, между прочимъ, тѣмъ, что онъ старался распредѣлить должности по возможности равномерно между монголами и китайцами, не слѣдуя установившемуся обычаю отдавать предпочтеніе монголамъ.

Монголы, въ началѣ царствованія Кублая, не обладали собственнымъ національнымъ алфавитомъ и для выраженія своихъ мыслей письменными знаками должны были пользоваться алфавитами сосѣднихъ, болѣе просвѣщенныхъ народовъ. Сближеніе съ культурными, обладавшими литературой китайцами заставило великаго завоевателя задуматься надъ отсутствіемъ монгольскаго алфавита. Онъ поручилъ монгольскому ученому Башпа составленіе таблицы письменныхъ знаковъ. Башпа успѣшно выполнилъ порученіе Кублая, и ханъ издалъ немедленно указъ, которымъ предписывалось употребленіе новоизобрѣтеннаго алфавита во всѣхъ официальныхъ документахъ. Но какъ только монголы завоевали Китай, алфавитъ Башпы вышелъ изъ употребленія. Китайская пословица говоритъ: «Китай подобенъ морю, которое дѣлаетъ солеными всѣ воды, впадающія въ него». Монголы оправдали эту пословицу, забывъ о своихъ пустынныхъ степяхъ и младенческихъ опытахъ литературы, превратились въ горькихъ поклонниковъ китайской учености. Особеннымъ вниманіемъ и покровительствомъ монголовъ пользовались драматическія произведенія; можно даже сказать, что они собственно являются

творцами китайскаго драматическаго искусства. Драматическія произведенія этого періода ставятся историками китайской литературы на первое мѣсто и носятъ наименованіе: «Пьесы эпохи династіи Юэнь».

Во время царствованія послѣднихъ представителей династіи Юэнь начали проявляться обычные признаки близящейся революціи. Въ различныхъ мѣстностяхъ имперіи начали возникать мятежи и безпорядки, принявшіе особенно крупныя размѣры въ царствованіе послѣдняго представителя монгольской династіи, императора Шунти. Монгольская династія, какъ мы уже сказали выше, никогда не пользовалась особенной популярностью, и когда ея представители мало-по-малу начали терять свое могущество, въ народѣ все сильнѣе стало пробуждаться желаніе — видѣть императорскій тронъ занятымъ чисто-китайской династіей, а не «чужеземцами».

Во главѣ возстанія, вспыхнувшаго на югѣ имперіи, стоялъ нѣкій Чу, которому вскорѣ суждено было сдѣлаться императоромъ. Чу принадлежалъ къ зажиточной когда-то семьѣ, лишившейся своего благосостоянія въ тѣ тревожныя времена. Послѣ смерти родителей молодой Чу остался безъ крова и безъ средствъ. Онъ нашелъ себѣ временное убѣжище въ стѣнахъ буддійскаго монастыря, но монашескіе обѣты недолго сдерживали его пылкую натуру, и вскорѣ онъ принялъ участіе въ мятежѣ, вспыхнувшемъ неподалеку отъ той мѣстности, гдѣ находился монастырь. Выдающіяся качества характера вскорѣ поставили Чу во главѣ мятежа, который, благодаря выказанному тактическому таланту предводителя, принялъ широкіе размѣры. Чу направился къ Нанкину и послѣ кратковременной осады взялъ этотъ важный городъ и сдѣлалъ его своей столицей. Дѣйствуя изъ Нанкина, какъ изъ операціонной базы, онъ успѣлъ вытѣснить монголовъ изъ области Кіангси.

Монголы потерпѣли неудачу не только въ центральныхъ провинціяхъ Китая: западныя области и Корея были объаты возстаніемъ, и мятежники одержали крупныя побѣды надъ императорскими войсками въ 1370 г., когда скончался императоръ Шунти.

Предводитель возстанія, Чу, въ это время снарядилъ три большія арміи, изъ которыхъ двѣ назначилъ для покоренія южныхъ провинцій: Фухкіена, Квантунга и Квангси, въ то время какъ третья армія, состоявшая изъ 250.000 человекъ, отправилась на сѣверъ. Между тѣмъ, возстаніе распростра-

лось все дальше и арміи Чу, благодаря этому обстоятельству, не встрѣтили сильнаго сопротивленія. Такъ, Пекинъ сдался почти безъ всякихъ признаковъ оппозиціи, и Чу былъ провозглашенъ императоромъ.

Новый императоръ понималъ, что ему еще остается разрѣшить труднѣйшую часть задачи. Побѣдить монголовъ, находясь во главѣ громадной арміи, пользуясь сочувствіемъ населенія, было легко. Теперь онъ долженъ былъ оправдать довѣріе народа, отдавашаго ему тронъ: Чу не потерялся въ этомъ затруднительномъ положеніи и выказалъ ту-же дальновидность, какой была ознаменована его борьба съ монголами. Онъ понялъ значеніе національной науки, которой такъ гордился народъ, и однимъ изъ первыхъ его распоряженій было изданіе указа о восстановленіи въ странѣ школъ, которыя успѣли прійти въ совершенный упадокъ въ тревожныя времена паденія дома Чингизъ-хана.

Еще въ счастливый періодъ процвѣтанія династіи Танга была основана императорская академія, пользовавшаяся прямымъ покровительствомъ императоровъ. Назначеніе членомъ этой академіи считалось высшей почестью, какую могъ получить китайскій ученый. Мало-по-малу, однако, академія пришла въ полный упадокъ, и Чу, принявшій имя Гунгву, рѣшилъ восстановить это учрежденіе. Онъ перестроилъ зданіе академіи и своими частыми посѣщеніями и неусыпными заботами всячески старался поднять престижъ этого ученаго учрежденія. Академія находилась въ Пекинѣ, а Гунгву не могъ совершенно забыть о Нанкинѣ, который былъ первой его столицей, и онъ устроилъ филиальное отдѣленіе академіи въ этомъ городѣ, бывшемъ первымъ свидѣтелемъ его успѣховъ въ борьбѣ съ монголами.

Другой крупной работой, предпринятой Гунгву, была кодификація законовъ имперіи. Царствоваше монгольской династіи не блистало особеннымъ развитіемъ юстиціи. Монгольскіе правители больше заботились о вооруженіи арміи, чѣмъ о формахъ юридической процедуры. Поэтому кодификація законовъ, произведенная Гунгву, была истиннымъ благодѣяніемъ для страны. Но императоръ въ то-же время понималъ, что нельзя ограничиться однимъ упорядоченіемъ формъ судопроизводства и посвятилъ много времени и труда на очистку авгіевыхъ стойлъ, какими являлись тогдашніе китайскіе суды. Къ сожалѣнію, предпріятіе это превыпало силы одного человѣка, какой бы энергіей и талантами онъ ни обла-

далъ, тѣмъ болѣе что чиновники выказывали въ дѣлѣ извращенія законовъ такую же энергію, какую императоръ выказывалъ въ дѣлѣ упорядоченія правосудія. Можетъ быть, Гунгву и удалось бы сдѣлать что-либо болѣе основательное въ этомъ направленіи, если бы ему не помѣшали монголы, которые, оправившись отъ пораженія, подняли возстаніе. Они одержали крупныя побѣды не только въ провинціяхъ Шанси и Шенси, но также въ Лаотунгѣ, Шехпанѣ и Юннанѣ. Гунгву удалось подавить возстаніе и освободить эти провинціи отъ монгольскаго ига.

Одержавъ эти побѣды, Гунгву, достигшій престарѣлаго возраста, скончался (1399), завѣщавъ престолъ, вслѣдствіе смерти старшаго сына, бывшаго прямымъ престолонаслѣдникомъ, своему внуку, принявшему имя Чіенвенъ.

Въ восточныхъ странахъ, гдѣ наслѣдованіе по прямой линіи не является неизмѣннымъ правиломъ, подобныя императорскія завѣщанія престола нерѣдко вызываютъ недовольство. Каждый изъ младшихъ сыновей императора предполагаетъ, что онъ имѣетъ больше правъ на престолъ, чѣмъ его племянникъ. Во избѣжаніе подобныхъ недоразумѣній Гунгву незадолго передъ смертью отослалъ императорскихъ принцевъ къ мѣстамъ ихъ служенія въ провинціи, удержавъ при себѣ лишь внука. Затруднительность положенія новаго императора, Чіенвена, усиливалась, благодаря тому обстоятельству, что онъ долженъ былъ пригласить недовольныхъ принцевъ участвовать въ церемоніи похоронъ покойнаго императора, Гунгву. Принцы, за исключеніемъ Ена, отказались прибыть на похороны, но и явившійся въ Пекинъ принцъ Енъ вовсе не отличался вѣрноподданническими чувствами. Тотчасъ послѣ похоронъ онъ отправился въ Нанкинъ для организаціи оппозиціи новому императору. Будучи человекомъ очень способнымъ и энергичнымъ, Енъ, не теряя времени, выступилъ противъ Чіенвена и нанесъ рядъ пораженій императорскимъ войскамъ. Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ борьбы, Ену удалось привести силы противника въ такое состояніе, что императоръ счелъ лучшимъ уступить и въ 1402 г. отказался отъ престола. Сначала ходили слухи, что онъ покончилъ съ собой самоубійствомъ, но, какъ оказалось потомъ, Чіенвенъ удалился въ буддійскій монастырь въ Юннанѣ, гдѣ пробылъ около 40 лѣтъ, сохраняя строжайшее incognito, которое было раскрыто лишь благодаря тому, что Чіенвенъ издалъ поэму, въ которой очень краснорѣчиво и съ мельчайшими деталями разсказалъ о своемъ

прошломъ. Изъ опасенія, что въ странѣ можетъ вспыхнуть возстаніе въ пользу бывшаго императора, Чіенвенъ былъ привезенъ въ Пекинъ и до самой смерти, въ качествѣ государственнаго арестанта, содержался въ одиночномъ заключеніи.

Енъ, принявшій имя Юнгло, перенесъ столицу изъ Нанкина въ Пекинъ и для успокоенія собственной совѣсти издалъ указъ, которымъ предписывалось исключеніе изъ государственныхъ лѣтописей всѣхъ упоминаній о царствованіи Чіенвена и причисленіе 4-хъ лѣтъ царствованія этого императора къ годамъ царствованія императора Гунгву.

Царствованіе Юнгло отличалось сравнительнымъ спокойствіемъ, которое нарушалось лишь войнами на сѣверной границѣ съ татарами и хотя китайскимъ войскамъ удалось одержать нѣсколько крупныхъ побѣдъ надъ татарами, партизанскій способъ войны, усвоенный послѣдними, дѣлалъ затруднительнымъ нанесеніе рѣшительнаго удара, такъ какъ татары имѣли за собой огромную пустынную территорію, служившую для нихъ превосходнымъ убѣжищемъ въ случаѣ нужды. Во время одного изъ походовъ противъ татаръ Юнгло тяжело заболѣлъ и скончался въ 1425 г. Слѣдуетъ отмѣтить, какъ одно изъ замѣчательныхъ дѣлъ его царствованія, назначеніе имъ ученой комиссіи для составленія энциклопедіи, долженствовавшей суммировать результаты долговременнаго литературнаго развитія Китая. Комиссія, потративъ не мало времени и труда на это гигантское предпріятіе, представили императору, какъ результатъ своихъ занятій, энциклопедію, состоявшую изъ 22.877 книгъ, съ приложеніемъ указателя къ нимъ, занимавшего 60 томовъ.

Юнгло наслѣдовали одинъ за другимъ нѣсколько монарховъ, царствованіе которыхъ отмѣчено административнымъ хаосомъ и анархіей. Правда, китайскіе историки съ гордостью отмѣчаютъ прибытіе посольствъ изъ центральной Азіи, Индіи и Малакки, но эти событія мало скрашиваютъ мрачную картину постоянныхъ мятежей и безпорядковъ, господствовавшихъ въ имперіи.

Въ 1428 г. Тонкинъ сбросилъ съ себя китайское иго, и татары, не встрѣчая на своемъ пути почти никакихъ препонъ, хлынули въ Китай черезъ сѣверныя границы имперіи. Одна изъ битвъ китайцевъ съ татарами окончилась тѣмъ, что въ ней погибло около 100,000 китайскаго войска, а самъ императоръ, Ченгтунгъ, попалъ въ плѣнъ. До какого истощенія была доведена имперія въ это время, лучше всего можно судить

по тому факту, что когда предводитель татарскихъ войскъ предложилъ китайцамъ освободить императора, если за это будетъ уплачено 100 тазелей золота ¹⁾, двѣсти тазелей серебромъ и двѣсти кусковъ шелковой матеріи, китайцы не въ состояніи были выкупить ихъ плѣннаго императора. Ченгтунгъ пробылъ въ плѣну 8 лѣтъ, причемъ во время его отсутствія изъ Пекина его именемъ правилъ младшій братъ. Въ 1465 г. Ченгтунгъ скончался, издавъ передъ смертью гуманный указъ, которымъ запрещалось впредь умерщвлять рабовъ на могилахъ императоровъ, согласно варварскому обычаю, перенятому прежними представителями Мингской династіи у монголовъ. Кромѣ этого гуманнаго распоряженія, слѣдуетъ отмѣтить крупную географическую работу, составленную въ царствованіе Ченгтунга, носящую названіе: «Полное описаніе имперіи въ періодъ царствованія великой Мингской династіи».

Въ царствованіе императора Ченгва, наслѣдовавшаго Ченгтунгу, былъ проведенъ каналъ изъ Пекина въ Пейхо. Это—единственное событіе, которое можно отмѣтить въ этомъ періодѣ китайской исторіи, характернымъ отличіемъ котораго являются постоянныя мятежи и возстанія, особенно въ сѣверныхъ и западныхъ областяхъ имперіи.

Царствованіе императора Ченгте (1506—22) ознаменовано событіемъ, которое съ теченіемъ времени повело къ заключенію первыхъ договоровъ, регулирующихъ сношенія Китая съ внѣшнимъ міромъ. Въ 1511 г. португалецъ Рафаэль Перестрало (Perestralo) прибылъ къ южнымъ берегамъ Китая, а, спустя 6 лѣтъ послѣ его пріѣзда, явился въ Кантонъ во главѣ небольшой эскадры донъ Фернао Пересъ д'Анраде. Задачей этихъ піонеровъ было расширеніе коммерческихъ сношеній, и д'Анраде, любезно встрѣченный кантонскими властями, отправился въ Пекинъ, гдѣ онъ втеченіе нѣсколькихъ лѣтъ игралъ своеобразную роль нѣкъмъ не уполномоченнаго посла Европы. Нѣкоторое время его отношенія къ столичнымъ властямъ носили дружественный характеръ, но неистовства, которыя совершались его соотечественниками въ другихъ частяхъ имперіи, положили конецъ миссіи д'Анраде. По приказанію императора, д'Анраде былъ арестованъ и посаженъ въ тюрьму, гдѣ онъ пробылъ шесть лѣтъ и, въ заключеніе, былъ обезглавленъ по приказанію наслѣдовавшаго Ченгте императора Чіачинга. Мѣра эта должна, конечно, казаться жестокой, но не должно

¹⁾ Тазель равняется 1 ¹/₂ унца.

также забывать того обстоятельства, что португальскіе побережные купцы (особенно въ Нингпо и Фучоу) переполнили чашу китайскаго терпѣнія. Они не останавливались ни передъ какими формами насилія и дошли до того, что, поссорившись съ жителями китайской деревни, расположенной вблизи Нингпо, напали на деревню и перебили ея жителей. Разсматривая поведеніе въ подобныхъ случаяхъ восточнаго государства, не должно забывать оборотной стороны медали, и надо признать, что исторія раннихъ сношеній португальцевъ съ Китаемъ переполнена всякаго рода насиліями.

Китайскія лѣтописи даже не отмѣтили пребыванія д'Андраде въ Пекинѣ, и первое извѣстіе о португальцахъ занесено въ нихъ подъ 1533 г., когда въ окрестностяхъ Фучоу было произведено жестокое избиеніе португальцевъ, поводомъ къ которому послужило гнусное поведеніе португальскихъ доновъ. Изъ нѣсколькихъ сотенъ португальцевъ успѣли спастись лишь 30 человекъ, которые бѣжали въ окрестности Кантона, гдѣ также жили португальскіе купцы. Послѣ долгихъ переговоровъ и столкновеній флибустьерскаго характера, кантонскія власти дозволили португальцамъ поселиться на полуостровѣ Макао подъ условіемъ уплаты ежегодно извѣстной подати. Жизнь этихъ колонистовъ была въ постоянной опасности. Имъ угрожали съ одной стороны китайскія войска, съ другой стороны — пираты, грабившіе побережныя поселенія. Хотя португальцамъ приходилось ежеминутно трепетать за свою жизнь, тѣмъ не менѣе торговля, которую они вели, была такъ прибыльна, что въ скоромъ времени число португальцевъ въ Макао превышало 500 человекъ.

Нечего удивляться, что поведеніе этихъ міонеровъ европейской коммерціи не внушало китайцамъ особеннаго желанія облегчить иностранцамъ доступъ въ страну. Китайцы не позволили миссіонеру Ксавье высадиться на берегъ. Онъ, не желая отказаться отъ своей завѣтной мечты, поселился на островѣ Саншень, гдѣ и умеръ въ 1552 г., не осуществивъ своего пламеннаго желанія. То же отсутствіе гостепріимства китайцы выказали по отношенію къ Мишелю Рожѣ, первому іезуитскому миссіонеру, пытавшемуся проникнуть въ Китай.

Иначе отнеслись китайцы къ великому Риччи, прибывшему въ 1582 г. въ Макао. Риччи обладалъ широкой терпимостью, обширными знаніями и чисто христіанской добротой. Онъ началъ свою работу въ Китаѣ съ того, что при-

нялся за изученіе китайскаго языка, религіозныхъ вѣрованій китайскаго народа и его своеобразной «науки». Риччи вскорѣ пришелъ къ заключенію, что идеи китайцевъ о Верховномъ существѣ и обязанностяхъ человѣка, хотя и затемнены различными суевѣріями, въ общемъ напоминаютъ тѣ высокія истины, которыя заключены въ Евангеліи. Онъ собралъ во-едино различные отрывки конфуціанской литературы, наиболѣе, по его мнѣнію, совпадавшія съ ученіемъ Св. Писанія и, слѣдуя примѣру Павла въ Аоинахъ, началъ проповѣдывать китайцамъ, что Богъ, которому они поклоняются безсознательно, въ сущности тотъ-же Богъ, волю котораго онъ явился возвѣстить имъ. Поведеніе Риччи вызвало широкія симпатіи къ нему во всѣхъ классахъ населенія, начиная съ безграмотныхъ носильщиковъ и кончая образованными мандаринами. Благодаря такой заранѣ установившейся хорошей репутации, Риччи былъ благосклонно принятъ въ Пекинѣ, гдѣ онъ также быстро завоевалъ себѣ симпатіи, можетъ быть отчасти благодаря тому обстоятельству, что онъ обладалъ нѣкоторыми познаніями въ области практической механики и былъ въ состояніи привести въ порядокъ механизмы многочисленныхъ часовъ въ императорскихъ покояхъ, испорченные неумѣлымъ обращеніемъ съ ними дворцовыхъ чиновниковъ. Стремясь заинтересовать мандариновъ и вмѣстѣ съ тѣмъ желая принести имъ осязательную пользу, Риччи перевелъ на китайскій языкъ первыя шесть книгъ Евклида. Позднѣе онъ издалъ китайскій переводъ трактата по теоріи астрономическихъ измѣреній и богословское изслѣдованіе объ атрибутахъ божества. Строго научный характеръ этихъ работъ вызвалъ одобреніе даже со стороны китайскихъ «ученыхъ», и Риччи, во время его пребыванія въ Пекинѣ, пользовался большимъ уваженіемъ со стороны двора и китайскихъ вельможъ.

Въ концѣ царствованія императора Чіачинга (1522—67), омраченнаго нѣкоторыми внутренними междуусобіями, имперіи снова пришлось столкнуться со стариннымъ врагомъ, который уже нанесъ однажды унизительное пораженіе Китаю. Читатели помнятъ, что еще Кублай-ханъ предпринималъ нѣсколько экспедицій противъ Японіи, которыя хотя и окончились неудачей, тѣмъ не менѣе возбудили въ японцахъ злобныя чувства по отношенію къ Китаю. Съ паденіемъ монгольской династіи японцы все чаще стали нападать на китайскіе берега съ цѣлью грабежа прибрежныхъ поселеній. Будджеръ въ своей «Исторіи Китая» цитируетъ слѣдующій интересный отзывъ

видъ, что страдаетъ ужасными видѣніями, и говоритъ, словно въ бреду. Благочестивый государь, душа котораго и безъ того была уже погружена въ святыхъ размышленія и глубочайшія изслѣдованія божественныхъ тайнъ, страдаетъ теперь страннымъ воображеніемъ, что его преслѣдуетъ дельфійскій Аполлонъ. Евсевій пробовалъ заклинять этого дьявола, но, увы, безуспѣшно. Да хранитъ Господь драгоцѣнную жизнь всесвятѣйшаго величества! Его кончина была бы величайшимъ несчастьемъ, гибелью для насъ и для справедливости, если мы не примемъ мѣръ, чтобы обезопасить на всякій случай наше положеніе... Приверженцы Аеанасія горятъ ненавистью и жадной мщенія; съ нетерпѣніемъ ждутъ они только того момента, когда наша опора, Константинъ, будетъ низверженъ... Еще-бы хотъ нѣсколько дней и орудіе власти будетъ въ нашихъ рукахъ... Ты знаешь, что произошло здѣсь въ Константинополѣ... Это возмездіе было сурово, но еще недостаточно... Отдано общее приказаніе нашимъ, чтобы каждый дѣлалъ въ своемъ городѣ все, что онъ можетъ, пока еще не упущено время“.

Македоній не подписалъ письма, потому что въ то время считалось величайшимъ уголовнымъ преступленіемъ писать о здоровѣ императора, если оно выставлялось слабымъ.

Послѣ того какъ проконсулъ кончилъ жаловаться на недостатокъ войскъ, который препятствовалъ ему поддерживать надлежащій порядокъ въ Ахеѣ, Петръ спросилъ его, какъ великъ въ настоящую минуту гарнизонъ въ Афинахъ.

— Семьсотъ легіонеровъ и пятьдесятъ человѣкъ іовіановской гвардіи ¹⁾, объяснилъ Анней Домицій.

— Слишкомъ незначительная сила для такого города, замѣтилъ епископъ.— Вѣдь, Пиладъ, начальникъ легіонеровъ, правовѣрный христіанинъ?

— Да.

— И войска эти надежны?

— Да, епископъ.

— А предводитель іовіанцевъ, кажется, язычникъ, не такъ-ли?

— Да. Аммианъ Марцелинъ неисправимый язычникъ, но зато онъ прекрасный солдатъ.

— Хорошо. Но это въ настоящее время имѣетъ меньшее значеніе, чѣмъ то, что онъ язычникъ. Имѣются ли въ войскахъ аеанасіевцы?

— По крайней мѣрѣ не среди начальствующихъ. Номонсиан'е, занимавшіе эти послѣднія должности, всѣ удалены. Впрочемъ, такіа дисциплинированныя войска не признаютъ другой вѣры, кромѣ вѣры своихъ начальниковъ. Достойно это сожалѣнія или нѣтъ, но это такъ.

— Обстоятельства принудятъ меня, быть можетъ, потребовать

¹⁾ Іовіанъ — примерцій императорской гвардіи. Въ 363 году войско провозгласило его императоромъ. Онъ отиѣнилъ законы Юліана противъ христіанъ и въ то-же время обнаружилъ терпимость къ язычеству и показалъ себя врагомъ раздоровъ внутри церкви. Въ 364 году онъ внезапно умеръ на пути въ Константинополь.

помощи свѣтской власти. Я желаю, чтобы всѣ войска поддерживали меня.

— Ты имѣешь право требовать этого. Должно ли это произойти уже сегодня вечеромъ?

— Нѣтъ. Еще и завтра достаточно для этого времени.

— Смѣю ли спросить тебя о причинѣ?

— Ты узнаешь о томъ своевременно.

— Я желалъ бы въ такомъ случаѣ письменнаго удостовѣренія, что ты просишь содѣйствія императорскихъ войскъ въ Аѳинахъ.

Петръ тотчасъ же написалъ требуемое удостовѣреніе, и Анней Домицій спряталъ его за поясъ.

Лицо проконсула выражало затаенную радость. Онъ догадывался о томъ, что должно произойти, и сразу рѣшилъ, какъ ему воспользоваться наступающими событіями, чтобы вывернуться изъ того затруднительнаго положенія, въ которое его поставило предписание правительства въ отношеніи Хризанфа.

Городъ черезъ нѣсколько дней долженъ стать ареной ужасныхъ кровавыхъ событій. Въ подобныхъ случаяхъ многое можетъ пройти незамѣченнымъ. Проконсулъ догадывался, что дѣло касается аванасіевцевъ, но тотъ или другой язычникъ могъ бы все-таки по ошибкѣ или по неосторожности попасть заодно въ передрагу.

При подобныхъ обстоятельствахъ обыкновенно разнузываются страсти. Менѣе всего, конечно, могъ бы Анней Домицій, послѣ того какъ онъ отдалъ въ распоряженіе епископа весь гарнизонъ, помѣшать разбойничьей ватагѣ разграбить домъ богача Хризанфа или толпѣ фанатиковъ напасть на самого ненавистнаго Хризанфа.

Анней Домицій, между прочимъ, предполагалъ даже заблаговременно переѣхать съ прекрасной Евсебеей въ Коринѳъ, куда его, безъ сомнѣнія, призывали важныя и неотложныя государственныя дѣла. Что бы затѣмъ ни случилось, Анней Домицій могъ быть увѣренъ, что никакое правительство не имѣло бы основанія быть имъ недовольнымъ за то, что онъ опоздалъ воспользоваться своимъ правомъ снять голову съ уже умершаго человѣка, точно такъ же, какъ никто не могъ бы обвинить его въ томъ, что онъ допустилъ это убійство.

Въ это время Петръ перевелъ разговоръ какъ разъ на ту самую личность, о которой размышлялъ проконсулъ. Онъ спросилъ шопотомъ, потому что зналъ изощренный слухъ своихъ пресвитеровъ и діаконовъ, — получилъ ли проконсулъ отъ двора приказаніе умертвить архонта.

Анней Домицій отвѣтилъ отрицательно, играя при этомъ своей шейной цѣпочкой и улыбаясь.

Изъ груди Петра вырвался вздохъ облегченія, такъ какъ онъ дѣйствительно опасался, что существуетъ такое повелѣніе.

— Тѣмъ лучше, сказалъ онъ. — При дворѣ его считаютъ усерднымъ приверженцемъ Юліана и опаснымъ благодаря влиянію и богатству. Я, однако, изъ чистаго состраданія ходатайствовалъ въ его пользу у обоихъ Евсевіевъ и Аподемія. Человѣкъ этотъ имѣетъ свои прекрасныя стороны...

— Безъ сомнѣнья.

— И, быть можетъ, мое ходатайство окажется плодотворнымъ. Но, почему знать, можетъ же всетаки подобное приказаніе послѣдовать не сегодня—завтра и какъ разъ въ такое время, когда его менѣ всего ожидаешь. Будь сказано между нами (Петръ понизилъ голосъ до шопота), въ наши дни очень опасно быть богатымъ человѣкомъ. Придворные евнухи... Ты понимаешь меня?

Анней улыбнулся и утвердительно кивнулъ головой. Но онъ подумалъ не только о придворныхъ евнухахъ. Вслѣдъ затѣмъ онъ сталъ разсматривать свои толстыя икры и мысленно проклиная одного изъ своихъ *alipilarius*¹⁾, потому что острый глазъ его различалъ на правой голени волосокъ, очевидно недосмотрѣнный рабомъ.

— Теперь, продолжалъ Петръ,—я хочу обратиться къ тебѣ съ просьбой, мой свѣтлѣйшій и благородный господинъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ съ увѣщаніемъ, какъ духовный пастырь къ одной изъ овецъ пасомаго имъ стада. Раньше, чѣмъ ты тронешь хоть одинъ волосокъ на головѣ Хризанфа, ты долженъ меня о томъ увѣдомить. Я прошу тебя объ этомъ, какъ о самомъ высококомъ доказательствѣ расположенія ко мнѣ, заклинаю тебя, такъ какъ, если ты забудешь мою просьбу, которую я поручаю твоему сердцу и памяти, произойдетъ тяжелая, невознаградимая потеря.

Проконсулъ сталъ увѣрять, что онъ будетъ безмѣрно счастливъ, если такимъ ничтожнымъ дѣломъ сумѣетъ доказать то безконечное уваженіе и преданность, которыми онъ питаетъ къ епископу аеинскому.

Послѣ того Петръ предъявилъ предписаніе императорскихъ министровъ, которое давало христіанамъ право получить въ собственность храмъ бога войны, и проконсулъ общалъ сдѣлать всѣ необходимыя для того распоряженія; этимъ и закончился ихъ разговоръ.

Анней Домицій удалился, умѣло скрывъ глубокую досаду, которую онъ испытывалъ вслѣдствіе того, что подобное предписаніе дано было непосредственно епископу, а не ему, проконсулу.

— Эти попы, думалъ онъ, проходя по Керамической улицѣ,—перерастутъ головой самого императора.

Глава VІІ. Петръ.

Секретари и священнослужители удалились. Луна, поднявшаяся надъ городомъ, озаряла западную колоннаду опустѣвшаго внутренняго двора.

Петръ былъ одинъ въ своемъ рабочемъ кабинетѣ, куда черезъ единственное слуховое окно проникалъ лунный свѣтъ, боровшійся со свѣтомъ стоявшей на тяжеломъ, съ округлыми изгибами, столѣ лампы.

Вблизи стола находился шкафъ въ томъ же стилѣ, служившій

¹⁾ Рабъ, на обязанности котораго было вырывать волосы.

основаніемъ для этажерки, на которой лежали нѣсколько связокъ и папирусныхъ свитковъ.

На стѣнѣ, какъ разъ противъ полки для книгъ, висѣла карта, на которой расположеніе земель и воды было начерчено по Птоломею. На этой картѣ епископъ отмѣтилъ тонкой, но явственной чертой границы христіанскихъ церковно-приходскихъ округовъ: можно было видѣть, какъ были раздѣлены восточныя страны между Константинопольскимъ, Коринескимъ, Антиохійскимъ, Іерусалимскимъ и Александрійскимъ патріархатами и какъ они, тѣсно соприкасаясь другъ къ другу, составляли какъ бы совершенно отдѣльный край, тогда какъ остальные земли образовывали сплошное необъятное цѣлое, состоявшее изъ Италіи, Африки, Мавританіи, Испаніи, Галліи и Британіи, съ центромъ въ *Римѣ*.

Одно уже названіе Рима означало силу. Страшась свободомыслія, призракъ котораго проявлялся въ немъ, первый христіанскій императоръ переѣхалъ съ дворомъ въ новую столицу на Босфорѣ. Онъ расточалъ сокровища всего міра, чтобы придать этому своему творенію блескъ и величіе, которыми оно могло бы поспорить и даже превзойти древній городъ на Тибрѣ. Тысячи городовъ лишилъ онъ произведеній искусства, чтобы ими украсить свою новую столицу. Онъ называлъ свой городъ *Новымъ Римомъ*, чтобы онъ и по имени наслѣдовалъ величіе и почетъ древней столицы. Но въ народномъ воззрѣніи старый Римъ былъ и оставался столицей міра и, несмотря на всѣ старанія Константина, достоинство новаго Рима основывалось лишь на праздныхъ розказняхъ о томъ, что половина древнѣйшихъ сенаторскихъ и патриціанскихъ родовъ переселилась въ его стѣны. Такъ велико значеніе преданія, имени и привычки. Между прочимъ, именно благодаря отсутствію императора и удаленности двора, значеніе стараго Рима возрастало въ качествѣ резиденціи епископа.

Когда Петръ чертилъ линіи на картѣ, имъ руководила мысль, которая уже давно прояснилась въ его сознаниі: что ни Константинополь, ни Александрія или какой либо другой изъ восточныхъ патріархатовъ, а лишь Римъ будетъ призванъ служить средоточіемъ господства духовной власти, которая уже нынѣ охватывала землю, начиная отъ скиѣскихъ степей до океана. Не тамъ ли основалъ первую христіанскую церковь Петръ и не онъ ли считался ея первымъ епископомъ?

Аѳинскій епископъ остановился въ настоящую минуту, какъ сотни разъ прежде во время своихъ ночныхъ размышленій, передъ Птоломеевой картой и мысленно задалъ себѣ этотъ вопросъ.

Онъ думалъ:

„Уже Ириней признавалъ преимущество римскаго епископскаго престола передъ другими. Гордый Викторъ и рѣшительный Стефаній пытались съ давнихъ поръ сдѣлать его господствующимъ. А главнѣе всего, тоже самое сознавалось уже необъятнымъ большинствомъ челоуѣчества на западѣ. Взоры всѣхъ съ благоговѣніемъ обращались тамъ къ Риму. На этомъ народномъ представленіи покоилась власть, управлявшая имъ. Чего болѣе, если состоящій изъ различныхъ частей, поработенный востокъ

уже опасается главенства римскаго епископа? Гдѣ же, какъ не въ Римѣ, можетъ развиться та сила, которая должна спасти церковь отъ постыднаго подчиненія свѣтской власти.

Петръ отошелъ отъ карты, бросился въ кресло и углубился въ свой широко задуманный планъ. Единственный человѣкъ, котораго Петръ могъ опасаться, былъ твердый какъ желѣзо, неподатливый, умный и удивительный старикъ Аѳанасій изъ Александріи, но онъ думалъ, что взгляды Аѳанасія еще не обращался на Римъ.

Онъ, Петръ, сдѣлалъ уже шагъ къ достиженію своей цѣли. На суммы, ссуженныя изъ императорскаго казначейства, и на тѣ, которыя съ такимъ усердіемъ были собраны на дѣло обращенія въ христіанство готовъ, онъ снарядилъ двухъ миссіонеровъ, воспитанныхъ въ слѣпомъ повиновеніи, фанатично настроенныхъ молодыхъ homoіusіan'скихъ священниковъ и послалъ ихъ совѣтъ не къ варварамъ, а въ Римъ, для того чтобы они проповѣдывали homoіusіan'ство и дѣлали популярнымъ имя Петра въ римской имперіи.

Раскрытая на столѣ и освѣщенная лампадой книга была сочиненіемъ Тертуліана „De Carne Christi“. Петръ читалъ ее больше для того, чтобы изучить языкъ западной церкви, латынь, и выучиться у этого мастера слова сжато, нѣсколько необработанному, но сильному и увлекательному способу изложенія, для того чтобы воспользоваться имъ, какъ необходимымъ орудіемъ, для осуществленія плана, начертаннаго его честолюбіемъ, но искренно представлявшагося ему въ то-же время призваніемъ путемъ спасенія человѣчества отъ вѣчной муки. Эта софистика стоила Петру многихъ безсонныхъ ночей. Онъ боролся съ самимъ собой съ большимъ самоотверженіемъ и упорствомъ. Но тѣмъ непоколебимѣе и рѣшительнѣе онъ утверждался въ конечномъ выводѣ своей борьбы.

Свѣтъ луны, врывавшійся чрезъ окно, упалъ теперь прямо ему въ лицо. Онъ очнулся и вспомнилъ о ближайшей въ настоящую минуту своей обязанности. Онъ позвонилъ и тотчасъ же появился человѣкъ въ священническомъ одѣяніи.

Вошедшій былъ коренастый, широкоплечій мужчина, съ короткой шеей. Очень низкій лобъ образовывалъ свѣтложелтую полосу между двумя одинаково густо очерченными линіями: корнями волосъ и широкими сросшимися бровями. Онъ держалъ голову нѣсколько наклоненной, взглядывая на собесѣдника исподлобья.

Человѣкъ этотъ былъ ближайшій довѣренный Петра, пресвитеръ Евфимій.

Несмотря на безграничное къ нему довѣріе епископа, Евфимій, однако, никогда не забывалъ, что Петръ былъ его начальникомъ. Онъ не садился до тѣхъ поръ, пока епископъ не указывалъ ему на стулъ, и когда послѣдній предлагалъ ему вопросъ, онъ отвѣчалъ въ короткихъ, отчетливыхъ и словно рассчитанныхъ словахъ.

— Ты сегодня былъ у вдовы Аполлоніи? спросилъ епископъ.

— Я съ полчаса тому назадъ возвратился отъ одра ея болѣзни.

— Она умираетъ, достождно напутствуемая?

— Да.

— А ея завѣщаніе?

— Написано и засвидѣтельствовано въ законномъ порядкѣ.

— И ты ее теперь оставилъ одну съ наслѣдниками?

— Меня смѣнилъ Григорій, который сидитъ теперь возлѣ ея постели. Она ни на минуту не должна оставаться одна... Надо полагать, къ утру она скончается.

— Дай мнѣ отчетъ о завѣщаніи по отдѣльнымъ его пунктамъ, сказалъ епископъ, не отрывая взгляда отъ пресвитера.

— Аполлонія завѣщаетъ церкви свой городской домъ, пусто-порожнее мѣсто на Пирейской улицѣ и свою усадьбу подлѣ Мелитскихъ воротъ, однимъ словомъ, почти все свое состояніе.

— Благочестивая и усердная женщина! Это тысячекратно воздастся ей. Но продолжай.

— Тебѣ, ея пастырю и духовнику, она оставляетъ свои наличныя деньги, а также все свое золото и серебро...

— Я недостойнъ такой щедрости, произнесъ епископъ, опуская взглядъ къ полу,—но что же далѣе, продолжай!

— Родственникамъ, а именно своей старшей сестрѣ, незамужней племянницѣ и пятилѣтнему племяннику, она оставляетъ все прочее свое движимое имущество: мебель, домашній скарбъ и одну рабыню.

— А тебѣ что? воскликнулъ епископъ не безъ нетерпѣнія въ голосъ, вновь становясь противъ Евфимія и устремляя на него пытливый взглядъ.

Тотъ вздохнулъ и отвѣчалъ.

— Ахъ, высокопреподобный братъ, твой ничтожный слуга смущенъ своей недостойностью. Но я не могъ даже и мечтать о такомъ счастьѣ. Мнѣ очень горько при одной лишь мысли, что ты можешь предполагать, будто я увѣщаньемъ или другимъ какимъ либо способомъ выманилъ что-либо у доброй вдовы въ ущербъ церкви или тебѣ, и что я изъ собственной выгоды...

— Хорошо, хорошо! воскликнулъ епископъ,—что получаешь ты по завѣщанію вдовы?

Священникъ отвѣтилъ новымъ вздохомъ:

— Благородная Аполлонія за ту ничтожную, но сердечную заботливость, которую я оказывалъ ей на одрѣ ея болѣзни, дѣлаетъ меня собственникомъ самой лучшей изъ ея драгоценностей—трехъ волосъ изъ бороды святого мученика Поликарпа, заключенныхъ въ хрустальный сосудъ.

— Зависти достойно!

— Но теперь поговоримъ о другомъ, сказалъ епископъ съ прояснившимся лицомъ, прохаживаясь взадъ и впередъ по узкой и длинной комнатѣ.—Ты долженъ былъ сегодня передъ обѣдомъ навѣстить еврея Баруха.

— Я его засталъ дома.

— И ты узналъ у него то, что мы хотѣли знать?

— Да, съ нѣкоторымъ трудомъ.

— Я говорилъ тебѣ, какимъ путемъ ты долженъ дѣйствовать, а я хорошо знаю твою догадливость. Какъ много ему долженъ Кармидъ?

Евфимій вынулъ изъ-подъ своего клобука бумагу и передалъ ее епископу, который пробѣжалъ ее глазами и замѣтилъ:

— Онъ ужасный мотъ. Такъ не можетъ долго продолжаться.

— То же самое я сказалъ Баруху.

— Какъ же онъ къ этому отнесся?

— Когда я указалъ на недостаточность обезпеченія, онъ поблѣднѣлъ.

— Та-акъ?

— Онъ теперь сильно прижметъ Кармиду.

— Прекрасно, добрыйшій Евфимій. Дѣйствительно ли Кармидъ участвовалъ въ этой поѣздкѣ въ обществѣ сластолюбца философа Аѳинагора?

— Да, его видѣли въ числѣ нѣсколькихъ другихъ потерянныхъ молодыхъ язычниковъ въ то время, когда они ночью или почти на разсвѣтѣ выходили изъ дома Аѳинагора.

— Прекрасно. Этотъ Аѳинагоръ является сѣятелемъ, а его влїяніе той бороздой, на которой возрастаютъ отчаяніе и мученія совѣсти. Но жатва, по волѣ Господней, собираетъ съ нея часто въ житницу христіанства чистое сѣмя. Пусть онъ хоть ради того продолжаетъ свою дѣятельность. Господь направитъ ее къ добру.

— Къ сожалѣнію, и проконсула замѣчали у Аѳинагора...

— Оставимъ проконсула въ сторонѣ, сынъ мой. У него есть свои недостатки, но вмѣстѣ съ тѣмъ у него также не мало достоинствъ. Вернемся къ Кармиду! Принесъ ли ты еще какія нибудь другія свѣдѣнія, которыхъ я требовалъ объ этомъ несчастномъ юношѣ?

— Незначительныя, отецъ мой.

— Я слушаю.

— Алкмена иногда разговаривала съ тѣмъ красивымъ рабомъ мальчикомъ, котораго онъ купилъ.

— Знаю.. за баснословную цѣну. Всѣ Аѳины говорили объ этомъ. Но дальше! Что же узнала Алкмена отъ этого мальчика?

— Только то, что его господинъ бываетъ необыкновенно грустнымъ, когда остается одинъ. Онъ тогда пьетъ ударяющее въ голову вино, не разбавляя его даже водой. Выдаются также дни, когда онъ запирается и не допускаетъ никого къ себѣ, кромѣ своего прислужника-раба. Онъ предается тогда горькимъ размышленіямъ и пьетъ непрерывно. Но, впрочемъ, вообще онъ избѣгаетъ одиночества и проводитъ дни въ необузданномъ обществѣ, приводя обыкновенно къ себѣ домой развратныхъ прелестницъ, Миро и Праксиною. Онѣ распоряжаются и властвуютъ, какъ госпожи, въ его домѣ, отдають приказанія рабамъ, задають пиры, переворачиваютъ тамъ все вверхъ дномъ и совершаютъ самыя отчаянныя сумасбродства. Я содрогаюсь при одной только мысли о подобной жизни, отецъ мой.

— И прекрасно дѣлаешь... Ты сейчасъ упомянулъ про молодую дѣвушку, которая состоитъ служанкой у дочери Хризанфа. Какъ зовутъ ее?

— Алкмена.

— Ты сегодня встрѣчался съ нею?

— Да. Она говорила, что испытываетъ угрызенія совѣсти вслѣдствіе необходимости скрывать свою вѣру и подчиняться языческимъ обычаямъ въ домѣ своего хозяина.

— Ты, конечно, успокоилъ ее увѣренъемъ, что она жертвуетъ собой для благой дѣли.

— Да, и я общалъ ей отпущеніе грѣховъ отъ самого тебя.

— Она его получить? Что она въ этотъ разъ сообщила тебѣ?

— Очень мало.

— Она ничего не говорила о таинственномъ исчезновеніи изъ Аѳинъ Хризанфаса съ дочерью?

— Алкмена пробовала выпытать что-нибудь объ этомъ у своей госпожи. Повидимому, эта была только увеселительная прогулка.

— А еще никого нѣтъ между гостями, посѣщающими Хризанфа, кому бы Герміона оказывала преимущественное расположеніе?

— Нѣтъ. Она совершенно серьезно увѣряла Алкмену, что хочетъ жить исключительно для своего отца.

— А что говоритъ она объ ея отношеніяхъ къ Кармиду?

— Хризанфъ запретилъ ему переступать порогъ.

— Это старая исторія...

— И Герміона запретила Алкменѣ даже произносить его имя.

— Это имѣетъ большое значеніе, пробормоталъ епископъ,—и, если я правильно сужу, это хорошій признакъ. Подобная женщина не легко забываетъ. Они съ дѣтства любили другъ друга... а Кармидъ, если онъ пожелаетъ, можетъ быть неострашимымъ. Евфимій, продолжалъ онъ громко,—эта Алкмена, повидимому, непригодна на своемъ посту.

— Нѣтъ, возразилъ Евфимій съ увѣренностью,—она необыкновенно умна и проникательна.

— И все-таки не въ состояніи добиться полного довѣрія своей госпожи?

— Я дамъ ей новую инструкцію...

— И именно по отношенію къ Кармиду!

— Да, отецъ мой.

— Не былъ ли открытъ какой нибудь слѣдъ этого младенца мальчика, брата Герміоны, который пропалъ шестнадцать лѣтъ тому назадъ изъ ихъ дома?

— Вѣроятно, нѣтъ. Хризанфъ до сихъ поръ горюетъ о немъ. По словамъ Алкмены, онъ является предметомъ моленій, которыя отецъ и дочь каждый вечеръ возносятъ своимъ безсильнымъ богамъ, и Герміона никогда не забываетъ рассказать Алкменѣ, если она ночью во снѣ видѣла своего брата. Для нея это самое пріятное сновидѣніе.

— Алкмена это рассказывала?

— Да, это ея слова.

— Не былъ ли ты еще послѣ того сегодня утромъ у Θεодора?

— Нѣтъ, съ тѣхъ поръ какъ я относилъ къ нему пищу, я не былъ у него.

— Его упорство причиняетъ мнѣ глубокое огорченіе. Я, однако, думаю, что оно будетъ сломлено тѣмъ средствомъ, къ которому мы теперь прибѣгли.

— Онъ богохульствовалъ еще сегодня утромъ, отецъ мой.

— Съ тѣхъ поръ прошло уже пятнадцать часовъ. Эти часы, должны были казаться ему долгими. Онъ, по всей вѣроятности, уже опомнился. Когда ты завтра рано утромъ навѣстишь его въ заключеніи, то поставь передъ рѣшеткой его двери кружку съ водой такъ, чтобы онъ видѣлъ ее, но не могъ-бы достать. Да накажетъ меня Господь, если я не задавлю крамольный духъ въ этомъ порочномъ сынѣ.

— Аминь! пробормоталъ Евфимій

— Вечеръ давно уже прошелъ. Ступай на покой, другъ мой. Но увѣдомь передъ тѣмъ Клеменса, что я готовъ.

— Будетъ исполнено. Желаю тебѣ доброй ночи, отецъ мой! Евфимій исчезъ за дверью.

Глава VIII. Около кладбища.

Спустя часъ черезъ внутренній дворъ прокрались двѣ тѣни, укутанныя въ плащи, и вышли черезъ вестибюль на улицу Керамикъ. То были епископъ и молодой причетникъ.

Длинная улица тянулась на югъ къ площади, а на сѣверѣ кончалась у Дипилъ, или двойныхъ воротъ, у которыхъ помѣщалось знаменитое кладбище. Черезъ лѣвую арку двойныхъ воротъ былъ выходъ на такъ называемую священную дорогу, которая вела въ Елевзинъ; черезъ правую арку виднѣлась прямая, тѣнистая, усаженная оливковыми деревьями и платанами дорога, ведущая къ Академіи и къ садамъ платоновскихъ философовъ.

Дорога была еще оживлена гуляющими, которыхъ манилъ пріятный воздухъ и восхитительное лунное освѣщеніе. По мѣрѣ удаленія по ту сторону храма Тезея толпа постепенно рѣдѣла, а еще далѣе ночная тишина уже нарушалась только бряцаньемъ оружія и шагами проходившаго патруля. Петръ и Клеменсъ вошли въ правую арку, миновали часовыхъ легіонеровъ и повернули направо въ желѣзные рѣшетчатые ворота, ведущія на кладбище.

Клеменсъ, проходя по той части кладбища, которое принадлежало христіанамъ, перекрестился и прочелъ молитву. Кладбище это было полно прелести и высокихъ воспоминаній. Здѣсь почивали величайшіе мужи Эллады и всего человѣчества и рядомъ тысячи юношей, которыхъ древніе Аѣины вырастили въ красотѣ и радости для того, чтобы они нашли себѣ преждевременную геройскую смерть.

Храмоподобныя развалины и разбитыя колонны поднимались надъ темными группами лавровъ и кипарисовъ, подъ сѣнью которыхъ виднѣлись надгробныя памятники и полуоткрытые безмолвные гроты, украшенные урнами и изваяніями. Керамикъ былъ какъ-бы высѣченной на мраморѣ исторіей Аѣинъ. Самый этотъ упадокъ, въ которомъ находилось кладбище, царившее здѣсь запустѣніе, эти заросшія сорной травой дорожки, наклонившіяся надгробныя плиты съ вырѣзанными на нихъ надписями, эти разбитые барельефы и низверженные статуи говорили, казалось, языкомъ старинныхъ лѣтописей. Изъ-за городской стѣны, прилегав-

шей съ одной стороны къ площади, взирали на кладбище посеребренные луной высокій Акрополь съ исполинской статуей Паллады Аѣины, циклопскія стѣны и высокіе портики храма.

— Отецъ, произнесъ Клеменсъ, слѣдуя торопливо за Петромъ, — эти мертвые, которые покоятся здѣсь, были язычниками, но было же между ними немало и такихъ, которые искали истиннаго пути?

— Разумѣется, отвѣчалъ Петръ, — это стремленіе было самой природой начертано въ сердцахъ ихъ.

— И не думаешь ли ты, спросилъ Клеменсъ, бросая грустный взглядъ на мраморныя развалины, виднѣвшіяся сквозь листву деревьевъ, — не думаешь ли ты, что со смертію Искупителя и они могутъ достигнуть спасенія?

— Полагаю, отвѣчалъ епископъ. — Когда Христосъ послѣ смерти снишелъ во адъ, онъ проповѣдывалъ спасеніе душамъ язычниковъ.

— О, милость Господня! Онъ не отвергъ дѣтей своихъ! И потерянные могутъ возвратиться въ его Отчее лоно.

Юноша глубоко вздохнулъ и смолкъ.

— Сынъ мой, быть можетъ, ты вспоминаешь въ настоящую минуту своего земного отца, того невѣдомаго, который далъ тебѣ жизнь?

— Да, ты самъ навелъ меня на эту мысль, когда вечеромъ заставилъ меня написать завѣщаніе.

— Ты, безъ сомнѣнія, удивляешься, что я увѣщевалъ тебя его составить?

— Да, что могу я завѣщать? Вѣдь я же пришелъ съ пустыми руками изъ Антиохіи, когда ты съ отеческой добротой указалъ мнѣ, какъ, на выходъ, на возможность подготовить себя занятіями къ духовному званію. Все, что у меня теперь есть, все получилъ я отъ тебя. Ты принялъ меня, когда я былъ безпомощнымъ, брошеннымъ, голодающимъ ребенкомъ. О, моя бѣдная, бѣдная мать.

Клеменсъ погрузился въ мысли объ этой матери, которую онъ вовсе не зналъ, объ этой женщинѣ, которая въ состояніи была совершить самое ужасное и противоестественное преступленіе: покинуть своего безпомощнаго ребенка. Онъ остановился и залился слезами. Епископъ схватилъ его за руку и сказалъ:

— Дорогой мой Клеменсъ, постарайся остудить свои чувства! Не думай болѣе о ней! Она этого недостойна. Даже тигрица любить своего дѣтеныша и защищаетъ его, рискуя жизнью.

— Не говори такъ, отецъ мой, съ мольбой произнесъ молодой причетникъ и обратилъ къ нему глаза, полные слезъ. — Я не знаю жизни и человѣческаго сердца, но я тѣмъ не менѣе понимаю, что моя мать должна была быть глубоко несчастна, если въ душѣ ея могло зародиться такое ужасное рѣшеніе. Неужели ты думаешь, что она не проливала слезы, покидая меня? О, она плакала. Она обезумѣла въ ту минуту и не знала, что дѣлаетъ. Я думаю, я даже увѣренъ, что вскорѣ затѣмъ она возвратилась къ

тому мѣсту, гдѣ бросила меня, и пришла въ отчаяніе, не найдя меня тамъ.

— Вѣрь этому, Клеменсъ! Ты правъ. Такъ въ дѣйствительности, должно быть, все и произошло, замѣтилъ епископъ, желая его утѣшить.

— О, еслибъ я могъ увидѣть ее вновь! подумалъ Клеменсъ, вытирая слезы,—я бъ не сталъ ее упрекать, нѣтъ! Но какъ бы обрадовалась она, узнавъ, что сынъ ея живъ еще, что Господь сжалился надъ нимъ и надъ нею.

Епископъ продолжалъ:

— Я заставилъ тебя написать завѣщаніе, такъ какъ возможно, что твое происхожденіе выяснится. Пути Господни неисповѣдимы. Кто знаетъ, быть можетъ, ты окажешься наслѣдникомъ огромнаго состоянія?

Клеменсъ грустно улыбнулся при этомъ смѣломъ предположеніи.

— Подумай объ этой возможности! Завѣщаніе находится и должно оставаться въ твоихъ рукахъ. Ты имѣешь право уничтожить его, въ случаѣ если поддашься искушенію получить неожиданное богатство и раскаяешься въ томъ, что предоставилъ его на пользу церкви въ мое распоряженіе. Я теперь говорю лишь о возможномъ, сынъ мой; но кто горитъ любовью къ церкви, тотъ надѣется даже на невозможное и предусматриваетъ все, что можетъ принести ей пользу.

— Ахъ, къ чему ты отдаешь отчетъ въ твоихъ побужденіяхъ? Ты такъ же добръ, какъ уменъ и предусмотрителенъ. Это мнѣ извѣстно, и достаточно.

— Я также думалъ, продолжалъ епископъ,—о твоёмъ страстномъ желаніи разстаться со свѣтомъ. Ты тѣломъ слабъ, дитя мое. Ты не призванъ долго жить на этомъ свѣтѣ.

— Я надѣюсь на это и думаю объ этомъ съ радостью.

— Блаженъ тотъ, кто можетъ предстать къ престолу Всевышняго, предоставивъ другимъ тщету мірскую! Но и эта послѣдняя необходима. Церковь нуждается въ управителѣ и защитникѣ. Я стремлюсь, какъ и ты, отъ этихъ различныхъ дѣлъ, этихъ споровъ и борьбы, къ тихому размышленію и терпѣливому бдѣнію. Но борьба—мой долгъ и, пока рука моя въ состояніи держать мечъ я буду бороться, ибо враги истины многочисленны и опасны.

Они вышли съ кладбища. Передъ ними растилалась теперь ясно освѣщенная луной равнина, упиравшаяся направо въ рядъ холмовъ, по которымъ, изгибаясь, тянулась опоясывавшая городъ свѣтло-сѣрая стѣна.

Посреди поля виднѣлся какой-то движущійся предметъ, похожій на человѣка.

Предметъ этотъ былъ дѣйствительно человѣкъ—старикъ, съ совершенно оголенной головой и съ длинной, вьющейся сѣдой бородой. Онъ, согнувъ колѣни, сидя на возвышеніи, нагнулся надъ глубиной и держалъ въ рукѣ веревку, какъ будто хотѣлъ измѣрить разстояніе до земли.

Но въ дѣйствительности онъ не имѣлъ такого намѣренія.

Ниже стояли три женщины, изъ которыхъ двѣ пытались одна оттолкнуть другую, въ то же время наперерывъ стараясь нацѣпить свою корзинку на желѣзный крюкъ, привязанный къ опущенному концу веревки.

— Благочестивый старецъ, кричала одна изъ нихъ старику, — это только хлѣбъ и ..

— Прочь съ дороги, восклицала другая, — Какъ ты, еретичка, еще смѣешь предлагать святому старцу...

Новый толчокъ первой прервалъ ея рѣчь.

— Это я, Табита, жена Батилла, продавца масла, которая такъ часто приходитъ къ тебѣ. Здѣсь только хлѣбъ и нѣсколько капель вина...

— Она тебѣ ядъ предлагаетъ. А я, Анастасія, правовѣрная Анастасія... Прочь съ дороги, змѣя!

Въ это время подошла третья женщина на помощь своей подругѣ и вырвала у Табиты корзинку. Анастасія такимъ образомъ успѣла нацѣпить свою, которая тотчасъ же была подтянута вверхъ.

— Что! побѣдоносно крикнула Анастасія Табитѣ, которая поспѣшно бросилась поднимать маленькую бутылку съ виномъ, вывалившуюся во время возни изъ корзинки въ траву, — что получила за труды? Зачѣмъ принесла сову въ Аѣины, а сѣно въ Мегару? ¹⁾ Что теперь скажешь?

Старикъ наверху опорожнилъ тѣмъ временемъ поднятую корзинку и бросилъ ее внизъ.

— Улетайте отсюда прочь, болтливыя сороки, крикнулъ онъ сердитымъ и сирымъ голосомъ на спорящихъ женщинъ, — а то... а то...

— Пойдемъ, сказала подруга Анастасіи, хватая ее за руку; — не будемъ его долѣе беспокоить. Онъ гнѣвается, а ты знаешь, что онъ тогда говорить страшныя слова.

Угроза старика подѣйствовала, ссорящіяся быстро разошлись. Анастасія взяла на руку свою пустую корзинку и пошла со своей товаркой къ городу, выбравъ самую дальнюю дорогу, чтобы не подходить близко къ могиламъ язычниковъ. Табита со своей полной корзинкой, огорченная, направилась, къ покрытымъ оливковыми деревьями холмамъ въ глубинѣ долины, между которыми была расположена убогая хижина ея мужа, Батилла.

Петръ сдѣлался аѣинскимъ епископомъ приблизительно года четыре тому назадъ. Вскорѣ послѣ того онъ приказалъ взять изъ одного языческаго храма высокій кусокъ мрамора и поставить въ полѣ передъ городской стѣной, неизвѣстно для какой цѣли. Двое юношей, проходившіе въ Академію, чтобы слушать тамъ Хризанфа, были однажды утромъ поражены, увидѣвъ на этомъ обломкѣ мрамора что-то шевелящееся. Удивленные они подошли поближе и убѣдились,

¹⁾ Сова особенно почиталась въ Аѣинахъ, такъ какъ была посвящена Аѣинѣ Палладѣ, покровительницѣ города. Сова считалась предвѣстницей счастья и побѣды. Такъ какъ совъ въ Аѣинахъ было множество, то существовала пословица: «нести сову въ Аѣины», т. е. дѣлать что-нибудь бевполезное; то же самое означало: «неси сѣно въ Мегару».

что это былъ старикъ, который, обратившись лицомъ къ восходящему солнцу, то поднимался съ колѣнъ, то опять становился на колѣни. Онъ продолжалъ это дѣлать все время, пока они наблюдали его. Юноши, не заходя въ академію, тотчасъ же возвратились торопливо въ городъ и рассказали о томъ, что видѣли. Слухъ съ невѣроятной быстротой распространился между любопытными и подвижными городскими жителями и, въ продолженіе дѣлаго дня, черезъ двойныя ворота устремлялись христіане, смѣшавшись съ язычниками, чтобы посмотреть на это новое явленіе. Всѣ толкались, торопясь, чтобы не опоздать; равнина наполнилась пестрой смѣшанной толпой пѣшихъ, ѣдущихъ, верховыхъ и въ носилкахъ, гражданъ, чужеземцевъ, солдатъ, дѣтей и женщинъ. Но торопливость оказалась совершенно излишней. Даже въ обѣденную пору оставалось это длиннобородое, удивительное и невѣдомое существо на томъ же странномъ мѣстѣ и продолжало съ небольшими промежутками времени свои однообразныя движенія. Старикъ, повидимому, не замѣчалъ тысячной толпы, рассматривавшей его со смѣшаннымъ чувствомъ любопытства, удивленія и опасенія. Но его лицо теперь уже было обращено къ югу, откуда полуденное солнце бросало свои жгучіе лучи.

Кто онъ былъ? Болѣе суевѣрные изъ язычниковъ сомнѣвались, чтобы онъ былъ человѣкомъ; они принимали его за ужасное предзнаменованіе, которое предвѣщало самыя страшныя бѣдствія, за свѣтовое явленіе, показавшееся, чтобы вскорѣ вновь исчезнуть. Но ключъ къ загадкѣ былъ скоро найденъ.

Человѣкъ на колоннѣ былъ христіанскимъ аскетомъ, однимъ изъ тѣхъ удивительныхъ самоистязателей, которые выводили пониманіе христіанства изъ сравненія съ вѣроученіемъ Индіи о нирванѣ, — одной изъ тѣхъ душъ, которыя, потрясенныя до глубины противоположностью духовныхъ и тѣлесныхъ силъ, стремились къ душевному совершенству путемъ умерщвленія плоти, — быть можетъ, однимъ изъ тѣхъ, которые, желая такимъ образомъ искоренить въ себѣ чувственныя проявленія, свои страсти, въ то-же время видѣли въ этихъ тѣлесныхъ мученіяхъ единственное спасеніе отъ сжигающаго ихъ пламени раскаянія въ своей грѣховности, и которые, съ особеннымъ воодушевленіемъ, слѣдовали по этому пути, разнообразя свои мученія, и увлекали на поклоненіе изумленную толпу.

Аскетъ пользовался въ настоящее время широкой извѣстностью. Многіе паломничали сюда изъ далекихъ восточныхъ и западныхъ странъ чтобы видѣть его и получить его благословеніе. Говорили, что онъ ежедневно дѣлаетъ тысячу поклоновъ. Четыре лѣта солнце своими палящими лучами жгло ему темя, четыре зимы вокругъ него ревѣли снѣжныя бури. Онъ былъ одѣтъ въ медвѣжью шкуру и опоясанъ бичевкой; вся его утварь состояла изъ веревки, съ помощью которой онъ поднималъ къ себѣ пищу, приносимую богомольными городскими женщинами. Онъ былъ гордостью христіанскаго населенія; обѣ враждебныя религіозныя партіи, homousian'e и homoiou-sap'e, спорили о чести считать его своимъ сторонни-

комъ и руководителемъ; обѣ указывали на него, какъ на чудо и украшеніе Аѳинъ. Язычники, напротивъ того, питали отвращеніе къ аскету, послѣ того какъ онъ пересталъ служить предметомъ ихъ любопытства.

Но если аскетъ былъ нечувствителенъ къ силамъ природы, онъ далеко не оставался равнодушнымъ къ поклоненію, которое ему оказывали, ибо въ тѣ дни, когда много стекалось чужестранцевъ поглазѣть на него, онъ бывалъ особенно милостивъ къ благочестивымъ женщинамъ, приносившимъ ему хлѣбъ, вино и воду; обыкновенно же онъ бывалъ къ нимъ днемъ мало внимателенъ и лишь по вечерамъ, послѣ захода солнца, позволялъ себѣ говорить съ ними, обращаясь къ нимъ съ безсвязными словами и ужасными угрозами.

Ночь предоставлялъ аскетъ самому себѣ. Эти часы были ему необходимы, чтобы собрать силы для страданій на слѣдующій день. Послѣ того, какъ онъ въ полночь пѣлъ свою вечернюю молитву, никто не смѣлъ болѣе приближаться. Казалось, онъ стыдился своей зависимости отъ того закона природы, который устанавливаетъ соотвѣтствіе между отдыхомъ и движеніемъ, сномъ и бодрствованіемъ. Сонъ его былъ болѣе чутокъ, чѣмъ сонъ птицы, и онъ просыпался ночью при каждомъ шумѣ шаговъ случайнаго прохожаго и всегда былъ готовъ послать ему вслѣдъ свое ужасное проклятіе. Поэтому язычники такъ же, какъ и христіане, избѣгали проходить ночью вблизи.

Послѣ того, какъ удалились всѣ три женщины, епископъ и причетникъ, приблизившіеся въ это время, услышали какъ старецъ, усѣвшійся теперь, чтобы поужинать, издалъ вдругъ звукъ, похожій на карканье; звукъ этотъ повторился въ ближней рощѣ по ту сторону рѣки. Черезъ минуту показалась надъ рощей большая, черная птица, направившая свой полетъ къ старцу и, хлопая крыльями, она стала кружиться надъ нимъ, словно желая, но не рѣшаясь, опуститься.

— Лети-же сюда, мой воронъ! раздался сильный голосъ аскета. Ну садись-же и получай свой ужинъ. Лети-же, лети, мой воронъ.

Воронъ отвѣчалъ на эти слова грустнымъ и недовѣрчивымъ карканьемъ, но продолжалъ хлопать крыльями, летая вокругъ аскета, въ то время какъ аскетъ манилъ его, протягивая руку съ кусочкомъ хлѣба.

— Не бойся! Я не сержусь на тебя болѣе. Я не скручу тебѣ шею. Садись сюда!

Повидимому, тонъ, которымъ были произнесены эти увѣщанія, подѣйствовалъ на ворона. Онъ сѣлъ, но тотчасъ же отпрыгнулъ назадъ, взмахнулъ крыльями и издалъ хриплый звукъ, какъ только аскетъ протянулъ руку, чтобы его поймать. Его недовѣріе еще не было окончательно побѣждено. Но послѣ того, какъ аскетъ, отказавшись отъ своей попытки, отвернулся, чтобы продолжать свою трапезу, въ птицѣ постепенно стало восстанавливаться довѣріе къ доброжелательству ея господина. Она сперва приблизилась, затѣмъ рѣшительно вскочила на колѣни къ старцу и съ большой жадностью приняла участіе въ ужиноу, позволяя ему свободно гладить свою черную, какъ уголь, блестящую спину.

— Ты цѣлый день пронадалъ, сидѣлъ злой и надутый тамъ на деревѣ, говорилъ старецъ съ дружественнымъ упрекомъ въ голосъ.—Правда, я тебѣ очень строго пригрозилъ вчера, но вѣдь ты такъ глухъ, непонятливъ, что у меня является желаніе скрутить тебѣ шею. Два цѣлыхъ года ты уже въ школѣ и до сихъ поръ еще не заучилъ имени Ельпеника.

Воронъ старца былъ столько же извѣстенъ, какъ и онъ самъ. Христіане говорили, что птицѣ болѣе ста лѣтъ, и между ними носился слухъ, что однажды благочестивыя женщины, живущія близъ двойныхъ воротъ, не вспомнили о старцѣ и тогда воронъ принесъ ему пищу, какъ въ старину это случалось съ великимъ пророкомъ Іліей. Быть можетъ, онъ дѣйствительно былъ старымъ отшельникомъ, Маеусайломъ въ своемъ долго живущемъ роду, нерезившимъ всѣхъ своихъ современниковъ въ вороньемъ мірѣ, съ которыми провелъ юные годы на утесахъ и въ рощахъ Кефиса¹⁾, и долгое время проживалъ въ грустномъ одиночествѣ, пока не нашелъ себѣ, наконецъ, друга, во многомъ походившаго на него самого и къ которому его влекло сочувствіе, кроткая, неотразимая сила, указывающая каждому сердцу, даже одинокому, холодному ч очерствѣлому, предметъ, на который оно можетъ обратить свою, еще не утраченную нѣжность.

Аскетъ тотчасъ прервалъ свой откровенный разговоръ съ ворономъ, какъ только чуткимъ слухомъ уловилъ звуки приближающихся по травѣ шаговъ. Онъ сидѣлъ, обернувшись лицомъ къ покрытымъ оливковыми деревьями холмамъ, видѣвшимся въ глубинѣ картины. Теперь онъ быстро обернулся.

Воронъ перелетѣлъ къ нему на плечо.

Старецъ разсердился, что его потревожили во время трапезы. Хотя онъ еще не пропѣлъ своего вечерняго псалма, но уже наступала глубокая ночь и ему хотѣлось остаться наединѣ.

Поэтому онъ закричалъ подходившимъ:

— Прочь, прочь, прочь, говорю я!

Но когда тѣ все-таки приближались, его глаза закрылись и онъ произнесъ съ ироніей:

— Приидите, дѣти мои, прійдите и слушайте! Почему ухо прикрѣплено къ головѣ? Вырви ухо, глупый человѣкъ, и пригвозди его къ своей груди.

Эти слова служили введеніемъ къ тѣмъ безвязнымъ проповѣдямъ о наказаніи, которыми онъ пугалъ случайныхъ прохожихъ, имѣвшихъ неосторожность приблизиться къ колоннѣ не въ урочное время.

Но аскетъ сразу умолкъ, услышавъ хорошо знакомый голосъ, говорившій ему:

— Отче, не сердчай. Это я, Петръ, пришелъ къ тебѣ.

— А, это ты, епископъ Петръ... А!

— Я исполнилъ твое желаніе и привелъ къ тебѣ Клеменса.

— Кто это такой Клеменсъ?

¹⁾ Кефисъ — главнѣйшая рѣка въ Атикѣ.

— Ты его знаешь, отецъ.

— Клеменса? Нѣтъ.

— Клеменсъ это мой маленькій пріемный сынъ, о которомъ я тебѣ однажды говорилъ и котораго ты пожелалъ видѣть.

— А, знаю теперь.

— Онъ пришелъ просить твоего благословенія.

Старецъ устремилъ свой взглядъ на молодого спутника епископа, который, откинувъ назадъ кашпонтъ, открылъ въ это время свою голову съ длинными волнистыми свѣтло-каштановыми волосами. Аскетъ поднялся на колѣни, провелъ задумчиво рукой по бородѣ и оглядѣлся пытливымъ взглядомъ на всѣ четыре стороны; затѣмъ схватилъ свою веревку и укрѣпилъ ея конецъ къ одному изъ выступающихъ угловъ мраморнаго обломка.

Сонный воронъ, встревоженный этимъ движеніемъ, встрепенулся, вспорхнулъ и полетѣлъ, тяжело махая крыльями, къ ближайшему мѣсту на полуобвалившейся городской стѣнѣ, гдѣ и усѣлся подъ тѣнью миртоваго куста, уткнувъ подъ крыло голову.

Въ воцарившейся тишинѣ издали слышались мелодичные звуки, и на рѣкѣ, посеребренной луннымъ свѣтомъ, показалась приближающаяся лодка.

Въ это мгновеніе подвижникъ схватился обѣими руками за веревку, быстро сползъ и сталъ спускаться на землю.

Черезъ минуту онъ уже стоялъ или, вѣрнѣе, сидѣлъ, скорчившись, около колонны передъ епископомъ и причетникомъ; въ этомъ послѣднемъ къ чувству благоговѣнія, которое онъ питалъ къ аскету, теперь, когда онъ увидѣлъ его вблизи, примѣшивался невольный ужасъ. Солнце сожгло и вѣтры высушили это существо почти въ скелетъ, обтянутый лишь черно-бурой кожей; жилы были натянуты, какъ струны, и шевелились на подобіе кучи червей, когда напрягались отъ протекавшей по нимъ крови, разливавшей еще жизнь въ этомъ ужасномъ тѣлѣ. Глаза глубоко ввалились и вокругъ нихъ образовались темно-коричневые круги. Старецъ сидѣлъ въ полусогнутомъ положеніи, подогнувъ подъ себя ноги и опираясь на длинные, обросшія волосами руки, однѣ только не прикрытыя медвѣжьей шкурой.

Петръ съ благоговѣніемъ приложился къ его бородѣ и колѣнямъ, шепнувъ ему приэтомъ на ухо:

— Отче, попридержи свой языкъ.

Дико блестящіе глаза аскета выразили сознательность и тайнственность. Онъ кивнулъ головой и обратилъ свой взглядъ на Клеменса.

— Подойди ко мнѣ! Не бойся! привѣтливо произнесъ онъ.

Клеменсъ повиновался. Онъ приблизился съ глубокимъ благоговѣніемъ и сказалъ, склонивъ голову:

— Благослови меня, отче!

Въ это мгновеніе мѣсяцъ освѣтилъ красивое, свѣтлое и пріятное лицо юноши и удивительно некрасивое, устрашающее лицо старика... Старикъ положилъ ему на кудри одну руку, въ то-же время другой сморщенной, съ длинными на пальцахъ ногтями, гладилъ его по щекѣ. Для Клеменса не существовало ничего страннаго во всемъ этомъ. Въ его глазахъ старикъ былъ прекрасенъ.

Къ свѣдѣнію гг. подписчиковъ:

1) Подписавшіеся на журналъ черезъ книжные магазины—съ своими жалобами на неисправность доставки, а также съ заявлениями о перемѣнѣ адреса благоволятъ обращаться непосредственно въ редакцію—*Петербургъ, Милліонная, 34.*

Книжные магазины только передаютъ подписныя деньги въ редакцію и не принимаютъ никакого участія въ экспедиціи журнала.

2) Жалобы на неисправность доставки, согласно объявленію почтамта, направляются въ контору редакціи не позже, какъ по полученіи слѣдующей книжки журнала.

3) При заявленіяхъ о неполученіи книжки журнала, о перемѣнѣ адреса и при высылкѣ дополнительныхъ взносовъ по разсрочкѣ подписной платы, **необходимо прилагать печатный адресъ**, по которому высылается журналъ въ текущемъ году, или сообщать его копію.

Не сообщающіе своего печатнаго адреса затрудняютъ наведеніе нужныхъ справокъ и этимъ замедляютъ исполненіе своихъ просьбъ.

4) При каждомъ заявленіи о перемѣнѣ адреса слѣдуетъ прилагать 40 коп. почтовыми марками.

5) Перемѣна адреса должна быть получена въ конторѣ редакціи **не позже 1-го числа каждаго мѣсяца**, чтобы ближайшая книга журнала была направлена по новому адресу.

6) Лица, обращающіеся съ разными запросами въ контору редакціи, благоволятъ прилагать почтовые бланки или марки для отвѣта.

Къ свѣдѣнію авторовъ статей:

1) Редакція открыта для объясненій ежедневно, кромѣ праздничныхъ дней, отъ 3 до 5 час. дня.

2) На отвѣтъ редакціи по поводу присланной статьи, а также на случай возвращенія рукописи должны быть приложены марки.

3) Заявленія объ отдѣльныхъ оттискахъ должны быть дѣлаемы одновременно со сдачею рукописи въ редакцію.

4) За статьи безъ обозначенія гонорара таковой назначается по усмотрѣнію редакціи.

5) Уплата гонорара производится исключительно по напечатаніи статьи.

6) Всѣ переводныя статьи и сочиненія считаются полной собственностью редакціи.

Отъ конторы редакціи:

Всѣ уплаты гонорара, по счетамъ и т. п., производятся ежедневно, кромѣ праздниковъ, между 15 и 20 числомъ каждаго мѣсяца, въ конторѣ редакціи (Милліонная, 34), между часомъ и четырьмя дня.

Редакторъ-издатель С. С. Сухонинъ принимаетъ для личныхъ объясненій по субботамъ отъ 7 1/2 до 9 ч. веч.

Контора открыта ежедневно, кромѣ праздниковъ, отъ 12 час. до 4 час. дня.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1901 ГОДЪ НА

ВѢСТНИКЪ ВСЕМІРНОЙ ИСТОРИИ

НОВЫЙ ЖУРНАЛЪ ИСТОРИЧ. ЛИТЕРАТУРЫ И НАУКИ
(ВТОРОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

Первое въ Россіи, общедоступное, ежемѣсячное иллюстрированное историческое изданіе, посвященное ознакомленію русскаго общества съ общимъ ходомъ исторіи, съ точки зрѣнія идеи прогресса.

ЗАДАЧИ ИЗДАНІЯ: Путемъ широкой аналогіи развѣтить преемственность историческихъ явленій въ жизни народовъ, научно объяснить и художественно воскресить вѣчно живые образы прошлаго, установить связь прошедшаго съ настоящимъ и отмѣтить великія завоеванія человѣчества въ безсмертной области духа, красоты и правды. *Исторія продолжается* и въ началѣ новаго вѣка, можетъ быть, болѣе чѣмъ когда-либо необходимо искать въ прошломъ разгадку сложнѣйшихъ проблеммъ современности.

ВЪ ЖУРНАЛѢ УЧАСТВУЮТЪ: Н. П. Аксаковъ, В. А. Апушкинъ, К. И. Арбакинъ, кн. В. В. Барятинскій, В. П. Батуриискій, В. О. Боцяновскій, В. П. Бурдесъ, кн. Д. П. Голицынъ (Муравлинъ), М. В. Головинскій, проф. А. К. Гольмстедтъ, В. М. Грибовскій, И. А. Гриневская, академикъ И. П. Ждановъ, проф. О. Ф. Заминскій, проф. И. И. Ивановъ, проф. гр. Л. А. Камаровскій, проф. А. А. Канкштейнъ, проф. П. И. Кирпичниковъ, Д. О. Кобеко, проф. П. И. Ковалевскій, проф. Н. М. Коркуновъ, Иосибуми - Куроно (лек. японскаго языка петерб. унив.), В. П. Лебедевъ, проф. Н. П. Лихачевъ, С. В. Любимовъ, Г. О. Львовичъ, М. Н. Манасъ, А. А. Мироновъ, Д. Л. Мордовцевъ, И. С. Морозовъ, Ф. К. Нессетовскій, В. Н. Никитинъ, Н. К. Никифоровъ, В. П. Панаевъ, пр.-доц. В. И. Перель, проф. С. О. Платоновъ, проф. Э. Л. Радловъ, проф. М. А. Рейснеръ, В. Я. Святловъ, проф. Н. И. Стороженко, А. П. Субботинъ, А. И. Суворовъ, Я. Г. Эзерскій, А. В. Тавастийерна, К. А. Тепловъ, проф. А. С. Тимежскій, А. И. Фаресовъ, пр.-доц. А. С. Хазановъ, П. А. Шафрановъ, А. Ф. Шидловскій, Н. К. Шильдеръ, проф. И. А. Шляпкинъ, Н. К. Ядринцевъ, З. Ю. Яковлева, Г. Г. Ясинскій (Максимъ Бѣлинскій) и др.

Журналъ выходитъ ежемѣсячно послѣ 10 числа каждаго мѣс.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА на годъ (съ декабря по декабрь) съ дост. и перес. **6 р.**, на полгода **3 р.** и за границу **9 р.** **ПОДПИСКУ ПРИНИМАЮТЪ ВСЕ КНИГОПРОДАВЦЫ.** Для ознакомленія мѣсячная подписка съ платой по 50 коп. въ мѣсяцъ.

ВЪ МОСКВѢ подписку принимаютъ, кромѣ другихъ книгопродавцевъ, контора Н. Печковской — Петровскія линіи, и магазинъ „Книжное Дѣло“ — Моховая, д. Бенкендорфа.

Примѣчаніе. Подписка на первый годъ изданія прекращена и небольшое количество оставшихся комплектовъ за прошлый годъ высылается по цѣнѣ 7 руб. за годичный экземпляръ съ платой за пересылку по разстоянію.

Контора и редакція на **МИЛЛЮННОЙ УЛ., Д. 33, С.-ПЕТЕРБУРГЪ.**

Редакторъ-издатель **С. СУХОНИНЪ.**